

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»



ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научное издание

8 (2014)

Екатеринбург 2014

УДК 400
ББК Ш100.3
Л59

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

доктор филол. наук, профессор А. П. ЧУДИНОВ

Выпускающий редактор:

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

Редакционная коллегия:

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА

кандидат филол. наук, доцент С. А. ЕРЕМИНА

кандидат филол. наук, доцент Е. В. ДЗЮБА

кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ :

Л59 Ежегод. сб. науч. тр. / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» — Электрон. науч. ежег. — Екатеринбург, 2014. — Вып. 8. — 173 с. — Режим доступа: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=categories&id=217&Itemid=243.

Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвокультурологии, в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Журнал предназначен для ученых-языковедов всех специальностей, он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами языка и культуры.

Статьи выходят в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

УДК 400
ББК Ш100.3

Научное издание
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
ВЫПУСК 8

© ФГБОУ «УрГПУ», 2014
© Лингвокультурология, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеева А. А.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» В
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ6

Андрющенко О. К.

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ЭЛЕКТОРАТА В ПРЕДВЫБОРНЫХ ЛИСТОВКАХ ПАВЛОДАРСКОГО
ПРИИРТЫШЬЯ.....11

Бушев А. Б.

РЕФЛЕКСЫ ХРИСТИАНСТВА В ЯЗЫКЕ И МЕНТАЛИТЕТЕ15

Воркачев С. Г.

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ27

Гаранина Е. П.

КОНЦЕПТ «ТВОРЧЕСТВО» В ЛИРИКЕ А. Н. МАЙКОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА «EXCELSIOR»).....38

Головушкина М. В., Воячек О. С.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ МЕЖТЕКСТОВЫХ ПОВТОРОВ В ТВОРЧЕСТВЕ
АНТУАНА ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ42

Горская М. Д., Еремина С. А.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА УЧЕНОГО В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-НОВОСТЕЙ BBC)46

Гурова Н. В.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ В РИТОРИКЕ СОВРЕМЕННЫХ
ГЛАВ ПРАВИТЕЛЬСТВА ИСПАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ
М. РАХОЙ БРЕЙ И Х. Л. РОДРИГЕС САПАТЕРО)53

Дзюба Е. В.

КАТЕГОРИЯ *ФРУКТЫ* В НАУЧНОЙ, ТОРГОВОЙ, КУЛИНАРНОЙ И БЫТОВОЙ
КАРТИНАХ МИРА62

Ермейчук Н. А.

СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ И ЭКСПРЕССИИ
В БИБЛЕЙСКОМ СЮЖЕТЕ69

Жикеева А. Р.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН74

Измайлова М. А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В НОВОМ ЗАВЕТЕ ПРИТЧЕВЫХ СТРУКТУР В КАЧЕСТВЕ СРЕДСТВА
ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЗНАНИЕ СЛУШАТЕЛЕЙ78

Ильина Е. В.	
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА <i>МОРЕ</i> В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	89
Керимов Р. Д., Федянина Л. И.	
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ПОГОДНОЙ МЕТАФОРЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ФРГ	94
Кондратьева О. Н.	
МЕТАФОРА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН	104
Косинова (Максимова) Л. В.	
СПЕЦИФИКА ЖАНРА «КИТАЙСКИЙ АНЕКДОТ»	107
Кручинкина Н. Д.	
ЗНАКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РАЗВИТИЯ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСЕМ	117
Лаппо М. А.	
ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ («РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ» АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ)	121
Меньшикова Е. Е.	
МЕТАФОРЫ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РЕКЛАМНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ	126
Михайлова Т. В., Михайлов А. В.	
РОДОВАЯ СЕМАНТИКА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ («СВЯТОРУССКОЕ ЦАРСТВО» И ЕГО ЯЗЫЧЕСКИЕ КОРНИ)	132
Островская Т. А.	
АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА <i>ГИБКОСТЬ МЫШЛЕНИЯ</i> В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ ДИСКУРСЕ ЭЛИТЫ	138
Петрова О. О.	
КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЗНАЧЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ СЛОВ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ КОНФЛИКТЫ ГОСУДАРСТВА».	142
Пименова З. П.	
ПУТЕШЕСТВИЕ/VOYAGE В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ	146
Струнина Н. В.	
ЦЕННОСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	150
Суюнова Г. С.	
ЯЗЫКОВОЙ ОБЛИК ПАВЛОДАРА (НА МАТЕРИАЛЕ СПОРТИВНЫХ ЭРГОНИМОВ)	154
Терских М. В.	
ИМАЖИТИВНАЯ РЕКЛАМА: ИЗМЕРЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕКЛАМЫ ПАРФЮМЕРНОЙ ПРОДУКЦИИ)	159
Терских М. В., Павчун М. Г.	
СПЕЦИФИКА МЕТАФОРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: ВИЗУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ	164

Чапаева Л. Г.

КОМПОНЕНТЫ РУССКОЙ *ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ* В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ
30-40-Х ГГ. XIX В.168

А. А. Алексеева

Новосибирск, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

АННОТАЦИЯ. Данная статья представляет собой попытку исследования текстов в социальной сети «ВКонтакте» с точки зрения наличия в них ошибок разного рода (структурно-логических и связанных с нарушением норм литературного языка). Названная социальная сеть является наиболее востребованной среди русскоязычного населения; в ней можно не только поддерживать личное общение, но и рекламировать свою деятельность, а также создавать группы по интересам. Авторы текстов, размещаемых «ВКонтакте», часто не являются профессиональными журналистами, копирайтерами и т. д. Поэтому проведенное пилотное исследование позволило получить представление о лингвистической компетенции среднестатистического пользователя Рунета – неспециалиста в области русского языка. В рамках исследования были выявлены такие структурно-логические ошибки в текстах, как непоследовательное оформление списков, связанное с нарушением логической последовательности и грамматической однородности пунктов, повтор мысли, пропуск логических звеньев, неясность изложения. Нарушение норм литературного языка выражается в наличии орфографических, пунктуационных, лексических и грамматических ошибок. Орфографические ошибки в основном связаны с нарушением правил слитного, раздельного, дефисного написания, с неправильным написанием производных предлогов и с неверным выбором строчной и прописной буквы. В числе наиболее часто нарушаемых правил пунктуации – правила, связанные с постановкой знаков препинания в простом предложении (лишние и недостающие знаки препинания при однородных членах и между подлежащим и сказуемым, неправильное обособление причастных и деепричастных оборотов, вводных слов и обращений). Кроме того, нарушаются правила пунктуации, характерные для сложных предложений (в связи с тем, что неправильно определяются границы частей предложения). Основные типы лексических ошибок – нарушение норм лексической сочетаемости слов и лексическая недостаточность высказывания, а грамматические ошибки часто связаны с неправильным выбором предложно-падежных форм. В результате подобных исследований, сделанных на более обширном материале, можно сформулировать рекомендации по совершенствованию школьной и вузовской программы по русскому языку, а также подготовить специальные учебные пособия и онлайн-курсы, нацеленные на повышение уровня владения русским языком.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная сеть; Рунет; ошибки; культура речи; методика преподавания.

Сведения об авторе: Алексеева Алина Алексеевна, канд. филол. наук, ассистент кафедры истории культуры гуманитарного факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Адрес: 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова – 2, к. 230а.

E-mail: alina.alexeeva@gmail.com.

A. A. Alekseeva

Novosibirsk, Russia

THE ANALYSIS OF THE TEXTS IN THE SOCIAL NETWORK VKONTAKTE IN LINGUODIDACTIC ASPECT

ABSTRACT. The article represents an attempt of analyzing texts in the social network Vkontakte from the point of view of various errors which they contain (structural and logical mistakes, as well as the errors connected with violation of literary language rules). Vkontakte is the most popular network with Russian speakers; it enables not only to keep in touch with your friends, but also to use it as an advertisement tool and to form communities of interest. Often the authors of texts in Vkontakte are not professional journalists, copywriters etc. That is why this pilot research allowed us to get the idea of linguistic competences of an average Runet user, who is not a specialist in Russian language. In the framework of this research such structural and logical mistakes in the texts as inconsistency of lists connected with faults in logical order and discrepancies in grammar structures of the points of lists, repetition of ideas, omission of logical units, vagueness of expressions. Violation of literary language rules is represented by spelling, punctuation, vocabulary and grammar mistakes. Spelling errors are often connected with a wrong choice between writing a hyphenated word, one word or two separate words, with misspelling of derivated prepositions and a wrong choice between capital and lowercase letters. The punctuation rules which are violated the most often are the following: the rules connected with the punctuation in simple sentences (unnecessary or lacking punctuation marks between homogenous parts of a sentence and between subject and predicate, incorrect isolation of participial phrases and dangling participles, parenthetical words and addresses). The punctuation rules connected with compound sentences are also violated because of incorrect determination of clause margins. The main types of vocabulary mistakes are connected with collocations and lexical insufficiency, while grammar errors are often represented by a wrong choice of cases and prepositions. Thanks to similar research done on larger material it is possible to formulate some recommendations for the improvement of school and college Russian language programs and make special tutorials and online courses aiming at improving the level of Russian.

KEY WORDS: social network; Runet; mistakes; standard of speech; methods of teaching.

About the author: Alekseeva Alina Alekseevna, Candidate of Philology, assistant in Cultural history chair of the Humanities department, Novosibirsk National Research State University.

В настоящее время возможность создавать письменные тексты и делать их достоянием широкой общественности есть фактически у каждого человека, имеющего доступ к Интернету. С одной стороны, такая ситуация порождает недовольство значительной части населения уровнем грамотности пользователей Интернета, заставляет делать выводы о падении уровня образования вообще, а также вызывает опасения: не будут ли эти ошибки иметь кумулятивный эффект, если пользователи Интернета будут постоянно сталкиваться с ошибочным написанием в чужих текстах и неосознанно копировать его в своих? С другой стороны, поскольку остановить начавшийся процесс очень сложно и вряд ли возможно, стоит задуматься о том, как использовать многочисленные тексты пользователей Интернета в лингвистических (в частности лингводидактических) целях.

Особую популярность в настоящее время приобрели различные социальные сети. Для русскоязычного населения наиболее востребованным ресурсом является сеть «ВКонтакте», в которой можно устанавливать не только личные, но и деловые контакты, а также рекламировать свою деятельность (общественную, политическую, коммерческую и т. д.). Так называемые «группы» ВКонтакте становятся либо заменой веб-сайта, либо дополнением к существующей интернет-странице.

Часто контент группы определяется не профессионалами в сфере копирайтинга, журналистики, филологии и т. д., а «хозяевами» страниц. В связи с этим контент таких групп представляет особый интерес с точки зрения анализа различного рода недочетов в логической и структурной организации текстов, а также ошибок в их речевом оформлении – орфографических, пунктуационных, лексических, грамматических. Отметим, что, несмотря на важную роль, которую играет «ВКонтакте» в жизни современных россиян, в настоящее время лишь сравнительно небольшое количество лингвистических исследований построено на материале текстов в этой социальной сети. В числе таких немногочисленных работ диссертации Т. В. Алтуховой (Кемерово, 2012 г.) и Н. Г. Марченко (Ростов-на-Дону, 2013 г.).

Несмотря на то, что сам материал оказывается пока мало востребованным среди лингвистов, речевые ошибки как психолингвистический феномен исследуются уже довольно давно и успешно. Подчеркивая актуальность данного направления, А. А. Степанова отмечает: «<...> работа с отрицательным материалом даст возможность расширить наше понимание процессов производства речи и механизмов контроля ее правильности, что имеет практическую ценность в области изучения иностранных языков. Кроме того, необходима теоретизация проблемы речевых ошибок, что имеет значение в области лингвистической экспертизы текста» [Степанова 2012: 298]. А. А. Степанова ссылается на работы Г. В. Ейгера, изучавшего проблемы ортологии, С. И. Гороховой, предметом исследования которой были психолингвистические особенности речепроизводства, зафиксированные на материале речевых ошибок спонтанной устной речи носителей русского языка.

Исследования ошибок часто проводятся на материале сочинений школьников. На таком материале Т. Г. Рамаева и М. Р. Львов построили классификацию ошибок, на первом уровне которой они выделили речевые и неречевые ошибки [Рамаева, Львов 1979: 481]. Среди речевых ошибок они выделили, во-первых, лексико-стилистические (повторение одних и тех же слов; употребление слова в неточном или несвойственном ему значении в результате непонимания значения слова или его оттенков; нарушение общепринятой (фразеологической) сочетаемости слов; употребление слов без учета их эмоционально-экспрессивной или оценочной окраски; употребление диалектных и просторечных слов и сочетаний [Там же: 481-483]), во-вторых, морфолого-стилистические (детское словотворчество; образование диалектных или просторечных форм от слов литературного языка; пропуск морфем, чаще всего суффиксов (и постфикса); образование формы множественного числа тех существительных, которые употребляются только в единственном числе (отвлеченные, собирательные) [Там же: 483-484]), в-третьих, синтактико-стилистические (нарушение управления, чаще всего – предложного; нарушения согласования, чаще всего – сказуемого с подлежащим; неудачный порядок слов в предложении, приводящий к искажению или затемнению смысла, нарушения смысловой связи между местоимениями и теми словами, на которые они указывают или которые заменяют; местоименное удвоение подлежащего; употребление глаголов в несоотнесенных временных и видовых формах там, где следует употребить одно и то же время, один и тот же вид; неумение находить границы предложений [Там же: 484-485]).

Исследование ошибок также становится предметом исследования наших коллег по проведению и проверке «Тотального диктанта», которые отмечают, что «анализ результатов диктанта позволяет экспертной комиссии проводить наблюдения изменения современной языковой нормы в сознании людей и становится почвой для новых научных исследований»¹.

Настоящая статья представляет собой попытку анализа текстов «ВКонтакте» для определения перспектив исследований на данном материале. Материалом для нашей работы послужили связанные тексты, составляющие основу контента нескольких групп «ВКонтакте». Отметим, что комментарии посетителей групп, вопросы и ответы на них не вошли в нашу выборку, поскольку представляют собой микротексты иного рода.

В результате комплексного анализа текстов были выявлены следующие типы ошибок, которые представлены в Таблице 1.

¹ Сайт «Тотального диктанта»: <http://totaldict.ru/about/experts/>

Таблица 1.

Типологическая классификация ошибок, допускаемых в текстах на страницах «ВКонтакте»

Структурно-логические	Ошибки, связанные с нарушением норм речи
1.1. Непоследовательное оформление списков	2.1. Орфографические ошибки
1.2. Повтор мысли	2.2. Пунктуационные ошибки
1.3. Пропуск логических звеньев	2.3. Лексические ошибки
1.4. Неясность изложения	2.4. Грамматические ошибки

Рассмотрим эти типы ошибок более подробно.

1. Структурно-логические ошибки

1.1. Непоследовательное оформление списков

Списки очень часто используются в текстах подобного рода, поскольку их графическое оформление способствует тому, что читатели сравнительно легко и быстро воспринимают информацию. Однако нередко наблюдается содержательная разнородность пунктов, которая также может дополняться их грамматическим несоответствием друг другу (при чередовании словосочетаний с существительным и глаголом в качестве главного слова), либо нелогичная последовательность этих пунктов. Рассмотрим данный тип ошибки на двух примерах (здесь и далее авторская орфография и пунктуация сохранена):

«Флоатинг

- 1) обеспечивает полное расслабление
- 2) заменяет длительный полноценный отдых
- 3) повышает уровень эндорфинов, дарит чувство гармонии и покоя
- 4) избавляет от стресса и тревожности
- 5) улучшает сон
- 6) способствует ясности ума
- 7) служит «базой» для всевозможных психотехник
- 8) полностью безопасен и не имеет побочных эффектов
- 9) улучшает физическую форму
- 10) избавляет от боли
- 11) снимает телесное напряжение
- 12) способствует спортивным достижениям»

(http://vk.com/floatingnsk?fixed=1&w=page-46016313_46314211)

В данном случае мы видим, что, во-первых, пункты целесообразнее было бы поместить в другой последовательности: пункты 9-12, в которых описывается положительное влияние флоатинга на здоровье людей, логичнее поместить после пунктов 1-2, в которых также говорится о его пользе для здоровья. Во-вторых, пункт 8 выбивается из общего ряда: в нем не описываются достоинства флоатинга, а констатируется безопасность этого метода. В другом примере наблюдаются как смысловые, так и грамматические несоответствия пунктов списка:

«Из группы будут удаляться сообщения и комментарии: 1. Содержащие эмоциональный шантаж. Например: «срочно заберите котят, иначе их утопят/выбросят на улицу/заморят голодом и т.д.» 2. Содержащие хамство или агрессию. Является ли таковым сообщение, решает руководство группы. <...>5. Если в сообщении отсутствует прямая или косвенная информация, относящаяся к тематике сообщества (помощь приюту, бездомным животным и т.д.). <...>8. Никогда не указывайте точного адреса нахождения бездомных животных, тем более покалеченных!» (http://vk.com/gorodskoy_priut)

Здесь мы видим несоответствие пунктов 1, 2, представляющих собой причастные обороты, и пунктов 5, 8, построенных соответственно как зависимая часть сложноподчиненного предложения и простое предложение в повелительном наклонении.

1.2. Повтор мысли

Нередко одна и та же идея повторяется в тексте несколько раз в разных формулировках: «Так же вы можете позвонить нам на скайп и сэкономить свои деньги: [kapriz-academ](http://vk.com/kapriz-academ) <...> Для удобства вы можете позвонить нам на скайп: [kapriz-academ](http://vk.com/kapriz-academ)» (http://vk.com/kapriz_academ).

1.3. Пропуск логических звеньев

Данный тип ошибки мы отличаем от лексической недостаточности высказывания, несмотря на их некоторое сходство, поскольку в подобных случаях для ликвидации ошибки необходимо восстановить не одно слово или словосочетание, а целый фрагмент текста: «Любая вещь несёт в себе заряд того настроения, в котором она была куплена! *Находу, уставшая...* Поэтому праздничный наряд нужно покупать именно в приподнятом, хорошем настроении» (<http://vk.com/club17528401>).

1.4. Неясность изложения

Этот тип ошибки тесно связан с предыдущим, поскольку пропущенные звенья логической цепи, которая выстраивается в сознании пишущего, нередко приводит к затуманиванию смысла целой фразы. В предложении «свадебный образ невесты и жениха (*всё до мелочей + рекомендация специалистов*)» (<http://vk.com/club17528401>) остается непонятным, какие именно рекомендации будут даваться и относительно чего, как это связано с созданием образа молодоженов. Во фразе «После сеанса флоатинга Вы ощутите, что прожили самый короткий час Вашей

жизни!» (http://vk.com/floatingnsk?fixed=1&w=page-46016313_46314211) налицо желание автора использовать прием выразительности, однако смысл предложения остается не до конца понятным.

2. Ошибки, связанные с нарушением норм речи

2.1. Орфографические ошибки

Несмотря на наличие программы проверки грамотности, пользователи Рунета допускают различные орфографические ошибки. Чаще всего они связаны с нарушением следующих правил:

а) слитное, раздельное, дефисное написание: «ритмы переход ритмов мозга из *бета ритмов* в *альфа* и *тета*» (http://vk.com/floatingnsk?fixed=1&w=page-46016313_46314211), «Так же вы можете позвонить нам на скайп и сэкономить свои деньги» (http://vk.com/kapriz_akadem);

б) написание производных предлогов: «Звукорежиссер подбирает для вас музыку <...>, предоставляет оборудование и сам озвучивает весь процесс в течении необходимого времени» (http://vk.com/topic-21924342_26069526);

в) использование строчных и заглавных букв: «Наверное, Вы уже знаете по опыту, что 90% голосовых проблем связаны с зажимами голосового аппарата и недостаточной глубиной дыхания» (<http://vk.com/event34380724>), «За отведенное время, решая головоломки, подбирая коды, используя окружающие предметы, включая смекалку и выключая грубую физическую силу, Ты и твои соседи должны выбраться из комнаты» (<http://vk.com/vixodgame>).

2.2. Пунктуационные ошибки

Перечислим наиболее типичные пунктуационные ошибки, которые допускают авторы текстов:

А) Ошибки в постановке знаков препинания в простом предложении. Ошибки связаны с отсутствием тире между подлежащим и сказуемым или, напротив, его наличием в тех случаях, где оно не нужно: «Тематическая свадьба – предполагает наличие стиля и заданной темы» (http://vk.com/topic-21924342_24213140), «Но начинается горловое пение (как и всякое пение, кстати) – с полного освобождения голоса и вместе с ним всего тела.» (<http://vk.com/event34380724>), «ТОЛЬКО до 31.12. 2013 ДОСТАВКА вашего заказа по Новосибирску на любую сумму – БЕСПЛАТНО!» (<http://vk.com/co.cadeau>), «Тема праздника «Бъём рекорды!»» (http://vk.com/topic-21924342_24213140), «Мы – ОРАНЖЕВЫЕ ЛЮДИ» (<http://vk.com/club21924342>), «Это – развлечение нового поколения!» (<http://vk.com/vixodgame>).

Ряд ошибок связан с постановкой лишних знаков препинания при однородных членах или, наоборот, отсутствием необходимых знаков: «Предлагаю оставить здесь Ваше мнение по поводу полученных услуг, или комментарий просмотренных работ» (<http://vk.com/club17528401>), «В день праздника вы будете выглядеть молодо и ухоженно, и сможете надеть самое короткое и открытое платье!» (http://vk.com/kapriz_akadem), «Мы изучили самые трендовые и, в то же время, актуальные на все времена детали гардероба, и создаем их с особым отношением для вас и ваших близких» (<http://vk.com/co.cadeau>).

Также встречаются ошибки, связанные с обособлением обстоятельств: «По сей день, у нас в клубе Вы можете легко и непринужденно, без усилий погрузиться в состояние глубочайшего расслабления – физического, умственного и эмоционального. В результате, восстановление и регенерация тканей ускоряется в несколько раз, невероятно быстро заживают травмы» (http://vk.com/floatingnsk?fixed=1&w=page-46016313_46314211), «В течении 2-х недель со дня покупки, магазин обязан принять купленный товар» (<http://vk.com/club17528401>).

Нередки ошибки, связанные с оформлением причастных и деепричастных оборотов: «Это поможет вспомнить вещи имеющиеся в шкафу» (<http://vk.com/club17528401>), «Из-за отсутствия в методике УФ лучей, а так же 100% натуральности пигмента используемого для распыления вы можете отбросить беспокойство на счет старения кожи» (http://vk.com/kapriz_akadem).

Встречаются и другие ошибки, связанные, например, с отсутствием обособления обращений или вводных слов: «Эй сушиманы) Буквально на днях мы запустим целую кучу бомбовых суперакций», «Дорогие друзья, к сожалению новогодние праздники подходят к концу <...>» (http://vk.com/appetit_suschi).

Некоторые ошибки трудно классифицировать. Они связаны с постановкой лишних знаков препинания в произвольно выбранном месте предложения: «Во-вторых, чувствовать себя хорошо, можно только в удобной одежде!» (<http://vk.com/club17528401>).

Б) Ошибки в постановке знаков препинания в сложных предложениях. Ошибки нередко допускаются в бессоюзных предложениях (как правило, они состоят в замене одного знака другим): «А для тех, кто еще не приобрел подарки и аксессуары от co.cadeau, напоминаем, СЕГОДНЯ СКИДКА НА МУЖСКИЕ и ДЕТСКИЕ КОСТЮМНЫЕ ПЛАТКИ!» (<http://vk.com/co.cadeau>), «Участвуй, зови своих друзей и узнай – у кого извилина длиннее!» (<http://vk.com/vixodgame>).

Сложными для авторов текстов представляются сложноподчиненные предложения, границы которых не всем удается верно определить: «В ходе ревизии вам могут встретиться давно забытые вещи, которые ещё можно носить и вы избежите ненужных трат», «Поинтересуйтесь у консультанта из какого материала сделана вещь» (<http://vk.com/club17528401>), «Высвобождение стресса у человека происходит за счет получения потенциала центральной нервной системы, до 90% объема работы которой, ранее было задействовано на обработку внешних стимулов» (http://vk.com/floatingnsk?fixed=1&w=page-46016313_46314211).

2.3. Лексические ошибки

В текстах встречаются примеры лексической недостаточности фраз: «Заодно рекомендации по цветовой гамме, причёске (цвет, длина, форма стрижки)» (<http://vk.com/club17528401>), лексической несочетаемости: «Для меня

очень важно, чтобы люди, решившие воспользоваться моими услугами, полностью мне доверяли и *разделяли мой стиль работы*» (<http://vk.com/shilenkovafoto>), «*Публикации и макияжи для газет и журналов Новосибирска и региона*» (<http://vk.com/club17528401>), «*Высвобождение стресса*» (http://vk.com/floatingnsk?fixed=1&w=page-46016313_46314211).

2.4. Грамматические ошибки

Грамматические ошибки нередко связаны с неправильным выбором предложно-падежной формы: «комментарий просмотренных работ» (<http://vk.com/club17528401>), «Пейнтбол vs Страйкбола, Сноубордисты vs Горнолыжников, Бармены vs Официантов, HR vs Маркетинга...» (<http://vk.com/vixodgame>).

Более масштабные исследования подобного рода позволят понять приоритетные направления совершенствования школьной и вузовской программы по русскому языку, составить рекомендации по написанию грамотных текстов для неспециалистов, готовить новые справочные издания с учетом наиболее «проблемных» аспектов русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Алтухова Т. В. Коммуникация в социальной компьютерной сети «В контакте»: жанроведческий аспект: автореф. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012.

Марченко Н. Г. Социальная сеть «Вконтакте»: лингвопрагматический аспект: автореф. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013.

Рамзаева Т. Г., Львов М. Р. Методика обучения русскому языку в начальных классах: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2121 «Педагогика и методика нач. обучения». М., 1979

О. К. Андриященко

Павлодар, Казахстан

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ЭЛЕКТОРАТА В ПРЕДВЫБОРНЫХ ЛИСТОВКАХ ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

АННОТАЦИЯ. Автор статьи исследует важную составляющую политической коммуникации – образ адресата на материале предвыборной агитационной листовки. Анализируется языковой портрет электората на основе выборки обращений политиков к определенным социально значимым темам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: предвыборная листовка; политика; образ адресата; жанр; воздействие.

Сведения об авторе: Андриященко Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Павлодарского государственного педагогического института.

Адрес: 140 000, Казахстан, г. Павлодар, ул. Торайгырова, 58, каб. 501в.

E-mail: olga_pav_pgpi@mail.ru.

О. К. Andryushchenko

Pavlodar, Kazakhstan

THE LINGUISTIC PORTRAIT OF ELECTORATE IN THE PRE-ELECTION LEAFLETS OF PAVLODAR REGION

ABSTRACT. The author explores an important component of the political communication - the image of the addressee based on the material of pre-election leaflets. The author analyzes the linguistic portrait of the electorate based on samples of consideration by politicians of certain socially relevant topics.

KEY WORDS: pre-election leaflet; politics; image of addressee; genre; manipulation.

About the author: Andryushchenko Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of the Department of the Russian language and Literature of Pavlodar State Pedagogical Institute.

Язык является важнейшим показателем культуры и грамотности населения, что предполагает его совершенствование и постоянное развитие. Все процессы, происходящие в обществе, непременно отражаются в языке, потому интересным представляется рассмотрение языковой составляющей политики, которая является важнейшим общественным институтом, развивающимся непрерывно. Русский язык исторически функционировал на территории Прииртышья как проводник социальных, политических и культурных идей власти. В связи с чем актуальным представляется изучение современного состояния «языка власти» (о чем говорит и функционирование русского языка наравне с государственным: двуязычие необходимо для массового воздействия на население в условиях политической коммуникации). Политическая ситуация в регионах обязательно отражает ситуацию общегосударственную, однако степень ее развитости неодинакова, что говорит о ее своеобразии, языковых процессах и преобладании культурной доминанты.

Развитие политической системы в Павлодарском Прииртышье исторически происходило неравномерно, однако целенаправленно и успешно. Не углубляясь в историю становления политической власти в Павлодарском регионе, рассмотрим современный языковой портрет целевой аудитории, на которую делают ставку кандидаты в депутаты Павлодарской области.

Как и прежде, сегодня в политике массовым способом воздействия на электорат является убеждение, которое пополнилось арсеналом новых средств. В век высоких технологий электронные виды информации, обладающие большим потенциалом воздействия, кажутся эффективнее, однако наряду с ними активно функционируют печатные. Актуально, на наш взгляд, рассмотреть предвыборную листовку, необходимость использования которой обусловлено следующими факторами: а) распространенность и эффективность листовки, безусловно, связана с менталитетом казахстанского общества, унаследованного из советской действительности: казахстанцы больше доверяют печатному слову, чем устному, например, дебатам, интервью, рекламе и т. п.; б) листовка имеет небольшой объем, содержит в кратком виде самую необходимую информацию, что делает ее экономичной в плане времени, затрачиваемого на ее прочтение; в) листовка имеет четкую, строго закреплённую композицию, что облегчает ее запоминание и, соответственно, она более прочно усваивается избирателями; г) к тому же листовка эмоциональна и экспрессивна, что делает ее мощнейшим средством манипулирования эмоциональной частью сознания людей.

Особенность функционирования листовки как посредника в предвыборной коммуникации заключается в том, что в качестве отправителя информации выступает один человек (кандидат), а получателя – неопределенное множество (избиратели). Но, как известно, «эффективное и успешное речевое общение невозможно без учета говорящим «фактора адресата» – тех характеристик личности слушающего (психологических, социальных, профессиональных, национальных), от которых зависит полноценное восприятие целей говорящего. <...> При полном отсутствии у говорящего сведений о слушающем речевое общение может оказаться неэффективным» [Темиргазина 2002: 74–75].

Вопрос об адресате анализировал еще М.М.Бахтин, указывая на то, что адресат «может быть непосредственным участником-собеседником бытового диалога, может быть дифференцированным коллективом

специалистов какой-нибудь специальной области, может быть более или менее дифференцированной публики, народом, современниками, единомышленниками, противниками и врагами, подчиненным, начальником, низшим, высшим, близким, чужим и т.п., он может быть и совершенно неопределенным неконкретизированным другим (при разного рода монологических высказываниях эмоционального типа) – все эти виды и концепции адресата определяются той областью человеческой деятельности и быта, к которой относится данное высказывание» [Бахтин 1979: 275].

Адресанту просто необходимо знать своего адресата, однако, не всегда адресант присутствует в коммуникативном акте. В связи с этим Н. И. Формановская выделяет следующие типы возможных адресатов: реальный и гипотетический адресат (адресант в непосредственном общении и воображаемый); обобщенный прогнозируемый адресат, поскольку вне фактора адресата нет произведения (моделируемый типовой адресат); массовый, публичный, конкретизируемый адресат (аудитория, митинг и т. п.); персональный, единичный, конкретный (адресант в непосредственном контактном общении); косвенный (вторичный) адресат, так называемый адресат-наблюдатель (свойственен публичным жанрам – теле- и радиоинтервью, беседам, «круглым столам») [Формановская 2002].

Учет автором листовки «фактора адресата» помогает ориентироваться на определенную категорию читателей, что и формирует облик листовки в пределах агитационного речевого стиля. Высокая значимость «фактора адресата», по выражению Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1981], естественна для листовки как риторического жанра.

Таким образом, чтобы преодолеть расстояние между коммуникантами и прогнозировать положительный для себя результат, адресант обращается к определенной категории людей (чаще фигурирующей как «незащищенные слои населения»). Говоря о факторе адресата в речевом воздействии, И. А. Стернин предлагает учитывать следующие типы аудитории: однородная/разнородная, большая/небольшая, подготовленная/неподготовленная, профессиональная аудитория, позитивно/негативно настроенная аудитория, женская/мужская аудитория, молодежная, аудитория среднего возраста, аудитория старшего возраста, ригидная/гибкая аудитория, национальная специфика аудитории, аудитория с разным уровнем понимания [Стернин 2004: 172-177].

Несомненно, для адресанта необходимо иметь представление о собеседнике или, в нашем случае, целевой аудитории.

Таким образом, необходимое условие успешного общения является предварительное изучение адресантом интересов адресата. Применительно к предвыборной коммуникации, это означает знание кандидатом нужд, проблем избирателей. Полиадресатность листовки делает ее семантику размытой, малорезультативной, так как учет интересов разных целевых аудиторий не позволяет ей достичь конкретного результата. Однако политики, чаще всего, делают ставку на «незащищенные слои населения»: молодые семьи, матери, молодежь, пенсионеры и т.п. Данное положение было подтверждено проведенным исследованием (для полноты исследования были привлечены листовки нескольких регионов: Павлодарского, Качирского, Железинского (2007–2012 гг.):

«1. Создание новых рабочих мест. 2. Доступность качественного медицинского обслуживания всем слоям населения областного центра. 3. Поддержка социально уязвимых слоев населения. Оказание благотворительной помощи участникам войны, детям-сиротам, инвалидам 1 и 2 групп» (Из предвыборной листовки Винерцева А. И.). Нужно отметить, что использование отглагольных существительных частотно в предвыборных речах, образованные от глаголов несовершенного вида, данные лексемы не содержат семантику обязательства выполнения, а показывают протяженность действия в пространстве и времени. Характерно, что для языка политики не свойственна точность и однозначность понятий.

Изучив материалы листовок, мы можем выделить приоритетные направления, на которых адресант заостряет внимание и которые, на его взгляд, необходимо реформировать/улучшать в Павлодарском Прииртышье. Это, конечно же, экономическая стабильность: *«Нельзя допустить того, чтобы удорожание товаров и инфляция «съедали» доходы казахстанцев»*; пенсионное обеспечение: *«Каждому пенсионеру – заслуженную заботу!»*; поддержка материнства и семьи: *«Крепкая семья – крепкая нация!»*; развитие образования: *«Нужно приближать казахстанское образование к мировым стандартам: оно должно стать передовым и доступным»*; жилищное обеспечение: *«Никто не должен остаться без крыши над головой!»*; борьба с преступностью: *«Казахстанцы должны чувствовать себя в безопасности и быть уверены в неприкосновенности своей личности, частной жизни и собственности!»* и т.д. (Из предвыборной платформы народно-демократической партии «Нур Отан»).

Как видно из примеров, зачастую используются императивные формы глаголов, побудительные предложения, так как в них наиболее ярко выступает призыв к действию. С точки зрения воздействия на аудиторию именно эмоционально-окрашенные речевые акты являются наиболее выигрышными.

Помещая в листовку пункты предвыборной программы, адресант пытается не просто ознакомить с ней избирателей, но и сформировать положительной облик человека достойного, отвечающего за свои слова и смотрящего далеко вперед, знающего не только интересы граждан, но и всего региона/области/страны в целом. Именно поэтому в листовку включаются, помимо приоритетов конкретных/индивидуальных (имеющих материальное воплощение), всеобщие, направленные на улучшение политической ситуации в стране и жизни вообще и т.п. К ним относятся повышение эффективности работы государственных органов: *«Государство должно служить народу!»*; обеспечение стабильности и межнационального согласия: *«Мир и согласие в стране – достаток в каждом доме!»*; развитие культуры и нравственности: *«Нравственное здоровье общества основано на высокой культуре и*

традициях!»; укрепление позиций Казахстана в регионе и мире: «Мы – за сильный Казахстан в стабильно развивающемся и безопасном мире!» (Из предвыборной платформы народно-демократической партии «Нур Отан»).

Данные высказывания представляют интерес с лингвистической точки зрения: каким образом достигает эффект «надежности» того или иного кандидата / партии. Нетрудно заметить, что данные примеры изобилуют словами положительной семантики и оценки, представляющие высокую значимость с точки зрения социума: мир, согласие, нравственность, здоровье, высокая культура, сильный Казахстан, стабильность, безопасность и др. Читатель непременно должен выстроить в сознании цепочку: сильный Казахстан – благосостояние – благополучие – личная выгода. Вывод: все, что сулит выгоду лично мне, имеет право на существование. Именно поэтому, пытаясь заинтересовать своей программой аудиторию разной возрастной и половой принадлежности, кандидат предлагает актуальные для адресата направления предвыборной программы.

Проанализировав текст листовок, мы определили приоритетные направления предвыборных программ и установили, на какую целевую аудиторию делают ставку политики Павлодарского Прииртышья в предвыборной кампании (Рисунок 1).

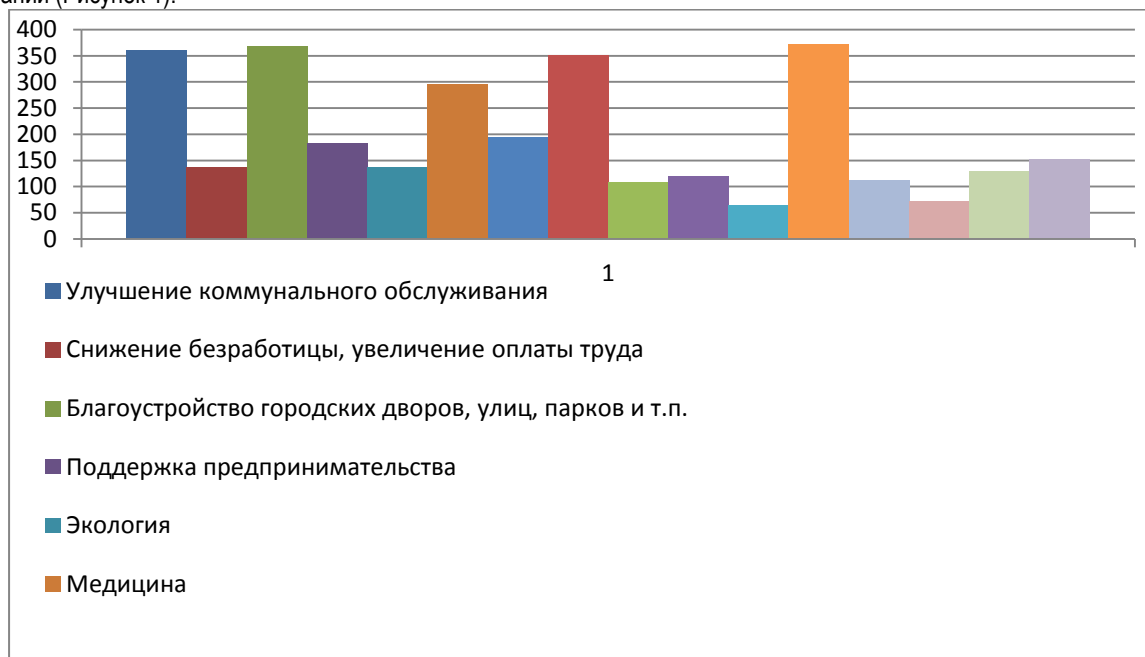


Рисунок 1. Приоритетные направления предвыборной программы павлодарских политиков в агитационной листовке.

Таким образом, диаграмма наглядно показывает, что наиболее актуальными направлениями, а значит востребованными избирателями Павлодарского Прииртышья, в предвыборной программе являются сферы «Защита социально незащищенных слоев населения» (371 упоминание), «Благоустройство городских дворов» (368), «Улучшение коммунального обслуживания» (360) и «Молодежная политика» (351). Менее приоритетными являются сферы «Медицина (296), «Образование» (193), «Поддержка предпринимательства» (183), «Формирование национального самосознания и патриотизма, межнационального согласия и мира» (152), «Снижение безработицы, увеличение оплаты труда» (137), «Экология» (136), «Культура и духовность» (129), «Развитие села, сельского хозяйства» (120), «Жилищная политика» (112), «Борьба с коррупцией» (107). В последнюю очередь в предвыборных программах были отмечены сферы «Борьба с преступностью» (72) и «Искоренение чиновничьего бюрократизма» (64).

Как мы и предполагали, в первую очередь в качестве потенциального адресата кандидаты видят те категории граждан, которые нуждаются в адресной помощи и готовы голосовать, чтобы получить ее – это пенсионеры, сироты, инвалиды, малоимущие, матери, дети, молодежь, молодые семьи и т. д. Далее следуют государственные служащие, работники образования и медицины. Необходимо отметить, что интересы электората не ограничиваются материальными запросами, об этом говорит большой интерес павлодарцев к культурным, духовным, нравственным и экологическим проблемам (см. «Формирование национального самосознания и патриотизма, межнационального согласия и мира», «Экология», «Культура и духовность»). Язык в политике – это достаточно сложная, многогранная и интересная проблема, исследование которой позволяет увидеть особенности процесса коммуникации, манипулирования сознанием и воздействия на массового адресата.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Фактор адресата. // Изв. АН СССР, СЛЯ, 1981, №4. С. 356–367.
 Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 237-289.
 Стернин И. А. Фактор адресата в речевом воздействии // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2004, № 1. С. 171-178.

Темиргазина З. К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. Изд. 2-е, дополн. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2002..

Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002.

А. Б. Бушев

Тверь, Россия

РЕФЛЕКСЫ ХРИСТИАНСТВА В ЯЗЫКЕ И МЕНТАЛИТЕТЕ

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья ставит своей целью демонстрацию отсветов христианства в искусстве и культуре в условиях двадцать первого века. Представлены как вербальные, так и невербальные произведения культуры, что актуально для развития семиотической и герменевтической деятельности учащихся. Эти проблемы увязываются с тенденциями этического и эстетического воспитания в наше время.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепты; менталитет; христианство; литература; культура; педагогика.

Сведения об авторе: Бушев Александр Борисович, доктор филологических наук, Тверской государственный университет, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью.

Адрес: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.

A. B. Bouchev

Tver, Russia

THE REFLEXES OF CHRISTIANITY IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE AND MENTALITY

ABSTRACT. The article demonstrates the reflection of the Christianity in arts and culture of contemporary epoch. Both verbal and non-verbal texts are analyzed, which is important for the development of semiotic and hermeneutic capacity of the students. These problems are linked with the ethic and aesthetic tendencies in modern educational system.

KEY WORDS: concepts; mentality; Christianity; literature; culture; education.

About the author: Alexandre B. Bouchev, Doctor of Philology, Tver State University, Professor of Department Journalism, PR and Advertising.

Целью настоящей статьи является демонстрация христианских концептов и смыслов на материале разножанровых произведений, что имеет достаточную актуальность для современного образования школьного уровня в условиях религиозного Ренессанса. Методом трактовки текстового и нетекстового материала выступает герменевтический метод.

1. Как показывают все статистические опросы, за последнее время растет количество людей, идентифицирующих себя как верующие, расширяется обрядность, религиозное паломничество, конфессиональная проблематика с большими трудностями и первыми неудачами пришла в круг предметов школьного цикла. Необязательно смотреть на клерикальность как нечто отсталое, иррациональное, выражающее подавленность социума. Для развивающейся личности можно смотреть на религиозный компонент воспитания как эстетически и этически весьма значимый компонент, фундированный тысячелетней традицией. Чего стоит опыт русской религиозной философии, который – хотим мы этого или нет – вновь приходит в общество с христианскими истинами, преданием и Писанием.

В сфере печати для последних двадцати лет показательно как издание специализированных изданий, посвященных церковной жизни и религии, так и статей, связанных с конфессиональной тематикой, в светских СМИ. Возник целый пласт газет для неофитов. Все это позволяет судить о возвращении целого пласта концептов культуры – православной и христианской в широком смысле слова – в общественный быт и сознание.

Динамика русской лексики XXI века такова: возвращается прочно забытое, казалось бы, вытесненное из живого русского языка. Это связано с возрождением многих социальных сфер. Показательно возвращение церковной лексики [1].

Тексты Библии воспринимаются в образовании как кладезь поздней античности, основание европейской культуры, а библеизмы в современном языке – как особый рефлекс в языке и особый стилистический прием воздействующей речи: *венец премудрости; вкушать от древа познания добра и зла; влачить брненное существование; возвращается ветер на круги своя; всякое даяние благо; глас вопиющего в пустыне; да минует меня чаша сия; земля обетованная; золотой телец; ищите и обряцете; камень преткновенения; не сотвори себе кумира; не хлебом единым жив человек; отделить зерна от плевел; хлеб наш насущный; хранить как зеницу ока; чти отца твоего и мать твою; краеугольный камень; злачное место; корень зла; кто не работает, тот не ест; злоба дня; соль земли; блудный сын; заблудшая овца; нести крест; соломоново решение; терновый венец; время жить и время умирать; кинуть камень; сучок в глазу другого; что есть истина; бесплодная смоковница; скрижали; суета сует; уудин поцелуй; тридцать сребренников; выпить чашу до дна; страшный суд; геенна огненная; Содом и Гоморра; манна небесная; зарыть талант в землю; Вавилонское столпотворение; камня на камне не оставить; альфа и омега; вложить персты в язвы; знамение времени; построить дом на песке; жнет, где не сеял; не мечте бисер перед свиньями; книжники и фарисеи; взявший меч да от меча и погибнет; кость от кости и плоть от плоти; имя им – легион; козел отпущения; по образу и подобию; в поте лица своего; иерихонская труба; отряхнуть прах от своих ног; почитать от дел; колосс на глиняных ногах; невзирая на лица; нищие духом; не сотвори себе кумира; Фома неверующий; беречь как зеницу ока; упасть на достойную почву;*

притча во языцех; тайное стало явным; никто не пророк в своем отечестве; верблюду пролезть в игольное ушко; посыпать пеплом главу; Ноев ковчег; всемирный потоп; семь пар чистых, семь пар нечистых; отделить овнов от козли; от лукавого; око за око и зуб за зуб; ничтоже сумняшеся; власть предержавшая; райские кушчи; изгнать из рая; змей-искуситель; на йоту; святая святых; скрежет зубовный; не от мира сего; оливковая ветвь; кто посеет ветер, пожнет бурю; запретный плод; бросать слова на ветер; кесарю кесарево; не убий; не ведают что творят; не судите не судимы будете; блудница вавилонская; мерзость запустения.

Необходимо понимать, что для агностика Библия есть то же, что и для верующего человека. Следует говорить о том, что это и есть книга книг. Тексты Библии воспринимаются в образовании как кладезь поздней античности, основание европейской культуры. И язык это четко показывает. Посмотрим на библеизмы в современном языке как особый рефлекс в языке и особый стилистический прием воздействующей речи: язык четко показывает духовные сокровища, сокровища мысли, заключенные в Библии.

2. В музыке христианская тема заставляет нас, например, обратиться к христианской культуре Западной Европы. «Страсти по Матфею» Баха, «Магнификат» Вивальди, «Реквиемы» Моцарта, Верди, «Стабат матер» Перголези, Дворжака, Россини, «Мизерере» Аллегри... С эпохи Возрождения европейской музыки свойственны духовные сочинения. Некоторые из них канонизированы церковью и включены в богослужения, другие являются выразителями философской христианской мысли в музыке.

3. А посмотрим, как живут притчи - о сеятеле, о плевелах, о горчичном зерне, о семени, о талантах, о блудном сыне, о богатстве, о кресте, о смоковнице и т. д. – находят отражение в сюжетах мировой живописи. Бегство в Египет, призвание апостола Матфея, распятие апостола Павла, обращение Павла, усекновение головы Иоанна Крестителя, усупение Марии, Лот с дочерьми, отдых на пути в Египет, святое семейство, омовение ног, освобождение апостола Петра из темницы, избивание младенцев, возвращение блудного сына, Моисей, иссекающий воду из скал, имя Иисуса во славе, пир Ирода, Пир Авессалома, оплакивание Христа, рождество, кающаяся Мария Магдалина, обручение святой Екатерины, Бичевание святого Иеронима ангелами, снятие с креста, поклонение пастухов, посещение богоматери родителями Иоанна Крестителя, коронование терновым венцом, суд Соломона, Христос в Эммаусе, милосердный самаритянин, Христос и грешница, Лот, покидающий Содом, три креста, обрезание Христа, Христос перед народом, отречение апостола Павла, Христос у Марфы и Марии, шествие на Голгофу, принесение во храм, св. Иероним, явление ангела св. Иосифу, положение во гроб, жертвоприношение Авраама, Моисей, разбивающий скрижали, сотворение мира, сошествие Святого Духа, Троица, изгнание из рая, ад, принесение во храм, моление о чаше, исцеление бесноватого, страшный суд, Иаков и Исав, предательство иуды, поцелуй иуды, Брак в Канне, Сон Иосифа, обручение Святой Екатерины, Иоанн Креститель в пустыне, усупение Марии, страсти Христовы, Христос перед Анной, Второе отречение Петра, Христос перед Пилатом, ночное благочестие пастухам, введение во храм, встреча Иоакима и Анны, рождество Марии, казнь святого Георгия, св. Варвара, встреча царя Соломона и царицы Савской, история Иосифа, евангелист Лука, Вознесение Марии, мученичество святого Лаврентия, святой Себастьян, грехопадение, Иоанн Богослов, Юдифь.

Вспомним эти картины. Рембрандт «Жертвоприношения Авраама», Юлиус Карольсфельд «Жезл Аарона», Мазаччо «Изгнание из рая», Иероним Босх «Страшный суд», А. Дюрер «Адам и Ева», Гюстав Доре «Явление ангелов Аврааму», Дж. Бассано «Легенда о самарянине», Питер Брейгель «Вавилонская башня», Джотто «Вознесение», Микеланджело «Сташный суд», Леонардо «Тайная вечеря», Рублев «Вознесение», «Воскресение», «Сошествие в ад», Дионисий «Уверение Фомы», Василий Поленов «И возвратился в Галею в силе духа», Рафаэль «Исаия», А. Лосенко «Чудесный улов рыбы», Рафаэль «Видение пророка Иезекииля», Давид «Микеланджело», Николай Загорский «Давид играет на гуслях перед Саулом», Гюстав Доре «Давид и Голиаф», Рембрандт «Валтасаров пир», Юлиус Карольсфельд «Авраам и Господь... сосчитай звезды... столько будет у тебя потомков», Гюстав Доре «Моисей со скрижалями завета», Эль Греко «Пятидесятница», Караваджо «Жертвоприношение Исаака», Вильям Блейк «Лестница Иакова», Клод Лоррен «Борьба Иакова с Богом», Алонсо Кано «Видение Небесного Иерусалима святому Иоанну Евангелисту», Эль Греко «Срывание одежд с Христа», Караваджо «Обращение Савла», «Снятие с креста» Рубенса, «Христос в Эммаусе» Рембрандта, «Христос у Марфы и Марии» Яна Вермера Дельфтского, «Поклонение волхвов» Боттичелли, «Благовещение» Леонардо и «Благовещенье» Россети, «Оплакивание Христа», «Свадебное шествие Иосифа и Марии», «Встреча Марии и Елизаветы» Джотто, «Пророк Иеремия» Донателло, фрески ...

В русской живописи – А. А. Иванов, В. Г. Перов, Н. Н. Ге. И. Н. Крамской, И. Е. Репин, А. И. Корзухин, В. Д. Поленов, Г. И. Семирадский, В. М. Васнецов, М. В. Нестеров, М. А. Врубель. Показательны сами сюжеты – «Перед исповедью», «Богомолье», «Крестный ход», «Милостыня».

4. Давайте в этой связи вспомним и иконопись. Альбом «Русская икона» [3] посвящен новгородской, псковской, московской и тверской иконе. Закономерен интерес современников к древнерусскому искусству, к Рублеву, опередившему Рафаэля. Вдумаемся: от тверской истории XIII-XV веков по сути остались лишь несколько кусков дерева – древние иконы, позволяющие судить об уровне тверского княжества. Закономерен интерес к ним в эпоху раздумий над судьбой Византии и русско-византийскими связями. Русская икона была призвана отразить небесный мир средневековой Руси. С XI века известных византийских специалистов приглашали в Киев, но вскоре их ученики смогли работать самостоятельно. Память об этом жива в Киеве, в Новгороде, в Рязани. Время, за редким исключением, не сохранило имен живописцев до XVII столетия. Альбом «Русская икона» открывает статья о

новгородских иконах XII–XVII столетий. Нам известна история господина Великого Новгорода, в период децентрализации русских земель занимавшего территорию от Урала до Балтики, торговавшего с Данией, Швецией, ганзейскими городами, оставившего нам памятники высокой культуры. Читателю найдет репродукцию иконы «Святой Георгий» из Юрьева монастыря (коллекция Третьяковской галереи), Спаса Нерукотворного, Знаменской Богоматери, помогавшей новгородцам выстоять при осаде города Андреем Боголюбским в эпоху междоусобных войн. Со страниц смотрит на нас святитель Николай XIV века из собрания Новгородского музея. Можно думать, что эта часть разбудит желание поехать в древний Новгород, побывать в Юрьевом монастыре и в новгородском Детинце, поклониться Святой Софии, увидеть Ильмень озеро, древний вал, Ярославово дворище, воочию представить новгородское вече. Вторую половину XIV века характеризует расцвет новгородской культуры. Представлены фрески и иконы их церкви Федора Стратилата-на Ручью, работа Феофана Грека в церкви Спаса-на-Ильине. «Битва новгородцев с суздальцами» – один из сюжетов новгородского наследия, одна из вершин новгородского искусства. Интересно переосмысление византийских канонов новгородцами.: радость и строгость новгородских икон подчеркивает свободолюбие духа древнего Новгорода. Псковская художественная культура несет отпечаток того, что город псковитян не подвергался монголо-татарскому нашествию. Мало сохранилось псковских икон XIII и XIV столетия. Классический тип псковской иконы формируется в псковских монастырях в XV веке. Классические иконы относятся к началу XVI века. Коллекция Третьяковской галереи экспонирует псковскую Одигитрию – Путеводительницу конца XIII – начала XIV века. Знаменательны признаки псковской иконы – оригинальное переосмысление иконографических сюжетов. Лица, озаренные светом веры, игра уникальной палитры красок, подчеркивают высокие духовные откровения этих икон. Вершиной признаются иконы XV столетия из церкви святой Варвары. Московские иконы XIV-XVII столетий... Они замечательны с эпохи перевода сюда кафедры митрополита из Владимира, с эпохи Дмитрия Донского, с эпохи «Третьего Рима». Политический рост Москвы сопровождался расцветом ее искусства. Христос Ярое Око, Христос поясной из Успенского собора Московского Кремля, Донская икона Божьей матери, иконы деисусного ряда Благовещенского собора Московского Кремля. Поначалу пишут ученики греков – Феофан Грек, создававший росписи церквей в самом Царьграде, в крымской Кафе, открывший России византийское искусство – живописное, яркое, демонстрирующее цельную художественность. В творчестве московских мастеров XIV- XV века переплелись византийские традиции и черты местного искусства. На весь мир известны фрески Успенского собора во Владимире, выполненные Андреем Рублевым в содружестве с Даниилом Черным, его же Ветхозаветная Троица для Троице-Сергиевой лавры, фрески и иконы Успенского собора в Звенигороде... Эти лики невозможно забыть – внимательные глаза, прямые брови, веки, спокойные не крупные черты лица – Христос милостив, он слушает и дает надежду. Недаром говорят: иконы Рублевского чина – слово о самоотверженной любви русского человека. Представлены списки Владимирских икон, Икон Успенского собора, Пешношского монастыря под Дмитровом. Альбом позволяет проследить жизненный путь еще одного из величайших мастеров древнего письма – Дионисия, создателя знаменитых шедевров Ферапонтова монастыря. Новые принципы в московскую иконопись привносятся Симоном Ушаковым. Его Троица, Спас Нерукотворный ориентированы уже на маньеризм, на барокко.

5. В этой связи разговор должен вестись и о церковно-славянском языковом прошлом Русской культуры. Значим труд изучения церковно-славянского языка. языка. Ибо что такое писатель или поэт?! Это, прежде всего, язык. Язык древнерусской литературы, язык житийной литературы – этой своеобразной серии ЖЗЛ дореволюционной России, язык протопопа Аввакума, Курбского, Державина, языкотворчество Хлебникова, Хармса, Пригова. Без церковно-славянского языка нам будет недоступна и литература XVIII-XIX века. Державинская ода «Бог», пушкинский «Пророк», Толстой, Достоевский, Куприн, Шмелев, Тютчев, Ахматова- поэт русского православия, Хомяков, Г. Иванов, Ходасевич. Без церковно-славянского языка непонятны прекрасные труды деятелей русской культуры – Аверинцева, Лосева, Лихачева, Н. И. Толстого. И отсюда наш интерес к языку.

6. Показателен интерес к церковной литургике и гомилетике. Так, например, христианские службы года, службы церковного круга, словно бы рисующие наново жизнь Христа – от Успения Богородицы до Рождества Христова и Пасхи, заставляют философствовать на темы жизни земной и небесной.

Или возьмем эстетический компонент службы. В году 400-летия правления династии Романовых в собор начала прошлого века в стиле модерн, что возле нашего дома, была привезена Феодоровская икона Божьей матери. Глаз не оторвать, красивый темный лик, золоченые ризы, икона двухсторонняя – когда несли, то на обратной стороне виден был прекрасный образ святой Великомученицы Параскевы. Как я прочитал позже, образ, связанный с супругой Александра Невского. Икона Феодоровская же – из костромского собора, та самая, которой был благословлен на царство Михаил Романов. Помню, смотрел хронику, как семья последнего императора поехала на колеснице к этой иконе в год трехсотлетия Дома Романовых. Сюжет, выводящий к острейшей социально-философской проблематике и философии истории, философии власти!

К христианским первоосновам выводят службы Страстной недели – воспоминания о Тайной вечере, вынос плащаницы, снятие с креста. Свечи в руках. Цветы, прекрасный хор. Долгое чтение Евангелий. Людно, исповедь, подготовка к причащению. Много духовенства. Все готовится к кульминации. Ведь Пасха – это не просто покрасить яйца, купить «кекс праздничный» и обратиться на родных могилах.

7. Значимо желание неопитов знакомиться с пастырской проповедью. Поучения святых отцов представляют острейшие темы антропософии! Иоанн Кронштадтский – это и проповедь, и исповедь, и молитва, и миссионерство, и мудрость старчества. Иоанн Кронштадтский - это и черная сотня, и отрицание Толстого.

Вот его слова:

Нужно любить всякого человека и в грехе его и в позоре его. Не нужно смешивать человека — этот образ Божий — со злом, которое в нём.

Ты ненавидишь врага — ты глуп... люби врага — и ты будешь премудр.

Надо помнить, что в том и христианская вера состоит, чтобы любить врагов.

Смотри на всякого человека, домашний он или чужой, как на всегдашнюю новость в мире Божиим, как на величайшее чудо Божией премудрости и благодати, и привычка твоя к нему да не послужит для тебя поводом к пренебрежению его. Почитай и люби его, как себя, постоянно, неизменно.

8. В современном русском языке можно проследить сохранение связи с церковно-славянским языком, в котором сохраняются «корни, связующие нас с Богом». В. А. Маслова приводит следующие этимологические трактовки: *соревнование* – это не современное состязание, а совокупность духовных усилий, ревность ко Христу, *убогий* – это не ущербный, а от быть у Бога. *Послушание* – услышать слова Христа и исполнить их, *чудо* от чути, т.е. слышать, *успеть* и *успех* – слова родственные, происходящие от «успеть спастись», *судьба* тесно связана с судом Божиим, *человек* – словек - Слово, , *славяне*- награжденные особым даром слова, *безобразие* – утрата, потеря образа Бога, *святой* – несущий свет, *Русь* - русский, светлый..

Величественны слова молитв, псалмов. Красив и таинственен язык священного Писания:

Благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших! = Пусть будет хорош твой ребенок, потому что он спасет нас.

Оценим, как исчезает волшебное обаяние слов в переводе, исчезает особое благозвучие.

9. Церковная культура - это и связь с историей края, города. Вспомнились престолы Николая в Замоскворечье – св. Николы в Толмачах, св. Николы в Листах, в Пыжах. Церкви, имеющие свое лицо. Рядом – Троицы в Вишняках, св. Климента и, конечно же, Б. М. Всех Скорбящих Радости. Восстанавливается всё, вняли гласу разума. Недаром известный москвовед Л. Колодный писал, что со сломанными Николаями центра Москвы Москва - не Москва.

10. Феномен современной православной поэзии в культуре нов. Понятно явление основных смыслов современной православной поэзии в их связи с мощной православной поэзией, существовавшей в русской культуре до эпохи богоборчества.

Развитие поэтического языка сегодня, темы христианской лирики сегодня продемонстрируем на примере стихов поэта, привнесший христианские темы, темы мировой христианской культуры в современную русскую поэзию – О. Николаевой. Согласимся, что аллюзивность ее стихотворений далека от аллюзий, например, поэтессы Ларисы Рубальской.

*Я одним глазком заглядывала в Бейрут,
и одной ногой зашагивала в Багдад,
и в Дамаск запускала руку, и был обут
в сапожищи Ливанских гор и багров закат...
А глаза закрою — он ярче горит сто крат.*

*Я входила в Ерусалим под его звезду.
Целовала в белые камни, в старческий лоб
и в маслины, скукоженные в Гефсиманском саду,
в бугенвиль кровавый его, в острый иссоп.
До сих пор мои губы чувствуют жар, озноб.*

*В Иудейской пустыне монах мне давал лукум
и поил из греческой фляги водой, аскет,
и крестом осенял, чтоб меня не свалил самум,
и чтобы сель миновал, и чтоб бес потерял мой след.
И хранит меня этот крест, как Фаворский свет.*

*...Чем воздам Промыслителю, Создателю бездн и гор
за Афины и Фермопилы, за жест, за взгляд,
за Чермное море, за Патмос и за Босфор,
и за Солунь, и за Киркиру, и за Царь-град?
И любое имя слаще, чем виноград.*

*Да хотя бы за то, что, на лоб нацепив плюмаж,
водопад отодвинув локтем, щурясь на свет,
я учила индейцев нашему «Отче наш»,*

*а они «Pater noster» учили меня в ответ.
И водил по сердцу отточенный карандаш.*

*И пока корабли мои качаются на волнах
между Сциллой и Харибдой, мул ждет у горы Фавор,
и спускается облако, всю ночь стоит в головах,
ветер с моря прочь из души выдувает сор, —
ни один мне не страшен враг,
не опасен вор.*

*И когда я совсем уйду, — как медленный караван,
вслед за мной потянутся Дарданеллы, Евфрат, Ермон,
даже Нил безумный — и тот, он стар, он пьян,
Понт Евксинский, ветра с четырех сторон.
И омоет пятна мои Иордан, упокоит сон.*

*Я полмира с собой унесу. Лишь обрывок, клочок
здесь оставлю: Нью-Йорк, Баскунчак, Дакар,
так — какую-то мелочь. Зыбкий чужой песок.
Остальное возьму, куда ни один Макар...
Бьется в глазу Кура,
Эльба стучит в висок.*

*Все со мною пребудет, что я полюбила, — да!
Разложу пред Господом Сил, Господином лет:
— Посмотри, у меня и Твоя земля, и Твоя вода
сохранили вкус, сохранили запах и цвет.
И готовы к вечному празднику города.*

*И — о чудо! — здесь все мое, и при этом нет
ничего моего!..
Так долгие облака
проплывают, меня черты, когда преломляют свет:
то горы встают из них, то замки, а то река...
И дети кричат им вдогонку и машут вслед!*

В процитированном стихотворении выделены знаки, нуждающиеся в семантизации, запускающие особенно важную работу по распределению тех сущностей, которые стоят за словом, вызывающие необходимость обращения к справочному материалу, и к самому первоисточнику – тексту Библии. Чего стоит, например, для неопитов ЧЕРМНОЕ МОРЕ- море Красное.

Издательским советом Русской Православной Церкви, Центрально-Черноземным книжным издательством, Ассоциацией «Лермонтовское наследие» подготовлен и издан альманах «День Православной поэзии» [2]. Главным редактором является поэт и работник Министерства культуры А. В. Шацков, председателем редакционной коллегии - А. Д. Дементьев. В альманахе помещены стихотворения более двухсот российских поэтов- классиков (первая часть) и современников (часть вторая).

В обращении Патриарха Алексия Второго, помещенном в предисловии к альманаху, говорится о желании поэтов воспеть красоту Божьего мира, об их желании думать и говорить по-христиански, «сохранить убежденность в превосходстве небесного над земным, которое во все века возгревала великая русская литература».

Творец и Вера, творец и религия - сложные, неоднозначные вопросы.

Вслед за поэтом А. Бобровым многие современные авторы могут сказать о себе в прямом и переносном смысле:

*Удаль – не молодецкую –
В сердце слегка смирю.
Улицю Советскую
выйду к монастырю ...*

В первой части сборника помещена поэтическая классика, уместная в таком тематическом альманахе. Российские поэты размышляют над темой Бога со времен Ломоносова и Тредиаковского. Стоит вспомнить «Рождество» Пастернака, стихи Володина, «Молитву» Ахматовой, библейские ее стихи, «Бог» Державина, «Пророк» Пушкина, лирику Блока. Человеку золотого и серебряного века русской культуры многое было присуще генетически, по праву рождения, например, знание церковных праздников, икон, фресок. «Лучший способ сохранить религиозное чувство, - писала Марина Цветаева – исполнять все обряды, предписываемые церковью». Люди девятнадцатого

века, воцерковленные в силу традиции, получившие соответственное воспитание в семье и обществе, где церковь была неперенным государственным и общественным институтом, видели мир и себя в нем иначе.

Бунинские стихи о Троице, помещенные в сборнике, заставляют вспомнить патриархальную Россию:

Ты нынче с трудовых засеянных полей

Принес сюда в дары простые

приношения:

Гирлянды молодых березовых ветвей,

Печали тихий вздох, молитву –

и смирение...

Даже богоборчество классиков было определенным вызовом своей среде. Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Достоевский, Толстой, Ахматова, Цветаева, Пастернак... Эти имена характеризуют сложные взаимоотношения с религией. Набоков стал атеистом после гибели своего отца. Особенности жизни многих творцов не позволяют считать их христианами в традиционном понимании. Но кающемуся грешнику да прощается.

Одна из тем Серебряного века - Россия в рассеянии - одна из крупнейших трагедий века двадцатого. Об этом - стихи З. Гиппиус, помещенные в сборнике:

Как Симеону увидеть

Дал Ты, Господь, Мессию,

Дай мне, дай увидеть

Родную мою Россию.

Связанные аллюзией на праздник Сретенья, стихи эти заставляют вспомнить прекрасные стихи о Сретении И. Бродского.

И вот – часть вторая альманаха «Всякое дыхание да хвалит Господа» – стихи наших современников. Переключка поэтов. Современные поэтические голоса и темы...

Николай Алешкин из Рузы словно бы от их имени пишет «Звучит, взывает слово Божье Над человеческой судьбой».

Ему вторит Олег Алешкин из Рузы – автор следующих строк:

Горят торжественно лампы,

Чтоб никогда не догореть.

Мне счастья большего не надо,

Как образ Божий лицезреть.

В мире, почти потерявшем Бога, в стране, долгое время бывшей богоборческой, поэты рассуждают о себе и истории. Ведь действительно нас «щадить не хотел век двадцатый – опричник» (стихи К. Козлова, помещенные в сборнике).

Пафос православной лирики не только созерцательный. Так, А. Русаков молит:

Молю себе я, Господи, иного –

Возстави душу на Твои дела...

В стихах современников вновь звучит тема сбережения народа, его развития:

Мы возродим обители.

Как возродить народ?

Так вопрошает А. Бобров.

Знание святынь – одна из тем стихотворений современной православной поэзии:

Смоленской Божьей Матери икона!

Как скорбный лик Твой навеки, в слове передам?

Нас защитив от войск Наполеона,

Со славою вернулась ты во храм.

Моление о чаше, Евангельские строки – один из эпизодов священного Писания – среди тем лириков:

Гефсиманский сад, дай мне дорости

До твоих небес.

«Молитва в Гефсиманском саду» Станислава Бондаренко заставляет вспомнить как евангельские стихи, так и стихи Б. Пастернака.

Монашество - одна из тем современной православной лирики. Вот строки Алексея Витакова (Москва):

Зарывается ветер в траву-лебеду,

Больно взгляду от сора и праха.

Брошу все. Пусть осудят меня. Я уйду

Высоко- к черноморским монахам.

В стихотворениях наших современников - фигуры русских святых и князей – Юрий, Иосиф Волоцкий, Даниил, Ольга, Игорь, Владимир, Св. Кирилл, Нил, Серафим Саровский, Сергей Радонежский, герои и мученики Красной России, ставшие святыми, пролившие кровь и отдавшие жизнь за други своя. Стихи «На земле преподобного Сергия», «На поле кКуликовом» требуют понимания подвига Сергия Радонежского, воскрешают битву на Куликовом поле. «Путь повторить их страшно, не повторить нельзя».

Многим поэтам свойственно глубокое знание писания и церковной истории - в стихах фигурируют Псалмопевец Давид, волхвы, Канна Галилейская, Содом, Саул и Давид, Лот, хождение по водам, Генисаретское озеро, молитва святого Иоанна Дамаскина...

Скажем, освоение этих строк невозможно без представления мученичества Бориса и Глеба:

*Над часовней Бориса и Глеба
- ключья туч, как растрепанный мех,
И такое тяжелое небо – точно братоубийственный грех.*

Поэтическое освоение мира осваивает темы христианкой обрядности - вынос плащаницы Христа на Страстной, чин погребенья:

*И видят свет у царских врат,
И черный плат, и свечек ряд,
Заплаканные лица –
И вдруг навстречу крестный ход
Выходит с плащаницей, и две березы у ворот
Должны посторониться.*

Стихи посвящены Рождеству, Пасхе, Красной горке, Входу Господа в Иерусалим (сразу заставляют вспомнить «Вербную субботу» Блока), другим праздникам. Так, о Прощеном Воскресенье Б. Ильин (Ногинск) пишет:

*А этот день – с прощеньем
для грешных.
И не прощать сегодня не могу.*

Порою требуется знание церковной лексики. Так у Ахматовой есть строки «...солею молений моих». Не каждый из сегодняшних даже прихожан знает, что такое солея. Или вот слово «синодик» в этих стихах о. Андрея Спиридонова:

*И наш синодик поминальный,
Как список воинских потерь...*

В стихотворениях наших современников так хорошо знакомые нам картины - картины дня сегодняшнего – «Церковь в старом вагоне» Елены Буевич (Черкассы). «На руинах церкви», «Разрушенная церковь» - названия стихов в сборнике заставят читателя перекинуть мостик к каким-то картинам собственной жизни.

Поэты высказывают сожаление о том, что не было религиозного воспитания:

*Надо бы вернуться восвояси,
Надо бы держаться своего.
Только в золотом иконостасе
Я не понимаю ничего.*

Желание участвовать в религиозном возрождении характеризует, среди многих, К. Козлова (Санкт-Петербург):

*Я хочу заложить в создаваемый Храм
Навсегда – хоть один
Аккуратный кирпичик.*

В. Львов (Тверская область) радуется в стихах: «Возрождается вера!».

Ему вторит Ник. Переяслов (Москва):

*Слава Богу, что вновь возродился
Хоть еще один иконостас!
Слава Богу, что к нам возвратился
Дух Святой, опекающий нас.*

Молитва за Россию - вечная тема лириков. Виктор Гаврилин из Солнечногорска пишет:

*Богородица...Осень...
Завесы раздвинь –
из дождей ли, из слез ли во взгляде, -
помолюсь за Россию на вещью синь
И на даль в золоченом окладе.*

Стихи Заболоцкого-позднего вспоминаются при прочтении следующих строк тверского поэта Олега Горлова:

*Мы станем жить, раздаривая людям
Себя. Как этот воздух, этот снег,
Войдя во все мельчайшею частицей,
оставшись миллионами примет,
И нам с людьми вовеки не проститься,
и будем жить всегда, и смерти нет.*

Вообще, поэзия современников полна аллюзий, переключек. «Великая Ектенья» о. Дмитрия Дудко заставляет вспомнить стихотворения В. Набокова.

Творчество Андрея Дементьева (Москва) представлено «Иерусалимскими стихами»:

От российской Голгофы

Голгофе Господней
Поклонюсь...
И пройду этим скорбным путем.
Все, что было когда-то, вершится сегодня,
Повторяется памятью в сердце моем.

Порой в языке православной поэзии наличествуют сложные приемы. Вот стихи Елены Зотовой (Тверская область):

От любви, не ушедшей из мира,
До любви, не оставившей мир,
Путь великий – от Ноева пира
И до Канн Галилейских на пир.

11. Текстами Библии и церковных служб не ограничиваются формы современного православного дискурса. Свообразен, например, жанр современных публичных лекций проповедников. При этом риторической задачей является желание обратиться не к пастве, а к широким слоям народа, зачастую нерелигиозного и малоосведомленного в области православия (этос ситуации). Этос диктует пафос и логос. Сам Христос говорил на простом языке и притчами.

Отметим некоторые из концептов такой публичной лекции: *духовник; постриг*, понимаемый как отречение от мира (монашество не должно привлекаться к социальному служению); *смирение; гордыня; послушание; крещение, Иисусова молитва...* Проявляется интерес к особенностям богослужения, поведения в церкви (*земной поклон во время евхаристического таинства; причащение, пост, икона...*). В публичных лекциях могут обсуждаться особенности суточного, недельного и годового круга, праздников (*Пасха, Рождество, Успение и Рождество Богородицы, Воздвижение, Введение во храм, Благовещенье, Преображение, Сретенье, Крещение, Богоявление, Вознесение, Сошествие Святого Духа*), особенности богослужений, таинств.

В публичной лекции отводится место богословским проблемам в их популярном толковании (*канонизация и вредность ее пропаганды, Царь и Антихрист, Канон святоотеческий, Православное понимание жертвы Христа, мученики, благодатный огонь, евангелисты, их мечтательный романтизм...*)

Это и повод описать внутреннее состояние прихожанина и христианина: *смирение, сокрушение, внимание, любовь, покаяние*, понимаемое совсем как не отчет о проделанных грехах, *грех, праведник, заповеди, добродетели*.

Фигурируют *прецедентные имена* И. Брянчанинов, И. Валаамский, Иосиф Исихаст, Нил Сорский, Марк Подвижник преподобный, Кирилл Иерусалимский, Иоанн Кронштадтский, Алексей Хомяков, Варсонофий Оптинский, отец Сергей Булгаков, Феофан...

Отдельными темами представляются *святыни, паломничество, иконопись, иконы, мощи*.

Совсем иным жанром представляется жанр проповеди в стенах храма - свободной речи священнослужителя, связанной с отмечаемыми православными событиями (память святого, праздник иконы, пассия и т.д.) и предписываемым поведением. Здесь проявляет себя гомилетика – искусство проповеди и искусство церковного красноречия. Адресатом проповеди являются пасомые.

12. Показательно возрождение христианского круга праздников. Возьмем Сретенье. Это фигурные сретенские свечи, на которых написано «для дома». И которые, также как и свечи крещенские, зажигают в болезнях. Это, например, прекрасная старинная икона восемнадцатого века – не отвезти глаз. Фигуры «из числа людей, находившихся там постоянно – «святой Симеон и пророчица Анна». Это прекрасные стихи И. Бродского об этом празднике. Фреска Сретенья под куполом. «Ныне отпускаеши, Владыко, по глаголу Твоему с миром»- стройно поет хор. Великолепен тропарь праздника, пропетый трижды. На праздник прихожане сказали мне, что в сретенской стихире Христос говорит, что это «не Вы меня держите, а я держу вас». Были прочитаны из Евангелия от Луки слова об этой библейской сцене. Вся церковь, как всегда в субботу вечером, пропела «Воскресенье Христово видевши...».

Это и великий пост, возможность побывать на великом повечерии с чтением канона Андрея Критского. Люди спрашивают друг друга, когда исповедоваться, когда причаститься, когда родительская, когда подавать постовую записку, когда будет Пассия с акафистом Страстям Господним, когда будет соборование. Специально для Андрея Критского поется: *Андрее честный, не престаи моляся о воспевающих тя*. Это необходимость вспомнить, каковы постовые службы, молитва преп. Ефрема Сирина, стихотворение Пушкина.

13. При изучении молитв обращаем внимание на семантическое поле: *акафист, канон, молитва ко святому, на всякую потребу, правилом ко святому причащению, лития, тропари, символ веры, песнь пресвятой Богородице, тропарь Кресту, молитва о живых и молитва об усопших, помянник, кондак Богородице, стихирь, седален, икос, псалом, кафизмы, паремии, Воскресная песнь по Евангелию*.

От описания старого быта неотъемлемо описание вокабуляра русского православия – средоточия русской культуры, прошедшее сквозь века: *лавра, инок, белое духовенство, собор, келья, колокольня, игумен, послушание, пострижение, ряса, камлавка, мантия и клобук, дьякон, куколь и перевязь, вериги, ризничий, варево, сочиво, кутья, престольный, храмовый праздник, канунник*. Характерны особенности значений слов в церковном-монастырском обиходе: *утешенье, будильник*, богослужебные предметы: *потир, ковчег, кадило, лампада, оклад, ризы*. Характерны особенности одежды в церкви - *объярь, саккос, панагия, митра, фелонь...*

Предпринимаются попытки разбить лексику православия и воцерковления на отдельные лексико-семантические группы. Отражение лексико-семантических групп в словарях идеографического плана обсуждается лингвистами. В отношении лексики церковного обихода это группы лексики, связанные с описанием храма, поведением в храме, традициями богослужения, одеждами священнослужителей, требами и таинствами и т.д. (*благовест, литургия, алтарь, царские врата, иконостас, евхаристия, святой престол, потир, лжица, кадило, ладан, проповедь, отпуст*). Так, лексико-семантическая группа «одежды священнослужителей» включает следующие предметы: *стихарь, орарь, поручи, епитрахиль, пояс, фелонь, скуфья, наперсный крест, камилавка, омофор, палица, панагия, митра*. Описываются понятия нематериальной культуры: *ектенья, епитимья*, агониимы [1].

Это особенно ценно, потому что происходит тогда, когда из эфира практически исчезла высокая лексика, а возвращение религиозно-церковной лексики сопровождается множеством ошибок (**знамЕние, *благословение, *икОнопись, *вероисповедАние, *думать о брЕННОЙ душе* и т.д.). Имеет смысл обратить не только на ударение, но и на значение, а иногда и на происхождение слова: *апокАлипсис, блАговест, вЕрея, духовнИк, пОслушник, дОгмат, зНАмение, Иконопись, просфорА, множественное прОсфоры, панагИя, патриарХИя*.

Итак, этот аспект описания индивидуального лексикона демонстрирует как жанровую, так и концептуальную специфику православного дискурса: систему жанров, концептов, лексико-семантические группы вокабуляра. Deskриптивная работа способствует субстанциальному пониманию сущности феномена православного дискурса, адекватной интерпретации его, в том числе в культурологической, дидактической и переводческой деятельности.

14. В последние годы мы в России являемся свидетелями появления особого пласта литературы – «литературы воцерковленных людей». Книги, ее составляющие, разного качества и жанра. Сюда относятся книга юмористических историй критика Майи Кучерской, книги Олеси Николаевой – поэта и жены священника о. В. Вигилянского. В этой традиции работает петербурженка Елена Чижова – лауреат премий, человек, когда-то тесно связанный с церковью. Сюда относится Т. Шевкунов – архимандрит Сретенского монастыря, памятный нам своими книгой и фильмом. Особняком стоит великолепная книга протоиерея Михаила Ардова – человека редкого ума, литературного дара и большой культуры. Можно назвать здесь и примечательные совсем другими, но тоже особыми свойствами книги Александра Сегеня и Виктора Николаева... Можно, на наш взгляд, говорить о тенденции возникновения книг с тематикой русской и христианской идентичности.

Книга Михаила Викторовича Назарова «Миссия русской эмиграции» [3] посвящена сущности русского зарубежья – той миссии, от которой русской эмиграции, по мнению автора, невозможно было уклониться. Михаил Назаров анализирует уникальный опыт русской эмиграции, познавшей суть разных общественных систем – коммунизма, демократии, фашизма.

За последние годы мы являемся свидетелями многих материалов об эмиграции, которые прорываются к читателю в Советском Союзе и новой России. Одним из первых материалов по теме явился изданный в шестидесятые годы роман репатриантки Натальи Ильиной «Возращение», ее мемуары «Дороги и судьбы», изданные в годы перестройки мемуары Александра Вертинского. Вспоминается в этой связи и вернувшаяся в перестройку на родину девяностолетняя Ирина Одоевцева, сказавшая о себе «Я вернулась глотнуть славы и умереть». А взять изданные на Родине книги Бориса Зайцева, Марка Алданова, Михаила Осоргина, Владимира Набокова, Гайто Газданова, Георгия Иванова, Нины Берберовой... Столкновения с эмиграцией множественны: это и реабилитированная русская религиозная философия, и патронируемая Солженицыным библиотека воспоминаний представителей эмиграции, и приезд в Россию потомков тех, кто ушел из России и унес ее в своем сердце. Венчает усилия по освоению наследия эмиграции созданная в Москве Библиотека-дом «Русского зарубежья» на Таганке... Тема осмысливается и в перестроечном кинематографе: можно вспомнить семью известных русских эмигрантов Кривошеиных, ставших прообразом семьи в фильме «Восток-Запад». Многочисленны материалы периодической печати о культурном обмене с эмиграцией... Русская диаспора - Россия в рассеянии – продолжает влиять на метрополию. Но, как бы трагичны, интересны и поучительны ни были бы отдельные факты, они – вещи частные. А книга М. В. Назарова ставит своей задачей анализ миссии русской эмиграции.

Автор в книге анализирует отношение Запада к России, проявляющееся в многочисленных стереотипах, обсуждает и некоторые табуированные проблемы. В опыте эмиграции все это представлено как общечеловеческая проблематика.

«Мы не в изгнании, мы – в послании». Вспоминается Иван Бунин со своей знаменитой речью «Миссия русской эмиграции», да и вообще со своими рассказами.

Известен «свет с Востока», озаривший Запад, его плоды, обогатившие мир, – стоит вспомнить внесших свой вклад в западную науку и культуру изобретателя телевидения русского Владимира Зворыкина, и автора высокооктанового бензина Владимира Ипатьева, и изобретателя Игоря Сикорского, и социолога Питирима Сорокина, и нобелевских лауреатов Илью Пригожина и экономиста Василия Леонтьева, деятелей культуры, живописи, музыки... Хотя из книги становится понятным, что не всех русских эмигрантов чужбина принимала охотно.

Но какова миссия эмиграции по отношению к своей стране? По мнению автора, это ведь не только желание сохранить память о России, не только участие в политических переменах в России, но и задача показать «русскую идею» как синтез общечеловеческого опыта.

Давайте вспомним имена мыслителей русской эмиграции, с избытком представленные на страницах книги М. В. Назарова – Антоний Храповицкий, Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Борис Вышеславцев, Василий

Зеньковский, Иван Ильин, Антон Карташев, Леонид Карсавин, Николай Лосский, Георгий Федотов, Сергей Франк, Георгий Флоровский, Лев Шестов, Александр Шмеман.

Первая волна русской эмиграции была элитарной. Вторая – после войны – охватывала все социальные слои. Третья исповедовала космополитические ценности, бежала не сколько от несвободы, а для лучшей жизни. Пятнадцать лет провел на Западе и автор книги, работая в издательстве «Посев» - когда-то символе антисоветизма. Хотя автор и оговаривается, что не его собственный опыт является предметом рассмотрения в этой книге. Родина или свобода – первая дилемма, вставшая перед автором в перипетиях его собственной судьбы. И именно Запад сделает его русским. Свое пребывание на Западе Назаров называет экспедицией по разгадке смысла жизни. Зарубежная Россия, не имевшая своей территории, заставила его задуматься о русских.. Он скажет позже про себя : «До эмиграции я был одним из обычных антисоветчиков-нигилистов». Он поймет, что свобода – всего лишь необходимое условие жизни, но не ее содержание: «Свобода, к которой я стремился, оказалась чужой свободой, моя же была мыслима только на родной земле».

Речь идет о национальном самосознании, о котором мы много говорим и которому посвящает свои труды М. Назаров.

Многочисленные герои книги Назарова «Миссия русской эмиграции» - офицеры, ставшие шоферами парижских такси, ждавшие «весеннего похода», но polegшие на кладбище в Сен-Женевьев де Буа, прощально мелькающие именами и званиями с последних страниц «Часового» и «Русской мысли», авторы и сотрудники русских изданий с латинскими буквами адресов, оставившие после себя книжки о смысле России, издававшиеся в тридцатые годы тиражом в триста- пятьсот экземпляров. Герои Галлиполи, Константинополя, Туниса, переселенцы Южной Америки, Югославии. Тернисты дороги эмиграции, горька ее судьба.

Созвездие имен – Иван Бунин, Иван Шмелев, Роман Гуль, Петр Струве, Владимир Набоков, Павел Милюков, Нина Берберова, Владислав Ходасевич, Юрий Терапиано, Ирина Одоевцева, Георгий Адамович, Георгий Иванов, Владислав Ходасевич, Марина Цветаева, Александр Куприн. В эмиграции издается более тысячи периодических изданий - посмотрим на их названия, говорящие сами за себя: «Руль», «Свобода», «Дни», «Воля России», «Призыв», «Новое время», «Русский колокол», «Русский голос», «Грядущая Россия», «Современные записки», «Жар-Птица», «Звено», «Числа», «Версты», «Сполохи», «Встречи», «Путь», «Новый град», «Общее дело». В этой связи вспоминаются и книги книга французского слависта Рене Гера, столько сделавшего для сохранения наследия первой волны русской эмиграции.

Читая труды М. В. Назарова, видишь, что описываемая им среда первой эмиграции неоднородна. Но эти конфликты, противоречия всепоглощающей Летой, временем, историей и судьбой уже почти сведены на нет. Это не наше безразличие. Из книги мы видим, что были в первой эмиграции правые и левые, непримиримые, по-разному видевшие свою ответственность за революцию и будущее России.. Были люди, отказывавшие великому князю Н. Н. Романову быть вождем эмиграции и люди, шедшие за ним; а рядом же был князь Кирилл Владимирович со своими претензиями. Были евразийцы и масоны, монархисты и социалисты, сторонники сотрудничества с Антантой и противники, люди признавшие власть большевиков и отказавшиеся сделать это. Трагическая страница русской эмиграции – сотрудничество с власовщиной – тоже отражена в книге.

Значительное место в книге занимает зарубежная церковь и ее раскол. Отрадно, что икона «Курская – Коренная» – Одигитрия русского зарубежья, ушедшая в эмиграцию вместе с войсками - сегодня опять высокочтимая как святыня в Курской области в новой России.

Была непримиримость ,и были компромиссы с властью. Всех уравнило время. Символ примирения – прах очень противоречивого крайне правого философа Ивана Ильина, возвратившийся в Россию и перезахороненный на кладбище Донского монастыря в Москве.

В церковной истории двадцатого века были обоснованные и надуманные обвинения друг против друга. Историк церкви русского зарубежья Антон Карташев писал так: « История и жизнь призвут нас к еще одному экзамену , там в России свободной Мать Церковь спросит «Како веруеши?». Кажется, это время настало. О патриархе Тихоне, шедшем в малом на компромиссы с новой властью, Сергей Булгаков писал, что «слова изнемогают и отказываются служить, присутствуя при этом Гефсиманском борении и видя этот Голгофский путь... лишь немногие лица в церкви столь трагичны в своей земной судьбе». Нам сегодня трудно понять, почему полевел или поправел возглавлявший одну из зарубежных православных церквей митрополит Евлогий, хотя книга предоставляет нам массу пищи для размышлений. Их имена принадлежат истории. Впрочем, М. В. Назаров критично относится к акту сотрудничества Московского Патриархата с Русской зарубежной церковью.

Уроки истории двадцатого века – одна из тем автора. Чего стоит монархический призыв к покаянию за Февраль – одна из граней русской историософии двадцатого века. Среди трудов, осмысляющих это, можно назвать и эпопею «Красное колесо» Александра Солженицына.

Сменовеховство, устряловщина , евразийцы., младороссы – грани политических и идейных группировок казалось бы тех дней... А сегодня мы видим , что есть и сегодняшние последователи у евразийцев, с их разочарованием в Западе, с поиском ответов у Николая Данилевского, Константина Леонтьева, Освальда Шпенглера.

Эмигранты получали советские паспорта, прошли испытание патриотизмом и разочаровались в Западе или видели перспективу культурной ассимиляции. Все эти вопросы, поставленные незаурядными судьбами Александра

Куприна, Сергея Прокофьева, Игоря Стравинского, Сергея Рахманинова, Ивана Библибина, Ирины Одоевцевой, Александра Вертинского, иных, в истории уже безымянных изгнанников, предстают перед нами при знакомстве с книгами Михаила Назарова.

В конце уходящего года читателю представлен автобиографический роман «Моя Америка» церковного историка и церковного деятеля Александра Дворкина [2].

Эта книга, жанр которой определен как «автобиографический роман», может быть интересна разными своими гранями. Для кого-то – это лишь авантурные приключения и опыт автора, объехавшего полмира автостопом, кому-то познавательными покажутся страницы, описывающие знакомство автора изнутри с особенностями жизни американцев, кому-то интересны свидетельства о церковной жизни в американской православной семинарии. Кто-то из читателей просто удивится бесшабашности захватывающих приключений, странствий, блужданий, очарований, испытаний и искушений московского хиппи, эмигрирующего в Америку по израильской визе получать образование и возвращающегося на родину пятнадцать лет спустя. Словом, каждый читатель отметит что-то свое. Кто-то подивится самостоятельности человека, недовольного серостью окружавшей его жизни, грезящего истинной свободой, ставшего хиппи, протестующим «на Стриту» своим включением в «Систему». Достойны внимания страницы о воцерковлении, принятии православия. Тем более, что дорога в храм на соседней улице пролегла у Дворкина через страны и континенты. Кто-то с интересом прочитает строки о радиостанциях «Голос Америки» и «Свобода», где работал Александр Дворкин. Кому-то будут интересны свидетельства о замечательных людях, встречи с которыми описаны очень ярко.

Интересна биография автора. Будучи московским студентом, он заинтересовался движением хиппи, был изгнан с третьего курса института за убеждения, несовместимые со званием педагога. Работал санитаром, рентгентехником. Двадцати лет отправился в 1978 году в Новый Свет на поиски собственной Америки: маршрутом, знакомым многим эмигрантам – Вена, Рим, Нью-Йорк - прибыл на северо-американский континент. Увидев хиппи, был разочарован в них. Здесь он принимает православие и поступает – после получения степени бакалавра по русской литературе в Нью-Йоркском городском университете - в Свято-Владимирскую академию, становится церковным ученым, затем получает докторскую степень по медиевистике за диссертацию «Иван Грозный как религиозный тип».

Критики пишут, что Александр Леонидович подразумевает под «Америкой» не только географический факт, но и духовную ойкумену, в которую надлежало сперва попасть, потом её «открыть» и, наконец, выбраться, как Алиса из кроличьей норы, вернуться изменившимся в Россию, как Одиссей в Итаку. После перестройки Александр Леонидович возвращается в Россию, становится активным участником антисектантского движения. Известен его монографический труд о новых религиозных движениях, многие из которых он называет тоталитарными сектами. Он удостоен церковных наград на поприще противодействия деструктивному влиянию религиозных сект, является профессором Свято-Тихонова гуманитарного университета, ведет общественную работу, будучи вице-президентом Европейской федерации центров по изучению и информированию о сектантстве. Справедливости ради отметим, впрочем, что пассионарная антисектантская деятельность Дворкина сыскала противоречивые оценки.

Не раз мы видели сюжеты по телевидению про «русский оазис» в Америке – Свято-Владимирскую академию в Нью-Йорке. В ней в восьмидесятые годы автор учился, получил степень магистра богословия. Автор застал еще замечательных представителей православия в Америке. От представителей православия серебряного века его отделяет одно рукопожатие. Достаточно сказать, что Александр Дворкин был на церковной службе у знаменитого отца Георгия Флоровского.

Его духовником был Александр Шмеман – человек, чей голос в советские времена проникал к слушателям запрещенных «голосов» из-за рубежа и обращался к ним со словами проповеди. Ректор Свято-Владимирской духовной академии отец Александр Шмеман оставил нам интересное свидетельство христианской жизни – свои «Дневники». После кончины Александра Шмемана ректором православной академии в Нью-Йорке стал отец Иоанн Мейендорф, знаменитый священник и церковный ученый. Он тоже был духовником Александра Дворкина, и по его настоянию Дворкин выбирал себе церковную науку в виде поприща. Любопытны живые воспоминания Дворкина о них – кто служил по-царски, кто скромно, кто спорил в народным благочестием, кто проповедовал с наместным Евангелием в руках, как вдали от России они жили богослужением...

Оба эти священника получили образование в Париже, закончили знаменитый богословский институт в Париже, были учениками осколка Серебряного века отца Георгия Флоровского, помнили Сергея Булгакова, Николая Бердяева, Карташева, Зеньковского, Лосского, всех великих личностей той парижской эмиграции. Оба оказались в Северной Америке и много сделали для отделения (автокефалии) православной церкви Америки.

В Вашингтоне Александр Дворкин был алтарником в соборе, где служил отец Василий Родзянко, памятный жителям СССР эпохи перестройки, так как беседы с ним шли по Центральном телевидению. Кроме Дворкина, об отце Василии Родзянко пишет Михаил Ардов в остроумной и умной книге своих воспоминаний, о нем пишет и отец Тихон Шевкунов в бестселлере десятых годов XXI века «Несвятые святые».

Шмеман, Мейендорф и Родзянко – представители русской аристократии с немецкими и польскими корнями, прекрасные церковные ораторы, проповедники, миссионеры. Они много сделали для восстановления контактов с Православной церковью на Родине, общались и с экуменистами – сторонниками объединения христианских церквей. Связаны оказались они с и с всемирным молодежным христианским движением, частью которого являлся

Никита Струве. Последний знаком с Тверью, выступал здесь, привез и подарил Твери коллекцию книг издательства IMCA Press.

Достаточно сказать, что после перестройки Родзянко и Мейендорф приезжали в Россию и общались с самыми харизматическими священниками в России – о. Дмитрием Дудко, о. Глебом Якуниным и о. Александром Менем. Александр Мень был убит, о. Дмитрий Дудко помнится нам по баррикадам 1993 года, а Глеб Якунин – по Верховному Совету. О Якунине и Мене есть упоминания в книге «Моя Америка».

Есть в книге многие упоминания и рассказы о представителях первой волны русской эмиграции, об их потомках, сохранивших высокую русскую культуру, в том числе и культуру церковную. На мой взгляд, книга прежде всего интересна этим.

На книгу А. Дворкина дает положительную рецензию отец Дмитрий Смирнов, известный своим даром красноречия. Мы помним, что именно этому священнику было дано право сказать прочувствованную речь при отпевании патриарха Алексия Второго, он – частый участник церковной дискуссии.

Порадуемся за Александра Дворкина, издавшего небанальный поучительный труд, этакую исповедь сына века, продолжающую его книги «Учителя и уроки» и «Афонские рассказы». Порадуемся за читателя, идущего от неверия к вере – он обретает надежное свидетельство. Порадуемся за автора, стремившегося к яркости жизни, обретающего ее после своих скитаний по странам и континентам в современной Москве, автора, чей талант нужен русской православной церкви. А читателю еще раз порекомендуем бесполезную книгу, представившую чужой путь от ошибок к правде.

15. На современном этапе в связи с православием и национализмом стоит отметить следующее. В средствах массовой информации ведется в той или иной мере дискурс, связанный с пониманием национальной идентичности. Интересно посмотреть на его крайние формы.

Бывший лидер Движения против нелегальной миграции (ДПНИ) Александр Белов вчера был приговорен к полутора годам условно с отсрочкой на два года за разжигание межнациональной розни. Дорогомилловский суд Москвы признал, что господин Белов на митинге 4 ноября 2007 года "допустил в речи оскорбительные высказывания в адрес евреев и представителей народностей Закавказья и Средней Азии", а также оскорбил представителей исполнительной власти, сравнив здание правительства РФ со свитком Торы.

Уголовное дело против Александра Белова было возбуждено в ноябре 2008 года по ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»). Прокуратура сочла разжигающим межнациональную рознь выступление господина Белова на митинге 4 ноября 2007 года. Завершая очередной «Русский марш», господин Белов поднялся на трибуну и, как сказано в обвинительном заключении, «допустил оскорбительные высказывания в адрес евреев и представителей народностей Закавказья и Средней Азии, заставлял аудиторию скандировать антиправительственные и антисемитские лозунги; кроме того, оскорбил представителей исполнительной власти, присоединив их в негативном смысле к евреям». Александр Белов действительно произнес речь, в которой прозвучали лозунги «Нация превыше всего!» и «Россия будет белой!». «Вы — настоящая власть,— кричал господин Белов соратникам.— А не те, которые прячутся в этом свитке Торы (в этот момент оратор показал пальцем на здание правительства РФ. — "Ъ")». Слушания по делу продолжались несколько месяцев, несколько раз заседания суда отменялись из-за болезни господина Белова.[...]. Суд признал Александра Белова виновным и приговорил его к полутора годам условно с отсрочкой на два года. Осужденный экс-лидер ДПНИ вышел из зала суда к многочисленным соратникам со словами «Слава Руси! Смерть оккупантам!». Сторона обвинения от комментариев отказалась, а господин Белов назвал приговор «абсурдом». «Получилось, что российский суд действительно признал Белый дом свитком Торы, да еще и решил, что в этом есть антисемитизм», — недоумевал он. Экс-лидер ДПНИ намерен обжаловать приговор.

Из интернет-сми. Показательна радикализация дискурса национальной идентичности. Идентичность и национализм все больше и больше увязывается с православием русских как религией титульной нации. Это представляется опасным для межнационального согласия. В этой связи взгляды социологов и политологов вновь обращаются к концепциям политического национализма и конструктивистскому пониманию нации, представленным в работах В. А. Тишкова.

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о значительном присутствии христианских концептов в русском письменном разножанровом дискурсе XXI века, что актуально как для понимания этого дискурса, так и для преподавания в средней и высшей школе.

ЛИТЕРАТУРА

Бугаева И. В. Язык православной сферы: состояние, тенденции развития. дисс. ... д-ра филол. наук. М.: Институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2010.

Дворкин А.. Моя Америка. М. : Изд-во РПЦ, 2013.

Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. М. : Русский путь, 1994.

День Православной поэзии. Ред. А. В. Шацков. Москва-Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2008.

Рудзиевская С. В. Русская икона. М. : ЭКСМО, 2001.

С. Г. Воркачев

Краснодар, Россия

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

АННОТАЦИЯ. На материале русской лексикографии исследуется семантическое представление познавательной способности, показывается, что в семантике производных от имен «ум», «глупость», «мудрость» и «хитрость», наблюдается этнокультурное обращение аксиологического знака.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: познавательная способность; интеллект; ум; глупость; мудрость; хитрость.

Сведения об авторе: Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета.

Адрес: 350072, г. Краснодар, ул. Московская. 2.

E-mail: svork@mail.ru; svork@kubstu.ru.

S. G. Vorkachev

Krasnodar, Russia

INTELLECTUAL ABILITY IN LEXICOGRAPHICAL REPRESENTATION

ABSTRACT. The semantic representation of intellectual ability on the material of Russian lexicography is studied, it is demonstrated that in the semantics of the derivatives of the names "wits", "stupidity", "wisdom" and "cunning" axiological inversion is observed.

KEY WORDS. intellectual ability; intellect; wits; stupidity; wisdom; cunning.

About the author: Vorkachev Segey Grigorievich, Doctor of Philology, Professor, Professor of Scientific-Tech Translation Department of Kuban State Technological University.

На сегодняшний день можно считать установленным фактом, что «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках» [Щерба 1974: 69]. «На всех словах – события печать»: картина мира, отраженная в языке, с наибольшей полнотой представлена, безусловно, в лексической системе этого языка, аккумулирующей взгляды на мир его носителей, их установки и оценки, стереотипы и предрассудки.

Если рассматривать интеллект как лингвокультурный концепт, то его понятийная составляющая будет включать в себя, прежде всего, все то, что в логике называют содержанием понятия: совокупность общих и существенных признаков класса объектов, представленных в сознании рационально и позволяющих последнему отделить этот класс от других видовых классов внутри соответствующей родовой области (см.: [Воркачев 2011: 67; Карасик 2004: 128–129]), а также дополнительные, энциклопедические признаки, значимые для национального сознания и образующие «понятие» в наивной картине мира носителей этнического языка.

Как установлено, понятийная составляющая лингвокультурного концепта формируется, с одной стороны, из семантики членов лексического ряда, посредством которых вербализуется этот концепт, и может быть извлечена из их словарных толкований, с другой же, на наполнение понятийной составляющей влияет и «обработанный продукт» – дефиниции, содержащиеся в научных текстах: монографиях, статьях, отраслевых терминологических словарях (см.: [Воркачев 2013: 110]).

Интеллект – это одно из имен познавательной способности человека: в широком смысле способности к пониманию, обучению и решению практических и теоретических задач (см.: [НФС 1998: 269]).

При аксиологическом рассмотрении познавательной способности логическая «формула интеллекта» принимает вид «субъект оценки, оператор(ы) оценки, протагонист (носитель познавательной способности) оценки, объект познания, основание оценки, обоснование оценки» (см.: [Воркачев 2011а: 274]): «А считает, что В способен к познанию С, потому что D». В аксиологической формуле интеллекта специфические видовые и дополнительные признаки познавательной способности занимают место обоснования оценки: «X обладает интеллектом (умен), потому что он 1) быстро приобретает новые знания и умения; 2) логично мыслит; 3) легко преодолевает неожиданные препятствия; 4) находит выход из нестандартной ситуации; 5) адаптируется к сложной, меняющейся, незнакомой среде; 6) принимает рационально обоснованные решения; 7) формулирует цели и контролирует деятельность по их достижению; 8) адекватно оценивает ситуации, возникающие в окружающем мире; 9) понятно и логично излагает свои мысли; 10) креативен; 11) эрудирован и опытен»; 12) успешно оценивает и прогнозирует поведение людей и т. д.».

Интеллект как единое целое, образуется взаимодействием нескольких частных познавательных способностей – факторов, которые можно разделить на источники интеллекта (причины) и его условия (см., например: [Татаркевич 1981: 141–156]). Источники – это идеальные объекты, заполняющие место обоснования оценки, наличие которых позволяет субъекту считать, что протагонист обладает интеллектом, условия – это те свойства, которые сами по себе человека умным не делают, но без которых считать его таковым невозможно или затруднительно. Тогда в число факторов-причин попадают сообразительность, обучаемость, логичность, интуиция, креативность, адаптивность, четкость мысли, умение прогнозировать, умение формулировать свои мысли и пр., а в число факторов-условий – память, воображение, наблюдательность, внимание, эрудиция, опыт и пр.

Представления об интеллекте изначально аксиологичны: обладание им всегда хорошо, а отсутствие оно всегда плохо. Однако аксиологичность эта неоднородна и многомерна – в ней можно выделить, как минимум, два ряда оценок: оценку прагматическую, утилитарную как способности, обеспечивающей выживание и преуспевание индивида (ум-глупость), и оценку этическую, отражающую направленность познавательной способности на выживание и благополучие человеческого рода в целом (мудрость-хитрость). И если в научном дискурсе представлены лишь ум-глупость и мудрость, то в языковом сознании эта триада дополняется хитростью.

Лексикографическое представление смыслов «ум», «глупость», «мудрость» и «хитрость», образующих вершины «аксиологического квадрата», анализируется по таким параметрам, как: лексический состав, частотность, этимология, синонимика, словарные толкования, ассоциативные связи.

УМ-ИНТЕЛЛЕКТ

В паре «ум-интеллект», передающей вместе со своими производными («умный», «умник», «умница», «разум», «разумный», «умничать», «умствовать», «интеллектуал», «интеллектуальный», «интеллигент», «интеллигентия», «интеллигентный», «интеллигентский» и пр.) познавательную способность в наиболее общем виде, по частоте речевого употребления, безусловно, главенствует первый член – «ум» с частотой 162.43 ipm и рангом 630 при частоте 10.76 ipm и ранге 8047 для «интеллекта» (см.: *Шаров).

При отсутствии надежной этимологии у «ума» (см.: [Шанский-Боброва 2000: 334]) наиболее вероятной представляется версия его происхождения от индо-европейского корня «*ai» со значением чувственного восприятия (см.: [Семенов 2004: 371; Фасмер 2003, т. 5: 161; Черных 1999, т. 2: 289–290]). В этом случае «интеллект», «внутренняя форма» которого для носителей русского языка не существует, в своем происхождении повторяет семантическую модель «ума»: от чувственного восприятия к восприятию абстрактному – пониманию (см.: [Черных 1999, т. 1: 351–352]), а «ум» и «интеллект» в определенном смысле представляют собой этимологические дублеты.

Синонимические ряды имен познавательной способности (субстантивный и адъективный) по данным русских синонимических словарей, вполне представительны, особенно адъективный, и в достаточной мере произвольны: «ум, разум, рассудок, смысл, догадливость, догадка, сметка, гений» [*Абрамов]; «ум, мудрость, гениальность, сообразительность, догадливость, находчивость, изобретательность, смекалка, сметливость» [Шушков 2008: 802–803]; «ум, интеллект, разум, рассудок» [Евгеньева 2001, т. 2: 613; НОССРЯ 2004: 1203]; «ум, умственные (или мыслительные) способности, интеллект, рассудок, разум, голова, толк, мозги, разумение, смысл» [Александрова 1986: 559]; «умный, разумный, благоразумный, понятливый, рассудительный, смысленный, толковый, мудрый, мыслящий, здравомыслящий» [*Абрамов]; «умный, неглупый, мудрый, толковый, разумный, башковитый, мозговитый, головастый, умственный» [Евгеньева 2001а: 605]; «умный, неглупый, смысленный, мудрый, глубокий, пронизательный, прозорливый» [НОССРЯ 2004: 1206]; «умный, толковый, с головой, семи пядей во лбу, ума палата, интеллектуальный, мудрый, гениальный, голова варит, умница, умник, светлая голова, интеллектуал, мудрец, гений, сообразительный, понятливый, догадливый, находчивый, изобретательный, хитрый, сметливый, смекалистый» [Шушков 2008: 801–803]; «умный, мудрый, башковитый, мозговитый, премудрый, вещей, с головой, семи пядей во лбу» [Александрова 1986: 561].

Тем не менее, в качестве ядерных единиц, передающих общую познавательную способность в единстве её основных модусов реализации «понимание-мышление-обучение» («способность человека логически мыслить, понимать, познавать что-л.» – [Кузнецов 1998: 1385]; «способность быстро думать, легко изучать и понимать трудные вещи» – [Шушков 2008: 801]), выступают лексемы «ум, разум, рассудок, интеллект», где место доминанты – лексической единицы, выделяемой на основании таких признаков, как частотность, стилистическая нейтральность, многозначность и употребимость в качестве семантического множителя при лексикографическом описании (подробнее см.: [Воркачев 2011а: 31]), – выступает, конечно, «ум» – «общее название познавательной и заключительной способности человека» [Даль 1998, т. 3: 494], «основное слово для выражения значения» [Евгеньева 2001, т. 2: 613].

Наблюдения над словарными толкованиями ядерных лексем познавательной способности дают основания говорить об определенной степени «семантического примитивизма» самого этого понятия (о семантических примитивах см.: [Воркачев 2011а: 15]) – «ум, разум, рассудок, интеллект» толкуются, как правило, друг через друга либо через какой-либо из частных модусов реализации познавательной способности: «интеллект – мыслительная способность; ум, рассудок, разум» [ССРЛЯ, т. 5: 386]; «ум – мыслительная способность, лежащая в основе сознательной, разумной деятельности» [СРЯ, т. 4: 488]; «рассудок – способность логически мыслить, рассуждать; разум» [ССРЛЯ, т. 12: 853]; «ум – способность человека мыслить, отражать объективную действительность в представлениях, понятиях, суждениях; разум» [ССРЛЯ, т. 16: 567]; «интеллект – мыслительные способности человека, разум» [СРЯ, т. 1: 671]; «разум – 1) познавательная деятельность человека, способность логически и творчески мыслить; 2) ум, интеллект, рассудок» [СРЯ, т. 3: 633]; «рассудок – способность логически мыслить, рассуждать, осмысливать действительность, ум, сознание» [СРЯ, т. 3: 669]; «интеллект – ум, рассудок, мыслительная способность у человека» [Ушаков 2000, т. 1: 1214]; «рассудок – мыслительная способность, позволяющая логически осмысливать действительность, то же, что разум» [Ушаков 2000, т. 3: 1265]; «разум – познавательная деятельность человека, способность мыслить; ум, интеллект, рассудок» [Кузнецов 1998: 1082]; «рассудок – способность логически мыслить, рассуждать, осмысливать действительность; ум, сознание, разум» [Кузнецов 1998: 1099]; «ум – способность человека логически мыслить, понимать, познавать что-л.» [Кузнецов 1998: 1385].

Однако лексикографически ядерные имена познавательной способности относительно легко разводятся как частичные синонимы по характеристикам их речевого употребления, основными из которых являются 1) возможность обозначать некий виртуальный орган мышления – если воспользоваться компьютерной метафорой – аналог программного обеспечения, «софта», где «ум, разум и рассудок» – это и способность познания, и её невидимый орган, а «интеллект» – только способность; 2) идущее, возможно, из философской традиции ценностное деление объекта познания, где «разум» ассоциируется с высшим знанием, «рассудок» – с обыденным; 3) семантический разряд носителя познавательной способности, когда «ум», «разум» и «интеллект» могут относиться и к животным, а «рассудок» только к людям (см.: [НОССРЯ 2004: 1203]).

Что касается дефинирования, то в толкованиях этих ядерных имен в подавляющем большинстве случаев представлен ближайший родовый признак – «способность»: «мыслительная способность», «способность человека мыслить», «способность логически и творчески мыслить», «способность к рассуждению», «способность к мыслительной деятельности [ССРЛЯ, т. 5: 386; т. 16: 567; СРЯ, т. 1: 671; т. 3: 669; т. 4: 488; Ушаков 2000, т. 1: 1214; т. 3: 1265; Кузнецов 1998: 1082; 1099; 1385; Ожегов 1953: 219, 601, 611, 769; Ожегов-Шведова 1998: 249, 655, 665, 832]. И только в словаре Владимира Даля разум категориально толкуется метафорически как «духовная сила» [Даль 1998, т. 4: 53].

Видовые, дифференциальные признаки «акциональность» и «когнитивность», которые позволяют отделить познавательную способность от ближайших способностей – эмоциональной и волевой, в словарных толкованиях ядерных имен интеллекта передаются либо напрямую, через «познание/постижение» («высшая ступень познавательной деятельности человека» – [Ожегов 1953: 601; ССРЛЯ, т. 12: 530; Ушаков; Ефремова 2001, т. 2: 452]; «познавательная деятельность человека» – [СРЯ, т. 3: 633; Кузнецов 1998: 1082]; «духовная сила, могущая ... постигать, познавать» – [Даль 1998, т. 4: 53]), либо через имена своих базовых модусов реализации «понимание-мышление-обучение» («способность мыслить, понимать» – [ССРЛЯ, т. 12: 530]; «способность человека мыслить, отражать объективную действительность в представлениях, понятиях, суждениях – [ССРЛЯ, т. 16: 567]; «мыслительные способности человека» – [СРЯ, т. 1: 671]; «способность логически мыслить, постигая смысл и связь явлений» – [Ушаков 2000, т. 3: 1204]; «способность человека логически мыслить, понимать, познавать что-л.» – [Кузнецов 1998: 1385]; «способность человека думать и понимать» – [НОССРЯ 2004: 1203]; «способность быстро думать, легко изучать и понимать трудные вещи» – [Шушков 2008: 801]).

Модус «понимания» иногда толкуется через свой результат – смысл: «способность осмысливать (окружающую) действительность» [ССРЛЯ, т. 12: 530; Кузнецов 1998: 1099]; «способность логически мыслить, постигая смысл и связь явлений» [Ушаков 2000, т. 3: 1204].

Из числа дополнительных семантических признаков познавательной способности, которые могут занимать место обоснования оценки в аксиологической формуле интеллекта, в лексикографии встречается, прежде всего, логика («способность логически мыслить» – [ССРЛЯ, т. 12: 530; СРЯ, т. 3: 633; Ушаков 2000, т. 3: 1204; Кузнецов 1998: 1385]; «духовная сила, могущая ... заключать (решать, выводить следствие); способность верного, последовательного сцепления мыслей» – [Даль 1998, т. 3: 53]; «способность человека ... отражать объективную действительность в представлениях, понятиях, суждениях» – [ССРЛЯ, т. 16: 567]), память («духовная сила, могущая помнить» – [Даль 1998, т. 4: 53]) и творчество («способность ... творчески мыслить» – [Ефремова 2001, т. 2: 452; Ожегов 1953: 601; Ожегов-Шведова 1998: 654; СРЯ, т. 3: 633]).

Дополнительные признаки отправляют к характеристике познавательной способности через отсылку к такой предметной области помимо собственно теоретической деятельности, как практика: «сообразительный и его синонимы указывают на свойства личности, непосредственно проявляющиеся в конкретных ситуациях повседневной жизни» [НОССРЯ 2004: 1206]; «способность человека быстро соображать, находить правильное решение – сообразительность, догадливость, находчивость, изобретательность, смекалка, сметливость» [Шушков 2008: 802]. Сюда можно еще добавить «дошлый» и «ушлый» в качестве характеристики умственных качеств личности.

Эти признаки могут также отправлять к параметрическим (измеряемым) качествам мыслительных процессов и операций – скорости и глубине: «слова, характеризующие человека, его ум, благодаря которому он быстро и легко понимает что-либо – острый, пронцательный, тонкий» [Шушков 2008: 802]; «прилагательное глубокий характеризует высшие проявления интеллектуальной способности человека, масштабные интеллектуальные достижения, доступные немногим, обнаружение подлинной сути вещей» [НОССРЯ 2004: 1209].

И, наконец, «догадливость, догадка» [*Абрамов] характеризуют преимущественно интуитивный характер понимания, а «пронцательность-прозорливость» – «способность человека ... понимать суть какого-либо явления, когда внешне она недостаточно проявлена или когда её внешние проявления вводят в заблуждение» [НОССРЯ 2004: 1209].

Что касается деления факторов интеллекта на причины и условия, то из числа факторов-причин в лексикографии фиксируются сообразительность, обучаемость, логичность, интуиция, креативность, а из числа факторов-условий – только память.

Обладание познавательной способностью «по умолчанию» – положительно оцениваемое свойство личности, поскольку эта способность представляет собой главное оружие в межвидовой и внутривидовой борьбе за выживание и благополучие. Тем не менее, в лексической системе языка в семантике производных от её ядерных

имен наблюдается этнокультурное обращение аксиологического знака, обусловленное историческими и социальными причинами.

Так, помимо интеллекта в толковых словарях представлено еще несколько этимологических производных от латинского глагола *intelligere* – «ощущать, воспринимать»; «познавать, узнавать»; «мыслить»; «знать толк, разбираться» (см.: [Дворецкий 1949: 467]): «интеллектуальный», «интеллектуал», «интеллигент», «интеллигенция», «интеллигентный», «интеллигентский» и пр. Все они предметно относятся к людям образованным, культурным, занимающимся умственным трудом: «*интеллектуал* – человек, живущий духовными интересами или занимающийся высшими, наиболее сложными видами умственной деятельности» [СРЯ, т. 1: 671]; «*интеллектуальный* – умственный, духовный; с высоко развитым интеллектом» [Ожегов 1953: 219]; «*интеллигенция* – социальная группа, состоящая из людей, обладающих образованием и специальными знаниями в области науки, техники, культуры и профессионально занимающихся умственным трудом» [СРЯ, т. 1: 671] и пр.

Однако при однозначно положительной характеристике «интеллектуала» и «интеллектуального» в семантике «интеллигента» и производного от него прилагательного «интеллигентский» довольно неожиданно возникают отрицательные коннотации, связанные с общим отношением к интеллигенции в советский период, идущим в том числе и от нелицеприятного мнения о ней вождя мирового пролетариата (см.: [Ленин 1970, т. 51: 134–135]) и зафиксированные в толковой части лишь словаря Д. Н. Ушакова: «*интеллигент* – 1. Лицо, принадлежащее к интеллигенции. 2. То же, как человек, социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями (презрит.); «*интеллигентский* (презрит.) – свойственный интеллигенту (во 2 знач.)». В Малом академическом словаре отрицательные коннотации лексемы «интеллигентский» скрытаны в иллюстративной части: «*интеллигентский* – свойственный интеллигенту (обычно о свойствах старой, буржуазной интеллигенции)» [СРЯ, т. 1: 671]

Частично и достаточно специфически аксиологический знак обращается и в производных от основы «(раз)ум-»: «умница», «(раз)умник», «разумщик» (уст.), «умствовать», «умничать». «Разумник» и «умница» в бытовом общении используются для одобрения хорошего поведения детей: «*умник, умница* – о дитяти: послушный, не шаловливый» [Даль 1998, т. 3: 496]; «*разумник* – разг. умник (обычно о детях) благоразумный, рассудительный человек [СРЯ, т. 3: 634]; «*умник* – рассудительный и послушный ребенок» [Ушаков 2000, т. 4: 944; Ефремова 2001, т. 2: 855]. Однако «умник» в приложении к взрослому человеку в большинстве случаев принимает отрицательные, иронические коннотации и указывает на осуждаемое в русской культуре стремление интеллектуально выделиться, выглядеть «умнее всех», «образованность свою показать»: «ирон. о том, кто умничает, считает себя очень умным, старается казаться умным» [ССРЛЯ, т. 5: 614–615]; «умничающий, старающийся выказать свой ум человек (ирон.)» [Ушаков 2000, т. 4: 944]; «тот, кто умничает, стараясь показать свой ум (обычно с оттенком иронии)» [Ефремова 2001, т. 2: 855]; «человек, который умничает, старается выказать свой ум (ирон., пренебр.)» [Ожегов 1953: 770]. Устаревшее и зафиксированное только в словаре В. Даля «разумщик» – это «мнимый разумник, пересудчик, краснойбай и пустобай» [Даль 1998, т. 3: 496].

Отрицательные коннотации однозначно фиксируются в семантике глагола «(раз)умничать»: «*разумничать* – умничать, считать себя разумником, умнее всех, толковать или делать что превратно, по своему разуму» [Даль 1998, т. 3: 53]; «*умничать* – считая себя умнее других, пересудачивать мнения, распоряжения их, а на деле, переиначивать все посвоему; перехитрить в деле, исказить его по самоуверенности; мудрствовать» [Даль 1998, т. 3: 496]; «*умничать*. Разг. Обычно с оттенком неодобрения. 1. Стараться показать себя очень умным, глубокомысленным. 2. Нарочито, неоправданно усложнять, запутывать что-либо; мудрить» [ССРЛЯ, т. 5: 614–615]; «*умничать. Неодобр.* 1. Стараться выказать свой ум в разговорах, в рассуждениях. 2. Поступать по-своему, считая себя умнее других» [Кузнецов 1998: 1387]; «*умничать* – 1) Говорить, стараясь показать свой ум (обычно с оттенком иронии); 2) Поступать по-своему, мудрить, считая себя умнее других» [Ефремова 2001, т. 2: 855].

Устаревший глагол «умствовать», толкуемый в словаре В. Даля как «мыслить, размышлять, думать, обдумывать, соображать в уме, в мыслях, думою, выводя заключения; философствовать; мечтать» [Даль 1998, т. 3: 496], в современном языке употребляется преимущественно уничижительно: «размышлять, действовать, пускаясь в ненужные или слишком отвлеченные рассуждения, мудрить (разг. неодобр.)» [Ушаков 2000, т. 4: 947; Кузнецов 1998: 1388; СРЯ, т. 4: 495]; «умствование (неодобр.). Ненужное или крайне отвлеченное рассуждение» [Ожегов 1953: 770–771].

Эмоциональность, «душевность», как известно (см.: [Вежбицкая 1997: 34]), представляются отличительными чертами русского национального характера, и поэтому появление отрицательных коннотаций в семантике такой производной от «рассудка» лексемы, как «рассудочный», в отличие от «рассудительный», выглядит вполне ожидаемым: «полученный одной деятельностью рассудка, отвлеченным путем, без учета практической жизни; отличающийся преобладанием рассудка над чувством» [ССРЛЯ, т. 12: 853]; «основанный на отвлеченных рассуждениях, одной лишь деятельности рассудка, без учета практики, жизни; такой, в котором преобладает рассудок над чувством» [СРЯ, т. 3: 669]; «добытый, полученный одною лишь деятельностью рассудка, отвлеченным путем; отличающийся преобладанием рассудка, освобожденный от влияния чувства, сухой» [Ушаков 2000, т. 3: 1265].

ГЛУПОСТЬ-ДУРЬ

В языке «глупость» – антоним к «уму», однако логически понятие интеллекта как психологического качества личности по полноте признаков контрарно противостоит его отсутствию – безумию, и в этой оппозиции двух

противоположных понятий глупость занимает место третьего – «среднего члена». В категориальном оформлении глупости с необходимостью присутствует представление о норме и её границах: если ум – это нормативно средний или высокий уровень обладания познавательной способностью, то глупость – нижняя граница нормы подобного обладания и большинство лексических единиц, синонимизирующих глупость, «описывают нормальных, не больных рассудком людей» [НОССРЯ 2004: 213]. Еще одной особенностью глупости выступает апофатичность и антонимичность её семантического представления: глупость – это «не-ум» и всегда низкая степень обладания специфическими интеллектуальными способностями.

В полном соответствии с законом аксиологической асимметрии в лексике в пользу минуса (см.: [Вольф 1985: 19–21]) число языковых показателей глупости, зафиксированных в лексикографии, превышает где-то в два раза (если не в три или больше) число показателей ума (см., например: [*Абрамов]), и это без учета инвектив, производных от нелитературного экспрессивного эквивалента «дурака», представленного лишь в словаре С. А. Кузнецова [Кузнецов 1998: 561].

В весьма длинном ряду лексем, характеризующих человеческую глупость («глупый, глупец, глупыш, дурак, дуралей, дурачок, дурень, простофиля, болван, бревно, дубина, пень; балбес, оболтус, олух, остолоп, телепень, тупица, фалалей, фофан, межеумок, баран; безумный, безрассудный, бестолковый, бестолочь, безмозглый, безголовый, крепкоголовый, пустоголовый, непонятливый, тупой, несмышленный, недогадливый, неразумный, недалекий, ограниченный, простоватый, полоумный, придурковатый, придурок, полудурок, слабоумный, скудоумный; дурачина, дерево, идиот, глупенький, осел; балда, обалдуй, недоумок, дебил, идиот, кретин; малоумный, дурной, слабоголовый; неумный, дуб, чурбан» и пр. – см.: [*Абрамов; Евгеньева 2001, т. 1: 234, 313; Евгеньева 2001а: 103, 131; Шушков 2008: 115–117] вполне определенно выделяется доминантное ядро, представленное основами «глуп-» и «дур-».

Что касается происхождения ядерных лексических показателей глупости, то их этимология, как и этимология «ума», остается в достаточной степени неясной, однако наиболее объяснительной представляется версия происхождения основы «глуп-» от корня *gluch-b с исходным значением «глухой» → «непонимающий» (см.: [Фасмер 2003, т. 1: 416; Черных 1999, т. 1: 192; Шанский-Боброва 2000: 57]), тем более что подобная модель развития значения повторяется и в немецком языке (dumm – «глухой» и «глупый» – [Черных 1999, т. 1: 192]), и в латыни (absurdus – «абсурдный» от ab + surdus – «глухой» – [Шанский-Боброва 2000: 5]), а основы «дур-» – от корня durfi – «кольнуть», «ткнуть» при исходном значении «ужаленный, искусанный», затем – «бешенный, сумасшедший, больной» (от укуса и т. д.), и далее – «дурной, глупый» (см.: [Черных 1999, т. 1: 274; Шанский-Боброва 2000: 79]).

В синонимических словарях ядерные лексические показатели дефицита познавательной способности разводятся лишь по степени: если «глупый» – это «не обладающий достаточным умом», то «дурак» – «совсем глупый человек» (см.: [Евгеньева 2001а: 103, 131]).

Все прочие показатели дефицита интеллекта, в которых более или менее просматривается «внутренняя форма», образуются, прежде всего, с помощью префиксального отрицания как познавательной способности вообще, так и её модусных и частных проявлений: «неумный, неразумный, скудоумный, малоумный, недоумок, безрассудный, непонятливый, несмышленный, бестолковый, недогадливый». Столь же часто эти показатели образуются путем метафорического переноса – отождествлением глупости с твердостью материала, тупостью инструмента, недостаточностью кругозора либо отождествлением человека с неразумными животными: «бревно, дубина, пень, дуб, чурбан, тупой, тупица, тупоголовый, баран, осел, ограниченный, недалекий», несколько реже – путем переноса метонимического, когда отсутствие интеллекта отождествляется с пустотой его носителя: «безмозглый, безголовый, пустоголовый, полоумный». И, наконец, дефицит интеллекта может гиперболизироваться – отождествляться с его полным отсутствием («полоумный») преимущественно через заимствование терминологической психиатрической лексики: «безумный, слабоумный, идиот, кретин».

Если ум – это способность к познавательной деятельности, то глупость – низкая степень таковой, и сам этот родовой признак иногда появляется в словарных толкованиях: «глупый – с очень слабыми/ограниченными умственными способностями» [Ушаков 2000, т. 1: 574; Ожегов 1953: 112–113].

Видовые признаки глупости в словарных толкованиях ядерных имен дефицита интеллекта передаются либо напрямую, через «холическое» (префиксальное либо лексическое) отрицание ума («неумный, неразумный, скудоумный, безрассудный, нерассудливый, не обнаруживающий ума, умственно ограниченный» и пр.), либо через отрицание базовых модусов его реализации – понимания и мышления («непонятливый, несообразительный, лишенный сообразительности» и пр.).

Глупость на фоне своего положительного противочлена представлена в словарных толкованиях несколько иным набором дополнительных семантических признаков, которые могут выступать в качестве обоснования недостаточности познавательной способности: здесь присутствуют недогадливость, бестолковость, наивность, бессмысленность, необдуманность, безрассудство, нелепость, незнание и недостаток опыта (см.: [Даль 1998, т. 1: 358; Шушков 2008: 116; ССРЛЯ, т. 3: 149; ССРЛЯа, т. 3: 149; СРЯ, т. 1: 317; Кузнецов 1998: 210; Ефремова 2001, т. 1: 315]). Представлены здесь и параметрические характеристики интеллекта – скорость и глубина: «дурак – тупой человек» [СРЯ, т. 1: 453]; «глупый – отличающийся неглубоким, поверхностным содержанием» [Ефремова 2001, т. 1: 315].

В словарных толкованиях глупости обращает на себя внимание тот факт, что её показатели характеризуют главным образом «социальный интеллект» личности (см.: [ПС 2004: 153]) как умение вести себя подобающим

образом в межличностных отношениях, что проявляется, прежде всего, в речах и поведении – словах и поступках: «глупый – о речах или о деле: безрассудный, бестолковый, неразумный, нерассудливый» [Даль 1998, т. 1: 358]; «глупый – бессмысленный (о поступках, поведении, словах), разг. нелепый, неуместный» [ССРЛЯ, т. 3: 149; Ефремова 2001, т. 1: 315]; «дурным называют глупого человека, чье поведение и ход мыслей часто непредсказуемы» [Шушков 2008: 116].

Если в синонимических словарях «глупый» и «дурак» разводятся лишь по степени обладания интеллектом, то в толковых словарях последний отмечен стилистически, принадлежностью к бранной лексике («бранно» – [ССРЛЯ, т. 3: 1161 Кузнецов 1998: 288]; «употребляется как бранное слово – [СРЯ, т. 1: 453; Ефремова 2001, т. 1: 432]). И единственно в словаре С. А. Кузнецова приводится обычно табуируемый в лексикографии инвективный синоним «дурака», эксперсивно завершающий «триаду глупости» («мудак – груб., вульг. О нудном, докучливом неудачнике» – [Кузнецов 1998: 561]).

Из медицинской терминологии в толковые словари пришли лексемы «дебил», «идиот» и «кретин» – результат гиперболизации глупости: «дебил – перен. разг.-сниж. Тупой, несообразительный человек» [Ефремова 2001, т. 1: 362]; «идиот – (разг. бран.) глупый человек, тупица, дурак» [Ожегов 1953: 207]; «кретин – перен. разг. Глупый, тупой человек» [Ефремова 2001, т. 1: 737]. «Имбецил» и «Даун» сюда пока еще не дошли. Нужно заметить, что проникновению психиатрической терминологии в литературный язык в какой-то мере способствует наличие у лексемы «дурак» с пометой «устаревшее» значения полного, вненормативного отсутствия интеллекта: «дурак – безумный, юродивый» [Даль 1998, т. 1: 501]; «устар. лишенный рассудка; слабоумный человек; помешанный, сумасшедший» [ССРЛЯ, т. 3: 1161; ССРЛЯ, т. 3: 516]; «дурак – разг. помешанный, юродивый» [Кузнецов 1998: 288]; «дурачок – дефективный умственно человек, идиот (простореч.)» [Ушаков 2000, т. 1: 812]. В современной речи это значение воспроизводится в разговорном названии психиатрической клиники – «дурдом» [ССРЛЯ, т. 3: 516] и «дурка». В то же самое время в психиатрии дебилизм покрывает значение глупости и обозначает её нижнюю границу (см.: [*Справочник]).

Глупость, конечно, большой порок, однако языковое сознание, отраженное в словарях, в определенных случаях находит ей оправдание и относится к ней в достаточной мере снисходительно и даже с жалостью и сочувствием.

Глупость прощательна, прежде всего, из-за юного возраста субъекта и недостатка у него опыта, когда она еще исправима, либо статуса неразумного животного, не осознающего своего интереса: «прилагательное *несмышленный* указывает на незрелость интеллекта субъекта вследствие его незрелости и неопытности» [НОССРЯ 2004: 216]; «*глупый* обычно из-за недостатка опыта: глупый, несмышленный, неразумный»; «*несмышленным* вы ласково называете маленьких детей, животных и т. п., которые из-за недостатка жизненного опыта, своего юного возраста и т. п. еще не способны понять или сделать что-либо» [Шушков 2008: 116]; «*глупый* – в просторечии и обл. неразумный по возрасту, юный, незрелый (о детях и молодых людях)» [ССРЛЯ, т. 3: 149]; «*глупый* – перен. разг. несведущий, наивный (обычно из-за отсутствия жизненного опыта)» [Ефремова 2001, т. 1: 315]; «*дурачок* (обычно в обращении). *Ласково* (обычно о ребенке) о том, кто ошибся, сделал что-нибудь не так» [Ожегов 1953: 155].

Русской жалостью, сочувствием ко всем обиженным жизнью – сирым, убогим, калеченным – объясняется снисходительность к интеллектуальной ущербности, обычно оформленная суффиксально: «*дурачок* – устар. и прост. помешанный, юродивый» [ССРЛЯ, т. 3: 1161; СРЯ, т. 1: 453]; «*дурачок* – (обычно о мальчишке, юноше) слабоумный человек» [Ожегов 1953: 155]; «*дурашка* – ласк. в просторечии глупенький, простачок (обычно употр. в обращении)» [ССРЛЯ, т. 3: 1161].

И, наконец, моральная оценка в форме укоризны присутствует в речевом употреблении лексемы «дурачина»: «*дурачина* – дурак, дуралей (с оттенком укоризны)» [Ожегов 1953: 155]; «*дурачина* – (разг. фам. укор.) то же, что дурак, но с большей укоризной» [Ушаков 2000, т. 1: 811].

МУДРОСТЬ

В синонимических словарях мудрость представлена как один из синонимов ума: «**разумный**, благоразумный, рассудительный, *мудрый*, здравый, здравомыслящий, осмысленный, трезвый, целесообразный, рациональный, резонный; **умный**, разумный, благоразумный, понятливый, рассудительный, смысленный, толковый, *мудрый*, мыслящий, здравомыслящий»; «**мудрый** см. разумный, умный» [*Абрамов]; «**умный**, неглупый, *мудрый*, толковый, разумный, башковитый, мозговитый, головастый, умственный» [Евгеньева 2001а: 605]; «**умник**, умница, человек большого ума; разумник; голова; *мудрец*» [Александрова 1986: 562]. В то же самое время в научном дискурсе мудрость и ум (интеллект) категориально разводятся: ум – категория когнитивная, гносеологическая, познавательная способность в чистом виде, мудрость же – категория этическая или (у Аристотеля) «дианоэтическая» – одна из кардинальных добродетелей (см.: [Этика 2001: 284; Соловьев 1988, т. 1: 187; НФЭ 2010, т. 2: 618]).

Не имея своего собственного синонимического ряда, мудрость обладает достаточно представительным рядом словообразовательным: «мудрость, премудрость, мудрый, премудрый, мудрец, любомудрие, мудрить, мудрила, мудрствовать, мудровать, мудреть, мудреный, умудрить, умудриться, хитромудрый» и пр.

Что касается происхождения корня «мудр-», однозначно индоевропейского, и его первоначального значения, то этимология здесь достаточно неясна – «множественна (многопланова, многомерна), как формулируется это явление М. М. Маковским (см.: [Маковский 2000: 4]): здесь и «сохранять в памяти», и «смотреть на ч.-л.», и «метить», и «учиться», «изучать», «узнавать», и «мочь, побеждать», и «всматриваться» и «усердный», «ревностный» и пр. (см.: [Фасмер 2003, т. 3: 371; Черных 1999, т. 1: 547; Шанский Боброва 2000: 192]). Тем не менее, наиболее вероятной

гипотезой представляется его происхождение от значения «бодрый, ловкий, прыткий, проворный, живой, деятельный», где акцентируются активность и любознательность (родственно лит. *mandrus* «бодрый, гордый, задорный», лтш. *muodrs* «бодрый, живой», д.-в.-н. *muntar* «ревностный, ловкий, живой, бодрый» – [Фасмер 2003, т. 3: 371]; лит. *inaudras, mandrus* «бодрый», «деятельный», «проворный», «умный», «гордый»; латыш. *niodrs, muodrs* «бойкий», «прыткий», «бодрый» – [Черных 1999, т. 1: 547]).

По данным синонимических словарей мудрость отличается от ума по двум признакам – глубине познания и обладания жизненным опытом: «*умный* – обладающий незаурядным умом, *мудрый* – обладающий глубоким умом и большим жизненным опытом» [Евгеньева 2001а: 605].

«Мудрость» в толковых словарях чаще всего дается как «свойство и качество мудрого» [ССРЛЯ, т. 6: 1335] или «отвлеченное существительное к мудрый» [Ушаков 2000, т. 2: 274; СРЯ, т. 2: 308]. Из всех словарных толкований прилагательного «мудрый» можно понять, что мудрый, не говоря уж о мудреце, умнее просто умного, поскольку он обладает «большим умом» [ССРЛЯ, т. 6: 1335; СРЯ, т. 2: 308; Ушаков 2000, т. 2: 274; Кузнецов 1998: 561; Ожегов 1953: 322; Ефремова 2001, т. 1: 901]. Отличительной чертой человека мудрого от умного выступает обладание не столько интеллектом как чистой способностью к познанию, сколько результатом последнего – знанием, полученным в ходе жизненного опыта (см.: [ССРЛЯ, т. 6: 1335; СРЯ, т. 2: 308; Ушаков 2000, т. 2: 274; Кузнецов 1998: 561; Ожегов 1953: 322; Ефремова 2001, т. 1: 901]). Этому знанию присущи глубина и обширность («мудрость – обширность, глубина познаний» – [ССРЛЯ, т. 6: 1335]; «мудрость – глубокое знание, понимание чего-либо» – [СРЯ, т. 2: 308; Кузнецов 1998: 561]) и оно квалифицируется как «высшее» [ССРЛЯ, т. 6: 1335; Ушаков 2000, т. 2: 274; Ефремова 2001, т. 1: 901]. Обладатель подобного знания, как правило, осторожен и предусмотрителен: «мудрый – обладающий дальновидностью» [ССРЛЯ, т. 6: 1335]. Мудрец же – это «мыслитель, философ (чаще времен древности)» [ССРЛЯ, т. 6: 1335] и «учитель жизни (книжн. устар.)» [Ушаков 2000, т. 2: 274].

Наиболее развернутое «дианозическое» (этико-гносеологическое) толкование мудрости приводится в словаре В. И. Даля: «*мудрый* – основанный на добре и истине; праведный, соединяющий в себе любовь и правду; в высшей степени разумный и благонамеренный; *мудрость* – свойство мудрого; премудрость, соединение истины и блага, высшая правда, слияние любви и истины, высшего состояния умственного и нравственного совершенства; *мудрец* – философ, мудрый муж; человек достигший учением, размышлением и опытностью до сознания высших житейских и духовных истин» [Даль 1998, т. 2: 355–356].

«Мудрость», как уже отмечалось, стоит в одном синонимическом ряду с «умом», «разумом» и «интеллектом и, подобно всем членам этого ряда, оценивается, в целом, положительно как высшее проявление познавательной способности. Тем не менее, в семантике практически всех лексем, производных от корня «мудр-», присутствуют отрицательные оценочные коннотации либо в периферийной части их лексико-семантических вариантов («мудрый», «мудрость», «мудрец»), либо в центральной («мудрить», «мудрствовать», «мудренный»), как это, кстати, происходит и с производными от корня «ум-» («умничать», «умник»). Трудно сказать определенно, откуда это идет и обусловлено ли это внутрисистемными лексическими отношениями либо же историко-культурными причинами – русским «горем от ума» или библейским «Не выставляй себя слишком мудрым: зачем тебе губить себя?» (Ек. 7: 16).

Как представляется, в первом шаге возникновения отрицательных коннотаций у имен «мудрый» и «мудрость/премудрость» связано с их употреблением в качестве характеристики не познающего лица, а объекта познания: мудрый – это такой, для постижения сути которого субъекту требуются особые интеллектуальные способности и приложение значительных интеллектуальных усилий («*мудрый* – сложный, замысловатый; *мудренный*» – [ССРЛЯ, т. 6: 1335]; «*мудрость* – хитрость, искусство, умение; замысловатость или трудность» – [Даль 1998, т. 2: 355–356]; «сложность, замысловатость» – [Ушаков 2000, т. 2: 274; Ефремова 2001, т. 1: 901]; «о чем-либо мудреном, замысловатом» – [ССРЛЯ, т. 6: 1335; СРЯ, т. 2: 308]. Это значение оформляется суффиксально в прилагательном «мудренный»: «*мудренный* – замысловатый, странный, непонятный, трудный, сложный, запутанный, не разгаданный; хитрый, искусный» [Даль 1998, т. 2: 355–356]; «трудный для понимания, выполнения; сложный, замысловатый; замысловато сделанный; затейливый; непонятный, странный, загадочный» [ССРЛЯ, т. 6: 1335]; «непонятный, причудливый, странный; замысловатый, хитро сделанный; трудный, не простой, сложный» [Ушаков 2000, т. 2: 274].

Во втором шаге, очевидно, происходит обратный перенос характеристик познаваемого объекта на способности познающего субъекта, сопровождаемый мыслью о том, что последний слишком уж усложняет намеренно или бессознательно алгоритм познания (*мудрить* – «поступать излишне замысловато» – [ССРЛЯ, т. 6: 1335]; «делать что-либо излишне сложно, искать более сложные решения чего-либо, пренебрегая простыми и ясными путями» – [СРЯ, т. 2: 308; Кузнецов 1998: 561]; «действовать с ненужными сложностями» – [Ожегов-Шведова 1998: 369]; *премудрость* – «то, что трудно или кажется трудным для понимания, усвоения» – [СРЯ, т. 3: 379; Кузнецов 1998: 964]; «*мудрец* – (шутя и ирон.) о том, кто мудрит» – [СРЯ, т. 2: 308]).

И, наконец, оценивается явно неодобрительно стремление субъекта показать себя умнее, чем он есть на самом деле, и, вообще, выставление своих интеллектуальных способностей напоказ – умничание (см.: [Даль 1998, т. 2: 356; ССРЛЯ, т. 6: 1335; Ушаков 2000, т. 2: 274; Ефремова 2001, т. 1: 901; Ожегов 1953: 322; Ожегов-Шведова 1998: 369]). Суффиксально это значение оформляется в глаголе *мудрствовать*: «рассуждать, размышлять о чем-либо излишне глубокомысленно, чрезмерно *умничая*» [ССРЛЯ, т. 6: 1335; СРЯ, т. 2: 308; Ефремова 2001, т. 1: 901]; «делать что-нибудь *умничая*» [Ушаков 2000, т. 2: 274; Ожегов 1953: 322].

ХИТРОСТЬ

Хитрость как личностное свойство представляет собой разновидность «социального интеллекта», реализуемого преимущественно в межличностных отношениях и определяющего успешность прогнозирования поведения людей (см.: [ПС 2004: 153]); специфичность этой разновидности ума состоит, главным образом, в том, что она основана на умении вводить других в заблуждение – обманывать (см.: [Воркачев 2013а 18]).

Соответственно, основные производные от корня «хитр-» («хитрый, хитрость, хитрить») входят, в принципе, в два ассоциативных синонимических ряда: ума и обмана.

В синонимических рядах, открываемых доминантами «ум» и «умный», «хитрость» и «хитрый» отсутствуют, в то же самое время в соответствующих рядах «хитрости», «хитрого» и «хитрить» среди преобладающих показателей обмана встречаются лексемы, связанные с интеллектуальной деятельностью: **«хитрость, ловкость, лукавство, коварство, ухищрение, злоухищрение, виляние, криводушие, выверт, изворот, увертка, уловка, хватка, прием, обходец, маневр, махинация, тактика, лазейка, предлог, софизм, плутня, проделка; хитрый, хитроумный, коварный, лукавый, двоедушный, двойственный, вороватый, плутоватый, вилявый, изворотливый, увертливый, уклончивый, предательский, тонкий, дипломатический, стратегический, тактический, скрытный, ехидный, фальшивый»; хитрить, мудрить, мудрствовать, вилять, вилять, изворачиваться, увертываться, лавировать, лисить, лукавить, маневрировать, жилить, жильничать, мошенничать, плутовать, умничать, фальшивить, финтить, философствовать, фокусничать, юлить, вертеть (вилять) хвостом, употреблять увертки, кривить душой»** [*Абрамов]; **«хитрость – хитроумие, лукавство, лукавость, плутовство, плутоватость; жуликоватость, шельмовство; хитрый – хитроумный, лукавый, плутоватый; вороватый, жуликоватый, с хитрецей, с хитринкой, шельмоватый; хитростный»** [Александрова 1986: 579].

Этимологические словари возводят происхождение корня «хитр-» к праславянскому хуtrb от *хytitī, *хvatatī [Фасмер 2003, т. 4: 240] и указывают, что значение прилагательного «хитрый» в древне-русском языке было положительным: «мудрый», «искусный» и пр.» (см.: [Черных 1999, т. 2: 240]), а развилось оно из значения «хитить» – «ловить, хватать»: «хитрый буквально – “хватающий, быстро схватывающий”, затем – “умный, сообразительный, хитрый”». [Шанский-Боброва 2000: 350].

Словарные толкования производных от корня «хитр-» строятся на основании субъектной или объектной направленности его семантики.

Субъектные значения имен «хитрый» и «хитрость» отправляют, с одной стороны, к изначальному для русского языка смыслу, связанному с умением, искусством, мастерством, изобретательностью: «хитрый, Устар. и разг. Изобретательный, проницательный, хитроумный» [ССРЛЯ, т. 17: 154]; «Разг. Изобретательный, искусный в чем-л. [СРЯ, т. 4: 600]; хитрость, ремесло, мастерство, умение, искусство, художество [Даль 1998, т. 4: 548]; «Разг. Изобретательность, мастерство, искусство в чем-либо» [Кузнецов 1998: 1443]. С другой же, они отправляют к этимологически производному и преобладающему в современном языке смыслу, связанному с умением обманывать и вводить в заблуждение: «хитрый, злостный, лукавый, коварный» [Даль 1998, т. 4: 548]; «действующий непрямыми, обманными путями; коварный, изворотливый, лукавый» [ССРЛЯ, т. 17: 154]; «скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-либо, лукавый» [СРЯ, т. 4: 600]; «хитрость, лукавство, коварство [Даль 1998, т. 4: 548]; «притворство с каким-либо умыслом» [СРЯ, т. 4: 600]; «коварство, изворотливость, лукавство» [Кузнецов 1998: 1443]. Подобный, субъектный смысл передается также одним из значений глагола «хитрить»: «хитрить, лукавить, обманывать, вводить других умышленно в ошибки» [Даль 1998, т. 4: 548]; «проявлять хитрость, лукавство»; «ловчить, изворачиваться» [ССРЛЯ, т. 17: 141]; «применять, проявлять хитрость, поступать или говорить с хитростью, не прямо, вводя в обман или в заблуждение» [Ушаков 2003, т. 4: 1148]; «проявлять, применять хитрость, поступать или говорить хитро, вводя в обман или в заблуждение» [Ефремова 2001, т. 2: 935].

Объектные смыслы имен «хитрый» и «хитрость» и глагола «хитрить» образованы, очевидно, проекцией субъективного смысла на предметы, с которыми имеет дело субъект, когда им приписываются свойства сложности изготовления, трудности расшифровки или постижения сути: «хитрый, искусный, мудреный, замысловатый, затейливый» [Даль 1998, т. 4: 548]; «требующий особой проницательности, хитроумия, смекалки; исполненный хитроумия, изобретательности; замысловатый, мудреный; с выдумкой, секретом; сложной системы, состава» [ССРЛЯ, т. 17: 154]; «исполненный (исполняемый) с особым мастерством, изобретательностью, хитроумием; требующий их; не простой, мудреный, замысловатый» [Кузнецов 1998: 1443]; «хитрость, то, что мудрено, замысловато сделано, исполнено» [СРЯ, т. 4: 600]; «то, что выполнено с мастерством, искусством; о чем-либо неясном, непонятном, имеющем скрытый смысл» [Кузнецов 1998: 1443]; «хитрить, мудрить, придумывать замысловатое, хитрое, искусное» [Даль 1998, т. 4: 548]; «мудрить, придумывать что-н. замысловатое, хитроумное» [Ушаков 2003, т. 4: 1148; Кузнецов 1998: 1443]; «придумывать что-либо замысловатое; мудрить» [Ефремова 2001, т. 2: 935].

И, наконец, среди значений глагола «хитрить» присутствует субъектно-объектное значение, аналогично значениям глагола «умничать» и «мудрить»: «хитрить, умничать, мудрить; поступать излишне мудрено, замысловато» [ССРЛЯ, т. 17: 141].

Природа хитрости двойственна: лексические единицы, производные от корня «хитр-», как уже говорилось, входят в два ассоциативных смысловых ряда: интеллекта и обмана. Двойственна, амбивалентна и оценочная

составляющая семантики этих единиц: хитрость как характеристика личности может восприниматься и с одобрением, и с осуждением.

Так, *хитрый* человек – это, с одной стороны, человек искусный, изобретательный, проницательный, с другой же – злостный, коварный, изворотливый, идущий непрямыми, обманными путями к достижению цели (см.: [Даль 1998, т. 4: 548; ССРЛЯ, т. 17: 154; СРЯ, т. 4: 600; Кузнецов 1998: 1443; Ушаков 2003, т. 4: 1148; Ефремова 2001, т. 2: 935]), а *хитрец* в словаре В. Даля – это и вовсе «пролаза, проныра, скрытный и двуличный» [Даль 1998, т. 4: 548]. Соответственно, *хитрость* – это мастерство, умение, искусность, изобретательность, умственная ловкость, тонкость и острота соображений и в то же самое время коварство, изворотливость, притворство (см.: [Даль 1998, т. 4: 548–549; СРЯ, т. 4: 600]). *Хитрить* же, с одной стороны, придумывать замысловатое и искусное, с другой – обманывать, вводить других умышленно в ошибки; ловчить, изворачиваться и поступать излишне мудрено, умничать (см.: [Даль 1998, т. 4: 548; ССРЛЯ, т. 17: 154].

Однозначно положительно оценивается хитроумие («**хитроумный** – отличающийся хитрым, изобретательным умом; умением выходить из затруднительного положения; изобретательный и тонкий» – [ССРЛЯ, т. 17: 154; СРЯ, т. 4: 600; Ожегов-Шведова 1998: 862]) и однозначно отрицательно – бранное «хитрожопость» («**хитрожопый** – разг.-сниж. очень хитрый, пронырливый» – [Кузнецов 1998: 1443]).

Как представляется, однако, данные лексикографии за редким исключением не позволяют снять неоднозначность в оценке хитрости как свойства личности. Эта неоднозначность снимается социальным контекстом, где хитрость по отношению к «чужим» – достоинство, а по отношению к «своим» – обман доверия и порок.

Таким образом, наблюдения над лексикографическим представлением смыслов «ум», «глупость», «мудрость» и «хитрость», образующих вершины «аксиологического квадрата», позволяют прийти к следующим заключениям общего характера.

Этимологически «интеллект» по своей «внутренней форме» повторяет семантическую модель «ума»: от чувственного восприятия к восприятию абстрактному – пониманию, тем самым «ум» и «интеллект» в определенном смысле представляют собой этимологические дублиеты. В качестве ядерных единиц, передающих общую познавательную способность в единстве её основных модусов реализации «понимание-мышление-обучение» выступают лексемы «ум, разум, рассудок, интеллект», где место доминанты занимает «ум». Словарные толкования ядерных лексем познавательной способности позволяют говорить об определенной степени «семантического примитивизма» самого этого понятия – «ум, разум, рассудок, интеллект» толкуются, как правило, друг через друга либо через какой-либо из частных модусов реализации познавательной способности. В число дополнительных семантических признаков познавательной способности в лексикографии включаются логика, память и творчество. Эти признаки характеризуют познавательную способность через отсылку к такой предметной области помимо собственно теоретической деятельности, как практика. Они могут также отправлять к параметрическим качествам мыслительных процессов и операций – скорости и глубине. Что касается деления факторов интеллекта на причины и условия, то из числа факторов-причин в лексикографии фиксируются сообразительность, обучаемость, логичность, интуиция, креативность, а из числа факторов-условий – только память.

В лексической системе языка в семантике производных от ядерных имен познавательной способности наблюдается этнокультурное обращение аксиологического знака, обусловленное историческими и социальными причинами. Так, при однозначно положительной характеристике «интеллектуала» и «интеллектуального» в семантике «интеллигента» и производного от него прилагательного «интеллигентский» довольно неожиданно возникают отрицательные коннотации, связанные с общим отношением к интеллигенции в советский период; «умник» в приложении к взрослому человеку в большинстве случаев принимает отрицательные, иронические коннотации и указывает на осуждаемое в русской культуре стремление интеллектуально выделиться, выглядеть «умнее всех»; отрицательные коннотации однозначно фиксируются в семантике глагола «(раз)умничать»; устаревший глагол «умствовать» в современном языке употребляется преимущественно уничижительно; появление отрицательных коннотаций в семантике лексемы «рассудочный» в значении «расчетливый и неэмоциональный» выглядит вполне ожидаемым. Понятие интеллекта как психологического качества личности по полноте признаков противостоит безумию, и в этой оппозиции двух противоположных понятий глупость занимает место третьего члена – «среднего»: если ум – это нормативно средний или высокий уровень обладания познавательной способностью, то глупость – нижняя граница нормы подобного обладания.

В соответствии с законом аксиологической асимметрии число языковых показателей глупости, зафиксированных в лексикографии, значительно превышает число показателей ума. В весьма длинном ряду лексем, характеризующих человеческую глупость вполне определенно выделяется доминантное ядро, представленное основами «глуп-» и «дур-», этимология которых остается в достаточной степени неясной. Глупость на фоне своего положительного противочлена представлена в словарных толкованиях несколько иным набором дополнительных семантических признаков. Словарные показатели глупости характеризуют главным образом «социальный интеллект» личности, который проявляется, прежде всего, в словах и поступках. Языковое сознание, отраженное в словарях, в определенных случаях находит оправдание глупости и относится к ней в достаточной мере снисходительно: глупость у человека прощительна из-за юного возраста и недостатка опыта, у животного – в силу неразумности его статуса. Снисходительность к интеллектуальной ущербности, юродству объясняется русской жалостью, а в речевом употреблении лексемы «дурачина» моральная оценка присутствует в форме укоризны.

В синонимических словарях мудрость представлена как один из синонимов ума; не имея своего собственного синонимического ряда, мудрость обладает достаточно представительным словообразовательным рядом. При всей смутности этимологии корня «мудр-» наиболее вероятной гипотезой представляется его происхождение от значения «бодрый, ловкий, приткий, проворный, живой, деятельный», где акцентируются активность и любознательность субъекта. Из всех словарных толкований прилагательного «мудрый» можно понять, что мудрый умнее просто умного, и отличительной чертой человека мудрого от умного выступает обладание не столько интеллектом как чистой способностью к познанию, сколько результатом последнего – знанием, полученным в ходе жизненного опыта. Хотя «мудрость» стоит в одном синонимическом ряду с «умом» и оценивается, в целом, положительно, в семантике практически всех лексем, производных от корня «мудр-», присутствуют отрицательные оценочные коннотации. Возникновение отрицательных коннотаций у имен мудрости в первом шаге связано с их употреблением в качестве характеристики не познающего лица, а объекта познания, во втором же шаге происходит обратный перенос характеристик познаваемого объекта на способности познающего субъекта, сопровождаемый мыслью о том, что последний слишком уж усложняет намеренно или бессознательно алгоритм познания, и, конечно, оценивается явно неодобительно выставление субъектом своих интеллектуальных способностей напоказ – умничание.

Хитрость как личностное свойство представляет собой разновидность «социального интеллекта», специфичность этой разновидности ума здесь состоит, главным образом, в том, что она основана на умении обманывать. Основные производные от корня «хитр-» входят в два ассоциативных синонимических ряда: ума и обмана. Этимологически исходное значение «хитр-» в древне-русском языке было положительным и развилось из значения «хитить» – «ловить, хватать». Словарные толкования производных от корня «хитр-» строятся на основании субъектной или объектной направленности его семантики: их субъектные значения отправляют как к смыслу, связанному с умением, искусством, мастерством, изобретательностью, так и к смыслу, связанному с умением обманывать и вводить в заблуждение; их объектные смыслы образованы проекцией субъективного смысла на предметы, с которыми имеет дело субъект, когда им приписываются свойства сложности изготовления, трудности расшифровки или постижения сути. Оценочная составляющая семантики производных от корня «хитр-» двойственна и амбивалентна: хитрость как характеристика личности может восприниматься и с одобрением, и с осуждением, а данные лексикографии не позволяют снять неоднозначность в оценке хитрости как свойства личности.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1999. URL: <http://www.gramota>, 2003.
- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М. : Русский язык, 1986.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1997.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985.
- Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70, № 5. С. 64–74.
- Воркачев С. Г. Базовая семантика и лингвоконцептология: на стыке парадигм гуманитарного знания. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011a.
- Воркачев С. Г. Studia selecta: избранные работы по теории лингвокультурного концепта. Волгоград: Парадигма, 2013.
- Воркачев С. Г. The kinds of lie: лукавство // Политическая лингвистика. № 4(46). Екатеринбург, 2013a. С. 17–29.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб. : Диамант, 1998.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М. : Госиздат иностранных и национальных словарей, 1949.
- Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. М. : Астрель-Аст, 2001.
- Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка. М. : Астрель-Аст, 2001a.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М. : Русский язык, 2001.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004.
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 1998.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М. : Политиздат, 1970.
- Маковский М. М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. М. : Диалог, 1999.
- НФЭ – Новая философская энциклопедия: в 4 т. М. : Мысль, 2010.
- НФС – Новейший философский словарь. Мн.: Изд. В. М. Скаун, 1998.
- НОССРЯ – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.-Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1998.
- ПС – Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М. : Астрель, 2004.
- Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. М. : ЮНВЕС, 2004.
- СРЯ – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1981–1984.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М-Л. : АН СССР, 1951–1965.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. М. : Русский язык, 1991–1994.
- Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. М. : Мысль, 1988.

- Справочник невропатолога и психиатра / под ред. Н. И. Гращенкова, А. В. Снежневского // Национальная психологическая энциклопедия. URL: [www.http://vocabulary.ru/dictiona-ry/24/word/oligofreni](http://vocabulary.ru/dictiona-ry/24/word/oligofreni).
- Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М. : Прогресс, 1981.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М. : Астрель-АСТ, 2000.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М. : Астрель-АСТ, 2003.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М. : Русский язык, 1999.
- Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. М. : Дрофа, 2000.
- Шаров С. А. Частотный словарь русского языка. [Электронный ресурс]. Российский НИИ искусственного интеллекта.
- Шушков А. А. Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп: около 16500 слов и устойчивых выражений. М. : АСТ-Астрель-Хранитель, 2008.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974.
- Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апреяна и А. А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001.

Е. П. Гаранина

Павлодар, Казахстан

КОНЦЕПТ «ТВОРЧЕСТВО» В ЛИРИКЕ А. Н. МАЙКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА «EXCELSIOR»)

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена изучению концепта «творчество» в лирике А. Н. Майкова на материале цикла «Excelsior». В статье предпринята попытка комплексного рассмотрения концепта «творчество» в произведениях поэта, его ассоциативных связей, культурных и индивидуальных особенностей.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *концепт, культура, лирика, цикл, ассоциация, номинация.*

Сведения об авторе: Гаранина Екатерина Петровна, преподаватель кафедры русского языка и литературы Павлодарского государственного педагогического института.

Адрес: 140000, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Торайгырова, д. 58.

E-mail: kate1917@mail.ru.

E. P. Garanina

Pavlodar, Kazakhstan

THE CONCEPT OF «CREATIVITY» IN THE A.N. MAIKOV'S LYRIC (ON THE MATERIAL OF CYCLE «EXCELSIOR»)

ABSTRACT. *The article is devoted to the study of the concept of «creativity» in the A.N. Maikov's lyric on the material of cycle «Excelsior». In paper attempts a comprehensive review of the concept of «creativity» in the works of the poet, his associative relationships, cultural and individual characteristics.*

KEY WORDS: *concept, culture, lyrics, cycle, association, nomination.*

About the author: Garanina Yekaterina Petrovna, teacher of Russian language and literature faculty of Pavlodar State pedagogical institute.

В настоящее время в филологии на первый план стоит антропоцентрическая парадигма, в рамках которой язык изучается в неразрывной связи с культурой, обществом и человеком – носителем языка. Как писала известный учёный-лингвокультуролог В. А. Маслова, «все языкознание пронизано культурно-историческим содержанием, ибо своим предметом имеет язык, который является условием, основой и продуктом культуры» [Маслова 2001: 26].

Изучение национальной культуры невозможно без изучения языка – не только его структурных основ, но, главное, без изучения того национального культурного духа, который фиксирует язык. По словам В. А. Масловой, «культура формирует и организует мысль языковой личности, формирует и языковые категории и концепты. Изучение культуры через язык - идея, которая «носилась в воздухе» в последние годы: о том, что языковой материал является наиболее весомой, часто самодовлеющей, информацией о мире и человеке в нем» [Маслова 2001: 27]. Изучение языка с таких позиций осуществляется лингвокультурологией, одним из основных понятий которой является концепт. Ю. С. Степанов определял концепт следующим образом: «Концепт - это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека... У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры - исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.» [Степанов 1997: 41].

Для каждой национальной культуры существует набор концептов, имеющих особую важность. Как правило, эти концепты зафиксированы в большом количестве текстов, написанных на данном языке, в том числе – и в художественных произведениях. Концепт «творчество» в лирике большинства русских (и не только русских) поэтов XIX века является одним из ключевых. А. Н. Майков в этом отношении - не исключение. Концепт «творчество» так или иначе проходит через всю его лирику, однако мы остановимся на анализе данного концепта в цикле «Excelsior». Такой выбор литературного материала объясняется несколькими причинами. Во-первых, данный цикл занимает в лирике А. Н. Майкова особое место. Изначально, по замыслу автора, он должен был стать его итоговой лирической книгой, своеобразным подведением поэтических выводов, творческим завершением литературной деятельности. Этот замысел не был воплощён в жизнь, но, тем не менее, «Excelsior» стоит особняком среди лирических циклов поэта: этот цикл составлялся с особой тщательностью (хотя А. Н. Майков и вообще уделял большое внимание композиции своих циклов), и в нём сконцентрированы все важнейшие для его творчества темы, идеи, мотивы. Во-вторых, тема творчества занимает в «Excelsior» центральное место; ни в каком другом цикле она не раскрыта так детализировано, подробно, сложно и неоднозначно. Можно сказать, что «Excelsior» - это предельная аккумуляция темы творчества в лирике А. Н. Майкова, её сгусток. То, что в других циклах дано намёками, отдельными деталями, в рассматриваемом цикле предстаёт в собранном, сконцентрированном виде. Ввиду названных причин рассмотрение концепта «творчество» в лирике А. Н. Майкова представляется наиболее удобным именно на материале этого цикла.

В состав цикла «Excelsior» в окончательном авторском варианте (при публикации в последнем прижизненном трёхтомном собрании сочинений 1893 года) вошло 20 стихотворений. В этих двадцати стихотворениях само слово «творчество» встречается один раз (в стихотворении «В. и А. »), зато цикл содержит несколько однокоренных слов к

слова «творчество»: трижды – слово «творенье» (в стихотворениях «О царство вечной юности», «Есть мысли тайные в душевной глубине», «В. и А. »), дважды – слово «творческий» (стихотворения «Художнику», «Вчера – и в самый миг разлуки...»), один раз – слово «твори» (стихотворение «В. и А. »). Если начать анализ изучаемого концепта, отталкиваясь от данной группы слов, то можно сказать, что концепт «творчество» включает в себя следующие опорные смысловые моменты: творчество – это процесс (к которому можно, например, призывать – «твори»), свойство некоторых психических процессов в душе творца (например, «творческий восторг», «творческая сила») и результат («творение») – то, что получается в процессе творчества). Данный лексический ряд описывает концепт «творчество» в самом общем виде, но наибольший интерес может представлять анализ ассоциативных связей концепта «творчество» с другими лексическими номинантами.

Во-первых, следует отметить, что понятие творчества как процесса неразрывно связано с понятием творца как субъекта данного процесса. Естественно, что для А. Н. Майкова понятие творца, прежде всего, связывается с образом поэта: данная номинация встречается в цикле пять раз (стихотворения «Чужой для всех», «Вдохновение – дуновение», «Есть мысли тайные в душевной глубине», «Мы выросли в суровой школе», «В. и А. »). Помимо этой номинации, творец может именоваться в цикле художником, что в контексте цикла указывает не только на творца, работающего в сфере изобразительного искусства, но и на творца в самом общем смысле слова: художник – это любой творец, любой создатель. Его положение в окружающем мире носит двойственный характер: с одной стороны, творец всегда одинок по самой своей природе: «Чужой для всех». Творец противопоставлен обычным людям, миру и толпе: «Ты – на горе, // Они – в долине...» [Майков 1984: 246]. Такое положение объясняется тем, что художник, в отличие от других людей, стоит над своим временем, над своим веком, он связан с вечностью, его творчество имеет способность прорастать сквозь время: «Не отставай от века! – лозунг лживый, // Коран толпы. Нет, выше века будь!... // Нет! Мысль твоя пусть зреет и растёт, // Лишь в вечное корнями углубляясь, // И горизонт свой ширит, возвышаясь // Над уровнем мимобегущих вод!» [Майков 1984: 251].

С другой стороны, художник – главная ценность своего времени, он воплощает культуру, лучшее, что есть в человечестве. Поэтому толпе важно знать, что художник существует в этом мире, даже если мир его не понимает: «Чужой для всех, // Со всеми в мире - // Таков, поэт, // Твой жребий в мире!... // Их дух привык // Ко тьме и ночи, // И голый свет // Им режет очи, - // Но ведь и им, // На самом пире, // Им нужно знать, // Что он есть в мире...» [Майков 1984: 246].

Интересной особенностью цикла является то, что в нём широко использована антономасия: общее понятие творца заменяется в нём собственными именами поэтов и художников, которые для А. Н. Майкова, видимо, в наибольшей степени воплощали понятие творческого духа. К таким заменам относятся как исторические для эпохи А. Н. Майкова имена (Лизипп, Пракситель, Рафаэль и Пушкин, который воплощает в себе вершину русской поэзии, её сияющий идеал), так и имена поэтов – современников А. Н. Майкова (А. А. Голенищев-Кутузов, Великий князь Константин Константинович, писавший под псевдонимом К. Р.). Следует отметить, что А. Н. Майков использует имена, которые выстраиваются, так сказать, в хронологическую цепь: древность и далёкое прошлое (Лизипп, Пракситель, Рафаэль) – недавнее прошлое, составляющее славу русской поэзии (Пушкин) – настоящее (сам А. Н. Майков) – будущее (имена русских поэтов – младших современников А. Н. Майкова, в которых он видел продолжателей своего творческого дела. И Голенищев-Кутузов, и К. Р. были молодыми поэтами так называемой «классической школы», продолжателями пушкинской линии в русской поэзии конца XIX века). Таким образом, в понятие творчества вносится дополнительный оттенок: творчество как непрерывный процесс, как постоянная смена поколений, при которой одни творцы сменяются другими, но сам процесс творчества бессмертен.

Среди всех указанных номинаций, называющих исторических персонажей, особняком стоит номинация, называющая литературного персонажа, который, к тому же, не является творцом в собственном смысле слова, – Дон Кихот (стихотворение «Мы выросли в суровой школе»). Введение этого образа в цикл вносит дополнительный оттенок в понятие творца в том смысле, в каком воспринимал образ испанского идадьго А. Н. Майков. Образ Дон Кихота за время своего существования подвергался самым разнообразным толкованиям. В цикле А. Н. Майкова Дон Кихот – это символ возвышенного духа, который жертвует всем ради выполнения своей задачи. Однако богатая история образа приводит к тому, что он поневоле обрастает дополнительными смыслами, которые могут быть и не проявлены в тексте непосредственно. Так, в этот образ дополнительным значением входит понятие несовременности, несовпадения со своим веком, со своим временем; бескорыстия и пренебрежения материальными ценностями; непримиримости к порокам и бездуховности; смешного внешнего облика при величии внутреннего. Все эти смысловые элементы накладываются дополнительными значениями на понятие поэта (художника) как творца – субъекта творчества.

Во-вторых, понятие творчества как процесса связано с представлением об особом душевном (и духовном) состоянии, в котором этот процесс возможен. Творчество предстаёт в цикле сложным в психологическом отношении явлением, которое носит одновременно интеллектуальный («есть мысли тайные в душевной глубине», «возвышенная мысль достойной хочет брони», «мысль твоя пусть зреет и растёт», «Мы выросли в суровой школе, // В преданьях рыцарских веков, // И зрели разумом и волей // Среди лишений и трудов» [Майков 1984: 250, 251, 252]), эмоциональный («и образ весь сиял – огнём души твоей!.. Исполнен радости, иль гнева, иль печали», «чтоб я и плакал, и смеялся», «Нет, Муза – строгая богиня: // Ей слава мира – тлен и прах! // Ей сердце чистое – святыня, // И

ум, окрепнувший в трудах!» [Майков 1984: 251, 255]) и духовный («дуновенье Духа божья» [Майков 1984: 250]) характер.

Традиционным для русской и европейской романтической культуры является представление о том, что процесс творчества невозможен без особого душевного состояния – вдохновения. Это мы можем наблюдать и в рассматриваемом цикле А. Н. Майкова. Слово «вдохновение» встречается в нём пять раз (стихотворения «Вдохновенье – дуновенье», «Художнику», «А. А. Голенищеву-Кутузову», «Мысль поэтическая –нет!», «В. и А. ») (плюс один раз – прилагательное «вдохновенный» - в стихотворении «Оставь, оставь!»). Контексты, в которые помещено данное слово в стихах позволяет говорить о том, что вдохновение рассматривается А. Н. Майковым в ключе, обычном для традиций романтической поэзии: вдохновенье – это «дуновенье Божья духа»; оно неразрывно связано с понятием особой, божественной или природной одарённости поэта, оно сходит на поэта свыше, само собой, без зова, и им, соответственно, невозможно управлять («Вдохновенье – дуновенье // Духа Божья!.. Пронеслось...», «К тебе слетело вдохновенье - // Его счерпай всё зараз, // Покуда творческий восторг твой не погас...// Оно недолго светит с вышины...// И твоего блаженства миг недолог!» [Майков 1984: 250]). Последняя цитата показывает также, что вдохновение - временное состояние, которое является наивысшей точкой духовного подъёма, но поэт должен торопиться «поймать его», пока оно с ним. Кроме того, вдохновенье – это изменённое психологическое состояние, в котором поэт не похож на обычного человека (и даже на самого себя в обыденной жизни): для поэта в состоянии вдохновенья свойствен «творческий восторг», «творческая сила». Творчество же без вдохновения невозможно.

Однако следует отметить и одну особенность концепта «творчество», которая свойственна именно лирике А. Н. Майкова. Если представление о вдохновении как о необходимом условии поэтического творчества явно уходит корнями в романтизм, то представление о труде как о необходимом условии творчества встречается в литературе реже. В исследуемом же цикле номинация «труд» для описания процесса творчества и психологического состояния творца используется четыре раза (стихотворения «Окончен труд», «Ответ Л.»). Таким образом, можно видеть, что для А. Н. Майкова творчество - это слияние вдохновения и труда, это вдохновенный труд. В каком-то смысле, это парадокс, но в лирике А. Н. Майкова это не единственный парадокс, входящий в смысловое поле концепта «творчество».

Так, можно говорить о парадоксальности эмоциональной составляющей данного концепта: понятие творчества включает в себя одновременно и радость, и страдание: образы, которые создаёт художник, «выстраданы им» (стихотворение «Воплощённая, святая...»), «венец свой творческая сила // куёт лишь из душевных мук» [Майков 1984: 256] (стихотворение «Вчера – и в самый миг разлуки»), но в то же время художник счастлив своим творчеством («счастливый Рафаэль», «Святая лира Пушкина, // Его кристальный стих, // Моцартовы мелодии -// Всё радостное в них» [Майков 1984: 245]). Таким образом, можно говорить о том, что концепт «творчество» имеет в лирике А. Н. Майкова амбивалентную эмоциональную окраску.

В-третьих, понятие творчества неразрывно связано с понятием творения как его результата. В цикле А. Н. Майкова слово «творение» повторяется, как уже было сказано, трижды. Кроме того, цикл содержит многочисленные номинации, которые конкретизируют это понятие: скульптуры («сияющие мраморы»), картины («бессмертные Мадонны»), музыка («Моцартовы мелодии»), стихи («бессмертный стих»), «И вот - нежданно, к нелюдиму, // Ваш стих является ко мне...» [Майков 1984: 254]).

Но особый интерес для понимания специфики концепта «творчество» в лирике А. Н. Майкова представляют не только прямые номинации, называющие результат творческих усилий (скульптуры, картины или стихи), но ассоциативные описания и номинации. Так, в стихотворении «Есть мысли тайные в душевной глубине» поэтические мысли, из которых растут стихи, уподобляются детям, на которых смотрит мать: «И сходишь к ним порой украдкой и тайком, // Стоишь, любуешься таинственным их сном, // Как мать, стоящая с заботою безмолвной // Над спящими детьми, в светлице, тайны полной...» [Майков 1984: 250]. В стихотворении «Вдохновенье –дуновенье» стихи, которые пишет поэт, уподобляются медной скульптуре: «Вмиг поэт душой воспрянет // И подхватит налету, // Отольёт и отчеканит // В медном образе – мечту!» [Майков 1984: 250]. Но самое интересное ассоциативное описание творческого мира содержит стихотворение «Е. И. В. Великому князю Константину Константиновичу», в котором художественный мир, создаваемый поэтом, уподобляется реальному миру, сотворённому Богом, – природе: «Зачем смущать меня под старость! // Уж на покой я собрался- // Убрал поля, срубил леса, // И если новая где зарость // От старых тянется корней, // То это –бедные побеги, // В которых нет уж прежних дней // Ни величавости, ни неги...» [Майков 1984: 253].

Все эти ассоциативные описания накладывают на понятия «творение» и «творец» интересные добавочные смыслы. Творец – это одновременно и создатель, и родитель, его творения – это и его дети, и нечто материальное – созданные им предметы. В наивысшем творческом подъёме творец уподобляется Богу, а созданные им творения представляются целым миром, со своими собственными пространством и временем. Творения поэта, то есть стихи, могут носить амбивалентный характер: возникая из мысли или душевного движения (то есть чего-то нематериального) и являясь, по сути, тоже нематериальными, они могут уподобляться медным статуям, то есть слово воспринимается как что-то вещественное, как какой-то артефакт. В то же время стихи могут расти, как леса, как поля (которые поэт под старость срубает и убирает), то есть они воспринимаются как что-то природное, естественное.

Особенностью лирики А. Н. Майкова является тот факт, что концепт «творчество» и понятие «творения» для него носят нравственный характер. Для А. Н. Майкова не свойствен имморализм, для него в обязательном порядке, когда он рассуждает о творчестве, ставятся нравственные вопросы. Так, для описания творческих явлений А. Н. Майковым неоднократно употребляется слово «святой» («святыня»): «святая лира Пушкина», «Но он в святой своей задаче // Уж не уступит ничего!», «Нет, муза – строгая богиня...// Ей сердце чистое – святыня!...», «Воплощённая, святая, // В обаянии красоты, // Ты, земле почти чужая, // Мысль художника – что ты?» [Майков 1984: 245, 252, 255]. Святость творчества связана с его нравственной силой, с тем, что творец способен вложить в своё творение нравственный образец. Время и век могут не принимать этот образец, но это не отменяет того факта, что он остаётся воплощением вечного нравственного идеала: «Поэт той школы и закала, // Во всеоружии всегда, // В сей век Астарты и Ваала // Порой смешон, быть может...Да! // Его коня равняют с клячей, // И с Дон-Кихотом самого, - // Но он в святой своей задаче // Уж не уступит ничего!» [Майков 1984: 252]. С другой стороны, концепт «творчество» неразрывно связан с понятием красоты, так как сам смысл творчества состоит в создании красоты: «О царство вечной юности // И вечной красоты! // В твореньях светлых гениев // Нам чувствуешься ты!» [Майков 1984: 245].

Таким образом, можно видеть, что концепт «творчество» в лирике А. Н. Майкова представляет собой сложное смысловое образование, в котором можно выделить смысловое ядро и смысловую периферию, образованную системой ассоциативных связей.

ЛИТЕРАТУРА

- Майков А. Н. Сочинения в двух томах. Т. 1. М. : Правда, 1984. 576 с.
Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40–76.

М. В. Головушкина, О. С. Воячек

Пенза, Россия

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ МЕЖТЕКСТОВЫХ ПОВТОРОВ В ТВОРЧЕСТВЕ АНТУАНА ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

АННОТАЦИЯ. Целью данного исследования является изучение межтекстовых повторов, их стилистических особенностей, их роли в предоставлении информации, использовании повторов в качестве средств языковой выразительности в художественной литературе и эффективного способа воздействия на читателя. Материалом исследования послужили художественные произведения Антуана де Сент-Экзюпери «Планета людей», «Ночной полет», «Южный почтовый», «Военный летчик», «Маленький принц». В ходе исследования будут выявлены межтекстовые повторы, употребляемые Антуаном де Сент-Экзюпери для выражения основных идей в своих произведениях и создания колоритных образов своих персонажей. Анализ употребления данного стилистического средства позволяет сделать вывод о функциональной направленности повторов, об их влиянии на формирование стилистики анализируемых художественных произведений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: межтекстовые повторы; стилистическая функция; лексическая единица; художественные произведения.

Сведения об авторе: Головушкина Марина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Английский язык», Пензенский государственный университет.

Сведения об авторе: Воячек Ольга Станиславовна, старший преподаватель кафедры «Английский язык», Пензенский государственный университет.

Адрес: 440026, г. Пенза, ул. Красная 40.

E-mail: marina52004@mail.ru, voyachekos@gmail.com.

M. V. Golovushkina, O. S. Voyachek

Penza, Russia

INTERTEXTUAL REPETITIONS' STYLISTIC FUNCTION IN WORKS OF ART BY ANTOINE DE SAINT-EXUPERY

ABSTRACT. The present research aims at the study of intertextual repetitions, their stylistics peculiarities, their role in providing information, using as a means of language expressiveness in belletristic literature and efficient impact on potential readers. Works of art by Antoine de Saint-Exupery «People's planet», «Night flight», «Southern mail», «Little prince» were the materials of investigation. In the research the authors are going to draw up intertextual repetitions used by Antoine de Saint-Exupery for expressing their main ideas and for creating colorful images of their characters. The analysis of these stylistic means' usage in the works of art by Antoine de Saint-Exupery gives the possibility to conclude about their functional orientation, their effect on stylistics' formation of the analyzed works of art.

KEY WORDS: intertextual repetition; stylistic function; lexical unit; works of art.

About the author: Golovushkina Marina Vladimirovna, Candidate of pedagogics, associate professor, department of English Language, Penza State University.

About the author: Voyachek Olga Stanislavovna, Senior lecturer, department of English Language, Penza State University.

Актуальность исследования связана с общим интересом к проблеме использования стилистической фигуры повтора в литературе, потребностью в определении новых научных подходов в контексте социально – культурных аспектов, обострением внимания к творчеству Антуана де Сент-Экзюпери.

Наше исследование вписывается в теорию синтаксических фигур, которая, являясь предметом экспрессивного синтаксиса, представляет собой одну из наиболее существенных частей риторического наследия. Мы сосредоточимся на том разделе теории фигур, который занимается многочисленными видами повтора, их стилистическими особенностями и роли в предоставлении информации.

Целью данного исследования является изучение повторов, их стилистических особенностей, их роли в предоставлении информации, использовании повторов в качестве средств языковой выразительности в художественной литературе и эффективного способа воздействия на читателя. Теоритической основой нашего исследования является позиционная классификация повторов, предложенная И. Р. Гальпериным. [Гальперин, 1958] Ученый выделяет следующие виды повторов. Анафора – повтор одной и той же лексической единицы в начале ряда предложений или частей. Повторение в конце фрагментов называется эпифорой. Эпанафора состоит в повторении в начале нового предложения слов, заканчивающих предыдущее предложение. Симплова – повтор срединной части языковых единиц. Эпанад – повтор, в котором слова, первоначально поставленные рядом, повторяются отдельно.

Исследование проводится на стыке лингвистической и литературоведческой стилистик, где возник новый раздел филологии - лингвопоэтика, предметом которой является «совокупность использованных в художественном произведении языковых средств, при помощи которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения его идейно-художественного замысла.

Объект лингвистического анализа несколько шире, чем объект литературоведческого анализа, так как он

включает всякое произведение речи, а не только художественное, и изучает текст как комбинацию всех языковых элементов, из взаимодействия которых складывается этот текст. Таким образом, лингвистический анализ применим к текстам всех функциональных стилей, в то время как литературоведческий анализ может проводиться только на материале произведений словесно-художественного творчества. Кроме того, лингвистический анализ текста идет от формы к содержанию, а литературоведческий – от содержания к форме. Лингвист (даже при исследовании художественного текста) ограничивает свой анализ в большинстве случаев конкретным текстом, а литературовед постоянно проводит экскурсы исторического, социального или философского характера. При лингвистическом анализе текст рассматривается с точки зрения читателя (адресата), а при литературоведческом – прежде всего с позиций автора [Борисова 2010: 12].

Писатель облакает идею произведения в художественные формы и образы при помощи выразительных средств языка, приобретающих под его пером смысловую и эмоциональную весомость, используя их, писатель стремится к наиболее яркой и полной передаче содержания произведения, и своеобразие писателя, как раз и заключается в индивидуальном отборе выразительных средств из общенародного языка в соответствии со стоящей перед ним целевой установкой, в соответствии с его мировоззрением. [Кухаренко 1959: 273]

Сущность повтора заключается в повторении одной и той же языковой единицы (звука, слова, морфемы, синонима или синтаксической конструкции) два или несколько раз подряд. Особенностью повтора, позволяющей авторам широко применять данный прием, является его стилистическая многофункциональность и возможность его широкой сочетаемости с другими стилистическими средствами [Кухаренко 1959: 273]. Стилистическая фигура повтор передает значительную дополнительную информацию эмоциональности, экспрессивности и стилизации, а также служит важным средством связи между членами предложения, отдельными предложениями, абзацами или главами произведения, а иногда становится одной из характерных черт индивидуально-художественного стиля того или иного автора, переходя из одного его произведения в другое.

Антуан де Сент-Экзюпери широко использует смысловые повторы, которые выступают носителями основных идей произведения и способствуют более глубокому пониманию авторских мыслей. На протяжении всего творчества тема авиации притягивает писателя, просматривается во всех его произведениях «L'aviateur» (1926) (Авиатор), «Courrier Sud» (1929) (Южный почтовый) «Vol de nuit» (1931) (Ночной полет) «Terre des hommes» (1939) (Планета людей) «Pilote de guerre» (1942) (Военный летчик) – это своего рода межтекстовый повтор.

На протяжении всей повести «Terre des hommes» (Планета людей) у автора неоднократно встречается такой смысловой повтор как «Самолет-орудие».

«De même l'avion, l'outil des lignes aériennes, mêle l'homme à tous les vieux problèmes.» [Saint-Exupéry, 1970: 89] – «Так и самолет – орудие, которое прокладывает воздушные пути, – приобщает человека к вечным вопросам» [Сент-Экзюпери, 1987: 152].

«L'avion n'est pas un but c'est un outil. Un outil comme la charrue» [Saint-Exupéry, 1970: 116]. – «Самолет – не цель, он всего лишь орудие. Такое же орудие, как плуг» [Сент-Экзюпери 1987:175].

«L'avion est une machine sans doute, mais quel instrument d'analyse!» [Saint-Exupéry, 1970: 118] – «Конечно, самолет – машина, но притом какое орудие познания!» [Сент-Экзюпери 1987:177].

Данный смысловой повтор помогает читателю понять мысли автора, который уподобляет самолет рубанку и плугу, а ремесло летчика сближает с самым земным, самым будничным трудом – трудом крестьянина. Романы Сент-Экзюпери содержат описание «ремесла» летчиков, рассказ о новом и совершенно непривычном занятии, о новом роде человеческой деятельности со всем ошеломляющим и экзотическим, что несла с собой авиация на заре своей истории.

В «Ночном полете» развивается та же тема авиации: «Les collines, sous l'avion, creusaient déjà leur sillage d'ombre dans l'or du soir. Les plaines devenaient lumineuses mais d'une inusable lumière: dans ce pays elles n'en finissent pas de rendre leur or, de même qu'après l'hiver elles n'en finissent pas de rendre leur neige». [Saint-Exupéry 1970: 31] – «Холмы под крылом самолета уже врезали свои черные тени в золото наступающего вечера. Равнины начинали гореть ровным, неиссякаемым светом; в этой стране они расточают свое золото с той же щедростью, с какой еще долгое время после ухода зимы льют свою снежную белизну» [Сент-Экзюпери 1987:94].

«Военный летчик» является еще одним доказательством умелого использования Антуаном де Сент-Экзюпери средств повтора совместно с другими стилистическими явлениями для выражения основных лейтмотивов произведения: цена человеческой жизни, идея ответственности и человеческого братства.

«J'aime le Group 2/33. Je ne l'aime pas en spectateur qui découvre un beau spectacle. Je me fous du spectacle. J'aime le Group 2/33 parce que j'en suis qu'il m'alimente, et que je contribue à l'alimenter» [Saint-Exupéry, 1970:298]. – «Я люблю группу 2/33. Я люблю ее не как зритель, радующийся прекрасному зрелищу. Плевать мне на зрелище. Я люблю группу 2/33, потому, что я неотделим от нее, потому, что она питает меня и потому что я тоже ее питаю» [Сент-Экзюпери 1987: 330].

Авиация в произведениях Сент-Экзюпери, прежде всего, и главным образом – приобщение к человеческому братству. Самолет в его время был сооружением хрупким, почти все товарищи погибли. Небольшой коллектив летчиков, спаянных постоянной смертельной опасностью, взаимопомощью, самоотверженной работой, предстал в создании писателя ячейкой и моделью человеческого общества, построенного на фундаменте братства и уважения к человеку.

В прозе Сент-Экзюпери складываются словообразовательные гнезда, контактное или дистантное использование единиц которых создает лейтмотивы, акцентирует важные для автора смыслы. Некоторые гнезда имеют устойчивый характер и представлены в ряде произведений. Это, прежде всего, гнезда, в которые входят наименования таких человеческих ценностей как: ответственность, свобода, уважение человека к человеку.

«Respect de l'homme! Respect de l'homme! Là est la pierre de touche!» [Saint-Exupéry 1970: 345] - «Уважение к человеку! Уважение к человеку! ... Вот он, пробный камень!» [Сент-Экзюпери 1987: 371].

« Respect de l'homme! Respect de l'homme! Si le respect de l'homme est formé dans le coeur des homme, les hommes finiront bien par fonder en retour le système social, politique ou économique qui consacrerá ce respect» [Saint-Exupéry,1970: 346]. – «Уважение к человеку! Уважение к человеку! ... Если в сердцах людей заложено уважение к человеку, люди в конце концов создадут такой общественный, политический или экономический строй, который вознесет это уважение превыше всего» [Сент-Экзюпери 1987: 372].

Анафорический повтор усиливает смысловую роль, создает особый ритм высказывания, придает ему четкость и стройность, повышает экспрессию и облегчает воздействие на читателя. Писатель повествует об истинных человеческих ценностях, существующих вне сферы материального.

С помощью стилистической фигуры повтора в своем произведении «Военный летчик» Сент-Экзюпери представляет читателю «Кодекс чести», по которому живет он и его герои.

«Ma civilisation est héritière des valeurs chrétiennes ...» [Saint-Exupéry 1970: 317]. – «Моя духовная культура – наследница христианских ценностей» [Сент-Экзюпери 1987: 346].

«Ma civilization, héritant de Dieu, a fait les hommes égaux en l'Homme.» [Saint-Exupéry 1970: 317] – «Моя духовная культура, наследуя Богу, основала равенство людей в Человеке» [Сент-Экзюпери 1987: 347].

«Ma civilization, héritant de Dieu, a fondé le respect de l'homme au travers des individus.» – «Моя духовная культура, наследуя Богу, создала уважение к человеку, независимо от его личности».

«Ma civilization, héritant de Dieu, a fait les hommes frères en l'Homme.» – «Моя духовная культура, наследуя Богу, основала братство людей в Человеке» [Сент-Экзюпери 1987: 347].

«Ma civilization, héritant de Dieu, a fait ainsi, de la charité, dont à l'Homme au travers de l'individu» [Saint-Exupéry,1970: 318]. – «Моя духовная культура, наследуя Богу, превратила любовь к ближнему в дар человеку приносимый через личность» [Сент-Экзюпери 1987: 348].

«Ma civilization, héritant de Dieu, a fait chacun responsable de tous les hommes, et tous les hommes responsables de chacun» [Saint-Exupéry 1970: 319]. – «Моя духовная культура, наследуя Богу, проповедовала также уважение к самому себе, то есть уважение к Человеку через самого себя» [Сент-Экзюпери 1987: 348].

Синтаксический параллелизм и анафора цементируют текст, выполняют функцию своеобразных «светофоров», мобилизующих внимание читателя к жизненным принципам, основывающимся на человеческой практике, трудовом опыте, на всем том, что сделано человеком. Автор размышляет о фундаментальных принципах человеческой жизни, уважении человека к человеку, основах братства любви, о любви к ближнему, об уважении к другим и самому себе, о любви к ближнему; дает понять читателю, что в жизни он и его друзья руководствуются этим «Кодексом чести».

«Sa véritable qualité n'est point là. Sa grandeur, c'est de se sentir responsable. Responsable de leur. Responsable de lui, du courier et des camarades qui espèrent. Il tient dans ses mains leur peine ou leur joie. Responsable de ce qui se bâtit de neuf, là-bas, chez les vivants, à quoi il doit participer. Responsable un peu du destin des hommes, dans la mesure de son travail.

Il fait partie des êtres larges qui acceptent de couvrir de larges horizons de leur feuillage. Etre homme, c'est précisément être responsable» [Saint-Exupéry 1970: 115]. – «Главное его достоинство не в этом. Его величие – это чувствовать себя ответственным. Ответственным за радость. Ответственным за себя, за почту, за товарищей, которые надеются на его возвращение. Он держит в своих руках их горе и радость. Ответственным за все новое, что создается там, внизу, у живых, он должен участвовать в созидании. Ответственным за судьбы человечества – ведь они зависят от его труда.

Он из тех больших людей, что подобны большим оазисам, которые могут многое вместить и укрыть в своей тени. Быть человеком – это, прежде всего, быть ответственным» [Сент-Экзюпери 1987:173].

С помощью эпанофорического, а затем анафорического повторения слова «responsable» Антуан де Сент-Экзюпери подчеркивает идею ответственности человека перед другими и прежде всего перед самим собой. В восприятии героев «Планеты людей» на высокое звание «Человека» может претендовать лишь тот, кто прокладывает – часто ценой своей жизни – дорогу для других, что передается с помощью разных видов повторов: эпанофора, анафора и эпифора.

Таким образом, выделение посредством межтекстовых повторов концептуальных доминант является отличительной чертой стиля автора. Повтор, варьируя наименования реалий и обозначения ситуаций в тексте, связывает различные его части, соотносит разные планы произведения и, таким образом, участвует в создании иерархической структуры повестей Сент-Экзюпери. Тема ответственности проходит через все произведения автора: пилоты «Южного почтового» («Courrier Sud») чувствуют ответственность за свой бесценный груз, Ривьер, один из главных героев «Ночного полета» («Vol de nuit») ответственен за ночные полеты: «Il n'y a pas d'arrivée définitive de tous les courriers» [Saint-Exupéry 1970: 35]. «Etre homme, c'est précisément être responsable» [Saint-Exupéry 1970: 115] –

утверждает писатель в «Планете людей» («Terre des hommes»), «Tu deviens responsable pour toujours de ce que tu as arprivoisé» - провозглашает мудрый Лис в «Маленьком принце» («Le petit prince»).

Можно сделать вывод, что такое явление как повтор сближает различные произведения писателя, образуя как бы единый сверх текст.

Выбор определенных грамматических структур отражает существенные особенности художественного мира писателя. Эта высокая степень повторяемости единиц, их концентрация, развернутая система акцентуации, выделение ключевых слов – доминант текста, определяет своеобразие стиля автора. Разнообразие и широта использования Антуаном де Сент-Экзюпери приема повторения позволяет говорить о том, что повтор является одной из характерных черт индивидуально-художественного стиля писателя.

ЛИТЕРАТУРА

Борисова, Е. Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология-лингвопоэтика-перевод : автореферат дис. ... д-ра филологических наук : 10.02.04, 10.02.20. Самара, 2010.

Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка. / М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958.

Кухаренко, В. А. Стилистический прием повтора в произведениях Ч. Диккенса./ Ученые записки I МП ПНИЯ. Общее языкознание, грамматика, лексикология, стилистика. Том XIX. / В. А. Кухаренко. М. 1959. С. 273–292.

Сент-Экзюпери, Антуан де Избранное. Пер. с фр. / Вступ. ст. М. Л. Галлая./ Антуан де Сент-Экзюпери. М. : Правда, 1987.

Antoine de Saint-Exupéry. Oeuvres. / Antoine de Saint-Exupéry. Moscou.: Editions du progress, 1970.

М. Д. Горская, С. А. Еремина

Екатеринбург, Россия

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА УЧЕНОГО В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-НОВОСТЕЙ BBC)

АННОТАЦИЯ. В данном исследовании на материале интернет-новостей BBC понятийным, оценочным и процессуальным компонентами представлена репрезентация образа ученого на лексическом уровне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексическая репрезентация; образ ученого; журналистский материал.

Сведения об авторе: Горская Мария Дмитриевна, студентка 3 курса Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет.

Сведения об авторе: Еремина Светлана Александровна., кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: swegle@yandex.ru; mari.etoile@mail.ru.

M. D. Gorskaya, S. A. Eremina

Ekaterinburg, Russia

LEXICAL REPRESENTATION OF THE IMAGE OF A SCIENTIST IN ENGLISH INTERNET PUBLICATIONS (ON THE MATERIAL OF BBC NEWS ONLINE)

ABSTRACT. The article describes notional, evaluative and processual components of representation of the image of a scientist on the material of BBC news online on the lexical level.

KEY WORDS: lexical representation; image of a scientist; journaliste.

About the author: Gorskaya Maria Dmitrievna, 3d Year Student of Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University.

About the author: Eremina Svetlana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Rhetoric and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University.

Общеизвестно, что журналисты пишут об актуальных событиях, происходящих в мире. Сфера науки естественным образом относится к разряду актуальной информации. Наука также является сферой узкоспециального знания, недоступного большинству населения, в том числе и самим журналистам. Журналисты редко пишут аналитические статьи на чисто научные темы, так как для этого требуется более глубокая подготовка и больше времени. Как правило, создаются новостные статьи, посвященные какому-либо правительственному решению по отношению к науке, интересному открытию или действию, которое совершает ученый. Статья строится по определенно заданной модели: сообщается об открытии, действии ученого или о правительственном решении; далее журналист цитирует ученого, правительственного чиновника или руководителя научной группы; затем цитируется эксперт или аналитик, который независимо оценивает научное открытие. При этом существуют представители групп, лоббирующих определенные интересы, которые влияют на тематику научных статей и вносят определенную оценку в журналистский материал.

В связи с этим в новостях формируется специфический образ ученого.

Для анализа был взят материал из международного Интернет-издания BBC. Это 187 статей публицистического характера, в заголовках или аннотациях которых присутствовала лексема «scientist», как основная для наименования человека, занимающегося научной деятельностью, то есть ученого.

Материал, в зависимости от его содержания, был разделен на 2 группы.

Первая группа – научная деятельность – включает в себя 145 статей, содержащих сведения об открытиях, разработках, исследованиях и т. п. ученых в разных сферах научного знания. Вторая группа – персоналии – состоит из 42 статей, в которых говорится о самих ученых.

Как показывают материалы статей, журналистов больше интересует не субъект, а деятельность, которую он выполняет. Причем, внимание уделяется личности, только в тех случаях – если ученый номинирован или получил награду (в основном, это нобелевская премия), и если ушел из жизни.

Репрезентация образа ученого на лексическом уровне представлена понятийным, оценочным и процессуальным компонентом. Понятийный и процессуальный компоненты вербализуются в журналистском материале через следующие номинативные части: имя существительное и глагол. Учитывая особенности английского языка, оценочный компонент представлен через атрибутивные конструкции.

Понятийная составляющая образа ученого scientist реализуется через следующую языковую картину:

Основной единицей номинации является лексема *scientist* и синонимичные ей лексемы: *scientist* (526), *researcher*(218), *expert*(20), *investigator* (4), *analyst* (2), *academic* (5), *theorists (theoreticians)* (4), *specialists* (2) [в скобках указано количество употреблений лексем].

Ученый работает в различных сферах научного знания, он представляется как: *physicist*(34), *biologist* (12), *neuroscientist* (11), *chemist* (6), *astronomer*(4), *cosmologist* (4), *glaciologist* (4), *maths (mathematician)* (4), *astrobiologist*

(3), meteorologist (3), physiologist (3), archaeologist (2), bacteriologist (2), astrophysicist(1), biochemist (1), geneticist (3), historian (1), neurologist (1), oceanographer (1), palaeobiologist (1), palaeontologist (1), virologist (1), zoologist (1).

Оказывается, прежде всего, это человек, занимающийся естественными науками – он физик, биолог, нейробиолог или химик.

Он имеет высокую ученую степень и звание: *Prof / Professor* (471), *Dr/Doctor* (349).

В своей профессии он занимает различные должности: *director* (12), *president* (8), *head* (7), *lecturer* (6), *vice chancellor* (4), *executive* (4), *adviser* (3), *chair* (3), *co-executive director* (2), *director-general* (2), *doctor* (2), *editor-in-chief* (2), *spokeswoman* (2), *boss* (1), *chancellor* (1), *deputy* (1), *deputy chief* (1), *manager* (1), *past-president* (1), *principal* (1), *spokesperson* (1), *surgeon* (1), *vice-director* (1), *dean* (1), *co-chair* (1), *co-chairman* (1), *consultant* (1), *ophthalmic surgeon* (1), *post-docs* (1), *spokesman* (1). Прежде всего, это человек, имеющий высокий статус: директор *director* (12), президент *president* (8) или глава *head* (7) какого-либо научного проекта или предприятия.

Ученый представлен также автором готовой научной работы: *author* (38), *co-author* (17), *pioneer* (7), *developer* (4), *founding fathers* (2).

Он работает в команде. СМИ характеризуют ученого как группу людей, из них *team*(135), *group*(18), *tri* (4), *both*(3), *the pair* (3), *five*, *six*(2), *some* (1); а также характеризует ученого как члена команды: *colleague*(50), *leader*(10), *member*(10), *collaborator*(4), *co-owner*(1), *co-worker*(1), *curator*(1), *partner* (1).

В научной жизни ученый описывается исключительно как человек, занимающийся научными поисками, и специалист, достигший успеха: *winner* (26), *laureate* (9), *investigator* (4), *co-investigator* (1), *specialists* (2), *experimenter* (1), *explorer* (1), *Nobels* (1), *organizer* (1), *professional* (1).

Он не просто член команды, работающий наравне со всеми, а лидер, руководитель. «*In the 1950s he was the project leader on the team that discovered ibuprofen*». Таким образом, внимание переносится с группы на конкретную личность.

При оценке статуса ученого могут присутствовать конкретизаторы, дополняющие сведения об ученом. В Интернет-новостях BBC авторами статей используются два вида конкретизаторов: область деятельности и место работы. «*The "music" inside stars makes them resonate just like a musical instrument*», said *professor of astrophysics William Chaplin, who analyses data on the internal structure of pulsating stars obtained from Kepler*». «*In July 2012, physicists at Cern announced the discovery of a particle consistent with the Higgs boson*».

В отдельных случаях встречается качественная оценка ученого, поданная метафорически: *Some of the finest minds in history* (1).

Ассоциативно-семантический ряд концепта «scientist» довольно разнообразен. В анализируемых статьях Интернет-издания BBC (новости, интервью, заметки) журналисты предпочитают лексему «scientist», обладающую свойством обобщения значений всех других наименований субъектов, занимающихся научной деятельностью. Данная лексема, как наиболее употребляемая, обладает более широкой сочетаемостью с характеризующими лексемами, в роли которых в текстах выступают в английском языке атрибутивные конструкции. Характеризующие лексемы позволяют репрезентировать как понятийные, так и оценочные признаки в содержании образа ученого. С этой точки зрения атрибутивные конструкции можно разделить на следующие признаки:

– указывающие на место работы (страна, город, предприятие): *UK* (15), *British* (11), *US* (11), *International* (9), *Imperial team* (8), *BICEP2 team, group* (5), *China/ Chinese* (5), *Russian* (4), *Danish* (3), *Ballyclare High School students* (2), *British-based* (2), *Canadian* (2), *Cardiff University / Cardiff Uni scientist* (2), *Edinburgh University / Edinburgh scientist* (2), *French* (2), *Country* (2), *UK-based* (2), *Aberystwyth scientists* (1), *AGAP team* (1), *Alpha team* (1), *Belfast scientist* (1), *Bergen team* (1), *British-US* (1), *Cambridge scientist* (1), *Cern scientists* (1), *Citizen* (1), *Cressid team* (1), *Dutch* (1), *GCSE students* (1), *Harvard University developers* (1), *HBP team* (1), *IAS president* (1), *Ice2sea researchers* (1), *Indian* (1), *Japanese* (1), *Lake Vostok drilling team* (1), *Vostok drilling team* (1), *Leicester genetics expert* (1), *LMB scientist* (1), *London-based* (1), *Manx government scientists* (1), *Nasa scientist* (1), *North American* (1), *Northwestern University chemist* (1), *NSIDC research scientist* (1), *Nottingham* (1), *Oxford academic* (1), *Pittsburgh* (1), *Plymouth scientists* (1), *Queens University Belfast scientist* (1), *Schlumberger Professor* (1), *Spanish* (1), *Scottish* (1), *UK/US team* (1), *University of Bergen team's* (1), *US-Austrian* (1), *US-Israeli* (1), *US-based* (1), *Venezuelan* (1).

– определяющие сферу деятельности: *Government scientist* (11), *Project (leaders, scientist, team)* (10), *Research* (9), *Marine (scientist, biologist)* (5), *Scientific* (5), *Space scientist* (5), *Forensic* (4), *Stem cell (experts, scientist)* (3), *Working group* (3), *Sports scientists* (2), *Exercise*(2), *Genetic*(2), *HIV researcher*(2), *LHC scientists*(2), *Mission manager*(2), *Particle physicist*(2), *Planetary scientist*(2), *Robot scientist*(2), *Theoretical physicist*(2), *Aids researcher*(1), *Aquatic biologist* (1), *Biomedical scientist*(1), *Cancer gene scientist*(1), *Climate scientists* (1), *Clinical scientist* (1), *Coastal process scientist* (1), *Cognitive scientists* (1), *Conservation scientist* (1), *Comet researcher* (1), *Computer chemists* (1), *Dark matter researcher* (1), *Environmental scientist* (1), *Esa's Planck project scientist* (1), *Expeditionary* (1), *Hyrosphere specialists* (1), *Inflation pioneer* (1), *Material scientist* (1), *Molecular biologists* (1), *Organic chemist* (1), *Plant health expert* (1), *Polar researcher* (1), *Protest organisers* (1), *Science policy analyst* (1), *Star scientists* (1), *Study co-author* (1), *Systems scientist* (1), *The Drilling team* (1), *Voyager project scientist* (1), *Wheat physiologist* (1).

– определяющие ученого как руководителя: *Lead* (37), *Senior* (13), *Chief* (11), *Principal* (6), *Top* (5), *Group leader* (1), *Junior* (1).

– дающие оценку ученому как научному деятелю: *The first* (11), *Renowned* (7), *Emeritus* (5), *Prominent* (5), *The best* (5), *Best known* (3), *Well-known* (3), *Eminent* (2), *First female* (2), *Great* (2), *One of the greatest* (2), *Popular* (2), *Aspiring* (1), *Brilliant* (1), *Classic example* (1), *Clever* (1), *Dismissive* (1), *Distinguished* (1), *Enabling* (1), *Evolutionary* (1), *Excellent* (1), *Expert* (1), *Foremost* (1), *Gifted* (1), *Hopeless* (1), *Immune pioneers* (1), *Key* (1), *Less popular* (1), *Not successful* (1), *Respected* (1), *Special person* (1), *Valued* (1), *Well-respected* (1).

– показывающие принадлежность ученого к группе или ее руководителю: *Independent* (6), *Professor Gabrielse's group* (1), *Wieslaw Maslowski's team* (1), *Individual* (1).

– характеризующие ученого как человека: *Great* (3), *Modest* (3), *Bearded* (2), *Brain* (1), *Close colleague and friend* (1), *Determined* (1), *Football fan* (1), *Honest* (1), *Lively* (1), *Keen bat-spotter* (1), *More certain* (1), *Open* (1), *Personal friend* (1), *Person with such a big heart* (1), *Thick-skinned* (1), *Understated* (1), *Unsure* (1), *Warm friend* (1), *Wonderful person* (1).

– характеризующие непосредственно научную жизнь ученого: *Nobel Prize Winner* (7), *Award-winning scientists* (2), *Winning team* (1), *Potential winners* (1), *Conference co-chairman* (1), *Convening lead author* (1), *Employing researchers* (1), *Letter's other signatories* (1), *Visiting professor* (1).

– обозначающие чувства ученого: *Happy* (2), *Optimistic* (2), *Comfortable* (1), *Ashamed* (1), *Saddened* (1), *Dispassionate* (1), *Enthusiastic* (1), *Glad* (1), *Passionate* (1), *Unhappy* (1).

– дающие временную характеристику ученому: *Former* (6), *New* (2), *Eligible* (1), *Current* (1), *Late* (1), *Living* (1), *Today's* (1).

– характеризующие ученого как группу людей: *Team's (physiologist, geologist, member)* (4), *Huge team* (1), *As part of the Census of Antarctic Marine Life scientists* (1), *Reasonably-sized team* (1).

– оценивающие ученого как оратора: *unequivocal* (1), *unrepresentative* (1).

– указывающие на место рождения ученого: *American-born* (1), *Edinburgh-born* (1).

Самые частотные атрибутивные конструкции указывают на место работы ученого – страну, город, компанию или университет. Причем в основном упоминается один из вариантов. «*The AGAP team believes all this data can now be meshed into a credible narrative for the Gamburtsevs' creation and persistence through geological time*». «*Dr Richard Henderson, a current LMB scientist, said the trio's work was hugely important*». «*Prominent Nottingham scientists made honorary freemen*». Так как Интернет-издание BBC является английским, то, соответственно, по частоте употребления на первом месте является лексема «UK» (15) или университеты, находящиеся в Великобритании или Америке, то есть в англоязычных странах.

Структура используемых конструкций в данной группе весьма интересна. Во-первых, чаще журналисты сообщают не страну, в которой совершает свои открытия ученый, а место его работы в прямом понимании слова, то есть компания или университет. Например: «*Its Harvard University developers say tiny robots like theirs may eventually be used in rescue operations*». «*Planck has the extra sensitivity and resolution to retrieve yet more information,*» *the Nasa scientist told BBC News*». Во-вторых, возможен вариант, когда упоминается 2 страны: «*Michael Levitt, a British-US citizen of Stanford University; US-Austrian Martin Karplus of Strasbourg University; and US-Israeli Arieh Warshel of the University of Southern California will share the prize*». В данном случае журналисты разграничивают происхождение ученого и место его работы, то есть, он может работать в США, но по происхождению он – австралиец. В-третьих, с предыдущим вариантом соотносятся такие конструкции как «*UK-based*», «*London-based*» и др. Они подчеркивают, то исследователь именно работает в этой стране. С этой группой тесно связаны понятийные признаки, указывающие на место рождения ученого. «*Christo Wilson, a US-based researcher at Northeastern University in Boston, Massachusetts, who was not involved with the work, also undertakes analysis of Weibo*». «*A London-based scientist's use of a remote-control helicopter to get breath samples from whales has led to her being awarded an "Ig Nobel" Prize*».

Следующей большой группой являются признаки, отражающие сферу деятельности ученого, которые можно разделить на подгруппы:

– область научного знания: «*marine scientist*», «*space scientist*», «*organic chemist*», «*molecular biologists*», «*forensic scientist*» и т. п.;

– проблему, которой он занимается: «*HIV researcher*», «*Inflation pioneer*», «*dark matter researcher*», «*Aids researcher*» и т. п.;

– проект, над которым работает: «*project leader/scientist/team*», «*Esa's Planck project scientist*», «*Voyager project scientist*».

Здесь уместно обратить внимание на еще один тип атрибутивных конструкций, которые обозначают принадлежность ученого к группе или к руководителю научной группы. Чаще всего журналисты употребляют притяжательные местоимения «*his*», «*her*», «*their*», «*its*». Полное значение будет восстанавливаться из контекста. Также можно встретить притяжательные атрибутивные конструкции, например, «*Professor Gabrielse's group*» или «*Wieslaw Maslowski's team*». Важно то, что этим словосочетаниям противопоставляются лексемы «*independent*» и «*individual*», которые указывают на независимость ученого от кого-либо, но они единичны.

Исходя из вышесказанного, создается образ ученого как человека не просто занимающегося наукой, а определенным научным вопросом, и имеющего вполне конкретное место работы, это человек, работающий в группе с другими учеными, а не сам по себе, и поэтому на третьем месте по частоте употребления находятся лексемы, определяющие ученого как руководителя. «*Dr David Barnes, from the British Antarctic Survey is the lead author of the survey*». «*The married father of one, had worked for the DSTL for 26 years, most recently as a senior principal scientist*».

«Prof Bird is group leader of the Bird Lab in the Wellcome Trust Centre for Cell Biology, which has led research into the “biological mechanism” behind a rare type of autism known as Rett’s syndrome».

Признаки – оценка ученого как деятеля, как человека, как оратора и обозначение его чувств – репрезентируют оценочный компонент образа ученого. Характеристика журналистами ученого как субъекта научной деятельности происходит в тех случаях, когда приводят его мнение, вывод или суждение, чтобы подчеркнуть важность приведенного высказывания; также в заметках о личностях; и, наконец, когда журналисты подчеркивают статус исследователя в научном мире. Например: «Prof Hugh Pennington, emeritus professor of bacteriology at Aberdeen University since 2003, has been recognised for his services to microbiology and food hygiene». «Joep was a close colleague and friend of mine. Everyone here in Melbourne is in total shock at what happened». «Prof Perlmutter is enthusiastic that such fundamental problems have been highlighted by the Nobel committee».

Самыми частотными являются атрибутивные конструкции со значением оценки ученого как научного деятеля. Характеристика довольно разнообразная («clever», «evolutionary», «aspiring», «well-respected» и др.). Например: «Two prominent scientists who made groundbreaking discoveries while working in Nottingham are to be made honorary freemen of the city». «<...>wrote Prof Richard Morris, an eminent neuroscientist from the University of Edinburgh, and five colleagues». «Renowned cosmologist Roger Penrose said that analysis of this cosmic microwave background showed echoes of previous Big Bang-like events». Преобладает положительная оценка субъекта, однако, она не исключает наличие в статьях менее привлекательного оценивания, что может свидетельствовать об объективной оценке в какой-то мере: «the first» / «the best» – «not successful»; «distinguished» – «dismissive»; «enabling» – «hopeless»; «renowned» / «prominent» – «less popular». Таким образом, журналисты не всегда преподносят ученого как успешного, безупречного работника.

Что касается индивидуальной составляющей образа ученого, то личностные качества упоминаются в статьях, посвященных уходу из жизни ученого. Данная группа имеет исключительно положительную семантику «wonderful person», «honest», «person with such a big heart» и др. Преобладают положительные эмоции в оценках, обозначающих восторг, радость или увлеченность ученого своим делом. «In the Royal Society report, researchers say they are “extremely optimistic” that both types of technology can be realised and relatively soon». «<...>said he was “glad” the Nobel prize had gone to the work of Higgs and Englert». Есть небольшая группа оценочных единиц, которые передают расстройство исследователя, вызванное неудачей в научном проекте. «But some researchers are decidedly unhappy with the draft report».

Особенностью публицистических статей является ориентация на объективную подачу материала и поэтому преимущественно используется безоценочная лексика. Как следствие, в рубрике «наука» Интернет-издания BBC журналисты практически не используют художественных средств. Из 186 собранных статей один раз встречается сравнительный оборот «some of the finest minds in history», который отождествляет ученого с «великими умами истории» и, безусловно, несет в себе явный оценочный компонент, подчеркивающий значимость субъектов научной деятельности и их деятельности. Кроме того, характеризующими свойствами обладают представленные в новостных текстах имена существительные, в семантике которых присутствует оценочность. Это в основном лексемы, относящиеся к научной и личной жизни ученого, такие как: «specialist» (2), «professional» (1), «example» (1), «Sir» (7), «hero» (1), «loss» (1). Первые три лексемы характеризуют ученого как специалиста в своей области, знающего свое дело; причем в последней лексеме «example» сильнее всего проявляется характеристика ученого как авторитета, человека, на которого необходимо равняться. В последних трех – оценка исследователя как личности. Обращение «Sir» характеризует ученого как уважаемого человека. Последние две лексемы делают акцент определенный набор положительных качеств, которым обладает субъект, например, «hero» - это человек, совершивший подвиг мужества, доблести, самоотверженности.

Помимо понятийного и оценочного компонентов образа ученого, существует немало важная его процессуальная составляющая. В глагольных лексемах фиксируются не только значения о действии, процессе, состоянии, но и о том, кто или что совершает действие, а также на кого или на что это действие направлено. Следовательно, справедливо мнение Л. Терньера о том, что своим лексическим значением глагол способен репрезентировать всю ситуацию, предопределять число и состав ее участников и их ролевой статус и иерархию.

Классификация глаголов по тематическим группам условная, так как сам по себе глагол обозначает какое-либо событие внешнего мира в самом общем виде, и лишь в предложении категоризуется как действие, процесс, состояние и т. п. в зависимости от условий и целей интерпретации. Основой для классификации выступил «Большой толковый словарь русских глаголов» под ред. Л. Г. Бабенко, в котором глаголы расположены по тематическим группам в соответствии с лексическим значением и приводятся английские эквиваленты. Глагольные единицы, характеризующие действия ученого, представлены следующими группами.

Глаголы речевой деятельности:

а) глаголы речевого сообщения: say (585), tell (144), explain (71), add (54), describe (15), report (11), propose (10), claim (8), warn (8), speak (8), recall (7), comment (7), express (6), caution (3), talk (3), advise (2), announce (2), pledge (2), note (2), apply (1), confess (1), make it clear (1), recommend (1), request (1), set out to explain (1),

б) глаголы речевого общения: agree (5), argue (5), question (4), ask (3), accept (3), discuss (2), object (2), take up (2), respond (2), echo (1), challenge (1), decline (1), give the supplement (1), join in with an opinion (1).

в) глаголы речевого воздействия: attack (2), face criticism (1), was criticised (1).

Глаголы интеллектуальной деятельности:

a) глаголы восприятия: *find* (4), *examine* (8), *look at* (8), *observe* (5), *point out* (5), *acknowledge* (4), *focus* (2), *survey* (2), *uncover* (1),

b) глаголы определения: *discover* (17), *called* (13), *reveal* (7), *detect* (5), *revolutionize* (3), *find out* (2), *lay the foundations* (2), *open* (2), *name* (2), *regard as* (2), *bind* (1), *characterize* (1), *determine* (1), *devote* (1), *estimate* (1), *perceive* (1), *pioneer* (1), *squeezed the last information* (1), *unravel* (1),

c) глаголы познания: *study* (11), *know* (8), *come up* (8), *investigate* (7), *analyze* (6), *notice* (2), *delve* (1), *explore* (1), *research* (1), *go on to develop* (1),

d) глаголы мышления: *suggest* (14), *think* (8), *predict* (6), *suspect* (4), *assume* (1), *envisage* (1), *speculate* (1), *suppose* (1),

e) глаголы решения: *take/took* (7), *conclude* (5), *continue* (5), *calculate* (5), *come* (3), *decide* (2), *choose* (1), *carry on* (1),

f) глаголы понимания: *see* (16), *solve* (3), *not solve* (1), *could not see* (1), *ponder* (1), *spot* (1), *scratch a head* (1), *struggle to understand* (1), *understand* (1).

g) глаголы сравнения и сопоставления: *measure* (5), *sequence* (5), *identify* (4), *compare* (1), *catalogue* (1), *combine* (1), *label* (1), *link* (1), *list* (1), *screen* (1),

h) глаголы проверки: *put* (11), *test* (6), *fail* (1), *trial* (1),

i) глаголы памяти: *remember* (1).

Глаголы бытия:

a) глаголы собственно бытия: *to be (is, are, was, were)* (113), *become* (6), *has/have been* (4), *to be made* (2), *remain* (1),

b) глаголы прекращения действия, бытия, состояния: *die* (18), *was killed* (1), *graduate* (1), *close* (1), *finish* (1), *stop* (1), *end up* (1),

c) глаголы начала действия, бытия, состояния: *was born* (10), *start* (7), *begin* (3), *set out* (2),

d) глаголы бытия – существования в определенном времени и пространстве: *spend/spent* (4), *was found* (2), *gather* (2), *attend* (1), *live* (1), *stay* (1), *has been jailed* (1), *was arrested* (1), *were based* (1), *was present* (1).

Глаголы возможности и желания: *will* (32), *able to* (22), *can* (22), *want* (11), *would* (9), *had to* (9), *may* (4), *should* (3), *unable to* (2), *dream* (1), *to be going to* (1), *should not be able to do* (1).

Глаголы социальной деятельности:

a) глаголы профессионально-трудовой деятельности: *work* (26), *extract* (2), *leave job (the post)* (2), *resign* (3), *retire* (2), *decease* (1), *coach* (1), *has quit* (1), *is well into retirement* (1), *train* (1), *was appointed* (1),

b) глаголы издательской деятельности и распространения информации: *show* (10), *publish* (9), *write* (7), *present* (3), *release* (2), *demonstrate* (2), *set about* (2), *protest* (1), *write up* (1), *represent* (1),

c) глаголы использования: *use* (30),

d) глаголы поступка и поведения: *follow* (4), *confront* (2), *had acted against guidelines* (1),

e) глаголы осуществления: *originate* (1), *had organize* (1),

f) глаголы общественно-политической деятельности: *are tasked* (1).

Глаголы социальных отношений:

a) глаголы победы и поражения: *to be / have been awarded* (19), *win* (14), *scoop* (2), *to be given* (2), *lost out* (1),

b) глаголы деятельности по достижению цели: *try* (6), *achieve* (3), *look for* (3), *reach* (3), *go on* (5), *search* (2), *compete* (1), *contribute* (1), *open up* (1), *succeed* (1), *has earned* (1),

c) глаголы управления: *led* (14), *head* (3), *manage* (3),

d) глаголы помощи: *help* (12), *confirm* (5),

e) глаголы убеждения: *persuade* (1), *prove* (2),

f) глаголы взаимоотношения: *cause* (1), *marry* (1), *was married* (1).

Глаголы созидательной деятельности:

a) глаголы создания объекта в результате интеллектуального труда: *develop* (16), *make* (13), *built* (7), *produce* (5), *design* (4), *devise* (4), *map* (4), *realize* (4), *create* (3), *plan* (3), *work on* (3), *draw* (2), *work out* (2), *could simulate* (1), *model* (1), *unveil* (1), *intend* (1),

b) глаголы собирания и приготовления чего-либо впрок: *collect* (6), *preserve* (1),

c) глаголы владения: *have* (29), *share* (20), *receive* (15), *give* (6), *divide* (1), *do not own* (1), *pick up* (1).

Глаголы межличностных отношений:

a) глаголы проявления контакта: *were involve* (13), *include* (4), *collaborate* (4), *to be connected* (2), *come into contact* (2), *to be joined* (2), *take part in* (1), *join* (1), *hold* (1), *was being associated* (1), *are co-credited with* (1),

b) глаголы внешнего проявления отношения: *to be / have been knighted* (8), *to be honoured* (5), *encourage* (2), *honour* (2), *praise* (2), *recognize* (2), *to be recognized* (2), *have been overlooked* (2), *attribute* (1), *greet* (1), *endorse* (1), *stake* (1), *was praised* (1), *were encouraged* (1),

c) глаголы эмоционально-оценочного отношения: *believe* (42), *to be interested in* (4), *play a role* (2), *was cleared* (2), *tend* (1), *interest* (1), *meet these criteria brilliantly* (1), *to be keen to* (1), *have a passion* (1), *feature* (1), *strike* (1), *had been charged with* (1), *charge over* (1).

Глаголы качественного состояния:

a) глаголы пребывания субъекта в функциональном состоянии: *to be ill* (1), *to be not in good health* (1), *fell ill* (1), *fell sick* (1), *was diagnosed* (1), *fell into a deep coma* (1),

b) глаголы пребывания субъекта в эмоциональном состоянии: *hope* (9), *had been surprised* (5), *expect* (3), *wiped a tear from his eye* (3), *shed* (2), *to be delighted* (2), *anticipate* (1), *are saddened* (1), *miss a beat* (1), *had not lost zeal* (1), *had been pleased* (1), *was proud of* (1), *was thrilled* (1).

Глаголы физической деятельности и воздействия на объект: *enter* (2), *found dead* (2), *separate* (2), *set up* (2), *return* (2), *walk into* (2), *attach* (1), *fly* (1), *fold* (1), *go back* (1), *hang* (1), *strap* (1), *switch on* (1), *tether* (1), *touch* (1), *unfold* (1), *had never sent* (1), *was cremated* (1).

Наиболее употребляемыми глаголами в статьях являются следующие: «say» (585), «tell» (144), «to be» (113). Чаще всего встречаются лексемы, обозначающие речевую деятельность человека, которая носит разный характер (см. классификацию): «Despite high costs, experts say tidal power is more reliable than wind». «The Imperial team propose a landing site near the equator, where milder conditions exist». «The result, the researchers claim, is the best explanation yet of the Moon's odd shape». «They are also objecting to the way that the Engineering and Physical Sciences Research Council (EPSRC) – which funds their research – is run». «Prof Yoshiki Sasai, 52, was cleared of direct misconduct by an investigation, but faced criticism for his oversight». Данный вид деятельности представлен в Интернет-новостях в большей степени глаголами речевого сообщения, типовая семантика которых – «сообщить (сообщать) адресату что-л. (какие-л. сведения, известия и т.п.) о ком-, чем-л.» [Большой толковый словарь русских глаголов 2009: 283]. Например, «Prof Rolf Heuer, director-general of Cern, commented: “As a layman I would now say I think we have it.”». «In July 2012, physicists at Cern announced the discovery of a particle consistent with the Higgs boson». «Dr Wilkinson also made it clear that there was little detailed research on injury rates in barefoot running, <...>».

На втором месте по употреблению находятся глаголы интеллектуальной деятельности, которая также имеет разнообразный характер проявления и протекания. Например: восприятие материала («Using MRI scans, a Canadian team of scientists found that areas in the reward centre of the brain became active when people heard a song for the first time»); определение качеств, свойств и т. п. («In doing so, they laid the foundations for new kinds of pharmaceuticals»); познание («A team analysed the word choice and emoticons of people's posts on the Chinese social network Weibo and split them into the categories of anger, sadness, joy and disgust»); мышление («Writing in the journal PNAS, they suggest the habenula plays a key role in how humans predict, learn from and respond to nasty experiences»); решение («They conclude that the keepers in these situations often fall prey to what's termed the “gambler's fallacy”»); понимание («Dolphin attacks on porpoises in Cardigan Bay have left marine scientists scratching their heads»); сравнение и сопоставление («Dr Herwartz measured the difference in what is called the isotopic composition of the oxygen contained in rocks on Earth and Moon rock»); проверка материала («Scientists are testing lasers in an aerial survey of damage caused by winter storms to the South West seabed»). Большинство глаголов данной деятельности относятся к восприятию материала, и самой употребляемой лексемой является лексема «find» (45). Типовая семантика этих глаголов – «воспринимать что-л. каким-л. образом» [Большой толковый словарь русских глаголов 2009: 243], то есть обнаруживать, находить, рассматривать, фокусироваться на чем-то и т. п.

Среди глаголов встречаются лексемы выражающее не прямое лексическое значение, а переносное, которое они реализуют только в сочетании с определенными словами: «lay the foundations» (2), «give the supplement» (1), «scratch a head» (1), «meet these criteria brilliantly» (1). Данные словосочетания являются фразеологически связанными. В статьях немало лексем, которые так или иначе передают состояние ученого (эмоции, чувства, здоровье) или его отношения с людьми. «Colin greeted me warmly and explained how his proposed Martian Lander would work. Such was his enthusiasm that within minutes he had persuaded me that he really could do it». «Professor zur Hausen, of the University of Dusseldorf, was praised by the Nobel committee for going “against current dogma” to discover that HPV infection caused cervical cancer». «He had a passion to deal with two of the most stigmatised diseases in the world – leprosy and a parasite called leishmaniasis». «He was in Geneva to hear the news, and wiped a tear from his eye as scientists made their announcement». Ученый представляется не только как научный деятель, но и как человек, живущий в социуме, имеющий свои интересы и обладающий чувствами.

В семантике глагола присутствует хронотопный фактор – протяженность действия во времени. Категория времени сообщает о том, когда произошло то или иное действие по отношению к моменту речи. Чаще всего в статьях Интернет-издания BBC встречаются глаголы прошедшего времени, затем глаголы в форме настоящего времени и будущего. Таким образом, журналисты пишут о действиях, свершившихся до момента речи, то есть они констатируют деятельность как уже состоявшийся факт.

Портрет ученого в статьях Интернет-издания BBC формируется следующим образом. Самой частотной и базовой лексемой при наименовании субъекта научной деятельности, является лексема «scientist». Эквивалентами к ней в определенном контексте могут выступать различные языковые единицы, что расширяет понятийные границы образа ученого: «biochemist», «founding fathers», «laureate», «person», «adviser», «author», «PhD student». Основными синонимами являются лексемы «researcher» и «expert».

Характеризующая составляющая образа относит нас прежде всего к ученым, работающим в различных университетах в Великобритании, реже в англоязычных странах, например в США. Ученый – руководитель группы сподвижников, коллег. Хотя ученый как личность практически не характеризуется, он успешен, является обладателем какой-либо награды, например нобелевской. Процессуальная составляющая образа ученого разнообразна и имеет неоднородный характер: интеллектуальная деятельность, речевая, социальная,

созидательная, физическая и др. В статьях Интернет-издания BBC ученый репрезентируется журналистами как человек, занимающийся в первую очередь речевой деятельностью: он спорит, дискутирует, сообщает о проводимых исследованиях и результатах своей деятельности обществу, предупреждает людей о чем-либо. И лишь потом сообщается об умственной, интеллектуальной деятельности ученого. Как следствие, большинство действий специалистов описываются журналистами через глаголы прошедшего времени, что соответствует информационным задачам сообщить о состоявшемся открытии.

ЛИТЕРАТУРА

Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ : учеб. пособие. М. : Наука, 2008.

Комова Т. А. Речевые стереотипы и речевое поведение // Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М. : Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 284–294.

Мюллер В. К. Большой англо-русский словарь / Сост. В. К. Мюллер, А. Б. Шевнин, М. Ю. Бродский. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин; члены ред. коллегии: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. М. : Флинта: Наука, 2006.

Стриженко А. А. Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания. Монография. 2003. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text5/76.htm>.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008: Издательский центр «Азбуковник».

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с франц. Редкол.: Г. В. Степанов (пред.) и др.; вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. М. : Прогресс, 1988.

Федотова Л. Н. Контент-анализ в арсенале социологии // Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М. : Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 237–247.

Macmillan Essential dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com>.

Н. В. Гурова

Пятигорск, Россия

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ В РИТОРИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛАВ ПРАВИТЕЛЬСТВА ИСПАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ М. РАХОЙ БРЕЙ И Х. Л. РОДРИГЕС САПАТЕРО)

АННОТАЦИЯ. Предметом исследования стали лингвостилистические средства, используемые современными политиками Испании в официальных публичных выступлениях. Выявлены сходства и различия, специфика использования риторических приемов в выступлениях бывшего и действующего глав правительства Испании.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация; риторические приемы; синтаксические фигуры; тропы; прагматический эффект.

Сведения об авторе: Гурова Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры испанистики и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный лингвистический университет.

Адрес: 357532, г. Пятигорск, пр.-т Калинина, 9.

E-mail: nataliagurova@yml.com.

N. V. Gurova

Pyatigorsk, Russia

THE LINGUO-STYLISTIC MECHANISMS ACTUALIZED IN THE RHETORIC OF THE MODERN HEAD OF THE SPANISH GOVERNMENT (M. Rajoy Brey and J.L. Rodriguez Zapatero)

ABSTRACT. The article highlines the linguo-stylistic resources used by the modern political leaders in Spain during their official public speeches. It reveals the common and different features, the special way of the using the rhetorical artifices in the public official practice of the actual and former heads of the Spanish Government.

KEY WORDS: political communication; rhetorical artifices; syntactic figures; tropes; pragmatic effect.

About the author: Gurova Natalia Vladimirovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of Spanish Studies and Cross-cultural Communication Department, Pyatigorsk State Linguistic University.

С давних времен политика и риторика – глубоко взаимосвязанные явления, в рамках которых языковая личность политика интегрирует в себе индивидуальные речевые характеристики, а также идеализированный образ институциональной личности, сочетающий в себе перспективы воплощения надежд и ожиданий электората.

Имиджевое пространство страны представляет собой сложносоставное явление, одним из обязательных символических компонентов которого является образ главы государства [Мохова 2011: 4], в современной традиции – президента или главы правительства - процессуально свободные политические фигуры, способные самостоятельно совершать коммуникативные акты государственной важности на различных семантических уровнях.

В современной Испании, которая является парламентской монархией, одна из ключевых политических фигур – Председатель Правительства (глава правительства), избираемый Конгрессом депутатов, нижней палатой испанского парламента, посредством процедуры называемой Спор о должности (Debate de Investidura). После одобрения кандидата большинством в Конгрессе депутатов и получения согласия короля проводится церемония вступления в должность, во время которой будущий председатель правительства произносит клятву («Juro por mi conciencia y honor cumplir fielmente las obligaciones del cargo de Presidente del Gobierno con lealtad al Rey para guardar y hacer guardar la Constitución, como norma fundamental del Estado, así como mantener el secreto las deliberaciones del consejo de ministros»). Перевод: «Клянусь моей совестью и честью преданно и с верностью к Королю исполнять обязанности Председателя правительства, соблюдая и заставляя соблюдать Конституцию, фундаментальный закон государства, а также хранить в секрете обсуждения совета министров») [Gomez 2013]. Сам акт введения в должность главы государства Испании является институциональным и регламентируется Статьей 99 Конституции Испании.

Политическая риторика представляет одну из разновидностей институциональной коммуникации. Как известно, основной целью политических институтов является борьба за власть или сохранение и укрепление власти. Для ее достижения политические институты устанавливают и сохраняют порядок, социальную комфортность в процессе общественно значимой деятельности человека, а для этого они фиксируют приемлемые нормы, правила, ритуалы, имеющие дискурсивное выражение [Паули 2011].

Политический дискурс – институциональный тип дискурса, основанный на политической позиции, взглядах и убеждениях субъекта политической деятельности, цель которого заключается в создании определенной картины мира в обществе и воздействии на подсознание масс.

Политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее преобразовании [Чудинов 2006: 8].

Официальные публичные выступления политиков являются особой разновидностью текста, сочетающей вербальные и невербальные элементы политической коммуникации. Вербальную составляющую выражают

риторические тропы и фигуры, не только украшающие речь политика, но и обладающие определенным прагматическим потенциалом – акцентировать или завуалировать внимание аудитории, смягчить или усилить определенную установку или факт, выявить политическую позицию, убедить или подчеркнуть несостоятельность каких-либо событий и пр.

Рассмотренные нами публичные выступления введения в должность во время сессии законодательного собрания ключевых лидеров современной Испании (действующего и предшествующего глав государства Испании М. Рахой Брей и Х. Л. Родригес Сапатеро) отражают ценностные предпочтения и ориентиры, определенный риторический потенциал, демонстрируют вариативность актуализации стилистических приемов, присущие этим политикам в разные временные интервалы и политические ситуации.

В выступлении при вступлении в должность Х. Л. Родригес Сапатеро значимую часть риторики политика занимают синтаксические фигуры повтора: анафора, эпифора, анадиплосис и параллельные конструкции.

Приемы повтора, обладающие функцией убеждающего воздействия, популярны и эффе́кты в политической коммуникации. Чаще всего они присутствуют в речи политиков в комплексе, образуя причудливую ткань, в которой дублирование ключевых понятий в начале фразы (1) (анафора) или в конце (эпифора) сопровождается повтором, охватывающим и последующие высказывания (2) (комбинация эпифоры и анадиплосис) (3) (параллельные конструкции), и целые сверхфразовые единства (4) (анадиплосис). Повторяющиеся сегменты фиксируют память адресата, влияют на формирование отношения аудитории к озвучиваемой проблематике, так как то, что остается в нашей памяти, обычно считается убедительным, в независимости от ложности или достоверности информации. «Постоянное повторение является основным принципом пропаганды» [Кара-Мурза 2001: 201].

Quiero, para acabar mi intervención, dedicar unos minutos al último de los ejes sobre los que girará lo fundamental de la acción de mi Gobierno.

Quiero, en efecto, que la etapa que ahora iniciamos suponga una oportunidad real para dotar de nueva dimensión, para llenar de nuevos contenidos, el concepto de ciudadanía. Lo haremos ampliando los derechos civiles y políticos de los ciudadanos españoles.

Mi Gobierno hará de la política dirigida a asegurar la igualdad entre mujeres y hombres uno de sus empeños emblemáticos: igualdad en el empleo, igualdad en las condiciones de trabajo, igualdad en la atribución de las cargas familiares, igualdad también en la participación en el poder.

La Constitución fue obra de todos y es propiedad de todos; de todos. De ahí los riesgos, que repetidamente he denunciado, de la apropiación unilateral de su texto, de su sentido, de su defensa; de ahí también los riesgos del exclusivismo interpretativo que algunos han querido arrogarse; de ahí, en fin, mi distancia profunda de una concepción del patriotismo que se limite a la adoración formal de la Constitución como un ídolo.

Estoy decidido a propiciar que las Cámaras puedan ejercer efectiva y eficazmente su misión fundamental de controlar al Gobierno. Es una cuestión de racionalidad política: en esta Cámara reside la soberanía nacional. Es una cuestión de pedagogía política: un Parlamento anquilosado, prisionero del Gobierno, pierde su condición de referente político para el ciudadano. Es una cuestión de valores políticos: aquí es donde debe concretarse el diálogo y la transacción en una sociedad plural.

Quiero expresar mi convencimiento de que la economía española tiene su principal reto en sentar las bases de un crecimiento equilibrado y sostenible, con un horizonte de largo plazo que se traduzca en aumento del ahorro y, especialmente, de la productividad.

Esto significa, ante todo, invertir en Investigación, en Desarrollo y en Investigación. Un incremento del 25 por 100 del correspondiente presupuesto en estas partidas es un compromiso que hoy adquiero ante la Cámara. Eso significa también incorporación definitiva y urgente a la Sociedad de la Información y del Conocimiento; eso significa, asimismo, volcarse en las nuevas tecnologías y en el desarrollo y extensión de las telecomunicaciones; eso significa, en definitiva, colocar a la ciencia en el centro de nuestras prioridades.

Esa decisión ha sido la expresión de un deseo colectivo imparable: la voluntad de cambio.

Sé que esa voluntad expresada por los electores encierra una fuerte dosis de esperanza: la de lograr una España mejor, la España que merecemos, que el Partido Socialista prometió en la campaña electoral. Por eso mismo sé también que la voluntad de cambio de los españoles está preñada de exigencias. Hay, ante todo, una exigencia de respeto a las promesas. Los ciudadanos nos exigen a los políticos que seamos fieles a nuestras promesas. Esta exigencia es, para mí, la más apremiante, la más obligada. Haré honor a la palabra dada.

Hemos prometido que haríamos una gestión de gobierno destinada a lograr una España mejor. Estoy decidido a cumplirlo. Para ello, si obtengo la confianza de esta Cámara, voy a designar un Gobierno en el que tengo plena confianza. Será un Gobierno destinado a atender no sólo los grandes problemas nacionales, sino también los problemas cotidianos de los ciudadanos, los que afectan a su vida diaria y a la de sus familias.

Комбинация нескольких фигур (например, во фрагменте ниже - анадиплосис и параллельные конструкции) в одном текстовом фрагменте усиливает эмоциональное и интеллектуальное воздействие на аудиторию:

En este campo es hora de recuperar un consenso que nunca debió romperse. Nada hemos progresado al hacerlo y hemos puesto en riesgo muchos de nuestros intereses más importantes. Un consenso que, por este orden, debe dejar claro un convencido compromiso europeísta; debe situar en Latinoamérica y el Mediterráneo nuestros centros de atención preferente; debe mantener con Estados Unidos una relación de países socios y amigos basada en la lealtad y la franqueza recíprocas; debe alinearse inequívocamente con la legalidad internacional, con la reforma y reforzamiento de los instrumentos de paz internacionales; y debe, finalmente, hacer de la cooperación al desarrollo un elemento esencial de nuestra política internacional.

Еще один вид повтора – градация, представленная близкими по смыслу, но различающимися по степени интенсивности единицами, также представлен в выступлении Х. Л. Родригес Сапатеро:

Quiero también mantener un estilo de gobierno que responda a las expectativas de cercanía, proximidad y participación que han manifestado quienes, saliendo de la desesperanza en la política, han acudido a votar en estas elecciones.

Quiero hacer un valor de este dato. Podré compartirlas o no, pero respetaré la legitimidad de cuantas posiciones se defiendan en esta Cámara aceptando las reglas que los españoles hemos acordado. Y estoy dispuesto a hacer de ésta La legislatura del diálogo, del entendimiento, del encuentro. Es algo más que una necesidad de apoyos para alcanzar la mayoría; es la voluntad de responder fielmente a la decisión de los españoles.

La legitimidad de las reformas estatutarias sólo tiene para nosotros dos condiciones: el respeto a la Constitución y su aprobación mediante mayorías que supongan un amplio consenso político y social, porque la reforma estatutaria sólo tiene sentido si incrementa la cohesión social; nunca si es un elemento de fractura, de confrontación, de división o enfrentamiento en el seno de una Comunidad.

Бывший глава испанского государства в своем дискурсе прибегает к методу отрицания противоположного (литота), внося разнообразие и концентрируя внимание собеседников на значимые факты и положения:

Por idénticas razones combatiré toda forma de xenofobia que pretenda encontrar amparo en los sucesos recientes ¿es que no han muerto, con los de nuestro país, decenas de hijos de otras naciones? y condenaré, asimismo, toda utilización política del terrorismo, porque el elemento esencial de la lucha contra el terrorismo es la unidad de los demócratas; una unidad que se rompe cuando se trata de sacar rentabilidad política del terrorismo; que se rompe también cuando falta una solidaridad incondicional con las víctimas, cuando se contemporiza con los violentos, cuando se olvida que nadie es libre si no somos todos libres.

No soy de los que creen que todo vuelve a comenzar con nuestra llegada al poder. Creo, por el contrario, que la reciente historia de España es un proceso compartido en el que, en sus diferentes fases, todos hemos jugado un papel que hemos de reivindicar y asumir colectivamente.

No hay ciudadanos libres si no se saben y se sienten seguros, protegidos por el Estado y por el servicio público de la seguridad ciudadana.

Еще один популярный способ политиков акцентировать внимание – инверсия, нарушение определенного порядка слов:

Si algo ha sido, si algo es, la Constitución de 1978, es norma de convivencia. Con ese espíritu nació. Ése fue, desde el principio, su objetivo más destacado. La Constitución fue obra de todos y es propiedad de todos; de todos. De ahí los riesgos, que repetidamente he denunciado, de la apropiación unilateral de su texto, de su sentido, de su defensa; de ahí también los riesgos del exclusivismo interpretativo que algunos han querido arrogarse; de ahí, en fin, mi distancia profunda de una concepción del patriotismo que se limite a la adoración formal de la Constitución como un ídolo.

Señorías, quiero decirlo claramente: para el Gobierno de España la cultura no merece ser tratada como una mercancía más. La cultura no es un objeto mercantil puro que deba regirse estrictamente por las reglas de la oferta y la demanda. La cultura encierra todo el pasado y todo el futuro de un país, las vivencias de las generaciones pasadas, las ambiciones de futuro de nuestros conciudadanos. Esta razón, y no otra, justifica el principio de excepción cultural que defenderemos desde el Gobierno.

Анафора в сочетании с антитезой усиливает экспрессивность и воздействующий эффект описываемой политиком ситуации:

No hay razón en el terrorismo, no hay sentido en el terrorismo, no hay política en el terrorismo. Sólo hay terror, muerte, chantaje. Sólo hay voluntad de someter, de sojuzgar, de destruir la moral de los hombres, de eliminar sus convicciones.

Страстное желание изменить ситуацию к лучшему выражается политиком на уровне гиперболы:

Esa decisión ha sido la expresión de un deseo colectivo imparable: la voluntad de cambio.

Sé que esa voluntad expresada por los electores encierra una fuerte dosis de esperanza: la de lograr una España mejor, la España que merecemos, que el Partido Socialista prometió en la campaña electoral. Por eso mismo sé también que la voluntad de cambio de los españoles está preñada de exigencias. Hay, ante todo, una exigencia de respeto a las promesas. Los ciudadanos nos exigen a los políticos que seamos fieles a nuestras promesas. Esta exigencia es, para mí, la más apremiante, la más obligada. Haré honor a la palabra dada.

X. Л. Родригес Сапатеро, призывая к борьбе с терроризмом посредством риторического вопроса, призывает аудиторию покончить с кровавыми событиями во имя демократии посредством единения всего народа Испании:

Por idénticas razones combatiré toda forma de xenofobia que pretenda encontrar amparo en los sucesos recientes ¿es que no han muerto, con los de nuestro país, decenas de hijos de otras naciones? y condenaré, asimismo, toda utilización política del terrorismo, porque el elemento esencial de la lucha contra el terrorismo es la unidad de los demócratas...

Основные случаи актуализации тропов и синтаксических фигур отражены в Таблице 1.

Таблица 1. **Стилистические средства в выступлениях вступления в должность X. Л. Родригес Сапатеро**

Стилистические средства

анафора	13%
эпифора	0,9%
параллельные конструкции	5%
анадиплосис	9%
литота	4%
метафора	17%
антитеза	0,9%
инверсия	1,7%
сравнение	0,9%
гипербола	0,9%
перифраза	0,9%
градация	3%
метонимия	0,9%
риторический вопрос	0,9%
эпитет	41%

Как следует из Таблицы 1, наиболее активно используемые в выступлениях X. Л. Родригес Сапатеро стилистические ресурсы – эпитеты, метафоры и анафоры.

Эпитеты считаются популярным, ярким и широко распространённым средством усиления экспрессивности политического языка, способствующим имплантации определенных ценностей и установок: *furor homicida, brutales atentados, deuda democrática, rentabilidad política, deseo imparable, diálogo fecundo, el protagonismo ciudadano, misión fundamental, racionalidad política, Parlamento anquilosado, signo solemne, el elemento más sólido de unión, respeto escrupuloso, escandalosa precariedad, consecuencias aniquiladoras, un ambicioso Plan, una subida progresiva, empeños emblemáticos, actuación decidida, la muerte violenta, intolerables discriminaciones, desoladores accidentes, cambio tranquilo, ansia infinita, robustas políticas sociales, instituciones fuertes, país seguro, convicción bien arraigada, el diálogo institucional* и др.

Метафора в политическом дискурсе выступает одним из мощнейших видов идеологического оружия, моделирующих убеждения и взгляды миллионов людей. X. Л. Родригес Сапатеро чаще всего прибегает, как это традиционно для многих политиков, к военной метафоре, призывая к борьбе:

Plan de acceso a la vivienda; Plan de Servicios Sociales centrado en las situaciones de dependencia; atención a la familia y a la infancia; compromiso con el empleo de los discapacitados; incremento del salario mínimo y de las pensiones más bajas; mejora del Sistema Nacional de Salud y fomento de la investigación médica contra determinadas enfermedades son, así, las principales medidas que abordaremos para hacer frente a las nuevas necesidades sociales.

La lucha contra la discriminación de la mujer no sería real si no incluyese una actuación decidida contra la violencia doméstica que acabe definitivamente con la mayor vergüenza nacional de nuestro tiempo: la que provoca la muerte violenta de una mujer cada semana a manos de sus compañeros o ex compañeros sentimentales.

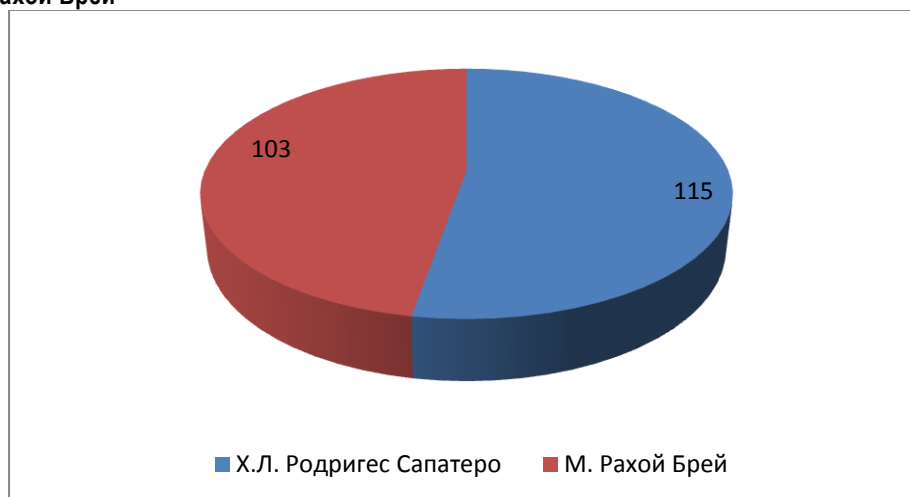
Es imprescindible mejorar el control de fronteras para frenar la inmigración irregular y la persecución de los traficantes de mano de obra, especialmente en Comunidades, como Andalucía y Canarias, que se encuentran en muchos casos al borde de la saturación y con crecientes problemas humanitarios y de seguridad. Pero son los acuerdos con los países emisores y la contratación en origen es decir, la inmigración ordenada lo único que permitirá combatir eficazmente el tráfico de mano de obra y los desoladores accidentes que hoy cada vez son más frecuentes.

Следующая по популярности в риторике Х. Л. Родригес Сапатеро морбиальная метафора, передающая образ болезней или состояние здоровья общества, общественных учреждений или организаций:

Esta revisión, que implicará la paralización de determinadas infraestructuras y su sustitución por proyectos más eficientes, más baratos y menos conflictivos, se llevará cabo en forma concertada con las Comunidades Autónomas.

Es un compromiso firme, porque estamos convencidos de que unas cuentas públicas saneadas son requisito imprescindible para poder mejorar los servicios públicos y, con ellos, la calidad de vida de los ciudadanos; un compromiso que se completa con otro de igual importancia y expresado con idéntica claridad: el Gobierno no incrementará la presión fiscal global.

Диаграмма 1. Актуализация стилистических средств в выступлениях Х. Л. Родригес Сапатеро и М. Рахой Брей



Остальные случаи использования метафоры (строительной, экономической и др.) единичны.

Как показывает анализ актуализированных в выступлении Х. Л. Родригес Сапатеро лингвостилистических средств, риторика этого политика представлена широким диапазоном художественных тропов и синтаксических фигур, вполне традиционных и частотных в современной политической коммуникации.

В выступлении М. Рахой Брей зарегистрированы меньшие показатели использования стилистических средств (Диаграмма 1.).

Незначительно меняются качественные и количественные показатели арсенала самих стилистических ресурсов (Таблица 2).

Таблица 2. Стилистические средства в выступлении вступления в должность М. Рахой Брей

Стилистические средства	Процент
анафора	16,5%
эпифора	1%
параллельные конструкции	3%
анадиплосис	4%
литота	3%
метафора	15,5%
антитеза	1%
инверсия	4%
эпанадиплосис	2%
полиптон	3%
метонимия	0,5%
эпитет	46,5%

В выступлении действующего председателя правительства Испании М. Рахой Брей несколько корректируется рейтинг частотных фигур и тропов. Со значительным отрывом лидируют эпитеты (Таблица 2), также как и в риторике Х. Л. Родригес Сапатеро, однако дальше расстановка сил меняется - второе место по частотности занимает анафора, метафоры используют немного реже.

Следует отметить, что и качественно видны различия: в выступлении М. Рахой Брей 48% используемых эпитетов с негативной коннотацией: *circunstancias desfavorables, la cifra más dramática, drama humano del desempleo, brutal desempleo, expectativas nada halagüeñas, panorama sombrío, fuerte déficit, enormes problemas, niveles alarmantes, círculo infernal, grave situación, enormes dificultades, esfuerzos exigentes, enormes fortalezas, retos imposibles de superar, un desafío difícil, esfuerzo baldío* и др., что вполне объяснимо современной политической и экономической ситуацией,

a также намерением политика подчеркнуть серьезность и драматизм положения, чтобы оправдать намеченную политику жестких мер, строгой экономии и высокого уровня налогообложения.

M. Рахой Брей художественной образности предпочитает синтаксический повтор, усиливающий эффект произносимой речи, анафористичность преобладает среди всех остальных видов повтора, цепочки повторов с начальным элементом буквально пронизывают текст выступления, переплетаясь между собой:

Esto es lo que exigen las urnas, esto es lo que demanda Europa, esto es lo que España requiere con urgencia, y ésta, Señorías, es la única piedra angular que puede sustentar la tarea de nuestra recuperación.

Importa mucho que España restaure su propia energía, importa mucho que nos veamos y que nos miremos como una sociedad dinámica y como una economía solvente.

A la salida de la crisis no habitaremos el mismo planeta que hemos conocido. Habrán cambiado las reglas, habrán cambiado las condiciones de vida, habrá cambiado el peso relativo de los países y su cotización internacional. Habrá cambiado hasta la manera de participar en el proyecto europeo.

En el diagnóstico que expondré a continuación no hay ninguna voluntad de mirar atrás ni de pedir a nadie responsabilidades, que ya han sido sustanciadas por las urnas hace un mes. Pero me parece de la máxima importancia que compartamos una visión de dónde estamos y por qué estamos precisamente donde estamos. Porque sin ese análisis no es posible que tracemos un plan adecuado para afrontar los problemas.

Y ese diagnóstico tiene que responder a un compromiso del que pretendo hacer bandera en mi Gobierno, si la Cámara me otorga su confianza: decir siempre la verdad, aunque duela, decir la verdad sin adornos ni excusas, llamar al pan, pan y al vino, vino.

Y ese diagnóstico no puede empezar por otro lugar que por la cifra más dramática de las que definen hoy nuestra situación económica y social.

Estas medidas supondrán la asunción de pérdidas latentes u ocultas en los balances, por lo que es inevitable una segunda ola de reestructuraciones con las siguientes características:

Más fusiones y cambio del mapa bancario hasta tener entidades suficientemente sólidas.

Más necesidades de capital para mantener la solvencia.

Cambio en el modelo de regulación de las entidades tenedoras de las acciones (cajas y fundaciones procedentes de cajas) para garantizar su independencia y profesionalidad.

Cambio del sistema de supervisión y regulación del Banco de España, que lo agilice y tecnifique, evitando las indecisiones y bloqueos que lo han caracterizado.

Обрамления (1), подхват (2) и параллельные конструкции (3) усиливают воздействующий эффект

No estoy dispuesto a aceptar que haya en España una generación que pudiera perderse porque encuentra cerradas todas las puertas. No estoy dispuesto.

Este sería, señorías, el único compromiso de aumento del gasto que me van a escuchar en el día de hoy. Insisto, señorías, el único.

(2) Pues bien, Señorías, no existe mejor instrumento para encauzar y coordinar la energía de la Nación que el diálogo.

Un diálogo abierto a todos, dentro y fuera de esta Cámara.

Un diálogo basado en la transparencia, que estimule la unidad, fortalezca los objetivos compartidos y facilite el apoyo y la participación de todos los ciudadanos y de sus organizaciones.

A veces, cuando las nubes de la pesadumbre ocultan el cielo, parece que somos incapaces de ver otra cosa, incluso de imaginar que puedan desaparecer.

Desaparecerán.

Sabemos que desaparecerán porque sólo podría evitarlo nuestra pasividad, pero eso no va a ocurrir...

... Pero eso pasará, porque el esfuerzo no será inútil. Desaparecerán los nubarrones, levantaremos la cabeza, y llegará de nuevo el día en que se hable de España y se hable para bien; el día en que volvamos la vista atrás y ya no recordemos los sacrificios.

(3) Tenemos que resolver qué lugar queremos que España ocupe en el mundo.

Tenemos que resolver cómo insertarnos con ventaja en un escenario global, más poblado, más competitivo y más exigente.

En definitiva, hacer bien lo que había que hacer en cada momento. Siempre que los retos han sido suficientemente estimulantes, los hemos sabido superar; siempre que las metas han sido suficientemente claras las hemos conseguido alcanzar.

Еще один эффективный синтаксический прием – инверсия, нарушенный порядок слов, акцентирующий внимание на моментах особо значимых для политика, - фигурирует чаще в выступлении М. Рахой Брей:

Porque han de ser los españoles, y no el Gobierno, los motores del cambio, los protagonistas de la reforma, los agentes de la recuperación.

Se equivocan totalmente aquellos que piensan que España no será capaz de hacer las reformas que necesita para tener éxito en la Europa del Euro.

Del mismo modo que es nuestra voluntad alcanzar un acuerdo con los agentes sociales para abordar esta reforma laboral, es nuestra intención poner en marcha una Mesa de Diálogo Social, para elaborar un Plan de Empleo Juvenil.

Señorías,

Les decía antes que con lo urgente tendremos que compaginar lo necesario.

Посредством литоты политик выражает не всегда приятные и положительные события:

No renunciamos a hacer del Presupuesto un instrumento fundamental de la política económica.

No podemos desconocer que enfrentamos problemas importantes en este ámbito. Un ejemplo son los incendios forestales o las variaciones hidrológicas.

Soy muy consciente de que no me enfrento a un escenario de halagos y lisonjas.

Еще один прием, не зарегистрированный в выступлениях Х. Л. Родригес Сапатеро, – использование полиптога, также своеобразного повтора, акцентирующего внимание аудитории на переломных для испанского общества моментах:

Y porque entendemos que es tan necesaria como urgente.

Si fuimos capaces de entender esa necesidad y esa urgencia a la hora de abordar la reforma constitucional, con mayor razón debemos hacerlo ahora, que pretendemos darle efectividad.

Es importante que desaparezca, y desaparecerá, todo aquello que pueda enturbiar las aguas de nuestra convivencia.

Desafía nuestra determinación, pero es un desafío que merece la pena sostener, porque al final nos espera el orgullo de triunfar contra el paro, de labrar nuestro propio prestigio, de asegurar nuestro Estado de Bienestar y, por encima de todo, de allanar el camino a los que nos siguen.

Несколько реже по сравнению с Х. Л. Родригес Сапатеро, действующий глава правительства Испании использует в своем выступлении метафоры, причем преимущественно морбиальные, отражающие состояние здоровья современной экономической ситуации:

Me propongo, pues, dedicar toda la capacidad del Gobierno y todas las fuerzas de la Nación a detener la sangría del paro, estimular el crecimiento y acelerar el regreso de la creación de empleo.

Pues bien, a pesar de la atonía de nuestro crecimiento económico y la constante caída de nuestras inversiones, este año hemos necesitado apelar al ahorro proveniente del exterior en una cifra que superará los 37.000 millones de euros, para compensar el déficit de nuestra Balanza de Pagos.

En segundo lugar, es necesario culminar de forma efectiva el proceso de saneamiento del sector financiero.

Встречаются значительно реже игровые (1) и архитектурные (2) метафоры:

Desafía nuestra determinación, pero es un desafío que merece la pena sostener, porque al final nos espera el orgullo de triunfar contra el paro, de labrar nuestro propio prestigio, de asegurar nuestro Estado de Bienestar y, por encima de todo, de allanar el camino a los que nos siguen.

Quiero que seamos capaces de ofrecerles oportunidades nuevas, que defendamos el puesto que les corresponde en una sociedad justa, que conserven el derecho a soñar y a construir su propio futuro.

На диаграмме 2 отражены общие тенденции использования лингвостилистических ресурсов в выступлениях обоих политиков.

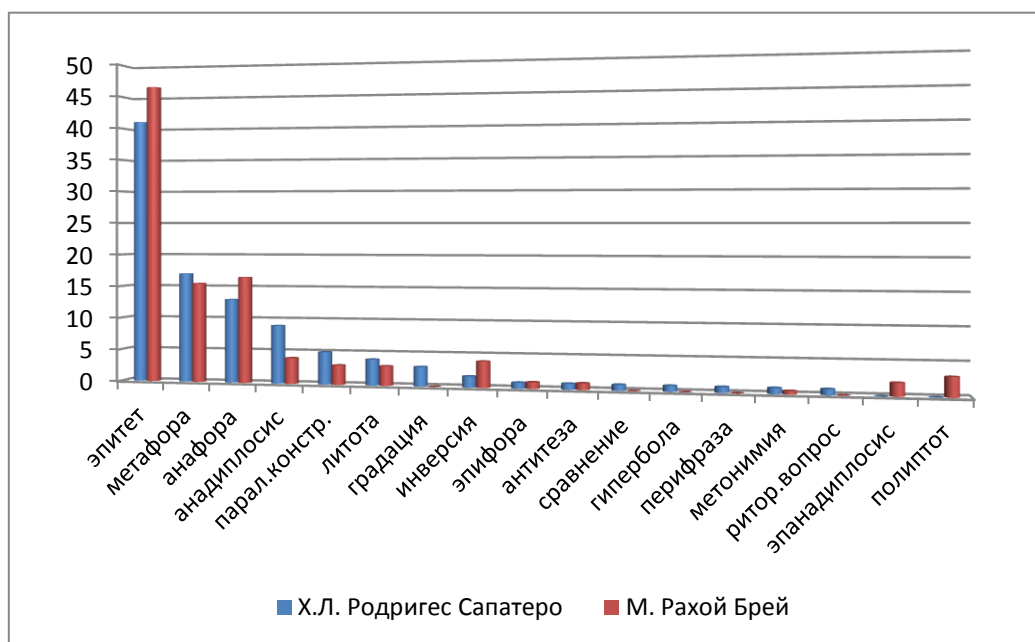
Лидеры Испании представляют интересы разных правящих партий в период различающихся политических ситуаций, что, несомненно, отражается и на риторике политиков. Х. Л. Родригес Сапатеро являлся генеральным секретарем Испанской социалистической рабочей партии, которую возглавил во времена экономического подъема и расцвета Испании в европейском мире, улучшения социального благополучия граждан, укрепления статуса Испании на международной арене. Директор Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН,

П. П. Яковлев справедливо характеризует период председательства и политической деятельности данного испанского лидера: «Стартовав с весьма низких международных позиций в начале демократического транзита, Испания быстро «набрала дипломатические очки» и существенно расширила свое влияние в мировых делах. Мадрид исходит из широко понимаемых национальных интересов, активно использует «жесткую» и «мягкую» силу и становится активным участником процесса формирования нового типа экономических и политических межгосударственных отношений. Заложенный в «доктрине Сапатеро» конструктивный потенциал способствует тому, что в поле зрения испанского политического и экономического истеблишмента попадают все новые страны и регионы (и новые международные проблемы и возможности), а сама внешняя политика Испании приобретает черты дипломатической деятельности глобального уровня и значения» [Яковлев (Электронный ресурс)]. Несмотря на военный конфликт в Ираке и террористическую активность баскской организации ЭТА, Х. Л. Родригес Сапатеро удается вывести испанский контингент из Ирака и способствовать прекращению насилия внутри страны. Однако ситуация в стране начинает кардинально меняться.

В тяжелых условиях нарастающего экономического кризиса, небывалого масштаба безработицы и глубокого противоречия в обществе, захлестнувшего политические круги в Испании, в ноябре 2011 года к власти приходит Народная партия, возглавляемая действующим главой правительства, М. Рахой Брей. Режим жесткой экономии и реформ, проповедуемый политическим лидером Испании, на фоне обострения националистских настроений в Каталонии и в Баском регионе, обострения военных конфликтов в Ираке, Ливии, Сирии, Украине, нарастание террористической угрозы и пр. - все эти факторы отнюдь не способствуют политической популярности современного главы правительства Испании.

Данные обстоятельства детерминируют не только содержательную составляющую, но и риторическое оформление публичных выступлений политиков. Очевидна некоторая количественная разрозненность использования риторических средств. В своих выступлениях Х. Л. Родригес Сапатеро прибегает к сравнениям, гиперболе, перифразе, градации, риторическому вопросу. Эти тропы и фигуры не обнаруживаются в выступлении М. Рахой Брей, который, в свою очередь, предпочитает использовать фигуры повтора – эпаналепсис и полиптот, не типичные для Х. Л. Родригес Сапатеро. Незначительно большее разнообразие стилистических средств, а также количественное их доминирование обнаруживается в выступлениях Х. Л. Родригес Сапатеро.

Диаграмма 2. Корреляция стилистических ресурсов в выступлениях Х. Л. Родригес Сапатеро и М. Рахой Брей



В целом, выступления бывшего главы государства характеризуются широко представленными стилистическими приемами, сочетающими в себе воздействующую силу и художественный эффект, определенную романтику и лиричность, в то время как риторика М. Рахой Брей более прагматична, сочетая в себе конкретику фактов и цифр, арсенал определенных риторических фигур повтора, направленных на широкую аудиторию.

Эффектность риторических приемов (использование стилистических тропов и фигур) характерна для выступлений обоих политиков, которые дифференцировано используют арсеналы художественного воздействия на аудиторию. Х. Л. Родригес Сапатеро актуализирует лингвостилистические ресурсы несколько чаще и вариативнее, предпочитая художественные тропы, в то время как М. Рахой Брей предпочитает синтаксические фигуры, акцентирующие внимание массового адресата на наиболее значимых моментах своего выступления.

Языковой фактический материал подтверждает разнообразие и узуальность стилистических ресурсов в выступлениях современных испанских политиков – Х. Л. Родригес Сапатеро, дважды исполнявшего полномочия председательства правительства Испании, а также настоящего главы правительства – М. Рахой Брей. В зависимости от политических убеждений, специфики политико-экономической ситуации и личностных предпочтений политики выбирают свой арсенал художественных средств, обладающих не только эстетической ценностью, но и мощным воздействующим потенциалом.

Как подтверждает проанализированный языковой фактический материал, «институциональный дискурс является комплексным коммуникативным процессом, который включает в себя клишированное статусно-ролевое взаимодействие коммуникантов в пределах конкретной социальной сферы общения и соответствующего общественного института» [Митрофанова 2009: 5]. Данное взаимодействие определяют социальные, культурно-исторические, идеологические, психологические и др. условия коммуникации, и оно направлено на оказание речевого воздействия посредством текстов и дискурсивных практик, что обуславливает выбор речевых стратегий и особую упорядоченность языковых единиц.

Существующие институциональные нормы задают правила и условия взаимодействия, исходя из которых, политик стремится максимально эффективно донести до адресата свою политическую позицию, взгляды, идеи.

ЛИТЕРАТУРА:

- Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 2001.
- Митрофанова Т. А. Обращенность как прагмалингвистический феномен в институциональном дискурсе: Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 2009.
- Мохова Е. К. Метафорическая репрезентация категории СВОИ – ЧУЖИЕ в президентском дискурсе Барака Обамы, Николя Саркози и Уго Чавеса: Автореферат дисс. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011.
- Паули Ю. С. Язык политического дискурса как способ формирования политического института // Теория и практика общественного развития. №8, 2011. URL: <http://teoria-practica.ru/vipusk-8-2011>.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособ. М. : Флинта : Наука, 2006.
- Яковлев П. П. «Доктрина Сапатеро» – квинтэссенция внешней политики Мадрида. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=45842>.
- Discurso de José Luis Rodríguez Zapatero en la sesión de investidura como presidente del Gobierno // Congreso de los Diputados, jueves, 15 de abril de 2004. URL: <http://www.lamoncloa.gob.es/Presidente/Intervenciones/Discursos-/150410Investidura.htm>.
- Discurso de don José Luis Rodríguez Zapatero en la sesión de investidura como Presidente del Gobierno // Congreso de los Diputados, martes, 08 de abril de 2008. URL: <http://www.lamoncloa.gob.es/Presidente/Intervenciones-/Sesionesparlamento/prsp20080408.htm>.
- Discurso de Mariano Rajoy en la sesión de investidura como presidente del Gobierno // Lunes, 19 de diciembre de 2011. URL: <http://www.lamoncloa.gob.es/Presidente/Intervenciones/Sesionesparlamento/2011/191211DiscursoInvestidura.htm>.
- Gómez E. P. El honor de los cargos electos. URL: http://elpais.com/elpais/2013/01/21/opinion/1358796523_652733.html.

Е. В. Дзюба

Екатеринбург, Россия

КАТЕГОРИЯ ФРУКТЫ В НАУЧНОЙ, ТОРГОВОЙ, КУЛИНАРНОЙ И БЫТОВОЙ КАРТИНАХ МИРА

АННОТАЦИЯ. На материале наименований ФРУКТОВ рассматриваются особенности категоризации в научной (ботанической, агрономической), торговой (собственно торговой и таможенной), кулинарной и наивной (бытовой) картинах мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика; категоризация; категория; картина мир; русское языковое сознание; категория ФРУКТЫ.

Сведения об авторе: Дзюба Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: elenacz@mail.ru.

E. V. Dzuba

Ekaterinburg, Russia

THE CATEGORY FRUIT IN THE SCIENTIFIC, TRADE, CULINARY AND HOUSEHOLD WORLDVIEWS

ABSTRACT. The peculiarities of the categorization in the scientific (botanic, agronomical), trade (trade proper and custom), culinary and naïve (household) worldviews are considered on the corpus of the naming units FRUIT.

KEY WORDS: cognitive linguistics; categorization; category; worldview; the Russian linguistic consciousness, the category FRUIT.

About the author: Dzyuba Elena Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Post Doctorate Associate of Department of Rhetoric and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University.

Предметом когнитивной лингвистики является категоризация действительности в языковом сознании человека, который стремится упорядочить (структурировать и систематизировать) знания и представления об окружающем мире (см. работы Э. Рош [Rosch 1973: 328–350], Дж. Лакоффа [Lakoff], А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996], Н. Н. Болдырева [Болдырев 2006: 5–22], О. О. Борискиной и А. А. Кретова [Борискина, Кретов 2003], Е. С. Кубряковой [Кубрякова 2004], Т. Г. Скребцовой [Скребцова 2011] и др.). Разделение онтологического пространства на классификационные рубрики – категории – называется категоризацией. Структурирование и систематизация знаний далеко не всегда происходит на научной основе. Человек, получая знания из самых разных источников, подвергая эти знания и представления классифицированию на разных основаниях, создает разные модели (картины) мира, актуальные для той или иной сферы своей деятельности. Так, при изучении сферы «Продукты растительного происхождения» оказываются актуальными научная (ботаническая, агрономическая), торговая (собственно торговая и таможенная), кулинарная и наивная (бытовая) картины мира.

Следует заметить, что выявление указанных моделей мира является в некоторой степени условным. Например, кулинарная картина мира опирается на научно обоснованные технологии приготовления пищи, актуальные для работников сферы общественного питания. Однако она в той или иной мере соотносится и с наивной моделью мировидения, отражающей бытовые представления, часто не совпадающие с профессиональными в отношении приготовления разных блюд.

В данной статье рассматривается категория ФРУКТЫ, которая характеризуется «размытостью» границ (т. е. является категорией с нечеткими границами [Витгенштейн]). Деление членов таких категорий на типичные и нетипичные образцы в разных картинах мира оказывается неизоморфным: наиболее типичные образцы категории в одной картине мира могут становиться наименее типичными в другой.

При рассмотрении категории ФРУКТЫ следует оговориться, что она выделяется не во всех картинах мира. Так, в науке понятия *фрукт* не существует, поэтому в терминологическом аппарате биологии, медицины и агрономии при описании тех или иных плодовых культур лексическая единица *фрукт* не используется, сама категория ФРУКТЫ не выделяется. Однако слово *фрукт* весьма употребительно в экономике, торговле (внешней и внутренней), кулинарии и бытовой речи.

Методика описания различий категориальной оценки фруктов в научной, торгово-экономической и наивной картинах мира включает следующие этапы:

Изучение литературы по ботанике, агрономии, кулинарии [Яковлев, Челомбитко 2001], [Потапов, Фаустов, Пильщиков 2000], [Анфимова 2008] с целью определения специфики категоризации интересующих нас плодов в научной картине мира.

Проведение ассоциативного эксперимента для определения специфики наивной категоризации фруктов (в эксперименте участвовало 600 человек в возрасте от 17 до 65 лет; формулировка задания, предложенного информантам, была такова: *Назовите известные вам фрукты*).

Подсчет общего количества ответов в пользу того или иного продукта с целью определения наиболее и наименее типичных образцов категории ФРУКТЫ в общем представлении носителей русского языка. При этом

учитывалась позиция (от 1 до 10), на которой зафиксировано то или иное наименование, что способствовало определению лучших (наиболее типичных) и худших (нетипичных) образцов категории (фрагмент систематизации данных, включающий сведения о первых 10 образцах, представлен в Таблице 1).

Таблица 1. Сводная таблица «Результаты эксперимента: количественные показатели упоминаний фруктов в анкетах информантов»

П/п	Название фрукта	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Общее кол-во	Общее кол-во (%)
1	Яблоко	278	106	64	37	20	9	9	2	5	1	531	88,5
2	Апельсин	96	129	99	58	46	32	16	14	7	10	507	84,5
3	Банан	94	91	84	69	48	31	26	16	9	12	480	80
4	Груша	11	95	66	45	40	21	29	31	22	16	376	62,67
5	Мандарин	4	15	34	56	55	65	39	31	26	21	346	57,67
6	Персик	9	15	43	46	45	58	31	37	21	29	334	55,67
7	Ананас	9	33	23	35	31	33	37	30	36	21	288	48
8	Абрикос	13	13	28	40	31	34	43	30	29	20	281	46,83
9	Киви	11	10	16	32	41	30	28	39	26	30	263	43,83
10	Манго	4	4	14	11	26	32	33	22	27	27	200	33,33
11	...												

Распределение упомянутых единиц – членов категории ФРУКТЫ – по 5 степеням типичности:

1) **сверхтипичные** (образцовые, идеальные) члены категории, обладающие высокой степенью типичности, названные более 80 % респондентов;

2) **типичные** члены категории, которые можно распределить по 2 подгруппам:

– высокочастотные, упоминаемые 60 % – 80 % респондентов;

– среднечастотные, упоминаемые 30 % – 60% респондентов;

3) **малотипичные**, названные 10 % – 30 % респондентов;

4) **нетипичные**, названные 5 % – 10 % респондентов;

5) **сверхнетипичные**, названные менее 5% респондентов (сопоставление категориальной оценки того или иного продукта в разных картинах мира. За основу категориального описания взята наивная классификация, базирующаяся на данных анкетных опросов (образец представлен в Таблице 2));

Таблица 2. Сверхтипичные образцы категории ФРУКТЫ в разных картинах мира

П/п	Бытовая картина мира	Лингвистическая картина мира	Ботаническая картина мира	Агрономическая картина мира	Торговая картина мира	Экономическая картина мира	Таможенная картина мира	Кулинарная картина мира
1	Яблоко	Плод яблони	Ягода, ягодовидный плод (яблоко) древесного растения семейства розоцветных	Плод яблони как семечковой культуры	Фрукт	Фрукт	Фрукт	Фрукт
2	Апельсин	Плод цитрусового дерева	Ягода, ягодовидный плод (гесперидий) древесного растения семейства рутовых	Цитрусовые (субтропические) культуры	Фрукт	Фрукт (плоды цитрусовых культур)	Фрукт	Фрукт
3	Банан	Плод высокого тропического растения	Ягода, ягодовидный плод гигантского травянистого растения семейства банановых	Тропическая культура (овощные и фруктовые сорта)	Фрукт	Фрукт (плоды тропических культур)	Фрукт	Фрукт

6) обобщение выводов о структуре категории ФРУКТЫ в рассматриваемых картинах мира.

Сверхтипичные образцы категории ФРУКТЫ. Лучшими образцами категории ФРУКТЫ в сознании носителей русского языка являются **яблоко, апельсин и банан**. На первое место информанты поставили **яблоко** (531 ответ из

600; 88,5%), при этом на первой позиции яблоко указали 278 человек, на десятой – один. Далее следует **апельсин** (507; 84,5%) и **банан** (480; 80%). Удивительно, но принадлежность этих трех образцов к лучшим в категории ФРУКТЫ в настоящее время является отнюдь не этноспецифичной, скорее – универсальной. По результатам экспериментов, проводимых среди англоговорящих респондентов, первые три позиции занимают эти же образцы, но в иной последовательности: 1) апельсин, 2) яблоко, 3) банан [БТСРЯ 1998].

Анализ номинаций овощей и фруктов в разных языках позволяет подтвердить положение о том, что яблоко является прототипом категорий ОВОЩИ и ФРУКТЫ в сознании человека. Яблоко как своего рода первообраз предопределило представление об остальных плодах, ср.: *фр.* pomme de terre (картофель, букв. земляное яблоко), *ит.* pomì d'oro (помидор, букв. золотые яблоки), *англ.* pineapple (ананас, букв. сосновое яблоко), *нем.* Apfelsine (апельсин, букв. китайское яблоко) и т. д. Показательно, что в лексикографических источниках дефиниция к слову *яблоко* отличается предельной скупостью информации ('плод яблони' [ГОСТ 27523-87]) в отличие от словарных статей к словам *груша* или *персик*, в которых уточняется ботаническая принадлежность растения к тому или иному семейству. Вероятно, это объясняется наличием устойчивых представлений о яблоке как лучшем образце категории ФРУКТЫ, а также о наличии у яблока широкого культурологического контекста, который выходит далеко за пределы ботанического описания (ср. яблоко раздора в мифологии, адамово яблоко в христианстве, наливные яблочки в русских сказках, «Яблоко» как политическая партия и т. п.).

Удивителен факт, что одним из лучших образцов категории ФРУКТЫ для нас является *банан*, который не произрастает в климатических условиях России, но в последнее время отнюдь не является дефицитом. Вероятно, около двух десятилетий назад, когда бананы не были так широко представлены в отечественной торговле, банан вряд ли занял бы первые позиции среди названных респондентами фруктов.

Важно заметить, что в ботанике яблоко, апельсин и банан являются ягодами, или ягодавидными плодами. При характеристике банана указывается, что он является плодом травянистого растения, что не соответствует типичным наивным представлениям о том, что фрукты, в отличие от овощей, растут на деревьях. Однако в наивной картине мира этой непоследовательности не прослеживается: с точки зрения обыденного сознания пальма, на которой растут бананы, является именно деревом, а не гигантской травой, как уточняют биологи. В данном случае наивные представления оказываются более последовательными, хотя и основаны на заблуждении; в научной (агрономической) картине мира, в соответствии с которой плодовые культуры (фрукты) растут только на деревьях, наблюдается противоречие: банан, являясь травянистым растением, относится, однако, не к овощам, но к плодовым культурам, то есть – к фруктам, хотя уточняется, что у банана существуют как фруктовые, так и овощные сорта.

В агрономии характеристика яблока, апельсина и банана не совпадает: яблоко специалисты по сельскому хозяйству относят к семечковым, апельсин и банан – к тропическим культурам. В торговой и кулинарной сферах разногласий в характеристике данных плодов не выявляется: яблоко, апельсин и банан названы фруктами. В толковых словарях дефиниции наименований плодов содержат информацию агрономического характера (вид растения в соответствии с агрономической классификацией).

Типичные (высокочастотные) образцы категории ФРУКТЫ. Высокочастотным типичным образцом данной категории, по результатам опроса, является только груша (376 ответов из 600; 62,67%). Парадоксально, но с ботанической точки зрения грушу корректно назвать яблоком, так как она по структуре относится к яблоку как ягодавидному плоду. В агрономии груша считается, как и яблоко, семечковой культурой, в торгово-производственной, экономической и кулинарной сферах называется фруктом. Лингвистическое описание наименования обобщает агрономическую (плодовая культура) и ботаническую (семейство розоцветных) информацию.

Типичные (среднечастотные) образцы категории ФРУКТЫ. Типичными образцами категории ФРУКТЫ в русском языковом сознании являются **мандарин** (назван 346 респондентами; 57,67%), **персик** (334; 55,67%), **ананас** (288; 48%), **абрикос** (281; 46,83%), **киви** (263; 43,83%), **манго** (200; 33,33%) и **грейпфрут** (190; 31,67%). Из названных плодов мандарин, ананас, киви и грейпфрут с ботанической точки зрения являются ягодами (точнее – ягодавидными плодами: гесперидием у цитрусовых и собственно ягодой у ананаса и киви). Ананас, как видно из проанализированных анкет, в бытовом сознании относится к фруктам, что вполне логично, по мнению респондентов, соотносится с представлением о фруктах как плодах древесных деревьев. Однако с ботанической точки зрения ананас является травянистым, но не древесным растением, плод которого считается не фруктом, а ягодавидным плодом. В агрономии ананас, мандарин и грейпфрут считают плодовыми тропическими и субтропическими культурами (мандарин и грейпфрут также причисляются к группе цитрусовых), киви, как и в ботанике, считают ягодой (ягодной культурой).

Персик, абрикос и манго в ботанике называются костянками, так как они имеют косточку, в агрономии соответственно причисляются к плодовым косточковым культурам, манго характеризуется в сельском хозяйстве еще и как тропическая культура.

В торговой и кулинарной сферах разногласий в характеристике плодов не наблюдается: все типичные для данной категории образцы называются фруктами.

При анализе словарных статей к наименованиям указанных плодов обнаруживаются некоторые интересные факты: описание мандарина отражает закономерность когнитивного процесса сопоставлять новое, непознанное с известным ранее (ср.: «Мандарин – плод, напоминающий апельсин» [БТСРЯ 1998]). Удивительно, что апельсин

получил более широкое распространение, чем мандарин, и стал одним из лучших образцов категории ФРУКТЫ, в то время как мандарин является в сравнении с апельсином менее типичным образцом данной категории. Парадоксальность этого факта заключается в том, что апельсин является гибридом мандарина и помело.

Лексикографические источники в описании наименований плодов отражают как ботаническую концепцию (в словарных статьях часто указывается семейство, к которому принадлежит растение), так и агрономическое представление о плодовых культурах (отчетливо видны следы сельскохозяйственных классификаций: обозначен вид культуры – тропическая или субтропическая, косточковая или семечковая и т. п.). Однако важно заметить, что лексикографы не всегда последовательны в описании тех или иных наименований: так, например, у персика или ананаса отмечено семейство, а у мандарина и грейпфрута указывается не семейство (рутовые), а род – цитрус; киви вообще не характеризуется с точки зрения ботанической систематики растений, указано лишь, что это «плод тропического дерева» [ГОСТ 27523-87].

Поскольку лексикографические источники в настоящее время опираются на научные описания при составлении дефиниции, понятие фрукт в словарях практически не встречается, так как данного термина не существует в научном аппарате ни ботаники, ни агрономии. Однако в статье к слову абрикос содержится семантический компонент – ‘фруктовый’ (ср.: «Абрикос – плод фруктового дерева семейства розоцветных» [ГОСТ 27523-87]), при этом дефиниции слов персик, слива и др. такую сему не имеют.

Малотипичные образцы категории ФРУКТЫ. К малотипичным образцам категории, по результатам анкетирования, относятся **лимон** (отмечен 168 респондентами; 28%), **виноград** (59; 26,5%), **слива** и **дыня** (по 106; 17,67%), **авокадо** и **нектарин** (по 78; 13%), а также **гранат** (72; 12%).

С ботанической точки зрения некоторые из названных плодов (лимон, виноград, дыня и гранат) являются ягодами (точнее – ягодовидными плодами: лимон – ягодовидный плод в виде гесперидия, дыня – ягодовидный плод в виде тыквинки, виноград – собственно ягода, гранат – ягодовидный плод в виде гранатины). Слива, авокадо и нектарин представляют собой костянку (костянковидный плод).

Признанные ягодами в ботанике лимон, авокадо и гранат в агрономии называются тропическими или субтропическими культурами, виноград считается ягодной культурой, а дыня – овощной. Костянки (слива и нектарин) с сельскохозяйственной точки зрения закономерно считаются косточковыми культурами. Вероятно, к косточковым необходимо отнести также авокадо, которое имеет твердый эндокарпий (косточку). Это вновь обнаруживает размытость границ категорий в агрономической картине мира: авокадо одновременно попадает в группу «косточковые культуры» и «тропические культуры». Кроме того, авокадо, причисляемое в торгово-экономической сфере к фруктам, в кулинарии считается овощем, так как чаще в силу своей маслянистости и отсутствия сладости используется для приготовления овощных салатов.

Неоднозначно в разных сферах категоризируется и дыня, которая в сельскохозяйственной литературе [Потапов, Фаустов, Пильщиков 2000], ГОСТе «Овощи. Номенклатура» [ГОСТ 27523-87] и «Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности, товаров и услуг...» [ОК004-93] причисляется к овощным культурам, в ботанике считается ягодой, а в таможенной документации [Общие условия...]; [Решение Совета...] и кулинарных книгах [Анфимова 2008] относится к фруктам.

В лексикографических источниках, как уже было отмечено, отражено стремление составителей словарей в описании лексического значения наименований плодов ссылаться на ботаническую концепцию, но здесь вновь обнаруживается отсутствие последовательности в работе лексикографов: у граната место в систематике растений не указано; у лимона отмечена его принадлежность к роду цитрусовых, но не отмечено семейство; у остальных образцов данной группы обозначено лишь семейство.

Нетипичные образцы категории ФРУКТЫ. Среди нетипичных образцов категории ФРУКТЫ респонденты отметили **хурму** (58 человек; 9,67%), **папайю** и **помело** (по 49; 8,17%), **клементин** (47; 7,83%), **маракуйю** (43; 7,17%), **лайм** (42 раза; 7%), **арбуз** (36; 6%) и **кокос** (33; 5,5%).

Удивительно, но все названные здесь образцы, кроме кокоса, с ботанической точки зрения считаются ягодами. Следует еще раз пояснить, что в ботанике ягодами называются многосеменные плоды, односеменные плоды являются костянками, не ягодами (!). Таким образом, хурма, папайя и маракуйя представляют собой многосеменные ягоды; помело, кlementин и лайм – это ягодовидный плод-гесперидий; арбуз считается ягодовидным плодом-тыквинкой. Кокос, часто в быту называемый орехом, в ботанике не относится к орехоплодным, этот вид плода считается костянкой.

В агрономии все названные культуры, кроме арбуза, относятся к группам тропических и/или субтропических культур; помело, кlementин и лайм также причисляются к группе цитрусовых (таким образом, эти образцы становятся членами одновременно нескольких субкатегорий – тропические, субтропические и цитрусовые).

В торгово-экономической сфере все образцы, кроме арбуза и кокоса, причисляются к категории ФРУКТЫ. Арбуз назван овощем в ГОСТе «Овощи. Номенклатура» [ГОСТ 27523-87] и «Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности, товаров и услуг» [ОК004-93]; кокос, как и некоторые другие плоды (например, помело и кlementин) не присутствует ни в ГОСТе «Овощи», ни в ГОСТе «Фрукты» [ГОСТ 27521-87], однако в таможенных документах и в кулинарных книгах кокос упоминается, но он фигурирует как орех. Хурма, папайя, помело, кlementин, маракуйя и лайм в торгово-экономической и кулинарной сферах причисляются к категории ФРУКТЫ.

В лексикографических источниках в формулировках дефиниций к словам *хурма, папайя, арбуз, лайм* и *кокос* заметна тенденция к обобщению агрономических и ботанических представлений, однако и здесь обнаруживается отсутствие последовательности: не во всех статьях указано семейство, к которому принадлежит растение (см. *лайм, кокос, папайя*). Лексическая единица *фрукт* в дефинициях не встречается.

В некоторых случаях описание объекта осуществляется посредством сравнения с более типичным и известным образцом: ср.: «*лайм* – сорт горького лимона; *папайя* – плод тропического дерева, напоминающий дыню» [БТСРЯ]. У наименований некоторых экзотических плодов отсутствует лексикографическое описание (*помело, клементин, маракуйя*). Вероятно, в лексикографии сохраняются консервативные тенденции, что проявляется, во-первых, в высокой степени преемственности словарной работы от одного поколения словарей к другому, что вполне закономерно в работе по нормализованному описанию языка. С другой стороны, лексикографы не всегда оперативно способны фиксировать последние достижения науки (в данном случае – селекции, так как появляются новые гибриды плодов, новые сорта) и новые явления, возникновение которых обусловлено расширением межкультурного взаимодействия, расширением торговых связей с самыми разными (в т. ч. экзотическими) странами, где культивируются весьма необычные для климата России и близлежащих государств породы.

Сверхнетипичные образцы категории ФРУКТЫ. К сверхнетипичным (худшим) образцам категории ФРУКТЫ относятся плоды, названные не более чем 3,5% респондентов. Это **айва** (3,5%), **фейхоа** (3,17%), **вишня** (2,83%), **инжир** (2,67%), **гуава** (2,33%), **алыча** (1,83%), **черешня** и **личи / рамбутан** (по 1,5%), **минеола** и **чернослив** (по 0,83%), **земляника** и **финик** (по 0,67%), **помидор** и **дуриан** (по 0,5%), а также плоды, указанные единожды (по 0,17%): **бергамот, гуарана, земляная груша, карамбола, кумкват, кунжут, мушмула, морковь, питахайя, репа, салак и саподилла**.

Значительная часть указанных плодов с ботанической точки зрения считается ягодой: айва и мушмула представляют собой ягодовидный плод-яблоко; фейхоа, гуава, дуриан, помидор, питахайя, карамбола и саподилла являются собственно ягодами; минеола, бергамот и кумкват представляют собой ягодовидный плод-гесперидий; инжир является ягодовидным плодом, имеющим сростшиеся соплодия. Другие плоды считаются либо костянкой (вишня, алыча, черешня, личи / рамбутан, чернослив как сорт сливы, финик), либо коробочкой (кунжут). Вероятно, случайно попавшие в данную группу, морковь и репа являются корнеплодами травянистых растений и традиционно относятся к категории ОВОЩИ. В данной группе также оказалась земляника, которая вопреки обыденному мнению причислять ее к ягодам с ботанической точки зрения ягодой не является, а представляет собой сборный орешек, ореховидный плод [Бавтуто, Еремин 1997: 297].

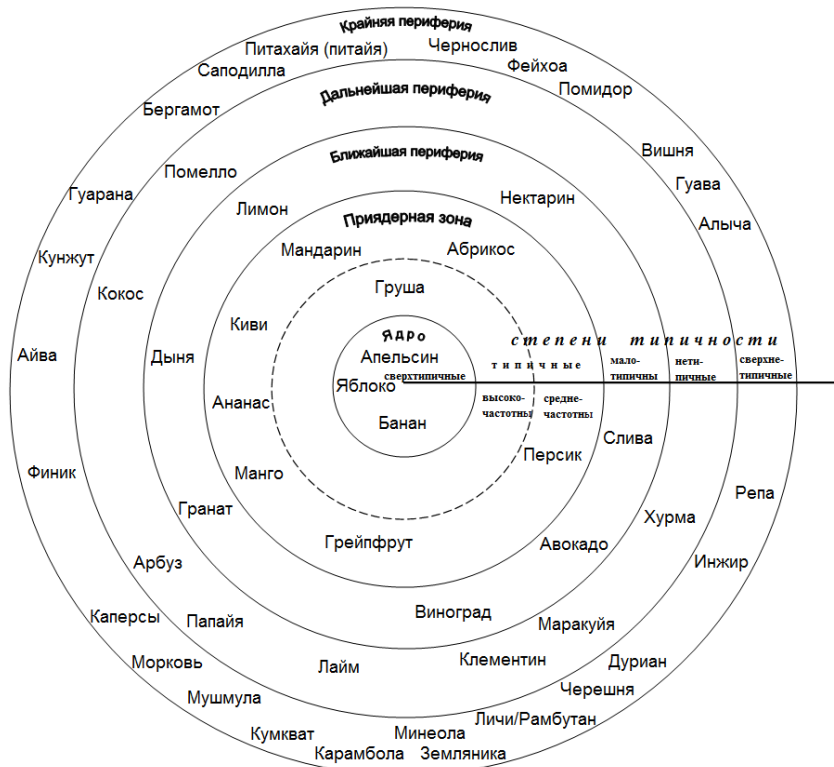
С агрономической точки зрения названные плоды относятся к семечковым (айва, мушмула), косточковым (вишня, алыча, черешня, личи / рамбутан, слива), тропическим (гуава, финик, дуриан, карамбола, кунжут, питахайя, саподилла), субтропическим (фейхоа, инжир, личи / рамбутан, гуарана и др.), цитрусовым (минеола, бергамот, кумкват), ягодным (земляника) и овощным (морковь, репа) культурам.

В торговой и кулинарной сферах большинство из рассматриваемых в данной группе плодов традиционно причисляется к категории ФРУКТЫ. Исключение составляет земляника и вишня, которые в соответствии с ГОСТом, «Общероссийским классификатором...» и таможенной документацией причисляются к фруктам, но в кулинарии называются ягодами. Репа и морковь отмечены в торговле и кулинарии как овощи. Черешня, минеола, бергамот и гуарана не представлены в современных ГОСТах (ни в ГОСТе «ОВОЩИ», ни в ГОСТе «ФРУКТЫ»); гуарана и кунжут не обозначены в таможенной документации. Чернослив и финик в торгово-производственной и экономической сферах представлены как сухофрукты в рубрике «Фрукты».

В лексикографических источниках при описании значений наименований, называющих указанные плоды, так же обнаруживается стремление обобщить научные данные ботаники и агрономии: лексическая единица *фрукт* для характеристики названных плодов не упоминается. Кроме того, в данном случае так же видна непоследовательность в описании наименований: дефиниции к лексемам *финик, бергамот, кунжут* не содержат, в отличие от остальных, компонента значения, указывающего на принадлежность растения к тому или иному семейству. Многих наименований экзотических фруктов в толковых словарях не представлено, это касается дуриана, гуараны, карамболы, кумквата, питахайи.

Проведенный эксперимент и анализ полученных данных позволили, таким образом, определить структуру (членство) категории ФРУКТЫ в сознании современных носителей русского языка. Распределение образцов по степеням типичности (от лучших – к худшим, от центра / ядра – к периферии) отражено в Схеме 1.

Схема 1.



Итак, в разных сферах (науке, сельском хозяйстве, торговле, экономике, кулинарии, быту) представление о категории ФРУКТЫ весьма неоднозначно.

В ботаническом научном аппарате термина *фрукты* не существует, многие плоды, именуемые в обыденной жизни фруктами, в ботанике считаются ягодами, соплодиями или костянками. Под термином *ягода* понимается вид многосеменного плода с сочной мякотью, поэтому помидор и огурец, арбуз и ананас, груша и апельсин с ботанической точки зрения являются именно ягодами. Следует пояснить, что ягода в ботаническом смысле предполагает наличие разновидностей: это яблоко, которое наблюдается у плодов яблони, груши, боярышника и рябины, тыква (арбуз, дыня, кабачок, патиссон, цукини, тыква), гесперидий (все цитрусовые: апельсин, мандарин, лимон, помело и др.) и собственно ягода (помидор, баклажан, сладкий перец и др.). Таким образом, с ботанической точки зрения вполне корректно плод айвы или груши назвать ягодой или яблоком, плод тыквы, арбуза, огурца или апельсина так же назвать ягодой. Что же касается ягод в привычном понимании, то далеко не все из них могут с ботанической точки зрения носить такое название.

В агрономии понятия *фрукт* так же не существует, в терминологическом аппарате этой науки используется общий термин *плодовая культура*, среди них выделяют семечковые и косточковые, тропические и субтропические, цитрусовые, пряные и тонизирующие культуры. Эта сфера допускает наибольшую степень условности классифицирования и размытости категориальных границ, так как в основе категоризации плодовых культур лежит одновременно несколько существенных признаков: морфологический (часть, или орган, растения, употребляемого в пищу; структура плода); особенности возделывания и зонального размещения; влияние на организм человека и др.

Представление о рассмотренных в данной части исследования плодах, отраженное в действующих ГОСТах, «Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности, товаров и услуг...» и таможенной документации, не противоречит кулинарным и наивным (бытовым) представлениям: большинство плодов, причисленных обывателями к фруктам, в торговой сфере так же относится к категории «ФРУКТЫ».

Лингвистическая картина мира, как показывает анализ словарных статей наименований фруктов, обобщает научные представления ботаники и агрономии, поэтому лексическая единица *фрукт* в дефиниционных описаниях не встречается (исключение составляет формулировка значения леммы абрикос). Словарные статьи отражают как ботаническую концепцию (указывается информация о месте того или иного представителя в систематике растений и морфологические признаки), так и агрономическое представление о плодовых культурах (отчетливо видны следы сельскохозяйственных классификаций: обозначен вид культуры – тропическая или субтропическая, косточковая или семечковая и т. п.). Однако важно заметить, что лексикографы не всегда последовательны в описании тех или иных наименований: так, например, у одних названий плодов в дефинициях указывается семейство, у других – род растений, у третьих такая информация опускается вовсе. Иными словами, в лингвистической картине мира, отражающей в настоящее время научные представления, категория ФРУКТЫ не выделяется.

В бытовом представлении внутренняя организация категории ФРУКТЫ выглядит следующим образом: к лучшим образцам категории относятся яблоко (является прототипом для наименований некоторых фруктов и овощей в разных языках), апельсин, банан, груша, мандарин и некоторые другие. К худшим представителям категории ФРУКТЫ относятся, во-первых, экзотические плоды, не произрастающие на территории России, но известные частым посетителям супермаркетов и путешественникам в экзотические страны (фейхоа, гуава, личи и рамбутан, дуриан, кумкват, питахайя и др.). Во-вторых, плоды, которые по какому-либо из существенных признаков могут быть причислены также к другим классификационным рубрикам. Например, в сознании носителя языка возникает дилемма, к какой категории – ФРУКТЫ или ЯГОДЫ – относится алыча, вишня, черешня, виноград и под. Причиной сомнений является, с одной стороны, их малый размер, позволяющий отнести их к ягодам, с другой стороны, способ произрастания (чаще древесный) и особенности кулинарного использования (во фруктовых салатах, фруктовых десертах и т. п.), что свидетельствует о возможной их принадлежности к категории ФРУКТЫ.

Таким образом, в статье на примере изучения структуры категории ФРУКТЫ была отработана методика анализа категорий и доказана идея о разнице в категориальной оценке некоторых продуктов в научной, торгово-экономической, кулинарной и наивной (бытовой) картинах мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимова Н. А. Кулинария : учеб. пособие для нач. проф. образования. М. : Издательский центр «Академия», 2008.
- Бавтуто Г. А., Еремин В. М. Ботаника: Морфология и анатомия растений. Мн., 1997.
- Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
- Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ) / Под. ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 1998.
- Борискина, О. О., Кретов А. А. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003.
- Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. М. : «Русские словари», 1996.
- Витгенштейн, Л. Философские исследования. URL: <http://krotov.info>.
- ГОСТ 27521-87 «Фрукты. Номенклатура. Первый список» (введен Постановлением Государственного комитета СССР по стандартизации от 15.12.87 № 4540) // Библиотека ГОСТов и нормативных документов. URL: http://libgost.ru/gost/22351-GOST_27521_87.html.
- ГОСТ 27523-87 «Овощи. Номенклатура. Первый список» (введен Постановлением Государственного комитета СССР по стандартизации от 15.12.87 № 4540) // База ГОСТов и нормативных документов. URL: <http://www.gost-load.ru/Index/12/12066.html>.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004.
- Общероссийский классификатор видов экономической деятельности, продукции и услуг (ОК004-93, утв. Постановлением Госстандарта РФ от 6 августа 1993 года № 17). URL: <http://www.consultant.ru/popular/okved-ch3-razdel-d-2430000/html>.
- Общие условия международной купли-продажи свежих фруктов и овощей, включая цитрусовые (приняты Европейской экономической комиссией ООН ECE/AGRI/40 1979 г.) // PRAVO.RU/ URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/19998504/html>.
- Потапов В. А., Фаустов В. В., Пильщиков Ф. Н. и др. Плодоводство. М. : Колос, 2000.
- Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешней экономической деятельности Таможенного союза и Единого таможенного тарифа Таможенного союза». URL: <http://base.consultant.ru>.
- Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций / Филологический факультет СПбГУ. СПб, 2011.
- Яковлев Г. П., Челомбитько В. А. Ботаника: учебник для вузов. СПб.: Изд-во СПХФА, 2001.
- Lakoff George. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. URL: <http://www.metodolog.ru/01480/01480.html>.
- Rosch E. Natural categories // Cognitive Psychology. Elsevier, 1973. V. 7. P. 328–350.
- Ungerer F., Schmid H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. London: Longman, 1996.

Н. А. Ермейчук

Кириши, Россия

СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ И ЭКСПРЕССИИ В БИБЛЕЙСКОМ СЮЖЕТЕ

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты выборки сравнений с помощью программы *textus.pro* и методом сплошной выборки в английском переводе Библии короля Якова. Кроме того проводится статистический анализ компаративных конструкций, сопоставительный анализ Ветхого и Нового Заветов в плане употребления сравнений, а также рассматривается грамматическое оформление, порядок следования компонентов и выявляются основные функции их использования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сравнение; образ сравнения; функции; Ветхий и Новый Заветы; Библия короля Якова; экспрессия.

Сведения об авторе: Ермейчук Наталья Андреевна, аспирантка Ленинградского государственного университета им. Пушкина, преподаватель английского языка ГАОУ СПО ЛО «Киришского политехнического техникума»

Адрес: 187110, г. Кириши, ул. Ленинградская, д.6.

E-mail: natali555777@mail.ru.

N. A. Ermeychuk

Kirishi, Russia

SIMILE AS THE MEANS OF PICTORIALISM AND EXPRESSION IN THE BIBLE

ABSTRACT: This article presents the results of selection of similes obtained using the *textus.pro* software and by the method of continuous selection of simile in the English translation of King James Bible. Furthermore, a statistic analysis of comparative structures and a competitive analysis of the Old and New Testaments are carried out in the field of using similes, the grammatical structures and the sequence order of their elements are studied, and the main functions of their use are defined.

KEY WORDS: simile; similitude; functions; the Old Testament and the New Testament; King James Bible; expression.

About the author: Natalia Andreevna Ermeychuk, postgraduate at Leningrad State University of Pushkin and teacher of the English language at Kirishi Secondary Technical School.

К средствам усиления выразительности относят тропы и фигуры речи (стилистические фигуры). С точки зрения В. Н. Ярцевой, «тропы (от греч. *troros* — поворот, оборот, оборот речи) – такие обороты (образы), которые основаны на употреблении слова (или сочетания слов) в переносном значении и используются для усиления образности и выразительности речи» [Ярцева 1990: 520].

Если говорить о классификации тропов и фигур речи, то «отбор выразительных средств английского языка еще недостаточно проведен, и анализ этих средств еще далеко не закончен. Здесь еще много неясного, так как критерии отбора и анализа еще не установлены» [Гальперин 1958: 45]. Но традиционно основными видами тропов считаются эпитет, сравнение, метафора, метонимия, синекдоха, гипербола, литота, ирония.

Настоящее исследование посвящено анализу сравнения, выявлению его роли и основных функций в английском переводе Библии Короля Якова, изданном в 1611 году, «над которым 47 ученых семь лет работали без перерыва» [Брокгауз 1892: 682].

Целью данной работы является определение роли компаративных конструкций, выяснения особенностей функционирования, описания и лингвистического анализа с точки зрения количественного использования сравнений в библейском сюжете.

Словарь лингвистических терминов, дает следующее определение сравнения как именно лингвистической единицы: «Сравнения-фигуры речи, состоящей в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым». [Ахманова 2007: 450]

В целях настоящего исследования следует придерживаться следующего определения сравнения: два понятия, обычно относящиеся к разным классам явлений, сравниваются между собой по какой-либо одной из черт, причем это сравнение получает формальное выражение в виде таких слов, как: *as, such as, as if, like*. [Гальперин 1958: 167]

Необходимо отметить, что выборка сравнений проходила в два этапа. Сначала, используя программу «*textus.pro*», были определены предложения с союзами «*as*» и «*like*». Полученные результаты зафиксированы в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Предложения с союзами «*as*» и «*like*» в Ветхом Завете

№	Название книги	Повторов « <i>as</i> »	Повторов « <i>like</i> »	Плотность « <i>as</i> »	Плотность « <i>like</i> »
1	Genesis - Бытие	115	2	0,29%	0,00%
2	Isaiah - Исайя	249	72	0,65%	0,19%
3	Exodus-Исход	96	29	0,28%	0,09%
4	Leviticus-Левит	86	1	0,34%	0,00%
5	Numbers-Числа	95	1	0,28%	0,00%

№	Название книги	Повторов «as»	Повторов «like»	Плотность «as»	Плотность «like»
6	Deuteronomy-Второзаконие	132	17	0,45%	0,06%
7	Joshua-Иешуа	77	1	0,39%	0,01%
8	Judges-Судьи Израилевы	55	5	0,28%	0,03%
9	Ruth-Руфь	4	3	0,15%	0,11%
10	Samuel 1-Самуил1	95	11	0,37%	0,04%
11	Samuel 2-Самуил2	90	7	0,42%	0,03%
12	Kings 1-Книга Царств 1	84	20	0,33%	0,08%
13	Kings 2-Книга Царств 2	81	16	0,33%	0,07%
14	Chronicles 1-Летопись 1	38	10	0,18%	0,05%
15	Chronicles 2-Летопись 2	71	16	0,26%	0,06%
16	Ezra - Ездры	20	0	0,26%	0,00%
17	Nehemiah-Неемия	19	2	0,17%	0,02%
18	Esther-Есфирь	19	1	0,32%	0,02%
19	Job - Работа	136	33	0,71%	0,17%
20	Psalms - Псалтырь	196	104	0,43%	0,23%
21	Proverbs- Притчи	89	15	0,55%	0,09%
22	Ecclesiastes-Экклезиаст	25	0	0,43%	0,00%
23	Song of Solomon- Песни Соломона	39	23	1,39%	0,82%
24	Isaiah - Исайя	249	72	0,65%	0,19%
25	Jeremiah- Иеремия	154	56	0,35%	0,13%
26	Lamentations – Плач	23	13	0,64%	0,36%
27	Ezekiel - Иезекииль	143	44	0,35%	0,11%
28	Daniel - Даниил	43	21	0,36%	0,17%
29	Hosea - Осия	63	14	1,17%	0,26%
30	Joel - Иойля	7	7	0,33%	0,33%
31	Amos - Амос	20	5	0,46%	0,11%
32	Obadiah - Авдий	5	0	0,72%	0,00%
33	Jonah - Иона	1	1	0,07%	0,07%
34	Micah - Михей	27	5	0,82%	0,15%
35	Nahum - Наум	10	6	0,74%	0,45%
36	Habakkuk - Аввакум	11	1	0,71%	0,06%
37	Zephaniah - Цефаний	7	2	0,42%	0,12%
38	Haggai - Аггей	4	0	0,34%	0,00%
39	Zachariah - Захария	44	8	0,66%	0,12%
40	Malachi - Малахия	8	2	0,43%	0,11%

Таблица 2. Предложения с союзами «as» и «like» в Новом Завете

№	Название книги	Повторов «as»	Повторов «like»	Плотность «as»	Плотность «like»
1	Matthew - Матфей	88	17	0,35%	0,07%
2	Mark - Марк	69	6	0,45%	0,04%
3	Luke - Лука	116	13	0,43%	0,05%
4	John - Иоанн	68	4	0,34%	0,02%
5	Acts – Деяния апостолов	125	9	0,05%	0,04%
6	Romans – Послание к римлянам	70	4	0,71%	0,04%
7	Corinthians 1 – Послание к Коринфянам	91	1	0,91%	0,01%
8	Corinthians 2 – Послание к Коринфянам	62	0	0,97%	0,00%
9	Galatians – Послание к Галатам	26	1	0,80%	0,03%
10	Ephesians – Послание к Ефессянам	26	0	0,81%	0,00%
11	Philippians – Послание к Филиппийцам	16	1	0,70%	0,04%
12	Colossians- Послание к колоссянам	14	0	0,67%	0,00%
13	Thessalonians 1- Первое послание к Фессалоникийцам	26	1	1,34%	0,05%
14	Thessalonian 2 – Второе послание к Фессалоникийцам	7	0	0,65%	0,00%
15	Timothy 1-Первое послание к Тимофею	7	1	0,29%	0,04%
16	Timothy 2-Второе послание к Тимофею	5	0	0,28%	0,00%

№	Название книги	Повторов «as»	Повторов «like»	Плотность «as»	Плотность «like»
17	Titus-Послание к Титу	4	0	0,42%	0,00%
18	Philemon- Послание к Филимону	4	0	0,86%	0,00%
19	Hebrews – Послание к евреям	50	3	0,69%	0,04%
20	James -Иаков	8	3	0,33%	0,12%
21	Peter 1- Петр 1	40	1	1,54%	0,04%
22	Peter 2-Петр 2	17	1	1,04%	0,06%
23	John 1- Иоанн 1	11	1	0,42%	0,04%
24	John 2- Иоанн 2	3	0	0,94%	0,00%
25	John 3-Иоанн 3	2	0	0,63%	0,00%
26	Jude - Иуда	2	1	0,31%	0,16%
27	Revelation - Откровение	83	26	0,67%	0,21%

Достаточно часто конструкции со словами «as», «like» сложно с уверенностью квалифицировать как сравнительные. Решение этого вопроса лежит в сфере лингвистической и имеет два аспекта, связанных, во-первых, с понятием о структуре сравнения и способах его выражения, во-вторых, с грамматической неоднозначностью слов «as», «like». Эти слова могут быть как сравнительными союзами, так и модальными частицами. Различия между ними заключаются в следующем. Сравнительные союзы соединяют два члена сравнения и одновременно относят их к третьему; являются обязательным структурным элементом сравнительных конструкций: устранение их ведет к полному распаду логико-грамматических связей; выражают отношения уподобления, сходства. Место союза строго закреплено: в простом предложении - всегда перед вторым членом сравнения, в сложном - в абсолютном начале придаточной части. Модальные частицы односторонне соединены лишь с одним словом или сочетанием слов, изъятие частицы связи не нарушает этих связей, изменяется лишь модальность всей конструкции или отдельной ее части; не выражают отношений уподобления, а служат указанием на предположительность тех отношений, которые существуют между частями предложения. Частица сохраняет способность передвигаться в пределах предложения вместе с любым членом предложения, модальность которого она выражает. Следовательно, при анализе сочетаний со словами «as», «like» и подобными нужно обращать внимание на структуру конструкции, грамматическое значение этих слов и образность сопоставления. Только выявление всех признаков компаратива позволяет интерпретировать такие конструкции как сравнения [Черкасова 1971: 226-229].

Итак, методом сплошной выборки определено около 892 примера сравнений в Библии. И методом статистического подсчета сравнений в Ветхом и Новом Заветах, получены следующие результаты: в первом - 754 примера сравнений, что составляет 85%, а во втором - 138 примеров сравнений, что составляет 15%. Необходимо указать, что наибольшее количество сравнений сосредоточено в первых главах Нового Завета (Luke-Лука, Acts-Деяния Апостолов), и в Ветхом Завете – в начале и в середине (Genesis-Бытие, Isaiah-Исайя, Deuteronomy-Второзаконие, Job-Работа, Psalms-Псалтырь, Isaiah-Исайя, Jeremiah-Иеремия, Ezekiel-Иезекииль).

Предмет сравнения репрезентируется именами существительными и в некоторых случаях герундием. Образ сравнения представлен следующими разновидностями: образ-предмет (выраженный существительным) и образ-ситуация (с использованием придаточного предложения) [Разуваева 2009: 6].

Как показало проведенное исследование, образ сравнения в компаративных конструкциях, так же как и предмет сравнения, соотносится с определенной когнитивной сферой: антропологической, зоологической, натурфактной, абстрактной. Наиболее значимыми для постижения предмета сравнения посредством его образного представления в современном мировосприятии оказались концепты «человек», «зооним», «натурфакт», «артефакт», «абстракт». Результаты представлены в таблице 3.

Ветхий Завет	Новый Завет
Зооним – 23%	Зооним – 22%
Натурфакт – 38%	Натурфакт – 29%
Человек – 15%	Человек – 34%
Артефакт, абстракт – 24%	Артефакт, абстракт – 15%

В рамках исследуемого материала в двух Заветах, приходим к выводу, что лексем, номинирующих предмет сравнения, который репрезентирует концепт «человек», в Новом Завете в два раза больше (в процентном соотношении), чем в Ветхом. Приведем некоторые примеры указанного вида сравнений:

Книга Царств 2 (3:22): «...and the Moabites saw the water on the other side as red as blood» - «...и Моавитяне увидели на другой стороне воду такую же красную, как кровь».

Откровение (21:2): «And I John saw the holy city, new Jerusalem, coming down from God out of heaven, prepared as a bride adorned for her husband» – «И Иоанн увидел Священный город, Новый Иерусалим, данный Всевышним с небес и подготовленный так, как невеста наряжается для своего мужа»

Петр 1 (4:15): «But let none of you suffer as a murderer, or as a thief, or as an evildoer, or as a busybody in other men's matters» - « И не кто из вас не пострадает, как убийца, или как вор, или как злодей, или как сплетник»

Второзаконие (32:10-32:11): «He found him in a desert land, and in the waste howling wilderness; he led him about, he instructed him, he kept him as the apple of his eye. As an eagle stirreth up her nest, fluttereth over her young, spreadeth abroad her wings, taketh them, beareth them on her wings» - «Он нашел его в пустыне, в степи печальной и дикой, оградил его, смотрел за ним, хранил его как зеницу ока своего. Как орел вызывает гнездо свое, носится над птенцами своими, распростирает крылья свои, берет их и носит на крыльях своих»

В последнем примере предмет сравнения развернутый, и в его качестве выступают концепты и «человека» и «животного».

Если предмет сравнения относится к зоологической сфере, в качестве основания сравнения выступают характеристики внешнего вида или поведенческих особенностей [Разуваева 2009: 5] следующих представителей животного мира: голубь, змея, собака, овца, орёл, баран, пчела, лев, ворон, козел, косуля, курица, скорпион, кузнечик, лебедь, медведь, волк, лиса, жаба, ягненок, осёл, зверь, бык, верблюд, птица, рыба, лошадь, буйвол, воробей, саранча, куропатка, корова, страус, лань, теленок, червь, индюк, олень, дракон, мотылек, журавль. То есть представлено 42 вида различных представителей животного мира, начиная от червя и заканчивая драконом, что свидетельствует о богатом библейском языке и, несомненно, огромном воздействии на читателя. Описывая при помощи сравнений психологические и эмоциональные состояния, движения, жесты, выполняется так называемая функция конкретизации. Необходимо отметить, что соотношение употреблений «зоонимов» в Новом и Ветхом Заветах отличается всего лишь на один процент. Вот некоторые примеры данных сравнений:

Бытие (49:9): «Judah is a lion's whelp: from the prey, my son, thou art gone up: he stooped down, he couched as a lion, and as an old lion; who shall rouse him up?» - «Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается. Преклонился он, лег, как лев или как львица: кто поднимет его?»

Откровение (16:13): «And I saw three unclean spirits like frogs come out of the mouth of the dragon, and out of the mouth of the beast, and out of the mouth of the false prophet» - «И видел я выходящих из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам»

Марк (1:10): «And straightway coming up out of the water, he saw the heavens opened, and the Spirit like a dove descending upon him» - «И когда выходил из воды, тотчас увидел Иоанна разверзающего небеса и духа, как голубя, сходящего на него»

В высказываниях, в которых выражение сравнительных отношений связано с характеристикой предмета сравнений, относящегося к артефактной или натурфактной сфере, в большинстве случаев в качестве основания сравнения выступает внешний вид реальных, их цвет, форма, размер, структура, что свидетельствует об описательно-изобразительной функции [Разуваева 2009: 6]. Уже в первой главе «Genesis» («Бытие») встречаются такие сравнения:

13:16. «And I will make thy seed as the dust of the earth...» - «И сделаю потомство твое, как песок земной»

19:28. «...the smoke of the country went up as the smoke of a furnace» - «...вот дым поднимается с земли, как дым из печи»

22:17. «...and in multiplying I will multiply thy seed as the stars of the heaven, and as the sand which is upon the sea shore» - «и умножая умножу семя твое, как звезды небесные, и как песок на берегу моря»

Компоненты сравнения могут располагаться как в прямом порядке, когда *объект сравнения* предшествует средству, так и в обратном, инверсионном порядке [Камышова 2006: 8], как в следующем примере:

Исаия (24:2): «And it shall be, as with the people, so with the priest; as with the servant, so with his master; as with the maid, so with her mistress; as with the buyer, so with the seller; as with the lender, so with the borrower; as with the taker of usury, so with the giver of usury to him» - «И что будет с народом, то и со священником; что со слугою, то и с господином; что со служанкою, то и госпожою ее; и что с покупающим, то и с продающим; что с заемщиком, то и с заимодавцем; что с ростовщиком, то с дающим в рост»

В данном случае обратный порядок следования сравниваемого и сравнивающего является смысловым акцентом, максимально воздействует на читателя.

Итак, сравнение актуализирует смысл высказывания и добавляет ему личностный, субъективный компонент, то есть обладает еще и функцией характеристики личности. Кроме того, сравнение - это также и оценочное средство, способствующее выражению говорящим своего отношения к передаваемой информации [Мещанинов 1978: 253].

Сравнение, также как и метафора, является мощным средством характеристики явлений и предметов действительности и в значительной степени способствует раскрытию авторского мироощущения, выявляя субъективно-оценочное отношение писателя к фактам этой объективной действительности [Брокгауз 1892: 167].

Как показало проведенное исследование, многие сравнения связаны с указанием на объективность и поиск истины, выполняют смыслообразующую и экспрессивную функции и являются средством объяснения и аргумента. Следует указать, что Ветхий и Новый Заветы в Библии короля Якова не становились объектом исследования в плане изучения художественного языка и средств выражения. Следовательно, полученные результаты могут представлять определенный интерес для работ с Библией.

ЛИТЕРАТУРА

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2007

Брокгауз Ф. А., Ефронь И. А. Энциклопедический словарь Том 3. Санкт-Петербург, 1892.

- Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958
- Камышова А. Е. Сравнение и его функции в структуре прозаического текста (на материале В. Брюсова): автор. дис. канд. филол. наук: 10.01.08, Санкт-Петербург, 2006.
- Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М. : Наука, 1978.
- Разуваева Л. В. Сравнение как средство репрезентации художественной картины мира: на материале русской прозы конца 20-начала 21 веков: дис. кан. филол. наук: Воронеж: 2009.
- Черкасова Е. Т. О союзном и несоюзном употреблении слов типа «будто», «точно», «словно» и т. п. в сравнительных конструкциях // Памяти академика В. В. Виноградова: сб. ст. М., 1971.
- Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990.

А. Р. Жикеева

Костанай, Казахстан

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

АННОТАЦИЯ. *Своеобразие языковой ситуации Республики Казахстан заключается в наличии двуязычия, которое обусловлено в стране, как естественный процесс в многонациональном государстве. Однако каждый регион страны имеет свою специфику в языковом отношении. В связи с этим возникает необходимость регионального подхода в изучении языковой ситуации в Республике Казахстан.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *амблингв; билингвизм; мультилингвизм; поликультурное общество; Республика Казахстан, языковая ситуация.*

Сведения об авторе: Жикеева Айгуль Римжановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Костанайского филиала ФГБОУ ВПО «ЧелГУ».

Адрес: 110006, Казахстан, г. Костанай, ул. Бородина 168 «А».

E-mail: ShAR2972@rambler.ru.

A. R. Zhikeyeva

Kostanai, Kazakhstan

REGIONAL COMPONENT IN THE STUDY OF LANGUAGE SITUATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

ABSTRACT. *The originality of the language situation of the Republic of Kazakhstan consists in the presence of bilingualism, which is conditioned in the country as a natural process in a multinational state. However, each region of the country has its own linguistic specifics. In this connection, there is a need for a regional approach to the study of the language situation in the Republic of Kazakhstan.*

KEY WORDS: *ambilingv; bilingualism; multilingualism; multicultural society; the Republic of Kazakhstan; language situation.*

About the author: Zhikeyeva Aigul Rimzhanovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Philology of Kostanai branch of FSBEI of HPE "Chelyabinsk State University", Kostanai branch of "CSU."

В содержании понятия «языковая ситуация» присутствует процесс языкового взаимодействия – билингвизма. В современном многоязычном и поликультурном мире феномен двуязычия представляет собой одну из основных форм бесконфликтного, нормального существования на одной территории разноязычных народов. Двуязычие возникает в связи с потребностью преодоления языкового барьера в условиях контактирования разноязычных народов в многонациональном государстве в процессе речевой коммуникации. Проблема формирования билингвизма тесно связана с теорией контактирования и взаимодействия языков.

Классическим определением билингвизма принято считать определение Уриэля Вайнрайха: «Практику попеременного пользования двумя языками мы будем называть двуязычием, а лиц, ее осуществляющих, двуязычными» [Вайнрайх 1979: 22]. Для одних ученых любая степень владения вторым языком может считаться фактом двуязычия (Э. Хауген). Другие исследователи допускают только одинаково совершенное (свободное) владение двумя языками (В. А. Аврорин, О. С. Ахманова, Р. А. Будагов, Л. Х. Даурова, Ж. Марузо, И. Ф. Протченко, В. М. Шварцман, и др.).

Э. Д. Сулейменова, Н. Ж. Шаймерденова, Д. Х. Аканова билингвом называют «лицо, владеющее двумя (и более) языками» [Сулейменова 2007: 277].

Большинство ученых придерживается мнения, что невозможно абсолютно одинаковое знание обоих языков (Н. А. Баскаков, Ю. А. Жлуктенко, М. И. Исаев, М. М. Михайлов, К. Х. Ханазаров, Л. Г. Членов).

Среди множества различных классификаций типов двуязычия, основанных на самых разнообразных критериях, общепринятой считается классификация, разработанная Е. М. Верещагиным, который выделил три вида типологии билингвизма: психологическую, социолингвистическую и лингвистическую. В психологической типологии двуязычие может быть рецептивным, репродуктивным и продуктивным. При *рецептивном* двуязычии индивид способен только понимать речь на втором языке (так называемое *пассивное двуязычие*). Обладая *репродуктивным* билингвизмом, человек может воспроизводить услышанную речь на другом языке. *Продуктивным* двуязычием называется умение индивида строить творчески, осмысленно свою речь, принадлежащую вторичной языковой системе. На основе соотносительности двух речевых механизмов между собой различают *чистый* и *смешанный* билингвизм. Чистым называется такое состояние, при котором индивид применяет каждый из двух своих языков, существующих как отдельная система, в разных ситуациях; если же он пользуется обоими языками, сливающимися в одну систему, в одной и той же ситуации, такой билингвизм является смешанным.

В основу социологического определения положен критерий практики. Рассматривая билингвизм в социологическом аспекте, Ю. Д. Дешериев и И. Ф. Протченко определили понятие билингвизма как «знание двух языков в известных формах их существования в такой мере, чтобы выражать и излагать свои мысли в доступной для других форме...» [Дешериев 1972:35].

3. У. Блягоз предложил свою формулировку понятия: «Двуязычие – это умение, навык, позволяющие человеку или народу в целом, или его части попеременно пользоваться (устно или письменно) двумя разными языками в зависимости от ситуации и добиваться взаимного понимания в процессе общения» [Блягоз 1980: 50]. В таком определении двуязычия социологическое и лингвистическое толкование не противостоят друг другу, а взаимозависимы и взаимосвязаны.

А. Д. Швейцер и Л. Б. Никольский характеризуют двуязычие как сосуществование двух языков в рамках одного языкового (речевого) коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах, в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта [Швейцер 1978:11].

Многоаспектность и сложность проблемы билингвизма демонстрирует трудность формулировки универсального определения двуязычия с учетом индивидуальных особенностей билингва и характера языковой жизни билингвального социума в тех или иных политико – экономических и культурно – исторических условиях. Наиболее разработанными в науке являются собственно - лингвистический и психологические аспекты. Собственно-лингвистический аспект имеет дело с анализом структур и структурных элементов, с их взаимовлиянием, взаимопроникновением на разных уровнях языка: фонологическом, морфологическом, синтаксическом, лексико-семантическом и стилистическом. Важным для данного аспекта является исследование интерференции в процессе общения.

Лингвистическая классификация типов билингвизма учитывает степень владения языком и функциональную характеристику владения вторым языком. В этой связи различают координативный и субординативный билингвизм (А. Дибольд, Г. В. Колшанский, А. М. Рот). Координативный билингвизм – это владение языками в равной мере и переключение от одного к другому в зависимости от ситуации общения. Субординативный билингвизм – это несомненное владение вторым языком, приводящее к нарушениям системы и нормы второго.

С лингвистической точки зрения общепризнанным является деление двуязычия на координативное и субординативное. *Координативным*, по определению Е. М. Верещагина, называется продуктивный билингвизм, обеспечивающий порождение правильной речи, т.е. речевых произведений, принадлежащих вторичной языковой системе, в составе которых устанавливается сохраняемая языковая система. *Субординативным* является билингвизм, при котором в речевых произведениях, порождаемых на его основе, устанавливается нарушение языковой системы, т.е. речевые произведения билингва оказываются неправильными [Верещагин 1969: 49]

В социолингвистической типологии билингвизма выделяют контактный и неконтактный типы двуязычия в зависимости от способа овладения вторым языком. *Контактный* тип двуязычия возникает в процессе совместной жизни и деятельности различных этнических и языковых групп, ярким примером чему на территории бывшего СССР является национально-русский билингвизм. *Неконтактным* типом является двуязычие, при котором билингв в процессе жизнедеятельности не находится в непосредственном контакте с носителями второго языка, в связи с чем механизм овладения языком принципиально иной. В зависимости от направления действия языков, находящихся в контакте, различают также одностороннее и двустороннее двуязычие: при *одностороннем* двуязычии носители одного из контактных языков овладевают вторым языком, а носители другого – нет. При *двустороннем* двуязычии билингвами становятся носители обоих контактных языков. Эти виды билингвизма возникают в результате контактных межъязыковых связей.

По широте охвата носителей выделяют *индивидуальное* (знание и использование двух языков отдельными членами определенного этноса), *групповое* (определенной этнической или социальной группой), *массовое* (знание и использование большинством населения двух языков) и *всеобщее* двуязычие (всем населением) [Бертагаев 1972: 85]. Р. И. Хашимов дополняет данную классификацию еще одной разновидностью двуязычия – семейным, так как в смешанных браках особенно широко могут быть представлены различные формы билингвизма и мультилингвизма [Хашимов 1986: 162].

Э. Д. Сулейменова и Н. Ж. Шаймерденова дают более полную характеристику типам билингвизма, рассматривая, помимо вышеперечисленных, также *региональное* двуязычие как знание и использование двух языков жителями определенного района страны и *национальное*, когда двумя языками владеет и использует их данный этнос страны. Казахско-русский билингвизм характеризуется как национально-русский, так как владение русским языком исключительно широко распространено среди титульного населения республики. Существует *естественное* двуязычие как следствие непосредственного взаимодействия носителей этих языков и *искусственное* – как результат преднамеренных и специально создаваемых условий изучения второго языка. Ученые различают также *дополнительное* двуязычие, если билингв использует второй язык без потери языковой компетенции в первом, родном, и *замещающее* двуязычие, когда по мере овладения вторым языком билингв теряет компетенцию в первом. *Амбилингвизмом* называют владение в совершенстве двумя языками, когда амбилингв способен использовать оба языка без всяких следов одного языка в другом во всех сферах речевой деятельности, что встречается крайне редко, так как обычно для большинства билингвов один из языков является основным, доминирующим. *Семилингвизм* наблюдается, когда индивид (семилингв) не обладает полной компетенцией ни в родном, ни во втором языке, испытывает затруднения в выражении сложных конструкций на обоих языках [Алексеенко 2001: 36].

Таким образом, приведенные точки зрения на само понимание билингвизма и его типы свидетельствуют о необходимости, наряду с существованием общих психологических, социолингвистических, собственно лингвистических и других аспектов рассмотрения билингвизма, исследования и анализа новых проблем функционирования двуязычия и

мультилингвизма в зависимости от крайне изменившихся в конце XX – начале XXI вв. политических, социальных, этнических, демографических, территориальных и других факторов, влияющих на динамическую, постоянно меняющуюся языковую жизнь современного мира. Особенно это актуально в связи с произошедшей идеологической переориентацией ряда регионов мира, которая повлекла за собой изменение языковых пространств некоторых языков международного общения, в частности, русского языка на постсоветском пространстве, в том числе в Республике Казахстан.

Описание языковой ситуации Казахстана в разные периоды его развития представлено в работах Б. Хасанулы [Хасанов Б. Х. 1989, 1976], ведущих учёных-языковедов Э. Д. Сулейменовой [Сулейменова Э. Д., Смагуловой Ж. С. 2005], М. М. Копыленко, С. Т. Саиной [Копыленко М. М., Саина С. Т. 1982], З. К. Ахметжановой [Ахметжанова З. К. 2005], Д. Д. Шайбаковой [Шайбакова Д. Д. 2006]. В целом изучению языковой ситуации в Республике Казахстан посвящено немало работ, среди которых труды А. М. Абасилова, О. Б. Алтынбековой, Б. А. Гаджиевой, Г. А. Досмухамбетовой, А. Е. Карлинского, Б. И. Ракишевой, Ж. С. Смагуловой, К. М. Текжанова, Н. Ж. Шаймерденовой. Исследованиям в области языковых контактов и билингвизма посвящены труды З. К. Ахметжановой, М. К. Исаева, А. Е. Карлинского, М. М. Копыленко, Э. Д. Сулейменовой, Г. С. Суюновой, Б. Х. Хасанулы.

С приобретением республикой суверенитета казахскому языку был придан статус государственного, русскому языку – статуса языка международного общения. В новых постсоветских условиях вопрос огосударствления языков, когда закон вторгается в национально - языковые отношения, важно «возвысить степь, не унижая горы», как считает известный поэт-филолог и общественный деятель Олжас Сулейменов. В противном случае негативные процессы в национально - языковой жизни неизбежны.

Принятие языка титульной нации в национальных республиках в качестве государственного обусловило необходимость изучения его представителями всех народов, живущих на территории данной республики, что способствовало формированию нового типа двуязычия.

Почвой для появления и функционирования двуязычия в Республике Казахстан послужил переход казахов к осёдлости (Д. Д. Шайбакова), «многонациональный состав северных областей Казахстана» (Б. А. Гаджиева), близость границ с Россией (К. М. Текжанов), «территориальное соприкосновение одного народа с другим или совместное расселение разных народов на одной территории» (Г. А. Базарбаева), демографический фактор: расселение и переселение народов в Казахстан (К. Х. Рахимжанов).

Формированию казахско-русского двуязычия, по мнению К. Х. Рахимжанова, способствовал демографический фактор: расселение и переселение народов в Казахстан. Как отмечает академик М. К. Козыбаев, «с конца 30-х годов Казахстан стал превращаться в «сталинскую тюрьму народов». Этот вывод сделан на основе того, что в республике находилось большое количество спецпереселенцев (каждый пятый житель Казахстана был спецпереселенцем) [Калыбекова 2005: 81].

К настоящему времени в полиязычном Казахстане, как отмечает З. К. Ахметжанова, сформировалось множество типов би- и полилингвизма, которые отличаются регионами распространения, охватом разных сфер функционирования языков, спецификой влияния первого языка на второй и т.д. [Ахметжанова 2005: 299]. Неравномерность языкового развития является характерной особенностью лингвистической жизни современного Казахстана. В языковом отношении ситуация в регионах страны, сложилась приблизительно следующим образом: на западе и юге Казахстана преобладает казахский язык, а на севере, востоке и центральной части страны доминирует русский язык.

Несбалансированность социальных функций языков, по мнению К. М. Текжанова, отрицательно сказывается на развитии лингвистических возможностей Казахстана, ведёт к диспропорции в языковом развитии различных регионов страны и создаёт морально-психологический дискомфорт в социуме. И, как следствие этого, одним из серьёзных негативных последствий несбалансированного языкового развития различных административно - территориальных единиц является недостаточно устойчивое лингвистическое развитие самой страны в целом, что может привести к угрозе сохранения затаянного характера существующего языкового дисбаланса между регионами и создание определённой напряжённости в межязыковых отношениях.

Последние годы лингвистической жизни страны всё больше свидетельствует о том, что региональный подход получает тенденцию развития. Затаянный характер языковой реформы приводит к пониманию того, что решение существующих вопросов зависит не только от государства, но и от активности самих регионов.

Региональный подход в изучении функционирования языков рассматривается в работах А. О. Орусбаева [Орусбаев А. О. 2003], К. Х. Рахимжанова, Б. И. Ракишевой, К. М. Текжанова [Текжанов К. М. 2005], которые к регионообразующим факторам относят: историю региона, его лингвистического развития, государственное и территориальное устройство, географические условия и геополитическое положение данной территории, народонаселение, его динамику, расселение, этнический состав населения и возможности и ряд других параметров. Однако аспект изучения на уровне регионов всё ещё остаётся недостаточно исследованным. Научные труды Б. Хасанулы были посвящены в целом вопросам развития государственного языка в регионах Казахстана, А. М. Абасилова и Б. Ж. Курмановой – общим проблемам функционирования казахского языка по нескольким областям северного (Акмолинской, Кустанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской и бывшим Кокчетавской и Тургайской) и западного (Актюбинской, Актауской, Атырауской и Уральской) регионов, вопросы исследования

процессов функционирования русского языка в Казахстане освещены в трудах Г. М. Бадагуловой и Д. Д. Шайбаковой.

Таким образом, несмотря на то, что языковая ситуация в Республике Казахстан изучалась в ряде научных трудов А. М. Абасилова, О. Б. Алтынбековой, З. К. Ахметжановой, Б. А. Гаджиевой, Г. А. Досмухамбетовой, Б. И. Ракишевой, Ж. С. Смагуловой, Э. Д. Сулейменовой, Г. С. Суюновой, Б. Х. Хасанулы, Д. Д. Шайбаковой, Н. Ж. Шаймерденовой, многие аспекты данной темы, в частности, региональный, остались вне поля зрения. Общеизвестными являются различия в языковой ситуации отдельных районов: севера и юга, приграничных районов. Так, например, своеобразие языковой ситуации северного Казахстана заключается в наличии казахско-русского двуязычия особого рода, а именно в преобладании среди всего населения русского языка как языка межнационального общения. В связи с этим возникает насущная необходимость регионального подхода в изучении языковой ситуации в Республике Казахстан.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. Н. Этнос Казахстана. Астана : Елорда, 2001.

Ахметжанова З. К. Сопоставительное языкознание: казахский и русский языки. Алматы: КазУМО и МЯ им. Абылай хана, 2005.

Бертагаев Т. А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления. Проблемы двуязычия и многоязычия. М : Наука, 1972. С. 82–88.

Блягоз З. У. Адыгейско-русское двуязычие: дис...канд. филол.наук. Киев, 1980.

Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: Вища школа, 1979.

Верещагин В. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М. : Изд-во МГУ, 1969.

Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия. Проблемы двуязычия и многоязычия. М. :Наука, 1972. С. 26–42.

Калыбекова М. Ч. Казахстан как объект переселения депортированных народов (1937–1956 гг. Исторический аспект). Алматы : АЮ ВШП «Адилет», 2005.

Сулейменова Э. Д., Шаймерденова Н. Ж., Аканова Д. Х. Языки народов Казахстана (Социолингвистический справочник). Алматы : Арман-ПВ, 2007.

Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М. : 1978.

Хашимов Р. И. Таджикско-русское двуязычие. Душанбе : Дониш, 1986.

М. А. Измайлова

Павлодар, Казахстан

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В НОВОМ ЗАВЕТЕ ПРИТЧЕВЫХ СТРУКТУР В КАЧЕСТВЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЗНАНИЕ СЛУШАТЕЛЕЙ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается специфика притчи: характеризуются жанрообразующие признаки притчевых структур и прагматические особенности притч Евангелий, исследуются перлокутивные возможности данного речевого жанра, позволяющие притчам Нового Завета оказывать воздействие на сознание слушателей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: притча; Новый Завет; Евангелие; речевой жанр; средство воздействия; перлокутивный эффект.

Сведения об авторе: Измайлова Мария Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Павлодарский государственный педагогический институт.

Адрес: 140002, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Торайгырова, 58, каб. 501В.

E-mail: ja16m@mail.ru.

М. А. Izmaylova

Pavlodar, Kazakhstan

USING THE PARABLE STRUCTURES AS A MEANS OF INFLUENCING THE CONSCIOUSNESS LISTENERS IN THE NEW TESTAMENT

ABSTRACT. In article the specification of the parable is characterized by the genre creation of the signs parable structures and pragmatic features of the parables of the Gospels, we study perlocutionary speech capabilities of this genre, allowing texts parables of the New Testament have an impact on the minds of listeners.

KEY WORDS: parable; The New Testament; the Gospel; a speech genre; means of influence; perlocutionary effect.

About the author: Izmaylova Mariya Anatolyevna, Candidate of Philology, assistant professor of Russian language and literature, Pavlodar State Pedagogical Institute.

Притча как «универсальное явление мирового фольклора и литературного творчества» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 305] становится предметом изучения теологии, риторики, литературоведения, жанроведения, лингвистики и других наук. В рамках комплексного подхода данные этих отраслей знания позволяют установить специфику функционирования притчевых структур в Новом Завете, охарактеризовать иллокутивные функции притчи и описать их перлокутивный эффект.

Речевой жанр как универсальная коммуникативная единица есть общая для говорящих взаимоусловность коммуникации, представляющая собой исторически сложившуюся систему традиционных конвенций, которая позволяет донести до адресата авторские интенции.

С точки зрения М. М. Бахтина, жанры – «внеязыковое» явление, они «междязычны, интернациональны», хотя и находят воплощение в конкретном языковом материале. Речевой жанр – «типическая форма высказывания», адекватная «типическим ситуациям речевого общения» – «по теме, по композиции, по стилю» [Бахтин 2002: 54]. Для характеристики жанра как прототипической формы необходимо учитывать предмет, цель и ситуацию высказывания. В диахронии жанр воплощает традицию определенной, преемственно воспроизводимой в культуре коммуникативной ситуации; в синхронии жанр есть парадигма инициируемого автором коммуникативного события, или система исторически сложившихся интерактивных компетенций («определенных возможностей») высказывания. С позиций диахронии выделяют «жанр, как композиционно определенное целое, и жанровые зародыши (тематические и языковые) с еще не развившимся твердым композиционным костяком, – первофеномены» жанров» [Тюпа 2002: 513].

Развивая идеи М. М. Бахтина, В. И. Тюпа утверждает, что такого рода «первофеноменами» целого ряда нарративных жанров представляются сказание, притча и анекдот [Тюпа 2002: 12]. Типология коммуникативных стратегий строится на гипотезе, согласно которой художественному нарративу генетически присущи три стратегии, берущие свое начало от дохудожественных устных жанров сказания, притчи и анекдота и наиболее адекватно репрезентирующие формы речевого поведения, постоянно воспроизводимого в процессе развития литературы. Три коммуникативные компетенции неотделимы друг от друга, их реализация формирует специфику жанра, определяемую следующими параметрами: 1) коммуникативным статусом; 2) адресованностью высказывания; 3) картиной мира, моделируемой текстами соответствующего жанра.

В синхроническом аспекте жанр характеризуется триединством референтной, креативной и рецептивной компетенций. Форма авторства, или обязательная для автора речевая «маска» (М. М. Бахтин), составляет креативную компетенцию жанра. Форма авторства с учетом референтной (предметно-тематической) компетенции координирует рецептивную компетенцию (установку адресованности). Референтный, креативный и рецептивный аспекты коммуникативного события соответствуют параметрам предмета, цели и ситуации высказывания.

Предметно-тематические конвенции, обуславливающие референтную компетенцию жанра, реализуют свойственные ему концепты героя и картины мира. Концепты авторской позиции и речевой маски (риторического

поведения говорящего) определяют текстообразующую конвенциональность субъекта и формы высказывания как целого (креативная компетенция жанра). Суть рецептивной компетенции жанра – в смыслополагающей конвенции «концепированного» (Б. О. Корман) адресата (концепт читателя или слушателя, его коммуникативной компетентности: «идеальный» субъект восприятия художественного текста (в отличие от эмпирически-реальных реципиентов)) [Корман 1978: 189].

Креативная компетенция зависит от того, какой коммуникативный статус придает излагаемому субъект сообщения: статус знания, убеждения, мнения или понимания. В коммуникативной ситуации притчи произносящий субъект обладает такой компетенцией, как убеждение. Речевой маской притчи выступает «авторитарная риторика императивного, монологизированного слова» [Тюпа 2002: 15], это императивный монолог, ориентированный на сознание воспринимающего; притча распределяет роли коммуникантов четко и иерархично: поучающий и поучаемый. Примером может послужить контекст притчи «О верблюдах и игольных ушках» (Мф. 19: 23–24; Мр. 10: 24–25; Лк. 18: 25), где Иисус сначала наставляет богатого юношу (Мф. 19: 16–22), который обращается к нему «Учитель благий!», а потом и учеников во главе с Петром (Мф. 19: 25–30). Сам текст данной притчи (Мф. 19: 23–24) представляет собой монолог Иисуса, содержащий два декларатива с подчеркнутым усилением: *истинно говорю вам, еще говорю вам*.

Помимо коммуникативного статуса, высказывания различаются рецептивной жанровой компетенцией – стратегической ориентацией на адресата. Рецептивная компетенция притчи предполагает интерпретацию и извлечение слушателем урока. Адресат притчи должен обладать регулятивной коммуникативной компетенцией: притча требует истолкования (активизирует рецепцию адресата) и извлечения для себя некоего урока. Так, в контексте притчи «О двух должниках» (Лк. 7: 36–43) усомнившийся фарисей (Лк. 7: 36–40) после слов Иисуса сам делает вывод, объясняющий поведение Учителя (Лк. 7: 43).

Толкование притчи может быть предложено и рассказчиком, но регулятивная проекция отраженного в притче общечеловеческого опыта на собственную жизнь может быть реализована только самим слушателем, причем активизирует личностное восприятие именно символичность притчи. Такова ситуация притчи «О хлебе детей и псах /о спасении дочери язычницы/» (Мф. 15: 22–28; Мр. 7: 25–30), в которой Иисус говорит язычнице о невозможности ее просьбы: «...нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Мф. 15: 26), но мать настаивает на спасении дочери, используя предложенное Иисусом иносказание: «...но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их» (Мф. 15: 27).

В притче не может быть свободно-игрового, переиначивающего восприятия содержания: внутренняя активность слушающего авторитарна. Эта особенность ярко представлена в контексте притчи «О закваске фарисейской» (Мф. 16: 1–12; Мр. 8: 15; Лк. 12: 1–3), где Учитель предупреждает об опасности (Мф. 16: 6) и разъясняет впоследствии непонятливым ученикам ошибочность их интерпретации (Мф. 16: 8–11): «11 как не разумеете, что не о хлебе сказал Я вам: берегитесь закваски фарисейской и саддукейской? 12 Тогда они поняли, что Он говорил им беречься не закваски хлебной, но учения фарисейского и саддукейского» (Мф. 16: 1–12).

Референтная компетенция (бытийная компетенция персонажа нарратива) выстраивается в рамках картины мира, создаваемой текстами определенного речевого жанра, показывая не только мир, и не только человека, но «человека-в-мире». Притча дуалистична: ее персонаж осуществляет нравственный выбор между добром и злом. Императивная картина мира, которую моделирует притча, требует ответственности выбора, при этом персонаж реализует (или нарушает) некий нравственный закон (это не предначертанность судьбы). Действующие лица в притче не «объекты» эстетического наблюдения, но «субъекты этического выбора» (С. С. Аверинцев) [Литературный энциклопедический словарь 1987: 305]: действия персонажей в притче суть выбор и его последствия (даже если это не эксплицитно в тексте, то имплицитно прочитывается в поведении героя). Так, например, сделать выбор требует от учеников Иисус в контексте притчи «О лисицах и птицах небесных» (Мф. 8: 20; Лк. 9: 57–62).

Картина мира, моделируемой в нарративах с «телеологическим» сюжетом, свойственна жесткая дуалистическая ценностная заданность, и персонаж, действующий в ней, в финале постигает результаты своего поступка. Таковы, к примеру, притчи «О неверном управителе» (Лк. 16: 1–13), «О десяти девах» (Мф. 25: 1–13), «О талантах» (Мф. 25: 14–30), «О десяти минах» (Лк. 19: 11–27).

Кроме вышеописанных положений теории речевых жанров и теории коммуникативных стратегий нарратива, для выявления специфики жанра притчи необходимо привлечь также данные литературоведения.

Историческая трансформация жанра притчи позволяет литературоведам по-разному определять объем этого понятия: при его расширении притчами называют целые пьесы, повести, и даже романы, а при сужении как самостоятельные притчи трактуются пословицы. Это соответствует идее М. М. Бахтина о разграничении простых и сложных речевых жанров, которые «в процессе своего формирования вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) речевые жанры» [Бахтин 2000: 251].

На определенных этапах развития культуры, «особенно тяготеющих к дидактике и аллегоризму» (С. С. Аверинцев), притча была центральным, эталонным жанром, например, в «учительной» прозе Ближнего Востока (Ветхий Завет, сирийские «Поучения Ахикара», Машолим Талмуда), а также в христианской и средневековой литературе.

Первичной формой письменности мудрых считается машал (русский эквивалент термина – притча) – «краткое, выразительное изречение, близкое к народной мудрости, сохранившейся в пословицах» [Библия 1989: 1907]. Машал

(евр. «пример», «образец») предполагает концентрацию духовного смысла, для его создания и восприятия требуется интеллектуальное усилие, т. к. это выражение мудрости и жизненного опыта. Машалу присущи символические подтексты, иносказания, обобщение, ибо это образец поведения в сложной ситуации, парадигма позитивного или негативного опыта; основная его функция – служить наставлением и поучением на жизненном пути. Ветхий Завет, где слово «машал» (машаль) обозначает и притчу, и пословицу, и басню, стал источником традиции использования этих терминов в сходных контекстах; употребление слова «притча» в значении «пословица» наблюдается также и в Новом Завете. Возможность сближения этих трех жанров обусловлена их дидактической направленностью и символическостью.

Притча – дидактико-аллегорический жанр литературы, небольшой рассказ нравоучительного характера, который содержит поучение в иносказательной, аллегорической форме. Притча от близкой ей басни отличается по специфике жанровой разновидности, форме выражения поучения, речевому окружению, особенностям сюжета и средств художественной выразительности, а также проблематике, содержанию. Близость жанров притчи и пословицы обуславливают такие их черты, как аллегоричность, назидательность, тяготение к глубинной премудрости. Возможность развертывания притчи из паремии и, наоборот, компрессии притчи до пословицы отмечает В. И. Тюпа: «Риторическими пределами притчи выступают: с одной стороны – проповедь, где притча нередко встречается в качестве нарративного вкрапления, с другой – паремия, до которой притча редуцируется в случае устранения нарративности» [Тюпа 2000: 20–21].

Изучаемый материал подтверждает данные выводы. Так, в Евангелии от Матфея Нагорная проповедь Иисуса (Мф. 5–7) содержит более десятка притч: «О соли» (Мф. 5: 13); «О свете мира» (Мф. 5: 14); «О свече на подсвечнике» (Мф. 5: 15–16); «О сокровищах на земле и на небе» (Мф. 6: 19–21); «О светильнике для тела» (Мф. 6: 22–23); «О слуге двух господ» (Мф. 6: 24); «О птицах небесных» (Мф. 6: 26); «О полевых лилиях и траве полевой» (Мф. 6: 28–30); «О сучке и бревне» (Мф. 7: 3–5); «О жемчуге и свиньях» (Мф. 7: 6); «Об отце и сыне /просящем хлеба и рыбы/» (Мф. 7: 7–11); «О тесных вратах» (Мф. 7: 13–14); «О дереве и плодах» (Мф. 7: 15–20); «О доме на камне и доме на песке» (Мф. 7: 24–27). Здесь же в притчах содержатся пословицы «Кто не со мною, тот против Меня» (Мф. 12: 30), «Дерево познается по плоду» (Мф. 12: 33).

Постепенно из притчи-афоризма (паремии) развивается притча гомилетического (проповеднического) характера, передающая обобщенный религиозно-нравственный опыт через образное уподобление житейской ситуации (притчу в таком виде широко использовали для обращения к народу в своей проповеди пророки) [Мечковская 1998]. Уже в «Книге притчей Соломоновых» машал трансформируется в небольшое повествование, содержащее в аллегорической форме поучение. Данная тенденция наблюдается и в притчах Нового Завета: «34 Все сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им, 35 да сбудется реченное через пророка, который говорит: «отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира» (Мф. 13: 34–35).

В настоящей статье анализируются евангельские притчи (по вышеприведенной классификации – религиозно-проповеднические).

Евангельские притчи, рассказанные Иисусом – Сыном Божиим, являются Божественным Откровением (один из шести первичных жанров фидеистической коммуникации, или жанров «вещего» слова), то есть «прямой речью Бога, содержащей истины о мире, его будущем и путях спасения человека. Откровение дано самим Богом и записано для людей, «транслитерировано» через пророков» [Мечковская 1998: 81].

Особый язык Евангелий и уникальность речений Иисуса являются причиной возникновения разночтений в последующей теологической традиции. Так, указывают разное количество притч Иисуса: А. Мень пишет, что число притч в Евангелиях с трудом поддается учету, поскольку к ним можно отнести и речения, имеющие характер метафор, например, «Соль земли» (Мф. 5: 13) [Мень 2002]. Это обусловлено метафоричностью Его языка, синкретичностью природы притчи, а также сходством притч и паремий (Мф. 15: 13, 14; Лк. 4: 23; 6: 39), о чем было сказано выше.

В Евангелиях Нового Завета слово «притча» употребляется 46 раз: 15 раз в Евангелии от Матфея, 11 раз у Марка, Лукой 17 раз и лишь трижды у Иоанна (в греческом Новом Завете в данных стихах у синоптиков соответственно стоит «парабола», а в Евангелии от Иоанна – «паремия»); в прямой речи Иисуса «притча» звучит лишь 9 раз (Мф. 13: 13, 18; 21: 33; Мр. 4: 11, 13, 30; Лк. 8: 10, 11; Ин. 16: 25). Материал из Евангелия от Иоанна здесь не анализируется: в первоисточнике данные высказывания обозначены как особый жанр – паремии.

Текст одинакового содержания в одном Евангелии может быть обозначен как притча, а в другом – нет. Например, фрагмент «О богохульстве фарисеев» присутствует во всех трех синоптических Евангелиях (Мф. 12: 24–29; Мр. 3: 22–27; Лк. 11: 15–22), и только в Евангелии от Марка назван притчами: «23 И, призвав их, говорил им притчами: как может сатана изгонять сатану?» (Мр. 3: 23). В самом тексте Нового Завета можно насчитать 30 фрагментов, которые названы притчами, однако количество притч там может быть различным: от одной до трех-четырех. В большинстве случаев интенция говорящего не эксплицирована (из 134 проанализированных текстов в 97 случаях), например, в Евангелиях от Матфея и Луки широко известны притчи «О сучке и бревне» и «О жемчуге и свиньях» не обозначены как таковые.

В Евангелии жанр притчи обозначен лишь в 30 случаях, потому большинством исследователей учитываются только около 40 эксплицитно обозначенных притч Иисуса. Так, Зондерван пишет о 30 притчах, архимандрит Никифор в «Библейской энциклопедии» [Библейская энциклопедия 2005] – о 31, упоминают также 36 [Верклер 1995]

и даже 71 евангельскую притчу [Власова 1996]; при этом в списках разных авторов называются и, соответственно, пропускаются те или иные притчи. Минимальное количество выделяется при подходе к притче как законченной новелле, что считается классическим типом евангельских притч (в синоптических Евангелиях таких притч свыше 30; из них 7 приведены у всех синоптиков, 3 являются общими для Матфея и Луки, 2 есть только у Марка; большая часть (18) приведена только у Луки). Максимальное количество насчитывается с учетом бессюжетных притч и приближающихся к развернутым метафорам притч из Евангелия от Иоанна (напр., «О добром пастыре и наемнике» (Ин.10:1–16) или «О виноградной лозе» (Ин.15:1–6)).

Как отмечают ученые, «притчу притчей делает не только содержательная сторона (моральные проблемы, человеческие взаимоотношения, отношения человека и общества, в принципе, являются предметом всего искусства), но в значительной мере ее форма, особый способ организации произведения, особая притчевая структура» [Товстенко 1989: 122].

Специфика евангельской притчи определяется жанрообразующими признаками, среди которых выделяются: 1) экстралингвистические признаки (общечеловечность, обязательность этической оппозиции, доминирование идейного плана над изобразительным, отсутствие временных, пространственных характеристик и индивидуализации персонажей, лапидарность); 2) собственно лингвистические признаки (контекстность, недискретная образность, упрощенная тропеистика, конкретика и зримость образного мышления притчи).

Общечеловечность евангельских притч определяет непреходящую ценность данных культурных констант, в частности для христианских цивилизаций. Общечеловеческое превалирует над национальным, поскольку в основе притчи лежат вечные нравственные истины. Размышления и нравственные поиски людей, принадлежащих разным культурам, созвучны, потому в Евангелиях, изначально адресованных разным аудиториям, в целом одинаковые тексты параллельных притч могут различаться некоторыми деталями, характерными для той или иной культуры, народа. Например, в притче «О хлебе детей и псах /об исцелении дочери язычницы/» в Евангелии от Матфея язычница – Хананейка (Мф. 15: 22–28), а Евангелии от Марка – сиропфиникиянка (Мр. 7: 25–30); хозяин приглашает всех на брачный пир («О приглашении на брачный пир» (Мф. 22: 1–14)) или на вечерю («О званых на вечерю» (Лк. 14: 15–24)); господин дает рабам 10 талантов («О талантах» (Мф. 25: 14–30)) или 10 мин («О десяти минах» (Лк. 19: 11–27)). Отмеченные моменты не меняют содержания и структуры притч, в целом совпадающих, но подчеркивают ориентированность евангельских притч на обобщенного адресата. Кроме того, общечеловеческое звучание притчам Евангелий придают метафоры, взятые из различных областей жизни и сфер человеческого опыта, экстраполируя которые, Иисус объясняет Божественный Закон, делает Его понятным всем людям, независимо от национальности, культуры, эпохи.

Притча принадлежит к текстам, которые почти ничего не теряют при переводе, что происходит во многом благодаря одной из главных ее черт – конкретике и зримости образного мышления: притча ориентирована на обобщенного адресата и на буквальном уровне восприятия понятна всем.

Сюжет притчи почти всегда связан с повседневной жизнью, обыгрывает хорошо знакомые бытовые ситуации (заблудшая овца и потерянная драхма, незаметный рост семени и бесплодная смоковница, работники в винограднике и пр.). Фабула и сюжет совпадают: сюжет развивается однонаправленно, от начала к концу, никакой ретроспекции или проспекции нет (например, притчи «О блудном сыне» (Лк. 15:11–32), «О немилосердном заимодавце» (Мф. 18: 21–35), «О милосердном Самарянине» (Лк. 10:25–37) и др.).

Кроме того, притча лапидарна: весь текст укладывается в малый объем – от нескольких фраз до нескольких абзацев. Отличительная черта бессюжетных притч – состав из одного – двух предложений. Так, притча «О служении двум господам /слуга двух господ/» (Мф. 6: 24 и Лк. 16: 13) объемом в одну строку состоит из двух предложений: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне» (Мф. 6: 24).

К особенностям поэтики притчи с её предельно-обобщенным изображением действительности относится и полное отсутствие пейзажей и портретов: «действие происходит как бы без декораций, «в сукнах», а действующие лица притчи, как правило, не имеют не только внешних черт, но «характера» в смысле замкнутой комбинации душевных свойств» [Аверинцев 1997: 21]. Так, в контексте притчи «О милосердном Самарянине» (Лк. 10: 30–37) обозначен только социальный статус персонажей (разбойники, священник, левит, самарянин, содержатель гостиницы) и названы их поступки, обобщенно обрисован и ближний.

Действующие лица притчи лишены индивидуальных психологических характеристик и обозначены обобщенно: существительными с семантикой рода или вида (человек, домовладелец, раб и пр.), субстантивированными прилагательными и причастиями (ближний, слепой, мертвые, домашние, просящий, пишущий, стучащий, спасающийся и т. д.), неопределенными местоимениями (некто, некоторый /человек/). Притча почти всегда обходится без онимов: в единственном случае для обозначения действующего лица притчи используется антропоним (Лазарь), в некоторых случаях имена родоначальников и царей иудейских, а также пророков употребляются для косвенной характеристики (дети Авраама, Исаака и Иакова; отец наш Авраам; Соломон во славе своей; ученики Иоанновы). Имена могут быть названы в контексте, где возникает притча (Закхей, Симон, Павел).

В притче фактически отсутствуют топонимы и урбанонимы; редко называются детали, конкретизирующие пространственные параметры текста (женщина Хананейка; женщина язычница, родом сиропфиникиянка; самарянин, левит; закваска фарисейская и саддукейская). Темпоральные параметры обычно не указываются. Данному жанру

изначально свойственна размытость темпоральных и локальных контуров: «Притча повествует о действительности в обобщенно-трансформированной форме» [Лихачев 1968]. Это обусловлено ориентацией на концепированного, символического адресата, что и придает евангельской притче общечеловеческое звучание.

Притча стремится к формульности: изображаемая ситуация вымышленна, но жизнеподобна; идейный план доминирует над изобразительным: сообщается о том, что «существовало и будет существовать всегда, что неизменно или что случается постоянно», так как это «как бы образная формулировка законов истории, законов, которыми управляется мир, попытка отразить божественный замысел» [Лихачев 1987: 342]. Так, на вопрос о субботе Иисус отвечает притчей «О животном, упавшем в колодезь» (Мф. 12: 10–16), в которой через картины обыденной жизни показан Божественный закон, предписывающий помогать ближнему при необходимости, а не в какой-нибудь определенный день.

Новозаветная притча – «рассказ с нравоучением» (Д. Ропс), «от которого требовался не столько точный пересказ каких-либо происшествий, сколь выявление глубокой вечной истины». В притче, отличающейся «тяготением к глубинной «премудрости» религиозного или моралистического порядка» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 305], всегда присутствуют два плана: образно-предметный, событийный и смысловой. Взаимное обособление «мысли» и «образа» определяет двуединый характер притчевой формы – противостояние и связь присутствующих в притче «образа» и «мысли», выводимая из образа мысль задает образ-иллюстрацию. К примеру, в притчах «О городе на вершине горы» (Мф. 5: 14) и «О свече на подсвечнике» (Мф. 5: 15) доминирующую идею «Вы – свет мира» иллюстрируют образы «город на вершине горы» и «свеча на подсвечнике», причем завершающее предложение (16) содержит мораль сказанного, призыв «светить»): «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5: 16).

Притче присуща целостная, недискретная образность: притча символична, что обеспечивается назидательным подтекстом. Объяснение скрытого смысла притчи может быть приведено в тексте. Так, толкование притчи самим Иисусом в синоптических Евангелиях приводится лишь трижды (к притче «О сеятеле» (Мф. 13: 18–23; Мр. 4: 13–20; Лк. 8: 9–15) и к притчам «О входящем в человека извне и исходящем из человека» (Мф. 15: 16–20; Мр. 7: 18–23), «О закваске фарисейской» (Мф. 16: 1–12; Мр. 8: 15; Лк. 12: 1–3)), но чаще только подразумевается. Интерпретация обычно не дается, так как притча в силу своей иллюстративности освещает какую-либо ситуацию в другом ракурсе, становится поводом для личностного восприятия, извлечения урока.

Контекстность евангельской притчи является обязательным параметром. Притча – это всегда «текст в тексте»: она не существует изолированно; включенность в контекст, который формирует и описывает ситуацию, вызывающую её к жизни, делает притчу уместной, даёт повод к её изложению. Так, притчи «О разделении» и «О доме сильного» рассказываются Иисусом в ответ на обвинения фарисеев (Мф. 12: 24–29); притча «О двух должниках» (Лк. 7: 36–50) дана, чтобы развеять сомнения фарисея, в результате он сам пришел к выводу – объяснению отношения Иисуса к грешнице.

Глубинная основа композиции притчи – сравнение, сопоставление. В Септуагинте еврейское слово «машал» – «пример, образец», «сравнение», «загадка» – передано греческим «парабола» – «находящийся рядом», «соположенный». Не случайно и В. И. Даль толкует слово «притча» как «поучение в примере»; славянское «притча» – «то, что соткано (сплетено) с другим» [Даль 2006: 185]. Несколько притч в речи Христа обычно выстраиваются по принципу соположения, например, в Евангелии от Луки в контексте слов о мере и суде произносятся притчи «О слепом и яме» (Лк. 6: 39), «Об ученике и учителе» (Лк. 6: 40), «О сучке и бревне» (Лк. 6: 37–42).

Именно эта композиционная основа наиболее ярко отражена в евангельских притчах: «Учение о Царствии Божіемъ Иисусъ Христосъ часто излагалъ въ притчахъ, то есть въ образахъ, подобіяхъ и сравненіяхъ, или примѣрахъ изъ нашей обычной жизни, чтобы нагляднѣе и полнѣе изложить Свое ученіе. И видимый и невидимый міръ сотворены Богомъ. Между тѣмъ и другимъ міромъ существуетъ дивное единство или сродство. Поэтому видимый міръ говорить намъ о законахъ невидимаго, небеснаго міра. Вся наша земная жизнь, со всею жизнью видимаго міра, есть великая притча Божія о законахъ будущей жизни въ Царствѣ Небесномъ» [Закон Божий 1967: 292]. Потому учение Иисуса нередко называют «учением в притчах» (Э. Вайт).

Тропеистика в притче предельно упрощена: весь текст реализует либо развёрнутое сравнение (если формальные элементы сравнения эксплицитны), либо развёрнутую метафору (если они имплицитны). Например, целая серия притч, помогающих осознать сущность Царствия Небесного (Царствия Божия) – нового, непостижимого для людей, строится на уподоблении Его знакомым земным явлениям, причем использование данного приема декларируется говорящим («Царство Небесное подобно...»). Это притчи «О плевелах» (Мф. 13: 24–30), «О посевах и всходах» (Мр. 4: 26–29), «О горчичном зерне» (Мф. 13: 31–32; Мр. 4: 30–34; Лк. 13: 18–19), «О закваске» (Мф. 13: 33; Лк. 13: 20–21), «О сокровище в поле» (Мф. 13: 44), «О драгоценной жемчужине» (Мф. 13: 45–46), «О неводе» (Мф. 13: 47–51), «О хозяине сокровищницы /о книжнике/» (Мф. 13: 52). Необходимость использования многочисленных и разнообразных уподоблений в данных евангельских притчах обусловлена той ролью, которую играет Царствие Божие в учении Иисуса: именно посредством этого понятия обобщают весть Христа первые три евангелиста (Мр. 1: 14–15; Мф. 4: 23; 9: 35; Лк. 4: 43; 8: 1; 9: 2, 60); при этом благовествовать о Царствии Небесном – также задача и апостолов (см. названия Евангелий). В свою очередь, большинство притч строятся на метафоризации. К примеру, притчи «О волках в овечьей шкуре» (Мф. 7: 15), «О дереве и плоде» (Мф. 7: 16–18), «О дереве, не приносящем плода» (Мф. 7: 19–20) представляют собой развёрнутую метафору. В притчах наиболее частотными синтаксическими фигурами являются

повтор и синтаксический параллелизм, а также антитеза, как, например, в притче «О сокровищах на земле и на небе» (Мф. 6: 19–21).

И. Иеремиас, ссылаясь на исследователей семитизмов Нового Завета Э. Нордена и Ч. Ф. Берни, говорит о том, что антитетические параллелизмы являются особенностью речений Иисуса, отраженной во всех евангельских источниках, и отмечает разнообразие используемых в них приемов [Иеремиас 1999]. При этом в антитетических параллелизмах Иисуса почти всегда акцентируется вторая половина изречения: первая строка служит для того, чтобы своим противоположным по смыслу высказыванием высветить и углубить вторую. Таковы, к примеру, притчи «О лисицах и птицах небесных» (Мф. 8: 20), «О сучке и бревне» (Мф. 7: 3–5). Нет ни одного случая, где бы обе строки были равноакцентированны, и всего в одном случае акцент явно падает на первую (две последние строки притчи «О верном и благоразумном домоправителе» (Лк. 12: 42–48), построенные по принципу антитетического параллелизма). Частое использование антитетических параллелизмов в евангельских притчах связано с особой силой воздействия и запоминаемостью этих оборотов речи.

Притча тяготеет к диалогичности, поэтому прямая речь – наиболее частая для этого жанра форма передачи чужой речи, например, контекст притчи «О лисицах и птицах небесных» (Мф. 8: 20; Лк. 9: 57–62) имеет форму диалога. Косвенная речь в евангельских притчах появляется редко, только в составе прямой (см. притчу «О птицах и лилиях полевых» (Мф. 6: 22–30), где в прямой речи Иисуса дано сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным). Внутренняя речь в притчах обычно передается по типу оформления прямой, как, например, в контексте притчи «О двух должниках» (Лк. 7: 28–30): «Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница» (Лк. 7: 39).

Нужно отметить, что евангельские притчи имеют особенности и как жанр конфессиональной канонической литературы (Священного Писания). Притчи в синоптических Евангелиях есть Божественное Откровение, обращенное через Христа ко всему человечеству и записанное апостолами. Притчи Иисуса переданы евангелистами (причем Матфей и Лука заимствуют текст Марка, а тот, как предполагают исследователи Библии, в источнике логий Q – не найденных до сих пор записях речений Иисуса) семитизированным греческим койне (Иисус говорил на галилейской разновидности западноарамейского языка). Распространение христианства обусловило необходимость перевода Заветов; тексты Евангелий широко известны в античных переводах на классические языки – Вульгате и Септуагинте. В дальнейшем греческая Септуагинта стала основой славяно-русской богослужебной Библии (на церковнославянском языке), потом в соответствии с ней выверяли Синодальный перевод (одобренный Священным Синодом и выполненный с его разрешения) русской Библии (собственно русский перевод Четвероевангелия датируется 1860 годом, полная Синодальная Библия в одном томе опубликована в 1876 году), который остается основным русским переводом Библии и по сей день [Верещагин 2000].

Таким образом, Откровение в Новом Завете носит многоуровневый характер. Это обусловлено способом изложения Божественного Откровения, необходимостью дальнейшего распространения Слова Божьего среди людей, т. е. особенностями религиозной коммуникации, у которой две антиномические задачи: 1) сохранить смысловую полноту Божественного Откровения, 2) передавать Божественное Откровение новым поколениям, в новые земли, в новые времена.

Решить задачу донести Божественный Закон всему человечеству были призваны Евангелия – Благовествования о возможности Спасения. Изначально они были созданы как локальные произведения, в большей мере адресованные «своей» аудитории. Евангелист Матфей – иудей и написал Евангелие для иудеев, из всех четырех Евангелий Матфея самое «учительное»: Иисус здесь – прежде всего учитель, проповедник, возвещающий о пришествии Царства Небесного; только у Матфея Иисус в прощальной беседе с учениками посылает их «учить все народы». Автор второго Евангелия – уроженец Палестины Марк – был переводчиком Петра; второе Евангелие было написано в Риме и для римлян – уверовавших язычников. Христос у Марка – это прежде всего Сын Божий, Спаситель и Чудотворец, дела Которого вызывают у всех ужас и удивление; именно у Марка выделены человеческие черты Иисуса. Автор третьего Евангелия Лука – спутник апостола Павла («апостола язычников») в его миссионерских путешествиях; Лука единственный из евангелистов не иудей (уроженец Антиохии сирийской), и свое Евангелие он написал прежде всего для христиан из язычников. Иисус у Луки не только Учитель, Наставник, но прежде всего Господь, Спаситель; Его призыв через покаяние и веру достичь спасения обращен ко всем людям, а не «только к погибающим овцам рода Израильского» (Мф. 15: 24). Автор последнего Евангелия – младший из сыновей Заведя Иоанн, написавший «Евангелие духовное» для того, чтобы адепты христианства уверовали в Иисуса как Мессию – Сына Божьего и, став христианами («имени Его»), получили Жизнь Вечную. Впоследствии Четвероевангелие входит в канон Священного Писания, получает широкое распространение и становится одной из главных книг христиан.

Выделяют два главных направления религиозной коммуникации: 1) от Бога – через пророка – к людям; 2) от людей – через пророка – к Богу. Направления такой коммуникации асимметричны, потому для сохранения аутентичной информации, идущей от Бога к людям и от людей к Богу, сложились два основных психолого-семиотических механизма: неконвенциональное (безусловное) отношение к знаку и принцип *ipse dixit* 'сам сказал' [Мечковская 1998]. Первым принципом объясняется наличие параллельных текстов евангельских притч (фактически синоптиками дублируются тексты, восходящие к источнику логий Иисуса); второму соответствует настойчивое повторение Христом декларатива «Истинно говорю вам /сказываю вам/».

Как все религиозные тексты, Новый Завет обладает двойственной природой: это голос Бога, который должен восприниматься душой, но это и человеческие книги, имеющие все текстовые характеристики и подчиняющиеся законам жанра. Притчи – форма религиозной коммуникации, при помощи которой Иисус излагает Закон Божий; слова Христа, в свою очередь, переданы четырьмя евангелистами. Таким образом, участники религиозной коммуникации (Бог – посланник Бога – люди) в евангельских притчах имеют несколько ипостасей. Бог – это не только Бог-Отец, но и Бог-Сын, воплощенное Слово Бога. Функции посредничества между Богом и людьми осуществляют, во-первых, Сын Бога; во-вторых, апостолы (в частности, евангелист Матфей) и другие ученики и ученики учеников, которые уже сами не видели Христа (в их числе евангелисты Марк и Лука). Третий участник – люди – жители Галилеи, Каны, Иерусалима, конкретные мужчины и женщины [Мечковская 1998: 125–126].

Форма притчевого повествования, избранная Иисусом для изложения своего учения, не случайна. Евангелисты свидетельствуют, что Иисус постоянно использовал притчи (Мр. 4: 33–34), иные объяснял только ученикам наедине (Мф. 13: 10–13; Мр. 4: 3–8, 14–20; Лк. 8: 9–10) и учил о Царствии Божием (Мр. 4: 11, 26, 30–32), оставляя без толкования большую часть притч, чтобы овладеть вниманием слушающих и приучить их к размышлению. Неоднократно Иисус завершал свою речь фразой: «Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мр. 4: 9; Мф. 11: 16; 13: 9, 43; Лк. 8: 8; 14: 35), предупреждая, что во внешнем, открытом повествовании необходимо «услышать» скрытый, внутренний смысл.

Называют три причины, по которым Иисус говорит притчами [Библейский словарь 2004]. Во-первых, духовные истины нелегко постичь, а конкретный и яркий рассказ из жизни запоминается на многие годы, и человек, старающийся понять смысл этого рассказа, мог углубляться в его содержание и постепенно понять скрытую в нем мудрость. Во-вторых, люди, не вполне понимающие учение Спасителя, могли бы по-своему перетолковать его, распространяя его в искаженном виде; притчи сохраняли чистоту учения, облекая его содержание в форму конкретного повествования. В-третьих, притчи не только содержат в себе Божественный закон, но демонстрируют его применимость в жизни. Евангельские притчи не утратили своей наглядности и являются живыми свидетелями единства, которое существует между внутренней причиной и ее проявлением в жизни.

«Значение и цель притч Иисуса заключается в том, чтобы явить одним и скрыть от других духовный смысл Его благовествования (Мф. 13: 10 и след.; Лк. 8: 10)» [Ринекер, Майер 1999]. Выделяют две основные функции притч Иисуса: первая – учить о Царствии (Мр. 4: 2, 10); вторая – скрыть учение от неспособных уверовать (Мф. 13: 11–15). Цель притчи – запечатлеть духовные или нравственные истины; именно при помощи притчи – «взятого из истории или окружающей жизни» рассказа (Э. Нюстрем) – делают сравнение между естественными и духовными предметами и показывают соответствие между чувственным и духовным миром [Библейский словарь 2004: 353–354].

Иллюстрация воспринимается легче, чем хорошо аргументированное учение; Иисусу же приходилось возвещать истины Нового Завета, противопоставляя их положениям проповедуемого книжниками Ветхого Завета. Среди слушателей Христа были настроенные враждебно, и Учитель не бросал жемчугов духовных истин тем, кто их не ценил (Мф. 7: 6), «ибо огрубело сердце людей этих, и ушами с трудом слышат» (Мф. 13: 15), но рассказывал всем притчи. Недоброжелательные люди слушали, не понимая услышанного, но притчи запоминали, потому что они не скоро забывались. Когда позже эти люди стали воспринимать истину, они могли черпать ее из притч: «И таковыми многими притчами проповедовал им слово, сколько они могли слышать» (Мр. 4: 33).

Так, когда ученики спросили Христа, почему Он говорит притчами, Иисус ответил: «Для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано» (Мф. 13: 10). Комментаторы Библии отмечают, что эта фраза в других древних кодексах – «вам тайна Царства Божия дана»: дано не знание тайны (которое может быть чисто внешним, без какого-либо воздействия на знающего), а дана сама тайна, т.е. то, что является Царством Божиим (см. Мф. 13: 12). И далее: «Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют» (Мф. 13: 13). Такое состояние «внешних» (ст. 11) объясняется тем обстоятельством, что тайна Царства им не дана, а именно она дает знание, то есть обладание тайной ведет к ее разумению (см. Лк. 17: 21; Мр. 4: 11–12): «11 И сказал им: вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах; 12 так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не разумеют, да не обратятся, и прощены будут им грехи» (Мр. 4: 11–12).

Притча способствует формированию взглядов на определенную проблему, для чего одновременно используются оптимальные образные и выразительные приемы. Так формируется требуемая модель информации, закрепляющая в массовом сознании необходимые адресанту стереотипы и конвенции восприятия: в притче закодирована иллюкативная функция психологического воздействия, реализация которого ведет к скрытому возникновению у адресата интенций, не совпадающих с привычными. Примером такого скрытого формирования новых стереотипов может служить контекст притчи «О птицах и лилиях полевых» (Мф. 6: 25–34), в котором обращение к известным явлениям (Мф. 6: 25–30) позволяет сделать неожиданный вывод (Мф. 6: 34).

Необходимо отметить, что силу и эффективность речевого воздействия притчи использовали еще в древности в религиозных и светских текстах: притча рассматривается не только как феномен, анализ которого входит в компетенцию экзегезы (толкования Библии), но принадлежит также и риторической традиции. В риторике Аристотеля притча включена в типологию доказательств; Квинтилиан видит в притче средство усиления аргументации в публичной речи: она действует как средство убеждения. Представляя собой часть риторической техники, притча должна привлечь слушателя на сторону говорящего, помочь принять чужую точку зрения. Иисус

умело использует притчи с целью обращения слушателей в свою веру: например, притча «Об отце и сыне /просящем хлеба и рыбы/» (Мф. 7: 7–12; Лк. 11: 9–13) становится еще одним аргументом в структуре проповеди.

Притча обладает значительной силой воздействия: проникая в сознание человека на доступном ему уровне бытия, духовная энергия притчи позволяет изменить сознание и подняться на следующую ступень развития. Притчи ставят человека перед нравственным и духовным выбором; они – нечто большее, чем просто произведение дидактико-аллегорического характера, их задачу нельзя сводить лишь к абстрактному «поучению». Евангельские притчи отражают законы мироздания, ибо они – часть Божественного Откровения.

Иисус пользовался иногда несколькими притчами для пояснения одной и той же истины, а иногда – одной притчей для пояснения нескольких истин одновременно. Например, притчи «О лопате и гумне» (Мф. 3: 11–12; Лк. 3: 15–17), «О неводе» (Мф. 13: 47–51), «О плевелах» (Мф. 13: 24–30) указывают на неизбежное отделение нечестивых от праведников; для поучения о проявлении должного к людям милосердия рассказаны притчи «О милосердном Самарянине» (Лк. 10: 25–37), «О богаче и Лазаре» (Лк. 16: 19–31), «О немилосердном заимодавце» (Мф. 18: 21–35) и другие. «Закваска», в одном случае, символизирует лицемерие фарисеев и саддукеев, а в другом – медленный, но верный рост Царства Божия; «дом» («О доме сильного» (Мф. 12: 29; Мр. 3: 27; Лк. 11: 21–22) характеризует борьбу Христа с сатаной или подчеркивает необходимость следования христианским принципам («О доме, построенном на камне» (Мф. 7: 24–27; Лк. 6: 47–49)).

Притчи есть средство формирования и коррекции социального поведения индивида: интенция автора при отборе языковых средств состоит не в навязывании своего мнения, а в формировании согласия путем убеждения. Оценка и обобщение событий здесь выступают на первый план, ибо иллюкативная цель притчи – интенсификация происходящего. Так, параллельные в двух Евангелиях тексты притч «О дереве и плоде» (Мф. 12: 33; Лк. 6: 43–44) и «О добром и злом слове» (Мф. 12: 34–37; Лк. 6: 45), рассказанные в ответ на обвинения фарисеев, дают оценку их словам и поступкам и призывают людей задуматься о результатах. Использование в притче прецедентного текста (поговорки «Дерево познается по плоду»), а также фраз (33 Или *признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым*, ибо дерево познается по плоду (Мф. 12: 33); 36 *Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: 37 ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12: 36–37)) с подчеркнутым усилением в Евангелии от Матфея («Говорю же вам») носит оценочно-обобщающий характер и обладает большим перлокутивным потенциалом.

Рассказанные Иисусом притчи о злых виноградарях (Мф. 21: 33–41; Мр. 12: 1–9; Лк. 20: 9–16) и о камне, ставшем главою угла (Мф. 21: 42–44; Мр. 12: 10–11; Лк. 20: 17–18), вызывают агрессию. Безусловно, Иисус заранее знает ответную реакцию (сценарий притчи предсказывал это), но выполняет свою миссию по изменению сознания. Перлокутивный эффект наблюдается и в притче о верблюде и игольном ушке, которая произносится, несмотря на предвидение реакции богатого юноши (Мф. 19: 21–24): Иисусу важно дать ключ к пониманию законов жизни не только этому юноше, но и ученикам, а также всем последующим поколениям.

Речевое воздействие текстов притч может не наблюдаться непосредственно после их произнесения, но, притча, оставшись в сознании человека, в определенный момент жизни, когда это будет необходимо, достигнет перлокутивного эффекта.

Иллюкативную силу притче придают также и особенности плана выражения. Текст притчи репрезентирует определенную позицию, проявляющуюся в выборе языковых конструкций и средств художественной образности, позволяющих адресату принять новое, осознав идею посредством знакомых форм.

Сравнения и сопоставления воплощают одну и ту же идею с помощью двух разных образов (так называемые «двойные притчи», к примеру, «О сокровище в поле» (Мф. 13: 44) и «О драгоценной жемчужине» (Мф. 13: 45–46), «О потерянной драхме» (Лк. 15: 8–10) и «О заблудившейся овце» (Мф. 18: 12–14; Лк. 15: 3–7)). В частности, в цитированных выше текстах двойных притч «О заплате на ветхой одежде» (Мф. 9: 16; Мр. 2: 22; Лк. 5: 36) и «О вине молодом и ветхих мехах» (Мф. 9: 17; Мр. 2: 22; Лк. 5: 37–39) Иисус отвечает на вопрос о поведении Его непостыющихся учеников, показывая невозможность подхода к новым явлениям со старыми мерками. При этом в дублирующих текстах для достижения наибольшего перлокутивного эффекта используются метафоры, формирующие разные картины мира при помощи операциональных языков описания мира (здесь – из речи ремесленников и земледельцев). При помощи различных образов создается определенная модель мира – так называемая языковая картина мира, отражающая специфику человеческого бытия, взаимоотношения человека с миром и важнейшие условия его существования.

Л. Витгенштейн писал: «...Язык не создает мир, но он задает ту сетку, которую мы используем, конструируя картину мира» [Витгенштейн 1985: 103, 105]. Постичь сущность картины мира можно с помощью теории «возможных миров» К. Перверзева: «Возможный мир – это ментальная модель действительного (или воображаемого) мира. Она образуется в результате интериоризации физической реальности во внутреннюю сферу человека (говорящего) и входит в полное описание исследуемой реальности на правах альтернативы иным моделям (другим возможным мирам)» [Перверзев 2000: 257–258]. Так, картина мира есть результат моделирования действительности сознанием человека, субъективный образ объективной реальности.

Язык не отражает действительность (результатом отражения действительности в сознании человека являются концепты или понятия), но отображает ее знаковым способом. Соответственно, различают концептуальную и языковую картины мира. «Языковая картина мира <...> принимается как план содержания словаря и грамматики, т. е.

собственно языковой системы, концептуальная же картина мира должна трактоваться как план содержания некоторого множества текстов энциклопедического характера» [Касиевич 1990: 12]. Концептуальная картина мира – глобальный образ мира, существующий в сознании какого-либо социума в определенный период его истории и лежащий в основе мировидения человека [Постовалова 1988], обладающий пластичностью и поливариативностью. Разновидностями современной структурированной концептуальной картины мира выступают: языковая, наивная, научная, мифолого-религиозная и религиозная картины мира. К примеру, языковая картина мира является вербализованной частью концептуальной картины мира; мифолого-религиозная картина мира (знания о Боге, человеке, обществе, мире; о принципах нравственной жизни; в религиях, исповедующих спасение, – знание о путях спасения каждого отдельного человека для будущей жизни) является одной из семиотик религиозного семиотического континуума; собственно религиозная картина мира представлена определёнными конфессиональными интерпретациями.

Языковая картина мира, являясь идеальным образцом объективной реальности, воссоздаваемым в языке, представляет собой совокупность смысловых моделей действительности и реализует когнитивную функцию: «Каждый язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Маслова 2001: 65].

В целях «описания и интерпретации других миров и всего Мира любой пользователь (в широком смысле слова, в том числе индивид, социальная группа, общество и культура в целом) изначально использует термины собственного операционального языка, который становится для него ключевым моделирующим языком, и категории собственного мира, который становится для него базовой моделью Мира, в силу чего сам пользователь данного языка описания становится носителем соответствующей модели Мира и формулируемой в ее рамках метафизики» [Максапетян 2003: 64].

Для обозначения таких ключевых моделирующих мир языков используется введенное А. Г. Максапетяном в научный обиход понятие «операциональный язык описания мира» в авторской трактовке. В языке любой культуры существуют определенные наиболее развитые первичные операциональные языки, непосредственно описывающие определенные миры и служащие постоянным и приоритетным источником формирования моделирующих языков и моделей мира в данной культуре. Являясь формами естественного языка, они служат первичными операциональными языками описания соответствующих миров – предметных областей реального мира или соотнесенных с ними сфер человеческого опыта [Максапетян 2003: 56-57].

Одна и та же идея (к примеру, в притчах о спрятанном сокровище и о драгоценной жемчужине) может быть формально воплощена в притчах с помощью разных языков, что способствует более широкому охвату населения и лучшему восприятию (у человека создается впечатление, что с ним говорят на одном языке). Здесь важен не предмет описания, а то, как именно, средствами какого языка описывается данный мир. Это реализация символической функции языка, который интерпретирует и моделирует действительность, формируя соответствующую картину мира: выбор определенного языка описания означает выбор определенного мира в качестве модели. При этом моделей мира может быть столько же, сколько существует первичных операциональных языков описания и описываемых ими миров. Так, например, если мир описывается средствами политического языка типа правитель, подданные, господин, раб и т. д., то в результате получается социоморфная теократическая или империалистическая модель мира (мир как государство) типа классической израильской или римской модели; если мир описывается средствами скотоводческого языка типа пастух, стадо и т.д. – это линейно-векторная пасторальная модель мира (мир как пастбище) типа древнееврейской модели; если мир описывается средствами земледельческого и растительного языков типа сев, жатва и т.д. – это циклическая вегетативно-аграрная модель мира (мир как поле сева и жатвы) типа древнеегипетской модели; если мир описывается средствами языка родства типа родители, дети и т.д. – это патерналистская модель мира (мир как семья) типа конфуцианской модели [Максапетян 2003: 64].

Отображение действительности средствами того или иного операционального языка описания мира обусловлено существованием соответствующих определенных групп основных субъектов-пользователей языков, которые по характеру своего опыта и практики принадлежат к данным мирам и тем самым интегрированы в границах определенного мира и одного языка. В частности, в целях описания и интерпретации мира земледелец будет использовать средства своего, «земледельческого» языка типа сев и жатва, семена и плоды, т. е. категории земледелия; пастух – средства «скотоводческого» языка типа стадо и пастбище. Метафоры операциональных языков описания мира экстраполируются на весь мир, так он делается более понятным и близким, познаваемым. Так, социальные или профессиональные группы являются изначальными и основными пользователями соответствующих моделирующих языков и, следовательно, – носителями соответствующих моделей мира. В частности, земледельческий язык и циклическая аграрная модель мира (мир как поле сева и жатвы) характерны для оседлых земледельческих культур с доминирующей социальной группой земледельцев или крестьян; скотоводческий язык и линейно-векторная пасторальная модель мира (мир как пастбище) – для кочевых скотоводческих культур с доминирующей социальной группой скотоводов или пастухов и т.п.

В евангельских притчах используются метафоры следующих операциональных языков описания мира: земледельческого и растительного, рыночного и политического, скотоводческого и зоологического, брачного и семейного операциональных языков, языка ремесленников. Особо выделяется формирующийся в процессе

религиозной коммуникации религиозный язык, использующий особую лексику или формирующий новые значения у уже существующих слов. Некоторые притчи содержат метафоры нескольких операциональных языков описания мира (часто скотоводческий и зоологический, политический и рыночный; единичными случаями представлены другие комбинации). Отдельные притчи нельзя отнести к какой-либо из вышеназванных групп: используемые в них метафоры характерны для разных сфер человеческого опыта и свойственны всем людям.

Признаком, позволяющим разграничить операциональные языки описания мира, становятся метафоры, характерные для соответствующих миров. Являясь универсальным средством номинации и механизмом ассоциативного отождествления, они моделируют языковую картину мира: создавая область вторичных предикатов, метафора формирует представление об объекте и предопределяет стиль мышления о нем. Язык Библии и вообще религии символичен и метафоричен, поскольку невозможно судить об Абсолюте вне обращения к индивидуальному и культурному опыту [Бугаева 2000]. Таким образом, посредством экстраполяции метафор первичных операциональных языков описания мира формируется лексикон евангельских притч.

Лексикон, используемый в евангельских притчах, составляют слова следующих операциональных языков описания мира: земледельческого и часто сопровождающего его растительного языка (корень, терние, плод, семя, поле, пшеница, плевелы, жатва, связки, житница, виноградник, виноградная лоза, терновник, репейник, смоквы, зерно горчичное, злаки и др.); скотоводческого и зоологического языков (верблюды, овцы и козлы, лисицы, осел, вол и др.); рыночного (заимодавец, должник, динарии, купец, драгоценная жемчужина, сто мер масла, расписка и др.) и политического (царь, государь, рабы, посольство и др.), брачного (сыны чертога брачного, жених, дева, брак, брачный пир и др.) и семейного (два сына, младший сын, отец, брат, дочь, сын Давидов и др.), языка ремесленников (заплата из небеленой ткани, вино молодое, мехи ветхие, невод и др.) и религиозного языка (пророк, грешница, нечистый дух, бесноваться, вера, искушение, маловерные, знамение с неба, знамения Ионы пророка, помилуй, Господи, Царство Божие, Царство Небесное, ад, муки, отче Аврааме! Моисей и пророки, покаяние, праведность, храм, молитва, пост, милость, грешник и др.).

Выбор того или иного операционального языка описания мира опосредованно связан с фактором адресата: для того чтобы донести Божественное Откровение людям различных национальностей, стран, культур, эпох, тексты притч синоптических Евангелий варьируют метафоры первичных моделирующих языков разных социальных групп, что позволяет найти общий язык с каждым. Евангельские притчи ориентированы на символического адресата, что подчеркивает отсутствие темпоральных, локальных и индивидуальных параметров. Эти параметры не актуальны уже во время написания синоптических Евангелий, так как они создавались по истечении некоторого времени после распятия Христа, причем евангелисты Марк и Матфей были в числе учеников Иисуса, а Лука – учеником учеников. Изначально евангелисты были направлены донести благую весть в разные страны, однако постепенно складывается канон Священного Писания, и текст Библии начинает восприниматься последующими поколениями как Божественное Откровение. Потому адресатом притчи является любой представитель человечества, способный воспринять содержащуюся в ней информацию. Именно такая символичность делает евангельские притчи культурными константами и спустя два тысячелетия.

Использование в евангельских притчах определенных операциональных языков описания мира связано с отображением в притчах языковых картин мира, характерных для основных социальных групп любой страны, культуры и эпохи, что подчеркивает обращенность притч ко всем людям, их универсальность и общечеловечность. Символичность и метафоричность языка притч позволяет людям воспринять истины Божественного Откровения. Иллюкативная функция притч, их предназначение – изменить сознание адресата и сила их воздействия могут проявиться через значительный промежуток времени, все это делает евангельские притчи уникальным жанром.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М. : Наука, 1997.
- Библейская энциклопедия. М. : ЛОКИД-ПРЕСС, 2005.
- Библейский словарь: Энциклопедический словарь / Сост. Эрик Нюстрем. Перевод со шведск. СПб. : Библия для всех, 2004.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе с приложениями. Брюссель, 1989.
- Бугаева И. В. Языковая личность в религиозном дискурсе: к постановке проблемы. URL: <http://64.233.183.104-/search?q=cache:4qsxjsplqtej:auditorium.ru/ conf/data/4473/bugaeva.doc>.
- Верещагин Е. М. Библистика для всех. М. : Наука, 2000.
- Верклер Г. А. Герменевтика (Принципы и процесс толкования Библии) / Бейкер Бук Хауз. Мичиган : Гранд Рапидс, 1995.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. : Прогресс, 1985.
- Власова Г. И. Жанровая природа библейской притчи / Образ. Время. Стиль: Проблемы поэтики: межвуз. сб. науч. тр. Павлодар : ПГУ им. С. Торайгырова, 1996. С. 60–68.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. М. : Русский язык МЕДИА, 2006.
- Закон Божий. Для семьи и школы со многими иллюстрациями / Сост. Протоірей Серафимъ Слободской. М. : Библ. об-во, 1967.
- Иеремиас И. Богословие нового Завета. М. : Восточная литература. РАН, 1999.

- Касиевич В. Б. Язык и знание // Язык и структура знания / Под ред. Фрумкиной. М. : Наука, 1990. С. 8–25.
- Корман Б. О. Из наблюдений над терминологией М. М. Бахтина // Проблема автора в русской литературе XIX–XX вв. Ижевск, 1978. С. 188–189.
- Литературный энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1987.
- Лихачев Д. С. Великое наследие // Избранные работы в трех томах. Л. : Худож. лит, 1987. Т. 2. С. 3–342.
- Лихачев Д. С. Славянские литературы как система // Славянские литературы: V1 Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады сов. делегации. М. 1968. С. 125–135.
- Максапетян А. Г. Языки описания и модели мира (постановка вопроса) // Вопросы философии. 2003. №2. С. 53–65.
- Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001. С. 65.
- Мень А. Библиологический словарь: В 3 т. М. : Фонд имени Александра Меня, 2002. Т. 2: К-П.
- Мечковская Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М. : Агентство «ФАИР», 1998.
- Переверзев К. Пространства, ситуации, события, миры: К проблеме лингвистической онтологии // Логический анализ языка: Языки пространств / Под ред. Н. Д. Арутюновой и др. М. : Москва, 2000. С. 257–258.
- Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М. : Наука, 1988. С. 8–70.
- Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. С. 249–250.
- Ринекер Ф., Майер Г. Библийская энциклопедия Брокгауза. М. : Российское библийское общество, 1999.
- Товстенко О. О. Специфика притчи как жанра художественного творчества (Притча как архетипическая форма литературы) // Вестник Киевского университета. Романо-германская филология. Вып. 23. Киев, 1989. С. 78–83.
- Тюпа В. И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Новосибирск, 2002. Вып. 5. С. 5–31.

ТЕКСТЫ

- Новый Завет (с методическими указаниями). М. : Российское Библийское общество, 1990.
- Русская православная Синодальная Библия. URL: <http://rosbible.narod.ru>.

Е. В. Ильина

Тюмень, Россия

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА *MORE* В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

АННОТАЦИЯ. В статье в лингвокультурологическом аспекте рассмотрены объективации концепта *MORE* в русской, английской и немецкой фразеологии. В результате когнитивно-дискурсивного анализа эксплицируется этнокультурный компонент концепта, позволяющий определить специфику функционирования концепта *MORE* в этнической языковой картине мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепт; море; фразеология; лингвокультурология; когнитивная лингвистика.

Сведения об авторе: Ильина Екатерина Владимировна, преподаватель кафедры иностранных языков ГБОУ ВПО «Государственный аграрный университет Северного Зауралья».

Адрес: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 7.

E-mail: ekaterina_ilyina_tum@mail.ru.

E. V. Ilyina

Tyumen, Russia

THE ETHNOCULTURAL COMPONENT OF THE CONCEPT THE SEA IN THE RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN PHRASEOLOGY

ABSTRACT. In article in lingvokulturological aspect are considered a concept objectivization the SEA in the Russian, English and German phraseology. As a result of cognitive-discourse analysis is found the ethnocultural component of a concept allowing to define specifics of functioning of a concept the SEA in an ethnic language picture of the world.

KEY WORDS: concept, sea; phraseology; lingvokulturology; cognitive linguistics.

About the author: teacher of chair of foreign languages of SEI VPO "State agrarian university of the Northern Trans-Urals".

Как отмечает Е. В. Назаренко, природа и пространство образуют «исторический дом народов, священную сокровищницу их воспоминаний. Культура и природа – это два параметра того простора, в границах которого возникает и развивается любой народ» [Назаренко 2001: 43]. Мировоззрение народа, его аксиология и культура находят свое отражение во фразеологии.

Концепт как одна из основополагающих категорий при описании семантики фразеологизма представляет собой «одновременно и суждение, и понятие, и представление», которые отражают концептуальную картину мира человека [Беляевская 1987: 21–25].

Объектом нашего исследования в данном разделе выступает выборка фразеологизмов морской тематики (как средства концептуализации представлений о море), имеющих семантические аналоги в русском, английском и немецком языках.

Цель анализа – экспликация структур знаний, стоящих за концептом *MORE* в лексикографическом дискурсе; определение этнокультурной специфики представлений о море через выявление национально и культурно маркированных пресуппозиций.

Воспользовавшись данными русских, русско-английских и русско-немецких фразеологических словарей, можно выявить приведенные ниже семантические и функциональные соответствия.

Капля в море – что ничтожно мало. Подразумевается количество чего-либо в сравнении с чем-либо очень большим, огромным или по сравнению с остальной частью, с тем, что может или должно быть. Имеется в виду число предметов, людей, организаций, объём информации и т. п. [Фразеологический словарь русского языка]. Ср.: «Чувствовал я, что мои усилия – капля в море»... (Гл. Успенский. Новые времена. Хочешь не хочешь. 1, 8.). Ср.: «Как капля в море опущена, Вся твердь перед Тобой сия»... (Державин. Бог). [Большой толково-фразеологический словарь Михельсона]. Фразеологизм является усечённой формой распространённого сравнения «как капля в море» [Словарь русской фразеологии 2001: 249].

Английский аналог: drop in the bucket (in the ocean) – букв.: «капля в ведре / в океане» ⇒ an in significant amount (when compared with the amount that is needed, was previously available etc.) – букв.: «незначительное количество (при сравнении с количеством, которое необходимо, было ранее доступно и т. д.)».

♦ «По моим подсчетам, на книгах, присланных Саней, Реваз получил прибыли не меньше двадцати тысяч. Но это капля в море» (Черненко 2). «According to my calculations, Revaz made at least twenty thousand on the books Sanya sent him. But that's a drop in the bucket» (2a).

♦ Среди них, конечно, найдется несколько человек, которые все поймут. Но это – капля в море (Зиновьев 1). Of course there are among them a few people who will understand everything. But they are a drop in the ocean (1a) [Большой русско-английский фразеологический словарь].

Анализ: как отмечает В. Красных, фразеологизм *капля в море* восходит к прецедентному библейскому тексту: «Число дней человека - много, если сто лет: как капля воды из моря или крупинка песка, так малы лета его в дни вечности» [Сир.18: 8]. Образ капли соотносится с природным кодом культуры, то есть с совокупностью имён и/или их сочетаний, обозначающих природные объекты, в том числе – освоенные

человеком в их отдельном бытии. В окультуренной человеком метрически-эталонной сфере **море** выступает в роли эталона бескрайности, неисчерпаемости, «огромности», а **капля** – в роли эталона исчерпывающе предельной, минимальной меры. Фразеологизм содержит метафору, построенную на противопоставлении двух «метрических» единиц, выступающих эталонами «огромного» (**море**) и «мизерного» (**капля**), и в целом выступает в роли эталона несоразмерности и несоизмеримости сопоставляемых предметов [Большой фразеологический словарь русского языка].

Соответственно, как в русской, так и в английской языковой картине мира с помощью фразеологизма *капля в море* концептуализируется представление о предельно допустимом количестве чего-либо в его максимальном (море) и минимальном (капля) выражении. Концепт МОРЕ становится ассоциатом эталонного понимания «широты», «огромности», «максимальности» – **пресуппозиция**: море – большое количество чего-либо. Также в данном фразеологизме реализуются квантитативные отношения: «часть – целое». Лексема «море» выступает обозначением «целого»; лексема «капля» – структурной «частью» моря.

Море по колено (колена) – о человеке, которому всё нипочем; о крайней степени безрассудства. Ср.: «Пьяному море по колено, а лужа по уши». Ср.: «А ну, как он ляпнет! Умный человек тот посоветится и не ляпнет, а дураку ведь недаром же говорят, что дураку море по колена ляпнет он, непременно ляпнет!» (Салтыков. Недоконченные беседы) [Большой толково-фразеологический словарь Михельсона]. На основе приёма подмены понятия (представления о глубине моря) возникает алогизм, актуализирующий сему безрассудства.

Английские аналоги: is a daredevil (букв.: «является сорвиголовой»); **is scared of nothing** (букв.: «ничего не боится»); **is devil-may-care person** (букв.: «наплевательский человек»); **feel sequel to anything** (букв.: «чувства равняются чему-либо»); **is of drunken bravado** (букв.: «относится к храбрости, вызванной состоянием алкогольного опьянения») *рапира пьяной бравады*); **Dutch courage** (букв.: *вся голландская храбрость*) ⇒ used to characterize a brave, reckless person) nothing rightness.o. (букв.: «используется, чтобы охарактеризовать храброго, беззаботного человека; ничто не пугает»). В английских эквивалентах не используется образ моря, что свидетельствует об отсутствии ассоциативной связи между морем и мерой безрассудства в английском языковом сознании.

♦ Он на всё и на всех плевал, всех крыл матом - и начальство и эзков, ему море было по колено (Марченко 1). He didn't give a damn about anything or anyone-he cursed the lot of them, admin and cons alike, he was scared of nothing (1a).

♦ У меня уже шумело в голове, мне было море по колено, и я храбро пошёл к ней... (Катаев 2). There was a noise in my head. I was full of drunken bravado and I boldly went up to her room... (2a)[Большой русско-английский фразеологический словарь].

Анализ: фразеологизм *море по колено*(*пьяному море по колено*) по своему происхождению восходит к русской поговорке *пьяному море по колено, а лужа – по уши, а проспится – свиньи боится* [Большой толково-фразеологический словарь Михельсона]. В традиционном русском языковом сознании с помощью данного фразеологизма объективируется **пресуппозиция**: море осмысливается как «мера безрассудства, неоправданного риска, неконтролируемого поведения», «потенциально опасные действия с непредсказуемым исходом». Кроме того, концептуализируется ассоциативная связь концепта МОРЕ с объектом, который потенциально может служить испытанием для человека, проверкой его физических возможностей, нецелесообразной реализацией амбиций, немотивированным проявлением удали, силы, бесстрашия.

В английских фразеологических аналогах концептуализируется идентичная стереотипная психологическая установка относительно поведения человека, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, но лексема «море» не вербализована. Под стереотипной установкой (стереотипом) понимается оценочно устойчивое, национально маркированное представление человека о явлениях окружающего мира, выступающее в виде образа или ситуации, представляющее собой своего рода ментальную «картинку». С точки зрения наличия этнокультурного компонента, интересен фразеологизм **Dutch courage** (букв.: «*вся голландская храбрость*»). Он является многозначным и имеет следующие интерпретации: 1) пьяная удаль; 2) название самого джина. Пресуппозиция – негативное представление англичан о голландцах, обусловленное рядом исторических событий: дипломатическими связями и морским товарообменом в XIII-XIV вв., многочисленными англо-голландскими войнами в соперничестве за морское, экономическое и колониальное господство в XVII в., захватом англичанами голландской колонии во времена колонизации Северной Америки и другими экстралингвистическими факторами. Следовательно, во фразеологизме концептуализируется ментальная установка на предвзято отрицательное отношение англичан к голландцам и представление о них, как о людях, способных в известном состоянии на неоправданно рискованные поступки, вызывающие непонимание и осуждение со стороны англичан. Кроме того, в английской языковой картине мира культурно маркированный фразеологизм **Dutch courage** ассоциируется и метонимически соотносится с одноименнымджином (крепким алкогольным напитком, популярным в Англии).

Море разливанное (разливанное море) – об обилии чего-либо. Это собственно русское выражение. Первоначально употреблялось по отношению к разлитому в бокалы вину [Справочник по фразеологии]; инокс.: пир с попойкой через край обильный. Ср.: «Живут разливанное море» (в изобилии). Ср.: «Целую неделю прогостили мы у него, среди беспрерывного, веселого, шумного, опьяняющего празднества и ликования, среди настоящего разливанного моря» [Большой толково-фразеологический словарь Михельсона].

Английские аналоги: anabundance(of wine, champagne, vodka etc, usu. at a party)(букв: «разливанное море чего изобилие (вина, шампанского, водка и т.д., применительно к вечеринке»); drink in party(букв: «попойка»); party where the wine<the beer etc>flows like water(like a fountain, in rivers, freely)(букв: «вино / пиво и т.д., текущие, как вода (в фонтане, реках, свободно)»)=usedtocharacterizealivelygatheringwherelargeamountsofalcoholareserved (букв.: «используется для характеристики фактически сбора большого количества алкоголя»).

♦ «Милозоров. У них там пир горой, разливанное море. Тот говорит: «Со мной, господин Незнамов, выпьемте!» Другой говорит – со мной!» (Островский З). (М. :)... The feasting is at its height, the wine is flowing in rivers «Here, have a drink with me, Neznamov,» says one; «No, with me,» says another... (За) [Большой русско-английский фразеологический словарь].

Анализ: концепт МОРЕ во фразеологизме *море разливанное* объективируется **пресуппозицию:** море осмысливается как «большое, чрезмерное количество, обилие (изобилие) чего-либо». В русском языковом сознании данный фразеологизм ассоциируется, как правило, с обилием алкоголя или в метафорическом значении – с веселым, праздным времяпрепровождением, которое сопровождается употреблением алкоголя. Английские аналоги данного фразеологизма вербализуются с помощью лексем, которые тематически соотносятся с концептом МОРЕ: течь (*flow*), реки (*rivers*), фонтан (*a fountain*), вода (*water*). Концептуализируется ассоциативная связь между номинациями: *море – вода – реки – фонтан – изобилие – алкоголь – праздник – веселье*. Часть из них можно объединить на основании общего концептуального признака «жидкость». Кроме того, концептуализируются такие свойства представленных лексем, как «изобилие» и «текучесть», свойственная алкоголю как жидкости и метонимически соотносящимся с ним лексемам, объединенным в общую тематическую группу «водоемы»: естественные (реки, море) и искусственный (фонтан).

Between the devil and the deep blue sea. (букв.: «Между чертом и глубоким синим морем», «между дьяволом и морской пучиной») – находиться в безвыходном положении⇒ you are in a difficult situation where the two possible courses of action or choices that you can take are equally bad (Чернобай 2012: 180) (букв.: «Вы находитесь в трудной ситуации, где два возможных плана действий или выбор, который Вы можете сделать, одинаково плохи»).

Синонимы в английском языке:

– **be in a tight corner** (букв. перевод: «в тесном углу») – быть в затруднительном положении;

– **be in deep water(s)** (букв. перевод: «быть в глубоких водах»)(синоним в первом значении)- 1. находиться в тяжелом положении; 2. горевать, тревожиться;

– **be in hot water** (букв. перевод: «быть в горячей воде»)-(разг.)иметь неприятности, быть в затруднительном положении(преимущественно по своей вине);русский эквивалент: как уж на сковороде;

– **up the pole** (синоним в 1-ом значении) – (жарг.)1.«дело труба» 2. чокнутый, психованный, малахольный 3. под градусом, под мухой. **Примеры употребления:** 1. Keith. Sir William's **between the devil and the deep sea**, as it strikes me. (*J. Galsworthy. «The Eldest Son». act. III*). Букв: «Кит. По-моему, сэра Уильяма оказался между двух огней». 2. ...if you don't say what's true you'll end in chains and you'll always be Caught **between the devil and the deep blue sea.**(*Ch. Rea «The Best»*). Букв.: «Если не скажешь правду, то закончишь в цепях, и всегда будешь меж двух огней».

Русский аналог: Между молотом и наковальней (быть, находиться, оказаться, очутиться и т. п.) -быть в трудном, опасном положении, когда неприятности угрожают с двух сторон.

Фразеологизм *между молотом и наковальней* по своему происхождению связан с названием романа Фридриха Шпильгагена «Между молотом и наковальней» (Friedrich Spielhagen «Hammer und Amboß», 1868). **Пример употребления:** *Русская интеллигенция ...оказалась (в 90-х годах) между молотом и наковальней. С одной стороны стояла древняя сила, всегда пугавшая и удручавшая интеллигенцию, с другой стороны – выросла новая сила, рабочий класс* (В. Воронский. Леонид Андреев) [Дубровин 1993]. В английской культуре море осмысливается как опасность, такая же, как и дьявол, зло. В русском языковом сознании образ моря как эквивалент зла не используется.

Анализ: в представленных фразеологизмах концепт МОРЕ вербализован в английском варианте *Between the devil and the deep blue sea*. Во фразеологизме концептуализируется **образ:** море - источник опасности, беды; возникает ассоциативная связь *море – омут, бездна*, из которого невозможно выбраться, спастись. Негативная семантика реализуется посредством контекстуального сближения номинаций *дьявол* (черт) и *море* (бездна, омут). Данные лексемы можно рассматривать как количественные варианты – варианты с неодинаковым числом компонентов, образованные путём их усечения или расширения.

За морем [за морями] – устар.очень далеко, в чужих странах.

Ср. *Спой мне песню, как синица Тихо за морем жила. Пушкин. Зимний вечер.* [Дубровин 1993].*Уйти за седьмое море* (очень далеко). *И За морем телушка полушка, да ...*

Английский аналог: *beyond the sea* (букв.: «за морем, за границей, в чужих краях»). **Пример употребления:** *Somewhere beyond the sea Somewhere waiting for me My lover stands on golden sands And watches the ships* (Bobby Darin - *Beyond the Sea*)[<http://megalyrics.ru/lyric/bobby-darin/beyond-the-sea.htm>]. Букв. перевод:«Где-нибудь за морем, где-нибудь, ожидая меня, мой любимый стоит на золотых песках и смотрит на корабли».

Анализ: внутренняя форма фразеологизма *за морем* (*за морями*) концептуализирует **пресуппозиция:** граница моря соотносится с пространственно удаленными (иногда недостижимыми) объектами. Концепт МОРЕ выступает ассоциативом некой границы между тем, что осмысливается как пространственно близкое, освоенное, понятное и

тем, что осмысливается как пространственно отдаленное, чужое, неизвестное, потенциально опасное. В английской языковой картине мира пресуппозицией является тот факт, что Англия, в силу своего геополитического положения, имеет с иностранными государствами лишь морские границы. В русском традиционно культурном сознании фразеологизм *за морем*(*за морями*) коррелирует с устаревшим выражением *заморские страны* – некие чужие земли. На уровне мифологического сознания корреляция «свой - чужой» является основополагающей.

Открытое море (в открытом море) – выражение *находиться(плыть)в открытом море* означает: находиться вне видимости берегов [Самойлов К. И. Морской словарь 1941].

Английский аналог: *blue water* (букв.: «открытое море»)

Ср. *В открытом море - только небо, Вода да ветер. Бунин, В открытом море* (<http://www.poetry.kostyor.ru/bunin/?n=8>).

Немецкий аналог: *aufhoher (aufoffener) See* (букв.: «в высоком (открытом) море»). **Пример употребления:** *Deswegen entschieden sie sich füerein Praktikum auf hoher See*(букв.: «Поэтому они решили на практику в открытом море»)[Дубровин 1993].

Анализ: в русском и английском вариантах фразеологизма *открытое море* и их объективациях в представленных контекстах концептуализируются такие признаки моря, как «отдаленность от суши», «неохватность», «простор», «большое пространство», «бесконечность», «свобода».

Хорошо море с берегу[Пословицы русского народа].

Немецкий аналог: *lobedie See, aberbleibe auf dem Lande* (букв.: «хвали море, но оставайся на земле»).

Анализ: и в русской, и в немецкой языковой картине мира концептуализируется ассоциативная связь моря с потенциальной опасностью, угрозой жизни и здоровью человека. Представлена оппозиция *море – земля*, основанная на критерии безопасности. **Пресуппозиция:** для человека большую опасность представляет море, чем земля – номинация, вербализованная в русском эквиваленте пословицы с помощью лексемы «берег».

Таким образом, в представленных русских фразеологизмах, их английских и немецких семантических эквивалентах концепт MOPE и его репрезентанты объективируются через следующие уровневые концептуальные признаки.

На **понятийном уровне** ядром поля становятся такие первичные концептуальные признаки: для моря характерны «текучесть», «отдаленность от суши», «неохватность», «простор», «большое пространство», «бесконечность», «свобода», «опасность», «непредсказуемость». Приядерная зона представлена вторичными функциональными концептуальными признаками: море как «метрическая» единица и эталон бескрайности, неисчерпаемости, «огромности».

На **образном уровне** концепт MOPE становится метафорой «безрассудства, неоправданного риска, неконтролируемого поведения», «потенциально опасных действий с непредсказуемым исходом»; «изобилия».

На **ценностном уровне** можно констатировать амбивалентное восприятие моря. Концепт MOPE обнаруживает связь *море – омут, бездна*, из которого невозможно выбраться, спастись. MOPE выступает ассоциативом некой границы между тем, что осмысливается как пространственно близкое, освоенное, понятное и тем, что осмысливается как пространственно отдаленное, чужое, неизвестное, потенциально опасное для жизни и здоровья человека. Актуализируется оппозиция «свой – чужой».

Этнокультурным компонентом становятся культурно-маркированные образы, используемые в структуре фразеологизмов других языков: например, в английских и немецких фразеологизмах вместо «море» - «ведро», «океан»; «голландская храбрость»; «вода», «река», «фонтан»; в русском фразеологизме «между молотом и наковальней» (английский эквивалент: «между дьяволом и морем») вместо образа моря используется образ наковальни. В английской культуре образ моря отождествляется со злом (дьяволом). В русской культуре море может представлять опасность, но со злом не отождествляется.

ЛИТЕРАТУРА

Англо-русский словарь = English-Russian: 70000 слов / сост. В. К. Мюллер. Перепеч. с 11-го изд. СПб. : Акад. проект, 1997.

Беляевская Е. Г. Семантика слова М. : Высш. шк., 1987.

Бирих А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 2001.

Большой англо-русский словарь в 2-х томах / под общ. рук. докт. филол. наук, проф. И. Р. Гальперина. – 2-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1977.

Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона. В 3 томах / М. И. Михельсон. М. : ЭТС, 2005. URL:http://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=127.

Большой фразеологический словарь русского языка / под ред. В. Н. Телия. М. : АСТ-Пресс, 2006.

Даль В. И. Пословицы русского народа. М. : Художественная литература, 1989.

Дубровин М. И. Русско-английский словарь. 1990.

Идиомы на пяти языках с переводом и толкованием // Дубровин М. Н. Иллюстрированный словарь идиом на пяти языках. Москва : Арсис Лингва, 1993. URL:<http://polyidioms.narod.ru/index/0-122>.

Лубенская С. И. Русско-английский фразеологический словарь = Russian-English dictionary of idioms. М. : Яз. и рус. культуры, 1997.

- Назаренко О. В. Українська фразеологія як вираження національного менталітету : дис....канд. філол. наук : 10.02.01. Дніпропетровськ, 2001.
- Справочник по фразеологии / Р. И. Яранцев Словарь-справочник по русской фразеологии. М : Русский язык, 1985. URL:<http://polyidioms.narod.ru/index/0-166>
- Фразеологический словарь русского языка / И. В. Федосов, А. Н. Лапицкий. М. : ЮНВЕС, 2003.

Р. Д. Керимов, Л. И. Федянина
Кемерово, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ПОГОДНОЙ МЕТАФОРЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ФРГ

АННОТАЦИЯ. В статье представлен семантический анализ лингвокультурного компонента погодной метафоры, функционирующей в немецкой социально-политической коммуникации. Номинации осадков и иных погодных явлений обладают различным набором постоянных метафорических значений, описывающих аспекты социальной реальности современной ФРГ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социально-политическая коммуникация; метафора; языковая картина мира; лингвокультурология; немецкий язык.

Сведения об авторе: Керимов Руслан Джаванширович, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, доцент, Кемеровский государственный университет.

Сведения об авторе: Федянина Любовь Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, доцент, Кемеровский государственный университет.

Адрес: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, корп. 6, каб. 6412.

E-mail: kerimovrus@mail.ru, fedyanina@inbox.ru.

R. D. Kerimov, L. I. Fedyanina
Kemerovo, Russia

LINGUISTIC CULTURAL COMPONENT OF WEATHER METAPHORS IN THE GERMAN SOCIO-POLITICAL COMMUNICATION

ABSTRACT. The article presents the semantic analysis of linguistic cultural component of weather metaphors observed in the German socio-political communication. Nominations of precipitation, weather conditions and other natural phenomenon are reported to possess a set of constant metaphorical meanings that describe various facets of Germany's modern social reality.

KEY WORDS: socio-political communication; metaphor; linguistic worldview; linguistic culture; the German language.

About the author: Kerimov Ruslan Dzhavanshovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the German philology, Assistant Professor, Kemerovo State University.

About the author: Fedyanina Lyubov Ivanovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the German philology, Assistant Professor, Kemerovo State University.

На современном этапе языкознание характеризуется антропоцентрической парадигмой, которая рассматривает язык не как автономную систему, а во всём комплексе взаимосвязей с человеком, его мышлением, опытом и культурой.

Таким образом, язык исследуется через призму различных факторов, влияющих как на его появление, существование и функционирование, так и на его дискурсивную экспликацию и прагматические интенции. Человек при этом предстает как активный деятель в языке и культуре, что должно быть отражено при разработке современных модуляций вербальных компонентов разных видов общественной коммуникации, особое место среди которых занимает социально-политическая коммуникация, охватывающая обширный континуум общественной и политической деятельности человека и государства, гражданина и власти, электората и административной элиты, а также социальные аспекты частной жизни отдельного индивидуума [Керимов 2013г].

Язык несет на себе «отпечаток» того общества, который он обслуживает, и выражает, как отмечал В. фон Гумбольдт, «дух народа» [Гумбольдт 2011], то есть его базовые ценности, сформировавшиеся в языке и сохранившиеся в период его длительного развития и «выкристаллизовавшиеся», например, в его фразеологическом и паремиологическом фондах, где запечатленная народная мудрость манифестируется в кратких по форме и содержанию высказываниях.

Изучая влияние культуры на язык и речь, некоторые лингвисты говорят о зарождении нового направления (дисциплины, науки, парадигмы) – лингвокультурологии. По мнению С. Г. Воркачёва, «лингвокультурология, выделившаяся в отдельное научное направление в российской лингвистике в 90-х гг. прошлого века как раздел антропологической лингвистики, имеет своим предметом исследование проявлений культуры народа, главным образом духовной, отраженных и закреплённых в его языке и речи» [Воркачёв 2014: 12]. В последние десятилетия появилось много работ по данной проблематике, посвященных как, собственно, предмету изучения лингвокультурологии, так и лингвокультурным аспектам языка [см., например: Алефиренко 2014; Воркачёв 2001; Воробьёв 1997; Красных 2002; Маслова 1997 и 2001; Телия 1996; Хроленко 2000 и 2004].

Субсистема социального языка реализуется в общественно-политической коммуникации как информационно-насыщенном, «статусно-ориентированном» [Карасик 2002а, 2002б; Шейгал 2004] вербальном процессе,

испытывающем одновременное влияние со стороны постоянно меняющихся экстралингвистических (гео- и внутривидовых, торгово-экономических и т. д.) условий, всей лингвальной культуры и, собственно, разных внутриязыковых факторов [Керимов 2013б].

Социально-политическая метафорика с этой точки зрения также является национально и культурно, узурально и дискурсивно маркированной [Будаев, Чудинов 2006; Керимов 2012б; Чудинов 2001 и 2005]. В данной связи при содержательном лингвистическом исследовании метафорической системы политического языка нужно принимать во внимание весь комплекс его культурно-исторической и социополитической дистрибуции [Будаев, Чудинов 2008а и 2008б; Керимов 2013в; Керимов, Федянина 2013; Чудинов 2013].

В этой связи определенный интерес вызывает лингвокогнитивный анализ сфер-источников политической метафорики, связанных с особо значимыми для этнокультуры и языка областями человеческой деятельности, куда на примере немецкой лингвокультуры можно отнести погоду и погодные явления.

Символическая насыщенность погоды определяется тем, что Германия вплоть до начала Второй мировой войны была аграрной страной, экономика которой напрямую зависела от сельского хозяйства. А для сельского хозяйства в свою очередь, помимо крестьянского труда, важны благоприятные погодные условия, чтобы произрастал хороший урожай. Хотя Германия не относится к странам с неблагоприятными климатическими условиями и не является зоной рискованного земледелия, тем не менее погода была важным для работы, а значит и в жизни крестьян природным фактором, который с течением времени приобрел различные символические смыслы, укоренившиеся через бытовую культуру в языке, где природная тематика проникла в разные пласты словаря, во фразеологию и в паремологию. Данный особый для немцев культурно-обрядовый статус погодных явлений привел к появлению такого уникального и своеобразного для немецкой лингвокультуры явления, как „*Bauernregel*“ (букв.: «народные приметы»), представляющего собой народную мудрость, трудовые и бытовые обычаи, связанные с разными временами года, сезонами, месяцами и типичной для этих временных промежутков погодой. В лингвистическом отношении данный пласт народной лингвокультуры можно рассматривать как самостоятельный элемент узурального словаря, очень близкий по своему лексикографическому статусу фразеологии и паремологии, но отличающийся от них более практическим и конкретным характером использования. Функционирование «народных примет» не претендует на роль экспликации общекультурной мудрости немецкого этноса, а имеет прикладные задачи подсказки, как действовать в определенных условиях, в том числе погодных, ритмизации и синхронизации труда, чтобы он принес максимальный урожай, а также, в определенной степени, ритуализации социально значимых событий в крестьянской жизни. Сборники «народных примет» издаются и как часть словарей и энциклопедий пословиц и поговорок [GBBS; GBSS], и как самостоятельные выпуски [GBB], отдельно от словарей пословиц и поговорок [Beyer, Beyer 1998; DRSR; Schön 1995].

После окончания Второй мировой войны погодные мотивы в немецкой культуре стали менее ощущаемыми, но они в достаточной мере сохранились в немецком языке и в его идиоматическом фонде, служа в том числе языковой основой для развития современной социально-политической метафорики.

Некоторые лингвистические аспекты погодной метафорики уже становились предметом изучения в поэтическом дискурсе [Рябых 2006], как часть концептуальной области «Неживая природа» [Чудакова 2005], а также упоминались при исследовании понятийного поля «Стихии» [Керимов 2012а].

В целом, актуальными для немецкой политической культуры можно считать наименованиями погодно-климатических явлений (дождь, молния, туман, ветер, температура, мороз), которые содержательно и логически делятся на две обширные группы, связанные с фактором влияния на жизнь человека. В этом отношении погода и ее проявления, в принципе, реализуются в двух базовых ипостасях: благоприятная (для посадки, роста, сбора урожая и пр.) и неблагоприятная (для сельскохозяйственных работ, процесса роста посевов и ухода за ними) погода.

При метафорической проекции в область общественно-политических отношений эти два базовых смысла, коренящиеся в немецкоязычной культуре, иррадируют в когнитивно-понятийное пространство социальной коммуникации и при рассмотрении в качестве экспликантов соответствующих моделей могут быть реструктурированы как сценарии (в понимании А. Мусолффа [см.: Musolff 2000; ср. с иными подходами: Керимов 2014; Колесов 2008; Попова, Стернин 2003 и др.]), описывающие общественно-социальные процессы в ФРГ.

Таким образом, выделяются когнитивные сценарии благоприятной погоды (без осадков, солнце, тепло) и неблагоприятной (ненастной) погоды (осадки и движение воздушных масс), выступающих, соответственно, каузирующими факторами для каких-либо репрезентируемых социальных и экономических явлений и процессов. Этим двум базовым сценариям сопутствуют также общие наименования погоды, отражающие некоторое состояние социальных реалий.

Номинация **погоды в целом** („*das Wetter*“) передает описание текущего положения дел в определенной социально-экономической системе, структуре и пр. Так в следующем контексте реализуется развернутый метафорический образ, включающий в себя единицы различных групп понятийной сферы-источника «Природа»: собственно погодные („*das „Wetter*“, „*der Regen*“) геоморфные (ландшафтные объекты: „*das Hoch*“, „*das Tief*“; небесные объекты: „*die Sonne*“, „*die Wolke*“) и фитоморфные („*gedeihen*“) метафоры, описывающие все факторы, влияющие на развитие сферы немецкой системы образования, ср.: „*In der Bildungspolitik ist es solches Wetter: Jedem Hoch folgt ein Tief, und manchmal hält solch ein Tief lange an. Dann gedeiht wenig. Die Sonne der politischen*

Aufmerksamkeit versteckt sich hinter den Wolken der Finanzzwänge, und über dem Land geht nur der stete Regen bildungspolitischer Grundsatzpapiere nieder“ [Rau 2001b: 297].

Следует отметить, что в представленном выше контексте реализуется так называемая «двойная метафора», когда на один метафорический образ (Wetter) наслаиваются другие метафорические смыслы (Hoch, Tief и т. п.) таким образом, что образуется цепочка семантических реляций: *Lage/Bedingungen* der Bildungspolitik ← Wetter ← Hoch, Tief и т. д. При этом в данном авторском контексте прослеживается когнитивная компиляция погодного понятия „das Wetter“ с ландшафтными объектами „das Hoch“, „das Tief“ и фитоморфизмом „gedeihen“ (характерный для растений процесс), создающих комплексный метафорический образ.

Состояние/наличие **пасмурной погоды** („trüb“) метафорически характеризует проблемные ситуации, негативные качества различных социальных явлений, ср., например: „trübe Aussichten“ («мрачные [безотрадные] перспективы»); „trübe Erfahrungen“ («печальный опыт»); „trübe Gedanken“ («мрачные мысли»); „trübe Zeiten“ («мрачные времена»). Синонимом в данном случае выступает колоратив „schwarz“ в соответствующем значении [Керимов 2013а].

Осадки – выпадение воды из атмосферы на землю в разном виде (дождь, снег, град). Лексема «дождь» („der Regen“) реализуется в разных устойчивых выражениях, которые создают как позитивный образ (оказание финансовой помощи), так и негативные коннотации (бросить кого-либо в беде, попасть из одной трудности в другую), причем некоторые из них прямо противоположные по смыслу и по эмоциональному эффекту.

Так, словосочетание „ein warmer Regen“ («теплый дождь») вербализирует ситуацию неожиданного оказания финансовой помощи (денежных вливаний): „eine größere (unverhoffte) Geldeinnahme“ [CUGDR] («неожиданная денежная поддержка; неожиданное поступление суммы денег»), например:

„Es muss ja nicht unbedingt gleich ein warmer Regen sein, der mit dem "Westwind" kommt, und trotzdem hofft man auch in Zittau darauf, dass es möglichst rasch bergauf geht“ [BZ 1992].

„Aber für Firmen, die wie das Volks-Wagenwerk am Rande der roten Zahlen kalkulieren, ist das ein warmer Regen“ [Welt 1975].

„Lada-Autos waren in der DDR begehrte Luxusfahrzeuge gewesen. Und so ergoss sich ein warmer Regen von Bestellungen über die in Neu Wulmstorf bei Hamburg ansässige Deutsche Lada“ [Spiegel 1994].

Выражение „j-n im Regen stehen lassen“ (букв.: «оставить кого-то под дождем») означает „j-n in einer Notlage, in einer schwierigen Situation allein lassen; j-m nicht helfen“ [CUGDR] («бросить в беде (кого-либо), оставить (кого-либо) в трудной ситуации без поддержки»), ср: „Senator Klemann lässt 12 000 Lehrer im Regen stehen“ [BZ 1992]. „Bei einer von der FDP beantragten Aktuellen Stunde forderte deren Wehrexperte Günther Nolting, der Kanzler solle seinen Minister nicht "im Regen stehen" lassen. Nolting verlangte die Erhöhung des derzeitigen Wehretats von offiziell knapp 45 Milliarden auf 50 Milliarden Mark“ [ND 2001].

Устойчивое сочетание „vom Regen in die Traufe kommen“ имеет значение „aus einer unangenehmen Lage in eine noch schlimmere geraten“ [CUGDR] (ср. в рус. яз.: «попасть из огня (да) в полымя»), например: „Das ist ja schön und gut, aber die Kehrseite ist, dass Einsatzkräfte entstehen, die in kürzester Zeit rund um den Erdball einsetzbar wären. Da kommen wir vom Regen in die Traufe. Nein, der Preis für eine kleinere Bundeswehr darf nicht größere Angriffsfähigkeit sein“ [ND 2001].

В финансовой системе поступление денежных средств описывается как «дождь», который «изливается» (если деньги появляются) и «прекращается» / «иссякает» (когда деньги перестают поступать) [см. также подробнее про метафоризацию финансово-экономических реалий в работах: Федянина 2008; Керимов, Федянина 2012 и 2014], как это представлено в следующих случаях:

„Bei ihm regnete es Geld“ [CUGDR] (букв.: «У него излились дождем деньги»).

„Mitterweile war der sturzflutartige Dukatenregen versiegt“ [Barthel 1990: 165].

„Genau vierhundert Mark regnet es jetzt“ [Barthel 1990: 165].

Грамматические возможности немецкого языка позволяют создавать такие языковые выражения, когда образно описывается, как говорящий каузирует появление «денежного дождя», например:

„Der Pöbel schrie Vivat unter meinem Fenster, und ich ließ doppelte Dukaten daraus regnen“ [Chamissos Werke 1980: 174].

В некоторых контекстах мнение говорящего о том, что деньги не берутся из ниоткуда, передается отрицательными конструкциями, ср.:

„Es ist alles möglich, aber es regnet kein Geld“ [Baier 1991: 106].

Лексема „der Schnee“ («снег») представлена в устойчивом выражении: „Schnee von gestern sein“ – „nicht mehr aktuell sein“ [CUGDR] («быть (больше) не актуальным»; букв.: «вчерашний снег»): „Vor einer Woche schrieb Schröder einen Brief an den neuen US-Präsidenten. Der hatte kurzerhand sein Wahlversprechen zum Schnee von gestern gemacht und erklärt, man werde die Vereinbarungen des Klimagipfels von Kyoto nicht mehr als bindend betrachten...“ [BZ 2001].

«Молния» („der Blitz“) – это кратковременный разряд электричества, которое скапливается в атмосфере. Молния, а также гром, часто сопутствуют осадкам и прежде всего – дождю (дождь с молниями именуется грозой). Но в переносных значениях у слова „der Blitz“ активируется, как правило, сема быстроты (некоторое стремительно совершаемое действие, явление, процесс), реализуя темпоральный признак (это слово было заимствовано в русский язык как первый элемент композитов со значением «скоротечности»: «Блиц-анкета, блиц-вопрос, блиц-интервью, блиц-конкурс, блиц-опрос, блиц-решение, блиц-турнир» [БТСРЯ]).

Так, например, в сложном слове „die Blitzkarriere“ (букв.: «молниеносная карьера», «блиц-карьер») речь идет о «мгновенном» (быстром) карьерном росте, как это вербализуется, например, в следующих авторских контекстах:

„Aber ich glaube nicht, dass sich die Funktion von Schulen und Universitäten darin erschöpfen darf, Boxenstopp für Blitzkarrieren zu sein“ [Rau 2001a: 40].

„Da wird vom "multiplen Selbst" geredet, einer Art Patchwork-Biographie, die angesichts der immer kürzeren Verfallszeiten des vorhandenen Wissens ein ständig "geupdatetes" Wissen braucht. Dann werden Hochschulaufenthalte nur noch "Boxenstopps" für immer neue Blitzkarrieren und "Start-ups"“ [Rau 2002b: 197].

Образ молнии, попадающей в дом (здание), представлен в идиоме: „ein Schlag ins Kontor“ – „(ugs.) eine böse, unangenehme Überraschung, eine große Enttäuschung“ [DGWDS] («что-то злое, неприятное; неожиданное событие»; ср. в рус. яз.: «как гром среди ясного неба»): „Die Überraschung von Hamburg. CDU spricht von "Schlag ins Kontor"“ [MM 20.12.1982: 2].

В 20-е гг. XX века в военной сфере появилось понятие „der Blitzkrieg“ («молниеносная война»), которое пришло в Германию из Франции, но впервые было применено именно нацистской Германией во Второй мировой войне.

В 1960-х гг. символом мира стала «радуга» („der Regenbogen“), которая активно использовалась в этом смысле пацифистами. В авторской интерпретации Й. Рау подобное значение реализуется в рамках композита „die Regenbogennation“, где первый компонент выступает в роли синтаксического атрибута и привносит как раз метафорический смысл (буквально: «радужная нация»), ср., например: „Ich bin sicher: Wenn Ihr Land (Südafrika) die manchmal atemberaubend kühne Politik der letzten Jahre fortsetzt, wenn Sie mit diesem Selbstbewusstsein und ohne Scheuklappen alle Probleme angehen, dann wird sich der Traum von der Regenbogennation erfüllen“ [Rau 2002b: 66].

Помимо этого интересным представляется функционирование жаргонного слова „die Regenbogenpresse“, обозначающего таким образом бульварную прессу, нацеленную на публикацию скандалов, сенсаций и пр. (ср. в рус. яз.: «желтая пресса»): „Gesamtheit der Wochenblätter, deren Beiträge sich im Wesentlichen aus trivialer Unterhaltung, gesellschaftlichem Klatsch, Sensationsmeldungen o. Ä. zusammensetzen“ [DGWDS].

В данном случае основой номинации служит метафорический перенос на основе (предполагаемого с точки зрения носителей немецкого языка) сходства по цвету, точнее – по цветовому оформлению (иллюстрация статей большим количеством цветных фотографий). Синонимом понятию „Regenbogenpresse“ является выражение „gelbe Presse“.

Туман – газообразное облако у поверхности земли, затрудняющее людям визуальную ориентацию в пространстве. Переносные смыслы, образуемые при помощи слов „der Nebel“ («туман, облако, дым») и „die Nebelschwaden“ (Pl.) («кочья, клубы тумана») строятся как раз на этом значении, описывая случаи сокрытия истинных намерений, создания у реципиента ложного впечатления об обсуждаемой проблеме, попытки введения в заблуждение и пр., что, по мнению немецких политиков, имеет место не только в политике, но и в немецких СМИ:

„Ich wünsche mir, daß sich unser Gemeinwesen solchen Fragestellungen zuwendet, spätestens dann, wenn sich die multimedialen Nebelschwaden des Bundestagswahlkampfes verzogen haben werden“ [Kohn 1998: 13].

„Ich sage Ihnen eines: Die Opposition hat nur Nebel verbreitet, ihre Rezepte stammen aus den 70-er Jahren, auch wenn Sie sie mit dem Gewürz „Umwelt“ ein bißchen aufpfeffern und Sie sie außerordentlich mit dem Wort „Gerechtigkeit“ verzuckern“ [Babel 1998: 6].

Композит „das Nebelwerfen“, возникший из словосочетания „den Nebel werfen“, манифестирует ситуацию преднамеренного введения в заблуждение оппонента, например: „Deshalb sollte jetzt Schluß sein mit dem Taktieren und dem Finassieren, mit dem Nebelwerfen und den immer neuen Verwirrspielchen“ [Conradi 1999].

Движение воздушных масс создает у поверхности земли такие явления, как **ветер** во всех его разновидностях (легкий ветер (ветерок), сильный ветер, ураган, смерч и пр.). В зависимости от обстоятельств (тип, сила, направление ветра и пр.) и контекста лексема „der Wind“ («ветер») может передавать разные социальные смыслы и соответственно реализовывать разнообразную оценку.

Так, выражение „der Wind hat sich gedreht“ («ветер изменился, сменил направление») в переносном смысле имеет значение „die Verhältnisse haben sich geändert“ [CUGDR] (букв.: «условия / обстоятельства изменились»), ср.:

„Nun herrscht Depression. Der Wind hat sich gedreht. 45 Prozent für die Schwarzen, 22 Prozent für die SPD, 21 für die PDS lautet die letzte Umfrage“ [Tagesspiegel 1999].

„Jedermann kann seine Meinung ändern, aber eben nicht dann, wenn sich der Wind dreht, sondern nur dann, wenn sich entscheidende Fakten ändern, und nicht, wenn die entscheidenden eintreten“ [Diepgen 1999].

Устойчивое выражение „etwas in den Wind schlagen“ (букв.: «что-то кидать в воздух, оставить в воздухе») означает „etwas (Gutgemeintes) nicht beachten“ [CUGDR] («оставлять без всякого внимания; пренебрегать чем-либо, игнорировать; пропускать мимо ушей»), как это представлено в следующем случае: „So unvermittelt BSE, Uranvergiftung und Jugendsünden aus dem Nichts hereinzubrechen scheinen, sind sie doch allesamt Folgeschäden. Folgen einer Ignoranz, die sich dem Reglement der Macht bereitwilliger als dem natürlichen Regularium der Vernunft unterordnet und ihre Warnungen in den Wind schlägt, so lange es geht“ [ND 2001].

Важное для контекста значение имеет направление ветра: благоприятным считается попутный ветер (дующий в спину: „Rückenwind“), неблагоприятным – встречный ветер (дующий в лицо: „Gegenwind“).

«Встречный ветер» мешает реализации чего-либо, создает препятствия на его пути, как это представлено в следующих часто используемых устойчивых выражениях и их дискурсивных экспликациях:

„j-m bläst der Wind (scharf) ins Gesicht“ – „jemand hat eine schwere Zeit voller Widrigkeiten durchzustehen“ [CUGDR] (букв.: «кому-то ветер дует (сильно / остро) в лицо»): „... seit dem Senat der Wind ins Gesicht bläst, ist er bereit, sich zu reformieren“ [Tagesspiegel 1998]. „Der Wind weht John Ashcroft schon scharf ins Gesicht, ehe er sein neues Amt überhaupt angetreten hat. Vom zukünftigen US-Präsidenten George W. Bush als Justizminister nominiert, hagelte es über die Weihnachtstage heftige Kritik an dem republikanischen Ex-Senator...“ [ND 2000].

„Gegenwind bekommen“ – „auf Widerstand stoßen“ [CUGDR]: „Schweden ist Deutschland durchaus ähnlich, aber dann auch wieder anders. Wagner weiß, dass die Szene dort mehr Gegenwind bekommt als in Deutschland“ [BZ 2000].

Встречный ветер затрудняет продвижение вперед, порождает трудности в осуществлении какой-либо политической деятельности, причем у него может быть конкретный источник, как это реализуется в следующем контексте, где представлена критика политики федерального правительства оппозицией: „Ich kenne die Neigung fast aller nationaler Regierungen, Entscheidungen, die sie auf europäischer Ebene selber getroffen haben, denn als Ausgeburt europäischer Regelungswut zu brandmarken, wenn es im eigenen Land Gegenwind gibt“ [Rau 2001b: 184].

Попутный ветер (ветер в спину) – это благоприятные условия, поддержка чьей-либо позиции и т. п., причем его можно каким-либо образом создать („Rückenwind geben“): „Wo Lehrerinnen und Lehrer die Motivation und die Freude an ihrem Beruf verlieren, helfen freilich keine so guten Bildungskonzepte. Da muss man Mut machen und Rückenwind geben“ [Rau 2001a: 50].

Разновидностью ветра является «ураган» (очень сильный ветер с осадками, несущий большие разрушения). В политическом контексте номинации урагана („der Sturm“, „der Sturmwind“) создают два образа: образ разрушительной силы каких-либо внешних геополитических или экономических явлений и образ кардинальных перемен, произошедших во многих сферах жизни и в системе государственного устройства, как, например, в Восточной Германии (экс-ГДР), начиная с момента объединения двух Германий в 1990 г.:

„Glauben Sie denn, dass die nationalen sozialen Netze die globalen Stürme überstehen können?“ [Rau 2000: 289].

„Die Ostdeutschen haben seit 1990 einen Sturmwind an Neuerungen und Modernisierungen erlebt“ [Rau 2001a: 396].

Очень ярким получается метафорический образ, когда погода коррелирует с архитектурной концептосферой, актуализирующей устойчивость сооружений от воздействия неблагоприятной погоды (ветра, бури, урагана), под которой понимаются внешние факторы, например, в экономической области. Так, по мнению федерального канцлера Г. Шредера, «европейский дом» ЕС следует сделать более устойчивым к разным негативным проявлениям последствий глобализации на мировых рынках, как это представлено в следующем отрывке: „Wir akzeptieren das nicht nur, weil diesem Europa die Überzeugung zugrunde liegt, dass Kooperation besser ist als Konfrontation – ich denke, darüber sind wir uns in diesem Hohen Hause einig, – sondern auch, weil unser europäisches Sozialmodell, das auf Teilhabe beruht statt auf ungezügelter Herrschaft des Marktes, nur gemeinsam gegen die Stürme der Globalisierung wetterfest gemacht werden kann“ [Schröder 2003: 11].

В узуальном употреблении широкое распространение получил образ «бури в стакане», автором которого является французский мыслитель Шарль Монтескьё (1689–1755 гг.) (во франц. яз.: „tempête dans un verre d'eau“) и который означает повышенное внимание к незначительным вещам: „ein Sturm im Wasserglas“ – „große Aufregung um eine ganz nichtige Sache“ [DGWDS].

Номинация „der Wind“ также входит в состав устойчивых выражений:

„viel Wind um etwas machen“ – „viel Aufhebens von etwas machen“ [CUGDR];

„der Wind hat sich gedreht“ – „die Verhältnisse haben sich geändert“ [CUGDR]: „Nun herrscht Depression. Der Wind hat sich gedreht. 45 Prozent für die Schwarzen, 22 Prozent für die SPD, 21 für die PDS lautet die letzte Umfrage“ [Tagesspiegel 1999].

„von etwas Wind bekommen“ – „von etwas, was geheim bleiben sollte, erfahren“ [CUGDR];

„Wind machen“ – „prahlen, angeben“ [CUGDR]: „Mensch, mach nicht so viel Wind!“

„sich den [frischen] Wind um die Nase [Ohren] wehen [pfeifen] lassen“ – „die Welt und das Leben kennen lernen; reisen, Erfahrungen sammeln“ [CUGDR];

„j-m den Wind aus den Segeln nehmen“ – „einem Gegner den Grund für sein Vorgehen oder die Voraussetzungen für seine Argumente nehmen“ [CUGDR] (компиляция с образом корабля из транспортной субсферы).

С понятием ветра связана еще и ситуация функционирования «флюгера», находящегося в постоянном движении (под воздействием ветра), что получило образное развитие в следующем выражении: „schwanken wie ein Rohr im Wind“ – „sehr stark schwanken, in seinen Entschlüssen unsicher sein“ [CUGDR]: „Der Kanzler schwankt wie ein Rohr im Wind, er trifft Entscheidungen nach Opportunität dort, wo die Menschen Standfestigkeit erwarten“ [ND 2000].

Погодно-климатический параметр «температура» оперирует понятиями тепла („warm“, „die Wärme“) и холода („kalt“, „die Kälte“), манифестирующие два контрадиктарных социальных явления.

Под «холодом» („soziale Kälte“) понимается отсутствие в обществе идей гуманизма, сострадания, соучастия, социальных отношений между гражданами, отсутствие гражданской позиции и отсутствие понятия гражданского долга, так что общество как бы оказывается расколотым на некоторые социальные группы и классы, внутри которых каждый решает свои собственные проблемы, уделяя мало внимания проблемам общества в целом:

„Nicht jede wirtschaftliche Ungleichheit darf man gleichsetzen mit Ungerechtigkeit oder sozialer Kälte. Nein, Leistung erfordert Belohnung, und es ist richtig, unterschiedliche Leistungen auch unterschiedlich zu belohnen“ [Rau 2002a: 341].

„Darum ist es genauso falsch, die Unternehmer unter den Generalverdacht sozialer Kälte zu stellen, wie es falsch ist, Empfänger staatlicher Transferleistungen pauschal des Missbrauchs zu verdächtigen“ [Rau 2002a: 298].

Степень «социальной холодности» проявляет способность к нарастанию, что выражается грамматически сравнительной степенью (kalt – kälter), ср.: „Ohne die Arbeit der Ehrenamtler wäre unsere Gesellschaft kälter und herzloser“ [Rau 2002a: 356].

В этом же контексте реализуется и компаратив у прилагательного „herzlos“, которое близко по смыслу лексеме „kalt“ и потому также проявляет в политической речи качество нарастания признака на грамматическом уровне формой компаратива (в обычных условиях это слово степени сравнения, как правило, не образует).

В толковом словаре немецкого языка отмечены схожие по смыслу идиомы, передающие посредством слова „kalt“ ситуацию (эмоционального) безразличия, равнодушия, эгоизма, отсутствия сострадания, помощи ближнему и пр., ср.:

„ein kaltes Herz haben“ («иметь холодное сердце [сердце изо льда]»);

„das lässt mich kalt“ («это меня не волнует»).

Положительная характеристика «холодного» состояния отмечена у разума и эмоций в тех случаях, когда речь идет о принятии важных решений и когда не нужно поддаваться «горячим» эмоциям, а подходить к решению проблем с позиций логики, что зафиксировано в выражениях: „kalten Blutes tun“ («делать хладнокровно [не волнуясь]») и „sich nur vom kalten Verstand leiten lassen“ («руководствоваться исключительно разумом»).

Понятие «тепла» в противоположность «холоду» создает образ усиления социальной справедливости, гражданской инициативы и т. п. Без «социального тепла», по мнению И. Рау, общество «замерзает» („erfrieren“), ср.: „Wer hier oder anderswo mittut, der sorgt für die Wärme, die weder der Staat noch der Markt schaffen können, ohne die aber unsere Gesellschaft erfrieren würde“ [Rau 2001a: 283].

Отсутствие у человека (политика) решимости, безразличие, бесстрастность вербализируются как отсутствие как «холодных», так и «теплых» эмоций: „weder kalt noch warm sein“ / „nicht warm (und) nicht kalt sein“ [CUGDR] («быть нерешительным; быть равнодушным [безразличным, бесстрастным]»).

Ясная погода создает метафорический образ благоприятных условий для разнообразных социально-экономических действий, процессов и т. п., как это реализуется, в частности, в следующем отрывке из политической речи: „Andererseits sollten wir nicht übersehen, welch latente Gefahr Vertrauensverlust und Gleichgültigkeit in sich bergen: Demokratische Politikgestaltung und Problemlösung mit Hilfe der Parteien könnten sich als Veranstaltungen erweisen, die nur unter Schönwetterbedingungen akzeptiert werden“ [Rau 2002b: 634].

Интересным представляется ситуация улучшения погоды („aufhellen“, „die Aufhellung“), которая эксплицирует понятия об улучшении конъюнктуры в разных секторах экономики (рынок труда, производство и т. д.):

„Die Volkswirte der Dresdener Bank führen die jüngste Aufhellung am Arbeitsmarkt in erster Linie auf die Bonner Politik des stop and go zurück“ [Schreiner 1998: 8].

„Auf jeden Fall hat sich die Stimmung in der Wirtschaft wieder aufgehellt“ [Müller 2003].

Жаркая, знойная погода („die Hitze“, „hitzig“) передает в метафорическом контексте интенсивность социально-политических деяний, например, дебатов, споров, дискуссий, которые носят «жаркий» характер (ср. в рус. яз.: «в пылу (борьбы, речи, дискуссии и т. п.)»): „eine hitzige Debatte / Auseinandersetzung“, а также в следующем фрагменте: „Das führt auch dazu, dass in der Hitze der politischen Diskussion manches übertrieben oder wenigstens instrumentalisiert wird, was doch besser nüchtern und sachlich behandelt würde“ [Rau 2002a: 342].

«Сухая» погода („das Trockene“) образно репрезентирует ситуацию трудного (финансового) положения в выражении „auf dem Trockenen sitzen“ – „in (Geld)Verlegenheit sein“ [CUGDR] (ср. с ситуацией «прекращение дождя»).

«Солнечная сторона» („die Sonnenseite“) и «тьень» („die Schattenseite“, „der Schatten“) представляют в социальной коммуникации два контрадиктарных образа: первое понятие характеризует процветание, благосостояние, выгодное положение, а второе – отсутствие всего этого, социальную несостоятельность, ср. словарные дефиниции обоих понятий:

„die Sonnenseite“ – „sonnige, zur Sonne hin gelegene, am stärksten der Sonne ausgesetzte Seite von etwas“ [DGWDS], в переносном смысле: „die Sonnenseite (angenehme, heitere Seite) des Lebens“.

„die Schattenseite“ – „1. dem Licht, der Sonne abgewandte Seite“ [DGWDS], в том числе в переносном смысле: „auf der Schattenseite leben (nicht vom Glück begünstigt sein)“, ср., например: „über die Menschen, die auf der Schattenseite der Wohlstandsgesellschaft leben“ [Zivildienst 1986, Nr. 2: 38]. „2. <meist Pl.> negativer Aspekt bei einer sonst positiven Sache; Nachteil; Kehrseite (2)“ [DGWDS]: „die Schattenseiten des technischen Fortschritts“. „Wissen Sie, in unserer Stadt darf man nicht immer nur die Schattenseiten sehen“. „Doch bald erfuhr ich, dass das Leben auch Schattenseiten hatte“.

В контексте высказывания при соответствующем слове может появляться генитивный субстантивный атрибут, прямо указывающий на метафорическое использование соответствующих метеорологических понятий, ср.: „Er kennt nur die Sonnenseite des Lebens“ (букв.: «Он знает лишь светлую сторону жизни») // „Sie hat sich immer auf der Schattenseite des Lebens befunden“ («Ее судьба никогда не баловала»; букв.: «Она всегда находилась на темной (теневой) стороне жизни»).

Нахождение на солнечной стороне („auf der Sonnenseite stehen“) выражает, прежде всего, финансовое благосостояние, обеспеченность: „Wer auf der Sonnenseite steht, der kann andere mitnehmen. Wer am Rande steht, der sollte nicht bitten müssen, mitgenommen zu werden“ [Rau 2000: 257].

Часто за «место под солнцем» нужно бороться, его нужно «отвоевывать» и т. п., как это эксплицировано в выражении „sich (Dat.) den Platz an der Sonne erobern“ [CUGDR] («завоевать себе место под солнцем»).

А вот положение в тени („das Schattendasein“, „im Schatten (leben)“, „auf der Schattenseite des Lebens stehen“) касается как низкого социального статуса отдельного человека, так и группы людей:

„[nur] ein Schattendasein führen, fristen“ – „nur kümmerlich existieren; sich nicht entwickeln können“ [DGWDS]: „der Politiker, seine Partei hat lange Zeit nur ein Schattendasein gefristet“.

„Ganz besonders kümmerte er sich wieder um alle, die im Schatten einer Wohlstandsgesellschaft lebten, deren Reichtum auch damals zu ungleich verteilt war“ [Rau 2000: 49].

В историко-политическом аспекте, с точки зрения современных немецких политиков, бывшая ГДР якобы все 40 лет своего существования находилась «в тени»: „Unsere Brüder und Schwestern in den neuen Bundesländern haben 40 Jahre lang auf der Schattenseite des Lebens gestanden, weil sie zufällig im Osten Deutschlands und somit unter sowjetischer Besatzung und kommunistischer Unterdrückung leben mußten“ [Roitzsch 1999].

Яркий образ возникает при компиляции образов «солнечной стороны» и «железного занавеса», поскольку в таком случае создается наглядное впечатление, что «тьень» и «солнце» были по обе стороны (Восточная и Западная Германии) «железного занавеса» (который как бы отбрасывал «тьень» на Восточную Германию (ГДР), в то время как ФРГ находилась на «солнечной стороне»): „Zunächst einmal war die Revolution von 1990 für die Westdeutschen auch eine Erinnerung daran, dass sie sich ihre demokratische Ordnung nicht selber haben erkämpfen müssen und dass sie ihr Leben auf der Sonnenseite des Eisernen Vorgangs verbracht hatten“ [Rau 2001a: 397].

В политическом языке описывается также и ситуация перехода из «тени» на «солнечную сторону» при повышении социального статуса, положения, при улучшении материального достатка и пр.: „aus dem Schattendasein / seinem Schattendasein hervor- / heraustreten“ – „aus einem Status der Unbedeutendheit, einer kümmerlichen Existenz[form] o. Ä. herauskommen, ihn überwinden“ [DGWDS]: „die Partei ist endlich aus ihrem Schattendasein herausgetreten“.

Помимо этого, слово „der Schatten“ актуализируется в ряде словосочетаний устойчивого характера, из которых в политической риторике функционируют:

„einen Schatten auf j-n / auf etwas werfen“ – „j-n / etwas in negativer Weise beeinflussen [CUGDR]: „Die beiden Todesfälle werfen einen Schatten auf die Veranstaltung“, sagte der verantwortliche Arzt des Berlin-Marathons, Willi Heepe, am Sonntag“ [BZ 2000].

„j-n, etwas in den Schatten stellen“ – „j-n / etwas bei weitem übertreffen“ [CUGDR] (букв.: «поставить (поместить) кого-либо / что-либо в тень»): „Der SPD-Vorsitzende wird die CSU nicht nur in der Rhetorik in den Schatten stellen“ [FAZ 2001].

„(nicht) über seinen Schatten springen können“ – „(nicht) gegen sein eigenes Wesen, über seine Möglichkeiten hinaus handeln können“ [CUGDR] (букв.: «(не) суметь прыгнуть выше своей тени»).

В составе сложных слов компонент „Schatten-“ может выражать, во-первых, что-то нелегальное, незаконное (ср. подобное значение колоративного имени „schwarz“), то есть что-то, что буквально ввиду нахождения в неосвещенном месте недоступно взору, а значит таинственно и опасно. Именно в таких местах и происходят незаконные операции, сделки и т. д. Совокупность неподконтрольных государству (и закону) и прямо нарушающих закон явлений в сфере экономики, торговли именуется „die Schattenwirtschaft“ (букв.: «теневая экономика») (ср. в рус. яз.: «теневой рынок», «черный рынок»): „die Schattenwirtschaft“ – „Gesamtheit der wirtschaftlichen Aktivitäten (wie Schwarzarbeit, Nachbarschaftshilfe u. Ä.), die nicht von der Steuer erfasst werden können, weil sie nicht entsprechend deklariert werden“ [DGWDS]: „Sie schätzt, dass die Schattenwirtschaft in Hamburg etwa 600 Millionen Mark umsetzt“ [Hamburger Abendblatt 24.08.1985: 11]. „Die Schattenwirtschaft ist zudem Oase in der Dienstleistungswüste und längst auch unverzichtbarer Wirtschaftsfaktor“ [Woche 27.03.1998: 1].

Другим значением композитов с компонентом „Schatten-“, наиболее часто востребованным именно в политической коммуникации, является обозначение (не)официальных, вспомогательных, запасных, альтернативных существующим структур (das Schattenkabinett“ / „die Schattenregierung“, „der Schattenhaushalt“, „der Schattenpreis“ и т. д.), которые до определенного времени сокрыты от всех посторонних (как бы находятся в виртуальной «тени»), не предаются гласности, но, в определенный момент (если он наступает, (при необходимых условиях)), они могут получить статус официально признанной структуры.

Так, политические понятия „das Schattenkabinett“ («теневой кабинет») и „die Schattenregierung“ («теневое правительство») представляют собой номинацию условно сформированного политиками оппозиционной партии объединения, которое при победе данной партии на выборах может сразу же превратиться в реально действующее правительство, благодаря чему существенно экономится время и усилия на начальном этапе политической деятельности.

В сфере экономической политики используется, в свою очередь, понятие «теневой бюджет» („der Schattenhaushalt“), представляющий собой некоторый скрытый фонд, возникающий из различных вспомогательных источников и в самом бюджете не отмеченный: „der Schattenhaushalt“ (Wirtsch.) – „neben dem öffentlichen Haushalt (3) bestehender, nicht im eigentlichen Haushaltsplan veranschlagter Haushalt (3), der durch bestimmte finanzpolitische Maßnahmen, die Einrichtung zusätzlicher Fonds o. Ä. entsteht“ [DGWDS].

В торгово-экономической сфере присутствует понятие «теневая цена» („der Schattenpreis“), т. е. скрытая цена, устанавливаемая путем договоренностей.

Помимо этого, первый композитный компонент „Schatten-“ в некоторых случаях может придавать значение видимости чьего-либо высокого положения. Так, например, слова „Schattenkönig(in)“ и „Schattenkaiser(in)“ обозначают тип правителей, которые формально находились/находятся у власти, но фактически никакими властными полномочиями не наделены.

Образованный от „der Schatten“ субстантивный суффиксальный дериват „die Schattierung“ («оттенок») также активно участвует в процессах метафорической экспликации в политическом тексте, но по своему основному, первичному значению данное слово соотносится уже с колоративной сферой [см. подробнее: Керимов 2013а].

Метафорические образы в языке политики строятся также номинациями **гололедных явлений**, выражаемых переосмысленными сочетаниями с лексемой „das Glatteis“ («гололеда, гололед»), в которых актуализируется сема опасности, возможных неприятностей (поскольку человеку на льду находиться опасно), например:

„j-n aufs Glatteis führen“ – „j-n irreführen, hereinlegen“ [CUGDR] («подводить (кого-либо), обманывать; устраивать подвох (кому-либо); разыгрывать (кого-либо)»; букв.: «вести кого-либо на (гладкий) лед»);

„aufs Glatteis geraten“ – „sich unbeabsichtigt auf einem heiklen Gebiet bewegen, in dem man sich nicht auskennt, wo man unsicher ist und leicht Fehler macht“ [CUGDR] («попадать в щекотливое, критическое, рискованное положение (с чем-либо)»; букв.: «очутиться на (гладком) льду»);

„sich auf [aufs] Glatteis begeben“ – „etwas Gefährliches vorhaben, unternehmen“ [CUGDR] (ср. с эквивалентными выражениями в рус. яз.: «вступить на скользкий путь», «ступать на зыбкую почву»).

Как показывает представленный обзор, в современной немецкоязычной общественно-политической коммуникации манифестируется обширный пласт социально маркированной лексики и фразеологии, а также креативные метафорические образы, которые, проецируясь в социосферу, сохраняют в структуре своего значения семы благоприятного (позитивного) / неблагоприятного (негативного) воздействия: в первичном значении это были человек и урожай, в переносном смысле – политические объекты и экономические явления.

Таким образом, национально-специфичный лингвокультурный компонент политической метафоры кроется, с одной стороны, непосредственно в ее семантике, а с другой стороны – в характеристике прагматических интенций соответствующих культурных символов, вербализуемых полнозначными языковыми знаками. Но при этом некоторые вторичные конструкции строятся на основе непрототипических свойств своих исходных номинаций, в чем проявляется влияние как дискурсивной практики «живой» политической речи, так и окказиональной трактовки традиционной лингвосимволики. Лингвокультурный компонент семантики языковых единиц может наглядно не ощущаться в случае использования частотных образных наименований, но при когнитивно-семантическом изучении корпуса метафорических единиц представляется возможным проследить экспликацию базовых этноспецифичных экспонентов, которые корнями уходят в историю и культуру, традиции и обычаи данного народа, а семантически и дискурсивно ориентированы на его язык.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: уч. пособие. 4-е изд. М. : Флинта: Наука, 2014.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе : монография. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : УрГПУ, 2006.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология : монография. Екатеринбург: УрГПУ, 2008а.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации : монография. М. : Флинта: Наука, 2008б.

Воркачëв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.

Воркачëв С. Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 12–20.

Воробьëв В. В. Лингвокультурология (теория и методы) : монография. М. : РУДН, 1997.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. яз. / общ. ред. Г. В. Рамишвили. М. : Прогресс, 2001.

Карасик В. И. Язык социального статуса : монография. М. : Гнозис, 2002а.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография. Волгоград : Перемена, 2002б.

Керимов Р. Д. Актуализация метафоры стихий в немецкоязычном политдискурсе // Межкультурная коммуникация: Теория и практика : сборник научных трудов XII Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации» (Томск, 15–17 ноября 2012 г.) / под ред. Н. А. Качалова. Томск : Изд-во ТПУ, 2012а. С. 116–125.

Керимов Р. Д. Метафорический антропоморфизм в немецкой социально-политической коммуникации : монография / ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». — Кемерово : Офсет, 2012б.

Керимов Р. Д. Лингвосимволика цвета в немецкоязычной политической культуре // Политическая лингвистика. 2013а. № 2 (44). С. 107–124.

Керимов Р. Д. Лингвокогнитивные аспекты изучения немецкой политической метафоры // Гуманитарный вектор. 2013б. № 4 (36): Серия «Филология. Востоковедение». С. 155–164.

Керимов Р. Д. Лингвокультурный аспект социальной стратификации как источника немецкоязычной политической метафоры // Лингвокультурология: Ежегодный сборник научных трудов / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: УрГПУ, 2013в. Вып. 7. С. 49–77.

Керимов Р. Д. Метафоры метасферы человека в немецкой социально-политической коммуникации : монография / ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». Кемерово : Офсет, 2013г.

Керимов Р. Д. Метафорическое таргетирование в немецкой социально-политической коммуникации: сценарии внешней и внутренней политики ФРГ // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 129–141.

Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Сравнительное исследование социальных концептов (на примере немецких концептосфер «политика» и «деньги») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52). Т. 3. С. 250–254.

Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Источники метафоры в немецкоязычной социальной коммуникации // Политическая коммуникация : материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 24–26 сентября 2013 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. С. 147–154.

Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Метафорическая актуализация фрейма «Экономика» в социально-политической коммуникации ФРГ // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 157–170.

Колесов И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков) : монография. Барнаул : БГПУ, 2008.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002.

Попова З. Д., Стернин И. А. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка : коллективная монография / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово : Графика, 2003. С. 6–16. (Серия «Концептуальные исследования»; Вып. 2).

Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. М. : Наследие, 1997.

Маслова В. А. Лингвокультурология : уч. пособие. М. : Academia, 2001.

Рябых Е. Б. Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дис.... канд. филол. наук. Тамбов, 2006.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996.

Федянина Л. И. Концепт Geld в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа : уч. пособие / ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008.

Хроленко А. Т. Лингвокультуроведение : уч. пособие. Курск : Крона, 2000.

Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. М. : Флинта; Наука, 2004.

Чудакова Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.) : автореф. дис.... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография. Екатеринбург : УрГПУ, 2001.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография. 2-е изд., стереотип. Екатеринбург : УрГПУ, 2005.

Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : монография. Екатеринбург : УрГПУ, 2013.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : монография. М. : Гнозис, 2004.

Musolff A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. München : IUDICIUM Verlag, 2000.

СЛОВАРИ

Большой толковый словарь русского языка : около 130 тыс. слов = БТСРЯ / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвистических исследований. СПб. : Норинт, 2000.

Beyer H., Beyer A. Sprichwörterlexikon. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1988.

Compact Universal Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung = CUGDR / Chefred. A. Sendlinger. München : Compact Verlag, 2007.

Das große Buch der Bauernregeln = GBB / hrsg. von R. Eisbrenner. Köln : Anaconda Verlag, 2008.

Das große Buch der Bauernregeln und Sprichwörter = GBBS / hrsg. von R. Eisbrenner, K.-A. Fritz. Köln : Anaconda Verlag, 2013.

Das große Buch der Sprichwörter und Spruchweisheiten = GBSS / hrsg. von K.A. Fritz. Köln : Anaconda Verlag, 2009.

Duden, Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bd. = DGWDS / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 1999.

Duden, Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Wörterbuch der deutschen Idiomatik = DRSR / bearb. von G. Drosdowski. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 1998. (Der Duden; Bd. 11).

Schön M. Deutsch: Sprichwörter und Redewendungen. München : Compact-Verlag, 1995.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- Babel G. Mehr Arbeitsplätze nur durch Reformen // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24. Juli. S. 6.
- Baier L. Jahresfrist : Erzählung. Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1991.
- Barthel P. Das zwölfte Kleid über dem dreizehnten : Novelle. — Reinbek bei Hamburg : Rowolt, 1990.
- Chamissos Werke. Berlin; Weimar : Aufbau-Verlag, 1980.
- Conradi P. Rede in der Berlin-Debatte. Web document 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_005.html.
- Kohn R. Toleranz und Respekt sind unverzichtbar // Das Parlament. 1998. Nr. 34-35. 14./21. August. S. 12—13.
- Müller W. Rede auf dem Deutschen Werbekongress (München, den 7. März 2002) // Bulletin 1996—002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003. Nr. 2002-17-1.
- Rau J. Reden und Interviews. Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2000. Bd. 1.1.
- Rau J. Reden und Interviews. Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001a. Bd. 2.1.
- Rau J. Reden und Interviews. Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001b. Bd. 2.2.
- Rau J. Reden und Interviews. Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002a. Bd. 3.1.
- Rau J. Reden und Interviews. Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002b. Bd. 3.2.
- Roitzsch I. Rede in der Berlin-Debatte. Web document 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_020.html.
- Schreiner O. Es kommt nur noch heiße Luft // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24. Juli. S. 7—8.
- Schröder G. Mut zum Frieden und Mut zur Veränderung: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler vor dem Deutschen Bundestag (Berlin, den 14. März 2003). Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2003.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

- BZ (Zeitung), Berlin (Deutschland) = BZ.
- Frankfurter Allgemeine Zeitung für Deutschland (Zeitung), Frankfurt am Main (Deutschland) = FAZ.
- Hamburger Abendblatt (Zeitung), Hamburg (Deutschland) = Hamburger Abendblatt.
- Mannheimer Morgen (Zeitung), Mannheim (Deutschland) = MM.
- Neues Deutschland (Zeitung), Berlin (Deutschland) = ND.
- Spiegel, der (das deutsche Nachrichtenmagazin), Hamburg (Deutschland) = Spiegel.
- Tagesspiegel, der (Zeitung), Berlin (Deutschland) = Tagesspiegel.
- Welt, die (Zeitung), Hamburg (Deutschland) = Welt.
- Woche, die (Zeitung), Hamburg (Deutschland) = Woche.

О. Н. Кондратьева

Кемерово, Россия

МЕТАФОРА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы лингвокультурологического описания метафорических моделей. Предлагается типология лингвокультурных различий метафор, делается вывод о национальной специфичности процессов метафорического моделирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокультура; национальное мировидение; концептуальная метафора; метафорическая модель; концептуализация, дискурс.

Сведения об авторе: Кондратьева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Кемеровский государственный университет.

Адрес: Кемерово, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

E-mail: Kondr25@rambler.ru.

O. N. Kondratyeva

Kemerovo, Russia

A METAPHOR AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON

ABSTRACT. The article presents the issue of linguistic and cultural descriptions of metaphorical models. The typology of linguocultural distinctions of metaphors is offered, the conclusion about national specificity of processes of metaphorical modelling is done.

KEY WORDS: linguoculture; national worldvision; conceptual metaphor; metaphorical model; conceptualization; discourse.

About the author: Kondratyeva Olga Nikolayevna., Associate Professor, Candidate of Philology, Kemerovo State University.

Современная антропоцентрическая парадигма предполагает изучение метафоры с учетом многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, культурой, коммуникацией, между спецификой дискурса и состоянием общества в конкретный временной период. Сформировалось четкое убеждение в уникальности метафоры, основанное на том, что она может выступать «как функциональная единица трех пространств: когнитивного, культурного и лингвистического» [Привалова 2005: 46], что во многом определило особое внимание к данному феномену лингвокультурологии.

В центре исследовательских интересов лингвокультурологии находится описание фактов языка и культуры в их взаимодействии и взаимосвязи, установление универсальных и национально-специфических черт языковых единиц всех уровней, речевой деятельности, дискурса.

Ранее различные аспекты взаимодействия языка и культуры в той или иной степени становились объектом исследовательского внимания целого ряда дисциплин, в частности, этнолингвистики, этнопсихоллингвистики, лингвострановедения, межкультурной коммуникации, социоллингвистики, но именно лингвокультурология стала «своеобразным «интегратором» научных поисков, посвященных проблемам взаимодействия языка и культуры» [Юрков 2012].

Культура является исторической памятью народа, язык же, «благодаря его кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений, не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» [Телия 1996: 228]. Восприятие языка в качестве культурного кода нации, хранителя национальной культуры, транслирующего от поколения к поколению культурные ценности, становится ведущим постулатом лингвокультурологии.

На современной стадии развития лингвокультурологии происходит максимальное расширение поля ее исследовательского внимания, объектом изучения признаются любые проявления культуры в языке как в синхронии, так и в диахронии. Детально изучаются способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, особенности представления в языке менталитета того или иного народа, закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры [Алефиренко 2010]. При этом лингвисты рассматривают в лингвокультурном аспекте как картину мира и образующие ее единицы – концепты, так и отдельные репрезентирующие их языковые средства, прежде всего – фразеологизмы, паремии, этнонимы, стереотипы, символы, метафоры.

Метафора является специфической формой отражения национально-культурного наследия в языке, что и определяет особый интерес к описанию закономерностей процесса метафоризации для лингвокультурологии (см. работы А. А. Новоселовой, В. А. Масловой, Е. Стояновой, В. Н. Телия, Э. Р. Хамитовой, Е. Е. Юркова и др.). Исследователи единодушно отмечают, что поиск «лингвокультурного вектора метафоризации ведет к изучению глубинных основ национально-культурного миропонимания, определяющего многие особенности национально-языковой картины мира, национального (и индивидуального!) языкового сознания» [Юрков 2012: 4].

Вопрос о согласованности метафор с национальными культурными ценностями был поднят в исследованиях Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Исследователи пришли к выводу, что «те ценности, которые реально существуют и

глубоко укоренились в культуре, согласуются с метафорической системой». При этом культурные ценности существуют не изолированно друг от друга, а должны образовывать согласованную систему вместе с метафорическими понятиями, в мире которых протекает наша жизнь [Лакофф, Джонсон 1990: 405].

Аналогичные идеи неоднократно высказывались и отечественными лингвистами (см. работы Ю. Д. Апресяна, А. Н. Баранова, Э. В. Будаева, В. Г. Гака, Е. С. Кубряковой, В. Н. Телия, Б. А. Успенского, А. П. Чудинова и др.).

В частности, широкое распространение в лингвокультурологии получило предложенное В. Н. Телия понятие культурной коннотации (Телия 1993; Маслова 2001; Хао 2004; Хамитова 2008; Юрков 2012 и др.). Лингвисты убедительно продемонстрировали, что национально-культурная коннотация является результатом интерпретации ассоциативно-образного основания метафоры или фразеологической единицы, она формируется посредством соотнесения их с эталонами, стереотипами, мифологемами, характерными для лингвокультурного сообщества (например, у разных народов эталонами красоты, мудрости, смелости, трусости и могут быть разные животные и птицы).

Таким образом, метафора является значимым средством сохранения и трансляции от поколения к поколению ассоциаций, стереотипов и эталонов национально-культурной общности. Соответственно, метафоры основываются на системе общепринятых аналогий, ассоциаций, усваиваемых личностью в процессе социализации и овладения родным языком, а потому известных и понятных всем представителям лингвокультуры.

Одним из основных вопросов, связанных с лингвокультурной спецификой метафоры, является вопрос об универсальных метафорических моделях. Как когнитивный механизм и способ концептуализации мира метафора характеризуется универсальностью, что проявляется в повсеместной соизмеримости познаваемых объектов с доступными и понятными для человеческого восприятия образами и символами, и именно эта универсальность является своеобразным залогом успешной межкультурной коммуникации.

Тем не менее, в различных языках наряду с универсальными моделями присутствуют и модели специфические, поскольку при всей общности когнитивных процессов в жизни каждого народа есть свойственные только ему уникальные условия и особенности быта, истории, культуры, религии, ландшафта, климата и т. д., привносящие национальную специфику в процессы миромоделирования.

Метафорический перенос рождается не в некоей абстрактной среде, а в конкретную эпоху и в конкретной социокультурной ситуации, поэтому возникшая метафора в полном объеме отвечает условиям и потребностям этой ситуации и отражает ее как на ассоциативном, так и на вербальном уровнях. Национально-специфические черты метафоры проявляются в целом ряде особенностей.

1. Существуют уникальные метафорические модели, свойственные исключительно отдельным лингвокультурам. Примеры подобных моделей содержатся преимущественно в работах иностранных исследователей, например, в работах Дж. Вэя, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, З. Ковечеша, Б. Льюиса, Л. В. Пейна и др.

Описывая метафору «спор – это война» и рассуждая о культурной обусловленности метафор, Дж. Лакофф и М. Джонсон, отмечали, что можно вообразить такое общество, в котором спор уподоблялся бы не боевым действиям, а, например, танцу. Соответственно, представители такой культуры совершенно иначе воспринимали бы спор, по-другому вели бы его и по-другому говорили бы о нем [Лакофф, Джонсон 1990].

Интересные примеры конкретных метафор, обладающих лингвокультурной спецификой, содержатся в обзорных работах Э. В. Будаева и А. П. Чудинова. Например, анализируя метафорику политического дискурса, авторы отмечают, что власть в арабских странах никогда не ассоциировалась с образом солнца, поскольку палящее солнце губительно для жителей Востока. Мусульманский лидер предстает для подданных спасительной тенью, избавляющей от безжалостного солнца, и одновременно сам является «тенью Бога на земле». Напротив, в странах Запада и России, с их достаточно прохладным климатом, метафора монарха-солнца достаточно традиционна (ср. Король-Солнце Людовик XIV и Владимир Красное Солнышко) [Будаев, Чудинов 2007].

При анализе педагогического дискурса названные авторы обращают внимание на продуктивную для китайской лингвокультуры метафорическую модель «учитель – это ВИРТУОЗ», согласно которой ученики подражают учителю-мастеру, но не ожидают получить от него готовую информацию или однозначные инструкции. В европейской и западной традиции данная модель не зафиксирована, доминирующими являются метафорические модели, посредством которых учитель предстает как РОДИТЕЛЬ, заботящийся о своих детях, САДОВНИК, возвращающий молодую поросль, ПОЛКОВОДЕЦ, ведущий в битву за знаниями, т.е. подобные метафоры репрезентируют активную роль учителя в образовательном процессе, ученик при этом предстает преимущественно как объект воздействия, а не самостоятельный познающий субъект, овладевающий знаниями [Будаев, Чудинов 2007].

2. Зафиксированы случаи специфической реализации универсальных метафорических моделей в пределах конкретной лингвокультуры. Так, например, в исследованиях Дж. Лакоффа и М. Джонсона присутствует упоминание о том, что не все культуры распределяют приоритеты по ориентационной шкале «высокий-низкий», существуют культуры, в которых более существенную роль играют понятия равновесия или расположения относительно центра. Это позволяет данным авторам сделать вывод, что главные ориентационные шкалы представляются общими для всех культур, но виды ориентации, принятые для конкретных понятий, роль ориентационных принципов, с точки зрения их приоритетности, «варьируются от культуры к культуре (выделено нами. – О. К.)» [Лакофф, Джонсон 1990: 407].

В многочисленных исследованиях, посвященных анализу политического дискурса, рассматривается роль кулинарной метафоры в репрезентации политической сферы, соответственно, можно говорить об универсальном характере данной метафорической модели (ср. устойчивое выражение *политическая кухня*). В то же время в большинстве лингвокультур данная метафорическая модель обладает национально-культурным своеобразием. Например, в монографии Л. Цоневой, посвященной анализу метафор в болгарском политическом дискурсе, выделяются метафоры, связанные с национальными блюдами, такими, как *баница*, *пицца*, *кюфте*, *гювеч* и др., центральное место среди которых занимает болгарская *баница* [Цонева 2012: 204-209].

3. Своеобразие метафорических моделей обнаруживается и в пределах одной лингвокультуры на разных этапах ее существования. Например, метафора артефактов является достаточно продуктивной на протяжении всего периода развития русской лингвокультуры. Однако в Древней Руси отсутствовали широко распространенные в настоящий момент метафоры, основанные на сопоставлении души с музыкальным инструментом (скрипкой, арфой, или роялем – ср. *струны души*, *клавиши души* и т.д.), что обусловлено негативным отношением средневековой культуры к музыкальной сфере, в которой видели проявление бесовского начала (см. подробнее Пименова, Кондратьева 2005, Кондратьева 2014). Только после XVIII века, в связи с распространением европейских идей Просвещения и изменением отношения к музыкальному искусству наблюдается возникновение и активное использование подобных метафор в русской лингвокультуре.

Подобные изменения в инвентаре и структуре метафорических моделей могут быть связаны как с изменениями в жизни общества, так и с инокультурным влиянием. Соответственно, изучение метафоры является далеко не единственным, но достаточно продуктивным способом фиксации изменений, происходящих в лингвокультурном сознании.

Дальнейшее лингвокультурологическое исследование метафорики позволит более четко разграничить универсальные и национально-специфичные особенности метафорических моделей.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М. : Флинта, 2010.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в педагогическом дискурсе: современные зарубежные исследования // Политическая лингвистика. 2007. Выпуск (1) 21. С. 69–75.
- Кондратьева О. Н. Метафорическое моделирование концепта «душа» в древнерусской лингвокультуре : монография. М. : Перо, 2014.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М. : Прогресс, 1990. С. 387–416.
- Пименова, М. В., Кондратьева О. Н. Субсфера «артефакты» как источник концептуализации внутреннего мира человека (диахронический аспект) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 26–38.
- Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). М. : Гнозис, 2005.
- Стоянова Е. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. Шумен : УИ «Епископ Константин Преславски», 2013.
- Телия, В. Н. Русская фразеология : Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Цонева, Л. Българската политическа метафора. Велико Търново: Ивис, 2012.
- Юрков, Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии : автореф. ... дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. СПб., 2012. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-doktorskih-dissertatsii/1/a358.php>.

Л. В. Косинова (Максимова)

Волгоград, Россия

СПЕЦИФИКА ЖАНРА «КИТАЙСКИЙ АНЕКДОТ»

АННОТАЦИЯ. В данной статье подробно описывается жанр комического дискурса «китайский анекдот», выявляются его универсальные и культурно-специфические характеристики, приводятся основные классификации, анализируется языковая составляющая.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: комический дискурс; комическое; юмор; китайский юмор; китайский анекдот.

Сведения об авторе: Косинова Лариса Валерьевна, старший преподаватель, Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Адрес: 400066, г. Волгоград, просп. Ленина, д. 27.

E-mail: Millory@yandex.ru.

L. V. Kosinova (Maximova)

Volgograd, Russia

CHINESE ANECDOTE: GENRE SPECIFICS

ABSTRACT. The article depicts the genre of comical discourse – Chinese anecdote; the research is devoted to universal and nationally-specific features of the genre, basic classifications of Chinese anecdote, language analysis of comical texts.

KEY WORDS: comical discourse; comical; humor; Chinese humor; Chinese anecdote.

About the author: Kosinova Larisa Valerievna, senior lecturer, Volgograd state social-pedagogical university.

Целью настоящего исследования является подробное описание комического жанра «китайский анекдот» и выявление его культурной специфики. В статье решаются следующие задачи: 1) описывается история становления жанра; 2) выявляются универсальные и национально-специфические жанрообразующие признаки китайского анекдота; 3) рассматриваются основные классификации китайских анекдотов; 4) изучается языковая специфика жанра. Материалом для исследования послужили 1530 текстов китайских анекдотов общим объемом 803 страницы.

Комический жанр «анекдот» многократно становился объектом анализа в области лингвистики, теории коммуникации и дискурс-анализа [Курганов 1997; Каган 2002; Конева 2002; Милютин 2002; Столович 2002; Химик 2002; Шмелев, Шмелева 2002, 2003; Карасик 2002; Кулинич 1999; Седов 2005, 2007; Крейдлин, Шмелева 2007; Дементьев 2010]. Однако нам неизвестны исследования, в которых бы детально рассматривались китайские анекдоты, чем и обусловлен интерес к данному жанру. Представляется целесообразным выявить жанрообразующие признаки анекдота в контексте китайской культуры, а также рассмотреть его языковую специфику. Мы определяем китайский анекдот как короткую смешную историю, обладающую юмористической, сатирической или саркастической тональностью, созданную в контексте китайской лингвокультуры, отражающую особенности китайского менталитета и иллюстрирующую динамику исторической, социальной, политической, бытовой и других сфер китайской действительности.

История становления жанра

Трудно проследить историю возникновения анекдота в той или иной лингвокультуре, поскольку этот жанр принадлежит одновременно к устной и к письменной речи. В прошлом, до развития книгопечатания и средств массовой информации, временной промежуток между рождением анекдота в народе и его отражением в письменном источнике мог растягиваться на многие годы. В китайской лингвокультуре выявление первых упоминаний об анекдоте усложняется из-за наличия множественных терминов, которые могут использоваться для обозначения данного жанра. В ходе нашего исследования мы обнаружили несколько вариантов перевода слова «анекдот» на китайский язык: в «Русско-китайском словаре» [Баранова 1990] оно переводится как 《笑话》, 《趣话》. Иероглифы в слове 《笑话》 переводятся как *смех* и *речь*, то есть «анекдот» – это *смешная речь*. Второй термин 《趣话》 состоит из иероглифов «интерес» и «речь» (*интересная речь*). Еще один вариант перевода – словосочетание 《轶事趣闻》 (*небывалье истории, интересные новости*) [张喆 2011]. В китайском языке слово 《笑话》 имеет несколько значений: «шутка, анекдот, насмехаться, высмеивать» [Ошанин 1984; 精选俄汉汉俄词典 1994; Котов 2005; Левина 2010]. Однако некоторые исследователи разграничивают понятия «анекдот» и «шутка», называя их разными терминами: 《笑话》 – анекдот, 《玩笑》 – шутка [王金玲 2008; 闫广林、徐侗 2010]. Иногда термином 《笑话》 называют шутку, а термином 《轶事趣闻》 – анекдот [张喆 2011]. В китайском энциклопедическом словаре приводятся следующие трактовки слова 《笑话》: «1) фраза или юмористический рассказ, вызывающий смех; 2) осмеивать, критиковать; 3) смешной, нелепый» [辞海辞典 1999]. Таким образом, термин 《笑话》 может выступать в качестве существительного, глагола и прилагательного. В нашей работе в качестве ключевого термина мы рассматриваем наиболее распространённое употребление слова 《笑话》: в качестве существительного, в значении «анекдот».

Исследователь китайского юмора Ван Цзюэ считает, что первые признаки зарождения анекдота в Китае можно обнаружить в притчах, которые были написаны выдающимися деятелями периодов «Весны и Осени» (770–475 гг. до н. э.) и

«Воюющих государств» (475–221 гг. до н. э.), предшествовавших правлению императора Цинь Шихуана [新华字典 1998: 679]. По мнению Ван Цзюэ, юмор этого периода был наполнен сатирой, иронией и яркими образами [王决、汪景寿、藤田香 1995: 19]. Далее, во времена правления княжеств Вэй (220–265 гг.) и династии «Западная Цзинь» (265–316 гг.) [新华字典 1998: 679] появляются первые сборники анекдотов [王决、汪景寿、藤田香 1995: 19].

На каждом из исторических этапов развития страны тексты анекдотов имели особенное наполнение: китайские анекдоты, созданные в период до правления династии Цинь (221–206 гг. до н. э.), были схожи с притчами, нередко были наполнены иронией, философскими мыслями, в частности имеющими отсылки к учениям Конфуция (551–479 гг. до н.э.) Анекдоты, написанные во время и после эпохи периода «Троецарствия», отличались военно-стратегической тематикой, описывающей смекалку военачальников, кроме того, в них встречалось упоминание известных в то время персонажей: Цао Цао, Чжугэ Лян, Сюйцзи, А-доу и др. Анекдоты династии Цинь (1644–1911 гг.) выражали антиправительственный настрой. В коммунистических анекдотах, созданных в середине XX в. упоминались гоминьдановская партия, Красная армия, Мао Цзэдун. Современные анекдоты (конец XX – начало XXI в.) отражают общественные изменения: в них присутствует интернет-сленг, сравниваются культурные особенности разных стран, упоминаются прецедентные персонажи, известные во всем мире (политики, спортсмены, писатели), чего не отмечалось раньше в связи со слабым развитием средств массовой информации и тем, что Китай до 1949 г. был закрытой страной.

Жанрообразующие признаки

Мы отдаем себе отчет в том, что китайский анекдот в своих основных характеристиках совпадает с образцами этого жанра, существующими в других языках, однако исходим из того, что наш материал исследования представлен анекдотами, родившимися в недрах китайской культуры и обладающими самобытными языковыми особенностями (мы не берем для анализа переводные тексты). Говоря о возможности такого подхода, сошлемся на размышления В. В. Деметьева, который пишет о «русскости» и «иностранности» анекдотов при анализе рубрики «Улыбки разных широт» в журнале «Крокодил» 1970-х гг., а также о реалиях, которые позволяют разграничить «русские народные» и заграничные анекдоты [Деметьев 2010: 441–442]. Мы полагаем, что рассмотрение китайских анекдотов чрезвычайно полезно, так как, в отличие от двух других проанализированных выше жанров, он позволяет проследить взаимосвязь и взаимовлияние китайского комического дискурса и дискурсов других народов.

Мы солидарны с точкой зрения Г. Г. Слышкина, который утверждает, что «анекдот находится на границе между речевыми и литературными жанрами, т.е. он, будучи последним живым фольклорным жанром, представляет собой беллетризованный коллективный опыт рядовых носителей культуры, а не профессионального творца-литератора» [Слышкин 2003: 190]. Тем не менее, несмотря на пограничную форму существования, мы считаем возможным выявить жанрообразующие признаки анекдота и рассмотреть их применительно к контексту китайской лингвокультуры. Мы выделяем универсальные (общие для разных лингвокультур) и национально-специфические (свойственные именно китайскому анекдоту) жанрово-релевантные признаки.

Универсальные жанрообразующие признаки

Коммуникативная цель. В самом общем смысле можно утверждать, что основная коммуникативная цель анекдота – рассмешить собеседника. При этом необходимо отметить, что часто анекдот содержит в себе социальную оценку явлений действительности. Как указывает В. И. Карасик, «анекдот – это своего рода контроль общества над кристаллизацией социальных отношений <...> самой мягкой (и в то же время достаточно действенной) формой критики по отношению к стабильному положению вещей становится шутка, подвергающая сомнению то, что становится устойчивым» [Карасик 2002: 311].

Авторство. Анекдоты, как правило, не имеют авторов, и, как отмечает М. С. Каган, даже если иногда имя создателя какого-либо анекдота известно, то каждый человек становится своего рода соавтором и имеет право рассказывать его по-своему, видоизменяя текст – «аутентичного, авторски закрепленного текста, как в народной песне или сказке, не существует» [Каган 2002: 6]. Ю. Е. Милютин отмечает, что в данном жанре авторство не существенно, «оно как бы не обязательно, поскольку с самого начала жанр шутки или анекдота не предполагает серьезного отношения к себе» [Милютин 2002: 80]. В. В. Химик считает анонимность одной из отличительных черт жанра: «<...> даже если анекдот придуман говорящим, рассказчик предпочитает это не афишировать, отстраняется от авторства, иначе анекдот теряет объективную силу народности: совершенно исключены речевые ситуации типа “А вот я придумал анекдот...” или “Послушайте мой последний анекдот...”» [Химик 2002: 30]. Китайским анекдотам, как и анекдотам других народов, также свойственна анонимность как неотъемлемая характеристика анализируемого жанра.

Форма представления. Анекдоты трактуются как «юмористические рассказы, в основном короткие, не имеющие установленной формы» [张喆 2011: 84], «некие сжатые рассказы, которые строятся по той же структуре, как и повествование лица, переживающего какой-либо опыт: (необязательное) начало, время и место действия, языковое взаимодействие персонажей» [Кулинич 1999: 158]. Исследователи отмечают, что анекдот существует как в устной, так и письменной форме [Слышкин 2003; Столович 2002; Химик 2002; 张喆 2011]. Как справедливо указывает Г. Г. Слышкин, «анекдот находится на границе между речевыми и литературными жанрами, т.е. он, будучи последним живым фольклорным жанром, представляет собой беллетризованный коллективный опыт рядовых носителей культуры, а не профессионального творца-литератора» [Слышкин 2003: 190]. В. В. Химик указывает на то, что анекдот в первичной устной форме выступает как «один из жанров городского фольклора

наряду с тостами, розыгрышами, шутками, передразниваниями, байками, приветствиями и т. п. Анекдот во вторичной, условной форме – это его различные письменные фиксации, записи, обычно в сборниках, собраниях или специальных сайтах русского Интернета» [Химик 2002: 19–20]. Таким образом, в индоевропейских языках анекдот более близок к устным, фольклорным жанрам; это отмечают многие исследователи: «Анекдоты, разумеется, можно читать. <...> их постраничное чтение навеивает скуку, тогда как живой анекдот – свежий и остроумный, даже почерпнутый из какого-либо сборника или Интернета, но творчески рассказанный вовремя и к месту, воздействует и в бесцензурную и нецензурную эпоху, как и тогда, когда он колыхал застойный социализм» [Столович 2002: 48]. Что касается китайских анекдотов, то, благодаря иероглифическому юмору как средству создания комического эффекта, встречается такая их разновидность, когда комический эффект достигается только при прочтении.

Вариативность содержания. Содержание анекдота (персонажи, место и время действия, языковое оформление и т. д.) может варьироваться в зависимости от коммуникативной ситуации и личности рассказчика. «Как правило, анекдоты рассказываются с различными вариантами: в одних случаях вариативность оказывается издержкой устной передачи содержания, в других – следствием преднамеренной импровизации рассказчика, который стремится приспособить анекдот к актуальной ситуации или улучшить его на свой вкус. Более того, некоторые анекдоты в процессе репродукции приобретают различные варианты продолжения, развития содержания» [Химик 2002: 30]. Как и в других лингвокультурах, содержание китайских анекдотов является вариативным.

Целостность и наличие «быстрой развязки». Анекдот должен быть рассказан целиком, он, в отличие от рассказов, не может быть незаконченным. Рассказывание анекдота предполагает его полное воспроизведение. Комический эффект анекдота всегда приходится на заключительную фразу с предшествующей паузой: «<...> развязка анекдота, независимо от продолжительности целого текста, всегда должна быть краткой, неожиданной, часто парадоксальной, что обычно и делает анекдот смешным. Развязке обязательно предшествует главная пауза» [Химик 2002: 21]. М. С. Каган считает, что чем неожиданнее будет развязка, тем больший эффект она произведёт [Каган 2002: 16]. С. М. Шишков отмечает, что иногда «слушатели могут и предугадывать развязку, неожиданным может выступить уже незначительная мелочь – модификация слова, акцент и т. п. Здесь соприкасаются сознательное и бессознательное, создается комический эффект» [Шишков 2002: 143]. Данные характеристики в полной мере применимы и к китайскому анекдоту. Например, в анекдоте, приведённом ниже, фраза пациента является вводной, ответ доктора несёт в себе развязку и комический эффект: пациент надеялся, что врач предпримет действия по извлечению скальпеля из живота, но мысли последнего были заняты не здоровьем пациента, а заменой пропавшего ножа, что не соответствует нормам врачебного поведения:

病人：医生，你把剪刀留在我肚子里了。

医生：没关系，我还有一把。

《医生的剪刀》

Пациент: «Доктор, вы забыли скальпель у меня в животе».

Доктор: «Ничего страшного, у меня есть запасной».

Актуальность (злободневность). Взаимосвязь текстов анекдота с проблемами, волнующими общество, отмечают многие исследователи. «Анекдот как жанр речи – это наиболее распространенный способ социальной оценки ценностей», – пишет В. И. [Карасик 2002: 370]. Г. Г. Слышкин указывает на то, что «анекдот отражает все значимые стороны бытия общества, в нем опредмечиваются все важнейшие культурные концепты («жизнь – смерть», «семья», «здоровье» и т. д.)» [Слышкин 2003: 190]; Ван Цзиньлин справедливо утверждает, что, «исследуя анекдоты конкретного народа, можно выявить его систему ценностей, особенности жизненного уклада и культуры» [王金玲 2008: 1]. Важно и то, что анекдот «должен быть рассказан “к месту”, “по аналогии” с обсуждаемой жизненной ситуацией» – он «прикладывается» к теме разговора, к осмыслению некоего жизненного события» [Каган 2002: 6]. В Китае не принято открыто обсуждать политические вопросы, критиковать действия руководства страны и т. д. В связи с этим обращает на себя внимание то, что в китайских анекдотах злободневные вопросы отображены более открыто по сравнению с другими китайскими комическими жанрами. Можно предположить, что это вытекает из фактора анонимности: отсутствие авторства, существование в устном виде порождает свободу слова.

Адресант и адресат. Анекдот, как правило, рассказывается одним нарратором. Трудно не согласиться с утверждением, согласно которому «рассказывание анекдота – это не повествование, а представление, производимое единственным актером» [Шмелева, Шмелев 2002: 133]. И. А. Стернин описывает правила рассказывания публичного анекдота, согласно которым требования к рассказчику включают артистичность, медленный темп, гладкость повествования, отсутствие собственных комментариев, паузу для смеха [Стернин 2003: 218]. В качестве слушателя (адресата) могут выступать как отдельный индивидуум, так и группа лиц. По законам жанра к ним также предъявляются определенные требования: «не перебивать», «не комментировать», «слушать внимательно», «не говорить, что анекдот старый», «посмеяться в конце» [Там же].

Место и время исполнения. Желание рассказать анекдот, как правило, возникает спонтанно, адресат привлекает его к теме разговора. Иногда адресант заранее готовит анекдот, например, когда он продумывает текст публичного выступления или личной беседы, однако для адресата рассказ анекдота является неожиданным, тогда как выступления в жанрах «сяншэн» и «куайбань», как правило, являются заранее запланированными для всех участников интеракции. Анекдоты могут быть рассказаны повсеместно, в то время как сяншэн и куайбань исполняются в чайных или на специальных концертных площадках.

Национально-специфические жанрообразующие признаки

Длина анекдота. Китайские анекдоты в значительном числе случаев превышают по длине русские, западноевропейские и американские анекдоты. Российские исследователи отмечают, что анекдот должен быть коротким [Каган 2002; Пропп 1999; Стернин 2003; Шмелев, Шмелева 2003]. М. С. Каган пишет о том, что краткость – это относительное качество и среди анекдотов можно встретить как совсем лаконичные тексты, так и сравнительно развернутые диалоги; тем не менее принято считать, что чем анекдот короче, тем в большей степени он соответствует специфике жанра [Каган 2002: 16]. Хотя в большинстве случаев китайские анекдоты – это также короткие рассказы, среди них встречаются тексты весьма внушительного объема. 10% проанализированных нами китайских анекдотов имеют длину более 500 знаков; это обстоятельство позволяет утверждать, что граница между китайским анекдотом и китайским юмористическим рассказом весьма размыта.

Наличие названия. Русские и западноевропейские анекдоты, как правило, не имеют названия. Однако, анализируя китайские печатные и электронные сборники анекдотов, мы пришли к выводу о том, что в китайской лингвокультуре названию анекдота уделяется большое внимание: анекдоты без заголовка встретились нам менее чем в 5% исследуемых текстов (в 73 из исследованных 1530).

Низкие требования к артистизму рассказчика. Сравнивая анекдот с другими китайскими комическими жанрами, необходимо отметить, что он может быть рассказан любым человеком, для этого не нужна специальная подготовки, тогда как исполнитель сяньшэна или куайбаня должен в совершенстве владеть актерским искусством. В отличие от этих жанров, для анекдота также не требуется специальной атрибутики.

К национально-специфическим признакам мы также относим разнообразие комической тональности, а также использование специфических китайских языковых средств, которые будут рассмотрены ниже.

Классификации китайских анекдотов

В настоящее время в Китае выпускается множество печатных и электронных сборников анекдотов, в которых анекдоты упорядочены тематически. Ниже предлагается ряд классификаций, основанных на различных критериях, которые, с нашей точки зрения, помогают систематизировать многочисленные китайские анекдоты и могут быть использованы как основание для их детального анализа. При выделении данных критериев мы опирались на группировку анекдотов в различных китайских сборниках и в Интернете. При этом мы поставили перед собой цель – определить, что именно делает анекдот «китайским», в связи с чем мы особо выделяем показатели его принадлежности к китайской лингвокультуре.

1. По комической тональности разграничиваются анекдоты, в которых преобладают юмор, ирония, сатира или сарказм. Хотелось бы обратить особое внимание на тонкую нюансировку тональности в китайских анекдотах, согласно которой она часто обретает очень необычные, говорящие наименования:

– «мягкий» юмор (软幽默) – анекдоты, лишённые сарказма, сатиры, иронии; характеры персонажей не являются негативно окрашенными; мягкий юмор вызывает «лёгкие, положительные эмоции» [薛宝琨 1989: 34];

– «чёрный» юмор (黑色幽默) – разновидность юмора, в которой сопрягаются такие эмоции, как смех, угнетенность, слезы, горечь [崔乐、侯敏 2012: 89]; этот вид юмора является заимствованным и появился в Китае относительно недавно;

– «желтый» юмор (黄色幽默) – вид юмора, соотносим с сексуальной тематикой (желтый цвет в китайском языке символизирует интимные отношения) [崔乐、侯敏 2012: 94];

– «холодные» анекдоты (冷笑话) – китайцы называют «холодными» абсурдные анекдоты, порой имеющие оттенок «плоского» или «чёрного» юмора [冷笑话 2013];

– «грустные» анекдоты (囧笑话) – имеют оттенок «чёрного» юмора; в них часто употребляется грубая лексика, а также описываются неприятные происшествия, нередко связанные со смертью [哈哈 2012]. Иероглиф грустный «囧» изначально имел значение «яркий», со временем вышел из употребления, но потом вновь стал использоваться китайцами уже в другом значении: грустный, панический, удивлённый, неловкий. Перенос значения произошёл благодаря внешнему виду иероглифа: он похож на лицо с испуганными глазами и открытым ртом [崔乐、侯敏 2012: 108]. В настоящее время в китайском Интернете существует большое количество карикатур с использованием данного иероглифа;

– «отвратительные» анекдоты (恶心笑话) – тексты анекдотов содержат кровавые сцены; действия персонажей злые или асоциальные, вызывающие отвращение;

– «ужасающие» анекдоты (恐怖笑话) – их сюжеты основаны на «страшных» историях и т. д.

Приведем пример анекдота, относящегося к разновидности «холодных» анекдотов, в нём комический эффект достигается за счёт омофонов: слова «жарить» (烤) и «экзаменовать / спрашивать» (考) произносятся одинаково: као (3-й тон):

从前有个人钓鱼，钓到了只鱿鱼。鱿鱼求他：你放了我吧，别把我烤来吃啊。那个人说：好的，那么我来考问你几个问题吧。

Один мужчина ловил рыбу и поймал кальмара. Кальмар

鱿鱼很开心说：你考吧你考吧！然后这人就把鱿鱼给烤了。

попросил не жарить его, а отпустить, на что мужчина ответил: «Хорошо, тогда я задам тебе несколько вопросов». Кальмар радостно ответил: «Давай, задавай!» (звучит как «давай, жарь». — Л. К.). Мужчина и зажарил кальмара.

《你考吧你考吧》

2. По форме представления различают СМС-анекдоты (短信笑话), анекдоты-загадки (谜语笑话), анекдоты-стихотворения (笑话诗), анекдоты-шунькоулю (顺口溜), анекдоты-недоговорки «сехоулюй» (歇后语), анекдоты-истории (趣闻趣事), анекдоты-страшные истории (鬼故事笑话) и др. Такие виды анекдотов, как «шунькоулю» и «сехоулюй», имеют ярко выраженную китайскую специфику. Сехоулюй состоит из двух частей – начала фразы и её продолжения; эти фразы представляют собой поговорки, зачастую содержащие в себе юмористический подтекст; они известны большинству носителей китайской лингвокультуры, поэтому в разговоре обычно употребляется только одна из частей сехоулюй, которая подразумевает вторую и производит комический эффект. Например, сехоулюй *прихорашиваться* (猪八戒戴花儿-丑美) построено на антитезе и дословно переводится как Чжу Бацзе нацепил на себя цветок – и безобразно, и прекрасно. Шунькоулю – это народные рифмованные частушки без пения. Короткий шунькоулю без музыкального аккомпанемента, состоящий из нескольких строк, можно отнести к одной из разновидностей анекдота; более объёмные шунькоулю с музыкальным сопровождением ставят в один ряд с жанром «куайбань». Ниже предоставлен пример детского шунькоулю, каждое предложение которого состоит из шести иероглифов, рифмуется тонально и фонетически.

小说漫画游戏，
全都不能放弃，
篮球足球桌球，
都要毫无保留；
英语物理地理，
一概统统不理，
语文数学化学，
打死我也不学。
(儿童顺口溜)

*Мы никак не можем отказаться от просмотра мультфильмов и игр,
Мы будем продолжать играть в баскетбол и настольный теннис,
А английский, физика, география – это то, что мы игнорируем,
Литературу и химию не будем учить, даже если будут бить до смерти.*

3. По действующему лицу выделяют анекдоты, персонажами которых являются простые китайцы: Сяо Ван (小王), Лао Лю (老刘); исторические фигуры: Лэй Фен (雷锋), Ян Гуйфэй (杨贵妃); прецедентные персонажи художественных произведений, например романа «Троецарствие», в частности Цао Цао (曹操), и романа «Путешествие на запад» Чжу Бацзе и Сунь Укун (猪八戒, 孙悟空); современные известные личности, такие как чиновник Ли Ган и его сын (李刚), и т. д. Приведём пример, в котором фигурирует имя известного современного китайского баскетболиста Яо Мина (姚明):

在登陆NBA的第一个赛季，被问及“在中国打球和在美国打球有什么不同”时，姚明明说“在美国要用翻译，在中国则不用”。

В один из зимних сезонов, когда Яо Мин входил в состав NBA, его спросили, чем отличается игра в баскетбол в Китае и в Америке, на что он ответил, что лишь тем, что в Китае не нужен переводчик.

4. По локусу осуществления коммуникации анекдоты бывают универсальные (например, в общественном транспорте, на банкете, в деревне, в суде, на собрании, на спортплощадке и т. д.) и национально-специфические (например, около Великой Китайской стены, на представлении пекинской оперы, в массажном салоне, у врача традиционной медицины, у гадателя-геоманта, т. е. специалиста по фэн-шуй, на уроке по китайской каллиграфии и т. д.).

Приведём пример национально специфического локуса «у врача традиционной медицины» [Рощина 2012: 172–173]. В анекдоте используется приём обманутого ожидания: вместо того чтобы лечить орган, врач дал совет о том, как от него избавиться.

有一个花花公子，因为玩的太凶了，结果那话儿就生病，连续看了好几个西医，医生都告诉他：“你这里不行了，一定得切掉！”那花花公子怎舍得啊！就跑去看中医。中医看了看说：“虽然太晚了，嗯..

Один молодой фронт из-за того, что всё время только и делал, что прожигал жизнь в развлечениях, в итоге заболел. Ходил к нескольким врачам западной медицины, но все они в один голос говорили: «Здесь мы ничем помочь не можем. Необходима ампутация»

..不过没关系！”

"真的吗？可是我看了好多西医都说一定要切掉”。医生道：“西医就是这样，动不动就要切东西，这瓶药你拿去，每天涂三次，要不了多久，它就会自己掉下来的啦！”

(больного органа. – Л. К.). Молодой человек не мог с этим смириться. Пошёл к врачу традиционной медицины. Тот посмотрел и говорит: «Хотя, конечно, поздновато, но ничего страшного!» – «Правда? Но я был у стольких врачей западной медицины, и все они говорили, что обязательно надо отрезать!» – «Врачи западной медицины всегда так: чуть что, так сразу отрезать. Возьмите вот эту бутылку с лекарством: каждый день смазывайте больное место три раза в день. Немного погодя оно само отпадёт».

[перевод А. А. Рощиной.]

4. По сфере коммуникативной деятельности различают политические анекдоты (政治类), медицинские анекдоты (医疗笑话), армейские анекдоты (军旅笑话), спортивные анекдоты (体育笑话), интернет-анекдоты (网络笑话), народные анекдоты (民间笑话), религиозные анекдоты (宗教笑话、佛门弟子、天堂和地狱、虔诚教徒) и т. д. При том, что эти сферы присутствуют в анекдотах любой культурной принадлежности, в Китае они обретают свои особенности благодаря местным политическим условиям, религиозным верованиям, народным ритуалам и т. д. Продемонстрируем анекдот с использованием юридического юмора: в нём судья ввиду того, что муж и жена являются уроженцами разных провинций, дословно понимает стандартную фразу о том, что семейная пара не может найти общий язык, и предлагает им воспользоваться услугами переводчика.

一个北京人来法官求离婚，他的妻子是温州热

原告：“法官，我坚决要求离婚，我同我妻子根本没有共同语言。”法官接着说：“那没有关系，你们可以一同去找个翻译嘛。”

Мужчина из Пекина пришёл в суд требовать развода со своей женой из Вэньчжоу.

Истец: Уважаемый судья, я твёрдо решил разводиться, мы с женой совершенно не находим общий язык.

Судья: Ничего страшного, вы можете найти хорошего переводчика.

《没有共同语言》

5. По типу социальных отношений выделяют анекдоты про любовь (爱情笑话), семью (夫妻笑话、家庭笑话、代沟的笑话), начальников и подчинённых (老板与员工之间的笑话), пьяниц (酒鬼笑话) и т. д. Национальная специфика в анекдотах, классифицируемых по этому параметру, в значительной степени обусловлена китайским менталитетом, деонтическими нормами, ценностными ориентирами. Приведём пример анекдота, в котором начальник собрал работников фирмы для создания коллективного духа и подражания известной прецедентной личности Лэй Фэну – человеку правильному, исполнительному, готовому бескорыстно служить на благо общества. Он начинает свою речь со слов о том, что Лэй Фэн не умер, что вызывает смех в аудитории, но секретарь, боясь, что это оскорбит руководителя, призывает публику к тишине, он произносит слово «тишина» (精神), имеющее несколько значений, одно из которых «дух, душа». Начальнику кажется, что слово используется во втором его значении, и продолжает реплику словами: «Да, его дух с нами», что производит комический эффект.

某领导在对职工做学习雷锋精神的报告时念稿曰：

“雷锋没有死！”(众笑,并议论纷纷)

秘书在一旁小声提示道:精神,精神! 领导得意洋洋地接着对台下说:

“对!还精神着呢!”

Один начальник собрал работников для проведения тренинга, направленного на культивирование образа Лэй Фэна в коллективе. Он начал свой доклад с фразы: «Лэй фэн не умер!» Аудитория засмеялась и оживлённо зашептала. Секретарь призвал аудиторию успокоиться, сказав: «Тишина, тишина!» (второе значение – душа, душа. – Л. К.). На что начальник довольно ответил: «Да, его дух с нами!»

《雷锋还精神着呢》

6. По возрастной маркированности бывают детские анекдоты (儿童笑话), школьные анекдоты (校园笑话), анекдоты для взрослых (成人笑话) и т. д. Приведём пример анекдота, в котором школьник удивляется тому, что не может найти на современной карте уже не существующего государства Тайпинов (1850 – 1865 гг.).

“老师，您给我们讲过‘太平天国’吧？”

– Учитель, помните, вы рассказывали нам о существовании государства Тайпинов?

“是的，讲过。”

“那我在地图上怎么找不到呢？”

《找不到》

— Да, рассказывал.

— А почему тогда я не могу найти его на карте?

Следует особо отметить, что так называемые «анекдоты для взрослых» (城人笑话) на «запретные темы» (в частности, отношения между полами) не слишком распространены среди китайцев и вызывают у них смущение, поэтому даже в письменных сборниках отмечаются с помощью символа: «***»; в перечне тем анекдотов это выглядит как «***篇» или «***笑话» – анекдоты про «это».

Языковые особенности

В настоящем разделе мы выделим языковые средства, с помощью которых создается национально-культурная специфика китайского анекдота. При составлении списка культурно-специфических языковых средств учтены подходы, предложенные О. А. Леонтович и Е. И. Шейгал при составлении лингвострановедческого словаря [Леонтович, Шейгал 1998: 4].

1. *Китайские топонимы* (например: Великая Китайская стена, река Хуанхэ) и *антропонимы* (например, баскетболист Яо Мин – 姚明, актёр и певец Лю Дэхуа – 刘德华, певец Чжоу Цзелунь – 周杰伦, художник Ай Вэйвэй – 艾维维). Приведём пример с использованием топонима *Великая Китайская стена* и антропонима *император Цинь Шихуан* (259–210 гг. до н.э.). В анекдоте используется языковая игра: Сяо Мин относит фразу учителя «Создай ещё» не к просьбе составить новое предложение, а к просьбе создать новую Китайскую стену. Ученик сравнивает себя с императором Цинь Шихуаном, во время правления которого была воздвигнута Великая Китайская стена.

老师：小明，请用“长城”造句。

小明：长城很长。

老师：不行，再造一个！

小明：我又不是秦始皇。

《我又不是秦始皇》

Учитель: Сяо Мин, составь, пожалуйста, предложение со словами «Великая Китайская стена».

Сяо Мин: Великая Китайская стена очень великая (длинная).

Учитель: Не пойдёт, создай ещё.

Сяо Мин: Но я же не император Цинь Шихуан.

2. *Названия политических реалий, исторических событий, общественных организаций, государственных структур Китая* (например, Китайская национальная народная партия «Гоминь дан», народно-освободительная армия, «четыре модернизации» и др.). Приведём пример, в котором искажается значение термина «четыре модернизации» (四个现代), который обозначает политику Китая середины XX в., направленную на усиленное развитие четырех сфер: национальной обороны, науки, технологии промышленности. В анекдоте перечисляются модернизации, происходящие в современном китайском обществе: 1) стремительное увеличение числа мужчин в стране по сравнению с женщинами приводит к тому, что мужчины тщательнее следят за собой: делают прически, наносят макияж, красят ногти (чтобы привлечь внимание второй половины), к росту гомосексуальных отношений среди мужчин; 2) обильное времяпрепровождение в Интернете населения, в частности женского пола; такие люди сравниваются с домашними животными по причине того, что сидят за компьютером большую часть своего времени, не выходя из дома; 3) увеличение числа людей, заводящих собаку, обычно за питомцем ухаживают с пристальным вниманием: покупают для него специальные приспособления (зубная щетка, расчёска), одежду, называют своим ребёнком; возможно это связано с недавней политикой, проводимой в стране, в соответствии с которой большинство семейных пар не может иметь больше одного ребёнка; 4) культурная проблема населения: пониженный интерес подростков к культурным событиям, нарушение правил поведения в общественных местах и др. В анекдоте используется словообразовательный приём создания комического эффекта: при названии каждой из описанных причин добавляется суффикс «化» (-изация).

四个现代终于实现了：男性女性化，女性宠物化，宠物贵族化，贵族没文化。

«Политика четырех модернизаций», наконец, претворена в жизнь: мужчины феминизированы, женщины одомашнены, домашние животные аристократизированы, аристократы обескультурены.

《新四化》

3. *Названия известных произведений китайских авторов*, среди которых книги: «Сон в красном тереме» (《红楼梦》), «Путешествие на Запад» (《西游记》), «Троецарствие» (《三国演义》), «Большая грудь, широкий зад» (《丰乳肥臀》) и т. д.; фильмы: «Без искренней заинтересованности прошу не беспокоить» (《非诚勿扰》), «Человек потерялся в пути» (《人在囧途》) и т. д.

4. *Названия известных марок, наименования китайских фирм, ресторанов, магазинов*, например фирма спортивной одежды «Линин» (《李宁》), сеть пельменных «Гобули баоцзы» (《狗不理包子》), торговая марка напитков и продуктов «Ва Ха Ха» (《娃哈哈》) и др. Приведём пример с использованием торговой марки поз (разновидности пельменей) «Гобули» (《狗不理包子》): мужчина уговаривает коллегу съесть обычные позы, выдав их за позы известной марки.

早上，我因为赶时间，便买了几个包子到公司吃。看见一位同事，我顺手递去一个包子。同事推辞说：“我吃过早饭了。”我说：“这可是狗不理包子啊！”。同事终于接过了包子。

Утром я торопился (некогда было дома есть завтрак или готовить) и поэтому купил несколько готовых поз по дороге. Когда пришел на работу, я начал их есть и предложил коллеге. Он сказал что позавтракал, и тогда я сказал: «Но это же позы “Гоубули”!». Коллега тут же согласился.

5. *Прецедентные имена и цитаты, слова из популярных песен, стихов, высказываний известных личностей и т.д.* Например, фраза «*不明觉厉*» – непонятно, но потрясающе стала крылатой после выхода в свет фильма Стивена Чоу (周星驰) «*Повар от Бога*» («*食神*») (1996 г.). В нём один из героев произносит фразу «Хотя я не знаю, о чём вы говорите, но мне кажется, это потрясающе» (虽然不知道你在说什么, 但感觉好厉害); она впоследствии сократилась до четырех иероглифов (不明觉厉), имитируя построение фразеологизма «чэньюй», и используется в ситуациях, когда человек не понимает сути предмета или явления, но считает его удивительным; встречаются также трансформации этой фразы: «Понятно, но не потрясающе» (明则不厉).

Фраза *Ты счастлив?* (你幸福吗?) стала крылатой после интервью, показанного на китайском канале CCTV в канун китайского Нового года в 2012 г. В ней журналист задаёт вопрос *Вы счастливы?* пожилому китайцу (你幸福吗?), на что тот отвечает *Моя фамилия Фу*. Фраза *你幸福吗?* – *Вы счастливы?* (ni xing fu ma) созвучна с вопросом *Твоя фамилия Фу?* (ni xing fu ma). Как отмечают интернет-пользователи, журналисты хотели продемонстрировать положительный образ страны при помощи интервьюирования внешне счастливых людей, однако мужчина не хотел отвечать, что он счастлив, поскольку у него трудная и бедная жизнь, поэтому он притворился, что не понял вопрос и сменил тему разговора [中国实时报 2014; 天津社区 2014]. Фраза *Моя фамилия Фу* обрела значение *Я несчастлив(а)*, она воспринимается как ирония над материальной необеспеченностью пожилых людей в стране, которые живут несчастливо, в то время как богатые люди, в частности родственники чиновников, «золотая» молодёжь, живут беспечно и счастливо. После показа этого ролика по телевидению в Интернете появилось множество комиксов и анекдотов с использованием этой фразы. Приведём пример одного из них.

问：你幸福吗？

答：我姓福。

问：你妻子也幸福吗？

答：当然，嫁给我就姓福。

– Вы счастливы?
– Моя фамилия «Фу»
– Ваша жена тоже счастлива?
– Конечно, она же вышла за меня замуж и тоже взяла фамилию «Фу»

6. *Наименования китайских реалий*: видов транспорта (двухколесная повозка «рикша»), одежды (халат Ципао, куртка «суньятсеновка»), фруктов (дуриан, драконий глаз, драконий фрукт, личи), пицци (соевый сыр «тофу»), пекинская утка, пампушки «маньтоу») и т. д. Приведём пример, в котором, чтобы понять смысл анекдота, иностранцу необходимо знать две вещи: 1) дуриан – это фрукт, обладающим неприятным, стойким запахом; 2) выражение *有味道的女人*, дословный перевод которого *женщина с запахом*, является метафорой и имеет переносный смысл *женщина с изюминкой*:

- 老婆，以后能不能少吃点榴莲？”

- 你不是总希望我做个有味道的女人吗？

– Жена, не могла бы ты впредь пореже есть дуриан?
– А разве ты не хотел, чтобы я была женщиной с изюминкой?

《有味道的女人》

Как и в описанных выше жанрах «сяншэн» и «куайбань», используются *культурно-специфические средства создания комического эффекта*. В исследованном нами материале (1530 анекдотов) наиболее частотными являлись игра тонами (71 случай использования), обыгрывание диалектных различий (65 случаев), иероглифический юмор (62 случая), юмор чисел (59 случаев). Приведем несколько примеров.

Следующий анекдот построен на *обыгрывании диалектных различий*: звучание фразы на одном из диалектов южной части страны воспринимается представителем северной части страны с существенным искажением смысла.

一个乡里开会，由于谐音，村

长说：“兔子们，虾米们，今天的饭狗吃了。”（同志们，乡民们，今天的饭够吃了。）

Началось сельское собрание, председатель начал свою речь, и хотя он говорил «Товарищи, жители деревни, ешьте сегодня досыта, еды хватит на всех», но из-за диалекта слышалось: «Зайцы, креветки, сегодняшнюю еду съели собаки».

《今天的饭狗吃了》

Иероглифический юмор воспринимается только при прочтении письменно зафиксированного анекдота. Особенность примера, представленного ниже, заключается в том, что фразы 高速公路 (быстро идущий олень-самец) и 高速公路 (скоростная трасса) являются омофонами: различаются по иероглифическому начертанию, но совпадают по звучанию (gong lu).

一只公鹿，它走着走着，
越走越快，最后它变成了高速公路(鹿)

！！

《高速公路》

Юмор чисел также достигается за счёт использования омофонов – созвучия иероглифов с наименованиями чисел. В приведённом ниже анекдоте один из персонажей соотнес цифру «четыре» с ее омонимом «смерть», а другой – с омонимом «трогать»:

有一个人买了一辆车，车牌号是
：DD544。他觉得不好因为544就是我死
死！别人说你的多好DD就是动动544就
是我试试。

《动动我试试》

Игра тонами. В анекдоте, приведённом ниже, продемонстрирован пример, когда малейшее изменение в тоне (в данном случае – всего лишь одного слога из четырёх) может привести к кардинальному изменению смысла: из Белоснежки получается снежный хряк: имя «Белоснежка» на китайском языке состоит из двух частей: 白雪 – белый снег и 公主 – принцесса. Слово принцесса произносится первым и третьим тонами, если произнести последний слог 《主》 первым тоном, то получится слово 猪 – свинья. Иероглиф 公 многозначен, в слове принцесса он передает значение государственный, в сочетании со словом свинья переводится как самец.

– 你真真是个白雪公主啊！
– 谢谢！
– 不用谢啦，我的意思是白雪公猪呀！

《白雪公猪》

Таким образом, анализ китайских анекдотов позволил сделать следующие выводы.

Жанрообразующие признаки китайского анекдота могут быть разграничены на универсальные, свойственные различным лингвокультурам, а также национально-специфические, создающие неповторимый колорит китайского анекдота. К универсальным признакам относятся: коммуникативная цель – достижение смехового эффекта; отсутствие зафиксированного авторства; устная либо письменная форма представления; вариативность содержания исходного текста; целостность, наличие быстрой развязки; актуальность, злободневность; разнообразие временных и ситуативных контекстов. Национально-специфические жанрово-релевантные признаки китайского анекдота включают: объем: как краткие, так и относительно длинные тексты (иногда более 500 иероглифов); в случае письменной фиксации – наличие названия в более 95 % случаев; незначительные по сравнению с другими китайскими комическими жанрами требования к артистическим способностям рассказчика; тонкая дифференциация комической тональности и использование специфических языковых средств (см. ниже).

Классификации, отражающие культурную специфику китайских анекдотов, разграничивают их по следующим параметрам: по комической тональности: «мягкий» юмор, «черный» юмор, «желтый» юмор; «холодные», «грустные», «отвратительные», «устрашающие» анекдоты и т. д.; по форме представления: СМС-анекдоты, анекдоты-загадки, анекдоты-стихотворения, анекдоты-шунькоулю, анекдоты-недоговорки «сехоуюй», анекдоты-истории, анекдоты-страшные истории и т. д.; по действующему лицу: анекдоты, персонажами которых являются простые китайцы, исторические фигуры, прецедентные персонажи художественных произведений, современные известные личности и т. д.; по локусу осуществления коммуникации: универсальные и национально-специфические; по сфере коммуникативной деятельности: политические, медицинские, армейские, спортивные, религиозные анекдоты и т. д.; по типу социальных отношений: анекдоты про любовь, семью, начальников и подчинённых, пьяниц и т. д.; по возрастной маркированности: детские анекдоты, школьные анекдоты, «анекдоты для взрослых» и т. д.

Языковая специфика китайских анекдотов заключается в использовании маркеров национально-культурной принадлежности (китайских топонимов и антропонимов, названий политических реалий, известных произведений искусства, марок, прецедентных имен и цитат, наименований китайских реалий), а также иероглифического юмора, игры тонами, обыгрывания диалектных различий, юмора чисел.

ЛИТЕРАТУРА

Баранова З. И., Котов А. В. Русско-китайский словарь. М. : Рус. яз., 1990.

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010.

Шел как-то самец-олень, шел, шел, чем дальше, тем
быстрее, и, в конце концов, превратился в скоростную трассу.

Один человек купил машину с номерами DD544. Ему это не
понравилось, потому что 544 звучит, как я умру, умру! Но другой
мужчина успокоил его, сказав, что DD544 звучит, как «попробуй меня
тронуть»!

– Ты прямо-таки Белоснежка!

– Спасибо!

– Не стоит благодарности, я имела в виду снежного
хряка!

- Каган М. С. Анекдот как феномен культуры // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола. 16 нояб. 2002 г. 2002. С. 5–16.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Конева А. В. Анекдот как феномен социального воображения // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 16 нояб. 2002 г. 2002. С. 70–77.
- Котов А. В. Новый китайско-русский словарь. М.: Рус. яз. Медиа, 2005.
- Крейдлин Г. Е., Шмелева Е. Я. Вербальные и невербальные элементы анекдота // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. 2007. С. 509–519.
- Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: СамГПУ, 1999.
- Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб.: Академ. проект. 1997.
- Левина О. В. Большой китайско-русский и русско-китайский словарь. М.: Дом славян. книги, 2010.
- Леонтович О. А., Шейгал Е. И. Жизнь и культура США: лингвострановедческий словарь. Волгоград: Станица-2, 1998.
- Милютин Ю. Е. Нечто об экзистенции анекдота // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 16 нояб. 2002 г. 2002. С. 80–82.
- Ошанин И. М. Большой китайско-русский словарь. Т. 3. М.: Наука, 1984.
- Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. 2-е изд. М.: Лабиринт, 1999.
- Рощина А. А. Эмблематические характеристики лингвокультурного типажа «китайский врачеватель»: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.
- Седов К. Ф. Основы психолингвистики в анекдотах. М.: Лабиринт 2005.
- Седов К. Ф. Анекдот // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. 2007. С. 137–148.
- Слышкин Г. Г. Современный русский анекдот: функции и ценностные доминанты // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: сб. науч. тр. 2003. С. 190–203.
- Стернин И. А. Юмор и эффективность публичного речевого воздействия // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: сб. науч. тр. 2003. С. 210–219.
- Столович Л. Н. Анекдот и миф // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 16 нояб. 2002 г. 2002. С. 46–53.
- Химик В. В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 16 нояб. 2002 г. 2002. С. 17–31.
- Шишков С. М. Абсурдный анекдот в культуре // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 2002 г. 2002. С. 139–147.
- Шмелев А. Д., Шмелева Е. Я. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М.: Яз. славян. культуры, 2002. 144 с.
- Шмелев А. Д., Шмелева Е. Я. Анекдот в разных видах речевой деятельности // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: сб. науч. тр. 2003. С. 219–229.
- 辞海辞典 (Словарь Цыхай). 商务辞书出版社, 1999. 5908 页.
- 崔乐, 侯敏 (Цуй Юэ, Хоу Минь). 外国人汉语新词语学习词典 (Словарь неологизмов китайского языка для иностранцев). 上海: 上海外语教育出版社, 2012. 267 页.
- 哈哈 (Ха Ха). 人人都爱囧笑话 (Все любят грустные анекдоты). 北京: 中国画报出版社, 2012. 240 页.
- 精选俄汉汉俄词典 (Русско-китайский, китайско-русский словарь). 俄语出版社与商务印书馆, 1994. 573 页.
- 冷笑话 (Холодные анекдоты). URL: <http://baike.baidu.com/view/1110.htm> (дата обращения: 16. 05. 2013).
- 天津社区 (Тяньцзиньское сообщество). URL: <http://bbs.tianya.cn/post-free-2795733-1.shtml> (дата обращения: 26. 02. 2014).
- 王金玲 (Ван Цзиньлин). 幽默语篇理解的多维理论阐释 (Теоретическая интерпретация понимания юмористического текста). 长春: 吉林大学出版社, 2008. 165 页.
- 王决, 汪景寿, 藤田香 (Ван Цзюэ, Ван Иншоу, Тэн Тяньсян). 中国相声史 (История китайского сяньшэна). 北京: 北京燕山出版社, 1995. 356 页.
- 新华字典 (Словарь «Синьхуа»). 北京: 商务印书馆, 1998. 703 页.
- 薛宝琨 (Сюэ Баокунь). 中国人的软幽默 (Мягкий юмор китайцев). 北京: 科学出版社, 1989. 168 页.
- 闫广林, 徐侗 (Янь Гуанлинь, Сюй Тун). 幽默理论关键词研究 (Изучение ключевых терминов касательно теории юмора). 上海: 学林出版社, 2010. 295 页.
- 张喆 (Чжан Чжэ). 英语语言幽默的图式特征及解读难题探究 (Изучение схематических характеристик английского вербального юмора, и выявление механизмов его интерпретации). 北京: 科学出版社, 2011. 185 页.
- 中国实时报 (Китайская современная газета). URL: <http://blogs.wsj.com/chinarealtime/2012/12/19/the-top-10-chinese-internet-memes-of-2012/> (дата обращения: 26. 02. 2014).

Н. Д. Кручинкина

Саранск, Россия

ЗНАКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РАЗВИТИЯ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСЕМ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается процесс формирования полисемии лексем в рамках одного означающего при совмещении означаемых. Внутриязыковой процесс развития первичных значений лексем описан в зависимости и от влияния логико-семантических и этнокультурных причин.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: полисемия; асимметрия; синкретичность; алгоритм; лексема.

Сведения об авторе: Кручинкина Нина Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Мордовского государственного университета.

Адрес: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Полежаева, 44/3, каб. 725.

E-mail: ndk-07@mail.ru.

N. D. Kruchinkina

Saransk, Russia

SIGN REPRESENTATION OF THE DEVELOPMENT OF LEXEME VALUES

ABSTRACT. The article deals with the formation of the polysemy of lexemes within the boundaries of a single signifier when the signifieds are combined. Intralinguistic development of the primary values of the tokens is described in dependence from and with the influence of logical-semantic and ethnic-cultural reasons.

KEY WORDS: polysemy; asymmetry; syncretism; algorithm; lexeme.

About the author: Kruchinkina Nina Dmitrievna, Ph.D., Philology, Associate professor, Associate professor of the department for romance philology, Mordovian State University.

Развитие первичных значений лексем, как известно, в первую очередь проходит в рамках явления полисемии. В этом случае, исходя из двустороннего характера языкового знака, можно говорить, используя терминологию Ш. Балли, о языковом совмещении означаемых. Совмещение означаемых Ш. Балли определяет следующим образом "одно неразложимое означающее имеет несколько значений" [Балли 1955: 164]. Правда, при этом Ш. Балли имеет в виду не полисемию самих лексем, а составляющие аналитических или синтетических словоформ. Мы же, говоря о совмещении означаемых, в данном случае имеем в виду означаемое одного и того же знака.

В случае полисемии одно неразложимое означающее конденсирует в себе несколько означаемых, проявляя при этом принцип экономии языкового выражения, т. е. экономии в означающем. Эта экономия приводит к отсутствию симметрии между означаемым и означающим. В случае соблюдения принципа симметрии за каждым означающим закрепляется лишь одно значение знака. Это означало бы, в частности, отсутствие полисемии. Однако, как известно, такой вариант исключен, т.к. человеческой памяти невозможно было бы запомнить многие сотни тысяч, а то и миллионы означающих немотивированных знаков. Любому постигающему живой иностранный язык наиболее сложно запоминать акустические образы знаков, т.е. их означающие, когда они не имеют внутриязыковой семантической мотивации, т. е. не имеют внутриязыковых системных «опознавательных» признаков в виде суффиксов, префиксов, а в синтагматическом плане не мотивированы грамматически, семантически, лексически обоснованными дистрибутивными связями.

В языках как правило господствует внутризнаковая асимметрия, асимметрия между полисемичным означаемым и единым означающим для всех значений полисемичного означаемого: при полисемии вся парадигма значений означаемого (семантемы, семемы) конденсирована в одном лексическом означающем – лексеме.

Об асимметричном дуализме лингвистического знака как **универсалии**, проявляющейся в полисемии, омонимии и синонимии говорит С. Карцевский. [Карцевский 1965: 85–90]. Асимметрию поэтому он считает правилом, связанным с креативной языковой деятельностью говорящих, с другими субъективными характеристиками, а также с динамичным характером самого языка и составляющих его знаков, ибо «если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток» [Карцевский, 1965: 85].

Совмещение означаемых можно отнести к проявлениям синкретизма. В. В. Бабайцева, представляя картину интерпретации явления современными лингвистами, называет, среди прочих, определение синкретизма (соединения) как синтеза значений [Бабайцева 1990: 447]. Однако в нашем случае, в случае совмещения значений в алгоритме полисемии можно вести речь о синкретизме означающего, который в силу концептуализации вторичных значений языкового знака как исходящих из одного ядерного означаемого формируется в языке во всем его содержательном объеме в рамках единого знака.

При совмещении означаемых в нашем случае, на наш взгляд, имеет место внутризнаковый синкретизм означающего, в результате которого происходит усложнение структуры означаемого при сохранении непроемкой (первичной) формы означающего. А это приводит к внутризнаковой асимметрии.

В рамках полисемии и при развитии первичных значений по метонимическому алгоритму, и при их развитии по метафорическому алгоритму имеет место внутризнаковая асимметрия между означаемым и означающим: в обоих случаях одно означающее синтезирует в себе два и более означающих.

Совмещение означаемых в одном означающем находит место и в явлении омонимии. Однако, так как омонимия не связана с когнитивным процессом ее помещения под одно звуковое или графическое означающее, нас интересует в данном случае лишь явление полисемии, причем не только во внутреннем языковом проявлении, но и в связи с внеязыковыми факторами. Общеизвестно, что язык является социальным явлением, проявлением общественного сознания. Поэтому появление 1) новых лексических единиц, или 2) новых значений в уже имеющихся лексических знаках обязано а) появлению во внеязыковом субстрате новых субстанций, вызывающих необходимость их наименования в форме новых языковых знаков, а также б) возможности при этом вторичного осмысления первичных значений в рамках уже существующих означающих лексических знаков для наименования или идентификации новых денотатов.

Сознание этносоциальной языковой личности как номинатора в качестве отправной точки номинации и переосмысления уже поименованного имеет как фоновые знания об универсальной картине мира, так и о своем этнокультурном пространстве. Исходя из этих внеязыковых знаний и зафиксированного для отражения этих ипостасей картины мира лексического базиса конкретного языка, социальная языковая личность может креативно создавать вторичные обозначения денотатов для уже существующих языковых знаков, базовых для данного этнокультурного социума или универсальных для межэтнокультурных социумов географически большого межэтнокультурного пространства. В этом плане весьма значимым представляется факт использования идентичных логико-семантических алгоритмов в обозначении вторичных значений репрезентантов одной лексико-семантической группы как в рамках одного языка, так и в разных языках [Кручинкина 2014: 34–36].

Одним из важнейших алгоритмов означивания вторичных значений в рамках одного означающего является метонимический алгоритм. Рассматривая этот всем известный алгоритм создания в лексемах лексико-семантических внутризнаковых парадигм, можно определить его как семантическую деривацию первичных значений лексем или, используя термин Д. Н. Шмелева, как семантическую внутризнаковую эпидигматику. Д. Н. Шмелев считает, говоря об эпидигматике, что «семантическая структура каждого отдельного многозначного слова может рассматриваться как отражение иерархического вида отношений» [Шмелев 1973: 191].

Развитие значений лексем, т. е. формирование вторичных значений лексем, обозначающих субстанции с прямым обозначением предметных денотатов находится в тесной связи с частотностью использования этих лексем. Референциально эта частотность употребления зависит от того, насколько реалия, означаемая лексемой, присутствует в жизни того или иного этноса.

Одной из субстанций из класса неалкогольных напитков является кофе. Во Франции этот напиток широко распространен. Его пьют дома утром: – *Elle aurait tout de même pu me faire un café, pensa Jean-Philippe* (Mallet-Joris). *...le matin je prends une tasse de café noir* (DFLE). – *Moi, j'irai! dit Carole en versant le café dans les tasses* (Troyat). *Il reignait une bonne odeur de café dans l'appartement* (Simenon).

Кофе входит в жизнь французов не просто как любимый утренний домашний напиток. В результате его популярности его подают и в общественных заведениях. Поэтому в результате частого употребления этого вида напитка, в первую очередь в столице страны, возникла потребность и в такого рода заведениях, где любители этого напитка могли бы наслаждаться не только самим напитком, но и вкушать этот изумительный запах кофе, назначать там встречи, даже писать романы, как это было с Н. Саррот.

В жизни французского языка это отразилось в обозначении таких заведений под тем же именем, что и название напитка – *café*. Это означает, что язык в лице социальной языковой личности осмыслил содержание этого названия по метонимической стратегии «*содержимое* → *содержащее*», а в означаемом знака – в рамках одной формы по принципу синкретизма.

С концептуальной точки зрения в этом процессе означивания происходит развитие значения лексемы, обозначающей сам напиток – *café*, хотя и само это название является семантически производным (эпидигматическим – в терминологии Д. Н. Шмелева) [Кручинкина 1999: 56–59]. Тот факт, что для этого было использовано то же означающее, что и для обозначения самого напитка, на наш взгляд, связан 1) с аналитическим (не флективным) строем французского языка, 2) с принципом экономии в когнитивно-номинативной деятельности языкового сознания. Мы тем самым хотим сказать по пункту 1, что во флективном языке для этого с большой вероятностью в качестве означающего мог бы быть выбран словообразовательный дериват, например, как в русском: *сахар* → *сахарница*; *песок* → *песочница* (для детских игр).

Следы распространенной культуры кафе можно практически обнаружить в любом современном французском романе, повествующем о городской жизни. Приведем лишь некоторые примеры: *Ils passèrent devant deux ou trois cafés* (Le Clézio). *Cela lui rappela immédiatement le demi de bière chaude qu'il avait bu ainsi d'un trait dans ce café* (Sagan).

О степени распространенности кафе свидетельствует пример их художественной литературы – произведения современного французского писателя: *... il y a au moins un café par immeuble* (Le Clézio). Заметим употребление «по меньшей мере – *au moins*» во фразе (в нашем переводе) ... «по меньшей мере одно кафе в здании». Часто авторы романов даже указывают на местоположение кафе, в первую очередь в Париже, но также и в других городах Франции: *Elle alla s'asseoir dans un café des Champs-Élysées* (Triolet). *J'entrai au café de Bordeaux* (Mauriac).

Из той же современной художественной литературы узнаём, что это может быть и место встреч – *Il se lia, très jeune, au café Bréban avec un groupe de journalistes du Matin* (Modiano), и место, где в определенное время суток и в выходные дни обычно бывает много посетителей – *Place Saint-Germain-des-Prés, les cafés regorgeaient de*

consommateurs (Troyat). Поэтому обратная картина вызывает специальное замечание автора произведения: *Au café le monde semblait un peu absent...* (Triolet). Кафе вызывают в памяти героев и приятные, а подчас и ностальгические воспоминания: – *Ah! Boul' Mich, où es-tu avec tes cafés, tes lumières, tes gens qui vivent?* (Merle).

Во французском языке, как, собственно, и в любом другом языке имеется немало и других существительных, лексико-семантические варианты значений которых развиваются по метонимическому алгоритму.

Метонимия вместе с метафорой относится к семантическим разновидностям транспозиции, т.е. семантической деривации первичных значений лексем. Явление метонимизации существительных в лексикологии и семантике обычно связывают с развитием значений в рамках полисемии [Кручинкина 2014: 34–36].

Синкретизм означающих проявляется не только при развитии первичных значений лексем по метонимическому алгоритму, но и при их развитии по метафорическому алгоритму. Если метонимизация первичных значений наиболее частотно привязана к существительным, то развитие первичных значений лексем по метафорическому алгоритму больше характеризует класс глаголов: *Montrez-moi vos talents...* (Sagan). *De l'atteindre en ceux-là mêmes semblaient lui fournir le meilleur de ses arguments* (Bazin). *Edith leur donnait la réplique* (Bertheaut).

В целом ряде случаев метафоризация глагола-сказуемого в предложении имеет место только благодаря метонимизации подлежащего [Kroutchinkina 1998a; Kroutchinkina 1998b], т.е. является синтагматически обусловленной.

Метафора и метонимия как алгоритмы формирования вторичных значений лексем представляют феномен семантической транспозиции первичных значений лексем. Термин *транспозиция*, как о том свидетельствует и внутренняя форма термина, означает модификацию значения элемента синтагматической структуры под влиянием окружения. Ш. Балли, которому принадлежит введение этого термина, различает грамматическую и семантическую транспозицию. В его определении «всякое управление предполагает транспозицию» [Балли 1955: 138]. При семантической транспозиции первичного значения лексемы меняется ее лексико-семантическая дистрибуция: ср.: *la végétation tropicale / une chaleur tropicale* [Балли 1955: 131]. Тогда значение лексемы *tropicale* меняется при изменении лексико-семантического окружения. Во втором словосочетании прилагательное *tropicale* транспонирует свое значение, так как вступает в сочетаемость с именем другого лексико-семантического класса. В первом примере в сочетаемости с лексемой *végétation*, означающей собирательно растительность, по принципу семантического согласования семантический детерминатив означает вид растительности, связанный с климатической зоной тропиков. При изменении лексико-семантического окружения для *tropicale* меняется и ее синтагматическое значение. Исходя из семантической структуры значения лексемы *chaleur*, детерминирующей значение синтаксически подчиненного конституента словосочетания, лексема *tropicale* формирует свое синтагматическое значение в соответствии с семой, обозначающей температуру, которая характерна для зоны тропиков, т.е. содержит скрытое сравнение – метафору, которая относится к семантической транспозиции первичного значения лексемы *tropicale*.

Данный фактор наиболее ярко манифестируется в случае глагольной транспозиции первичных значений. Метонимический и метафорический алгоритм имеют каждый свою специфичность и вторичных значений лексем (соответственно, сигнификативную и денотативную). Разный характер транспонирования первичных значений двух главных частей речи – существительных и глаголов – связан с их онтологической сущностью.

Это объясняется тем, что глагол, будучи по своей синтаксической сути релятором, наиболее зависим в синтагматическом проявлении своей семантики от своих синтаксических детерминативов – актантов (*Le bébé boit le lait / Ce papier boit l'eau*), и в первую очередь от лексико-семантических характеристик второго актанта: *Ils se coupaient la parole dans leur empressement* (Troyat). *Folcoche me donne des leçons* (Bazin).

Содержательная сущность имени проявляется в обозначении субстанции, а глагола – в обозначении процесса, происходящего между субстанциями. Это значит, что имя морфологично по своей изначальной сущности, а глагол синтаксичен. Обращаясь к внутриязыковому плану, эту особенность существительного отмечают К. Кербрат-Орекиони и Д. Виллемс. Так, в частности, К. Кербрат-Орекиони отмечает, что «синтаксическое поведение глагола более показательно для проявления его сущности, чем синтаксическое поведение имени» [Kerbrat-Orecchioni 1979: 66]. Д. Виллемс считает, что «в изучении отношений между синтаксисом и семантикой глаголу отводится особое место. Синтаксически глагол характеризуется своей способностью фигурировать в большом количестве конструкций, в которых ему отводится организующая роль. Семантически глагол характеризуется тем, что он обычно выражает отношение. В то время как существительное обозначает, метафорически или прямо, субстанцию и глубоко погружено в реальную действительность, глагол и его соединения играют господствующую роль в сигнификативной структуре предложения» [Willems 1981: 8].

Вторичные значения лексем обогащают лексический состав языка. В связи с этим в определениях метонимии и метафоры на них указывается и как на средства развития значений лексем [Picoche 1977: 88; Lehmann A., Martin-Berthet 1998: 79–89; Niklas-Salminen, 1997: 150–153; Baylon, Mignot, 2000: 38, 95; Touratier 2000: 91–102; Кручинкина 1999: 56–59; Кручинкина 2003а: 175–176; Кручинкина 2003б: 127–129].

ЛИТЕРАТУРА

Бабайцева В. В. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 447.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1955.

- Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях: В 2 ч. М. : Просвещение, 1965. Ч. 2. С. 85–90.
- Кручинкина Н. Д. Логико-семантический универсализм в метонимической деривации значений (в сравнении французского и русского языков) // Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике. СПб, 2014. Вып. 5. С. 34–36.
- Кручинкина Н. Д. Пропозитивный контекст как способ актуализации значения конstituентов // Информативная динамика текста в коммуникации. Саранск: МордГУ, 1999. С. 56–59.
- Кручинкина Н. Д. Семантическая основа развития метонимических значений существительных // Языки в современном мире. Международная научно-практическая конференция. Тезисы докладов. НОПриЛ. Саранск, 2003а. С. 175–176.
- Кручинкина Н. Д. Синтагматически обусловленная метафора в пропозитивной синтагме // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: Матер. междунар. науч. конф. В 2 ч. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003б. Ч. 1. С. 107–108.
- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М. : Наука, 1973.
- Baylon C., Mignot X. Initiation à la Sémantique du langage. P.: Nathan, 2000.
- Kerbrat-Orecchioni C. De la sémantique lexicale à la sémantique de l'énonciation. Lille: Univ. de Lille III, 1979. En 3 t. T. 1.
- Kroutchinkina N. Symbolisme métonymique et impressionnisme métaphorique dans le syntagme propositionnel // XXII Congrès international de linguistique et philologie romanes. Abstracts. Bruxelles, 1998a.
- Kroutchinkina N. Transposition sémantique des constituants dans le syntagme propositionnel // Proceedings of the 16th International Congress of Linguists. Oxford: Pergamon, Oxford, Paper, 1998b. №. 0264.
- Lehmann A., Martin-Berthet F. Introduction à la lexicologie. Sémantique et morphologie. P.: Dunod, 1998
- Niklas-Salminen A. La lexicologie. P.: Armand Colin/Masson, 1997.
- Picoche J. Précis de lexicologie française. P.: Nathan, 1977.
- Touratier C. La sémantique. P.: Armand Colin/ HER, 2000,
- Willems D. Syntaxe, lexique et sémantique. Les constructions verbales. Gent: Rijkuniversitet te Gent, 1981.

М. А. Лаппо

Новосибирск, Россия

ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ («РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ» АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ)

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются дискурсивные стратегии отражения национально-культурной идентичности Андрея Тарковского. Методами анализа маркеров идентичности (прямые и косвенные самообозначения, эмотивно-оценочные лексемы) на материале его автобиографического и научно-публицистического текстов описывается психологическое пространство «своего» и «чужого». Устанавливается тесная взаимосвязь профессиональной идентичности и национального самосознания в дискурсе автора.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс; идентичность; самоидентификация; национальное самосознание; эмотивно-оценочная модальность; лингвокультурный типаж; «русский европеец»; Андрей Тарковский.

Сведения об авторе: Лаппо Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет, Институт филологии, массовой информации и психологии.

Адрес: 630126, Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28.

E-mail: lappo2000@mail.ru.

M. A. Lappo

Novosibirsk, Russia

IDENTITY DISCOURSE AND NATIONAL IDENTITY ("A RUSSIAN EUROPEAN" ANDREI TARKOVSKY)

ABSTRACT. The article analyzes discursive strategies of national and cultural identity of Andrei Tarkovsky. Methods of analysis of identity markers (direct and indirect self-designation, emotive-evaluative lexemes) help to describe the psychological space of "their" and "foreign" on the basis of his autobiographical and scientific-journalistic texts. The study establishes a close relationship of professional identity and national identity in the discourse of the author.

KEY WORDS: discourse; identity; self-identification; national identity; emotivno-evaluative modality; a linguo-cultural type; "Russian Europeans," Andrei Tarkovsky.

About the author: Lappo Marina Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Modern Russian. Place of employment: Novosibirsk.

Концепт «русский европеец», как считает Н. Зоркая, снимает извечную альтернативу «славянофилов» и западников» [Зоркая 2003: 22]. «Русский европеизм» противопоставлен романтической – славянофильской и западнической – идеализации социального развития человечества, это тот «реалистический и исторический взгляд на судьбу России и Запада, которому была важнее живая действительность, а не утопические упования на возможность существования где-то некоего идеального мироустройства» [Кантор 2001: 5]. «Русский европеец», по определению В. К. Кантора, является не просто потребителем западных технических усовершенствований, а создателем тех ценностей, которые с необходимостью рождаются в лоне европейско-христианской культуры. Эти люди, не сакрализуя Европу, ощущают острую связь с отечеством, верят в развитие, самосовершенствование России. «Русские европейцы» обладают высоким чувством собственного достоинства и, как правило, не будучи включенными в политическую сферу, посвящают свою жизнь духовному и творческому самоопределению². А. Ю. Стогниенко под «русским европейцем» понимает человека, чье творческое наследие в равной степени признается достоянием российской и европейской культуры [Стогниенко 2013].

Учитывая представленные выше характеристики «русского европейца», попытаемся предпринять попытку описания одноименного лингвокультурного типажа. Несомненно, лингвокультурный типаж «русский европеец» так же, как и другие описанные в науке обобщенные образы личностей, оказывает определенное влияние на российскую лингвокультуру в целом и служит индикатором этнического и социального своеобразия общества (см., например, [Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи... 2005]).

Предметом данной статьи является языковая личность кинорежиссера Андрея Тарковского как характерного представителя «русских европейцев». Материалом для работы послужили его автобиографические и научно-публицистические тексты (дневник, который он назвал «Мартирологом», то есть «перечнем злоключений», и книга о теории кино «Запечатленное время»). Ценность «Мартиролога» в раскрытии данного вопроса отмечает Е. Раскатова: «...дневники Тарковского в большей степени, чем многие другие мемуары о «времени и власти», дают возможность говорить о несовместимости художника и власти», которая «в целом была настроена на уничтожение

² В. К. Кантор приводит примеры «русских европейцев»: Петр Великий, М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. И. Лобачевский, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, А. П. Чехов, И. А. Бунин, П. А. Столыпин, В. И. Вернадский и др. [Кантор 2001: 15].

того, что делает культуру истинно ценной (с *европейской*3 точки зрения) – творческого (гениального) проявления индивидуальности» [Раскатова 2014: 232].

Гипотеза исследования строилась на том факте, что Андрей Тарковский как кинорежиссер был причислен к числу «русских европейцев» [Зоркая 2003; Стогниенко 2013]4. Собственно же языковые и коммуникативные ориентиры данного типажа, равно как и речевое поведение А. А. Тарковского до сих пор не становилось предметом лингвистического исследования.

Самоидентификация как процесс установления идентичности включает в себя особое речевое действие выражения и/или описания принадлежности к некоторой общности людей. Дискурс идентичности выстраивается сопряжением прямых самономинаций-соционимов (*русский, человек мира, художник*), косвенных обозначений (метафоры, цитаты, прецедентные имена и другие приемы) и эмотивно-оценочной модальности текста. Эмотивно-оценочная модальность, как правило, сигнализирует об актуализации ценностных установок говорящего, эксплицирует категорию «свое – чужое». Связь эмоций и ценностей отмечает Н. А. Лукьянова: «...язык является важнейшим компонентом процесса познания <...> В языковых знаках материализуются и закрепляются результаты познания объективной реальности. А познавательная деятельность человека может быть условно разделена на две части: собственно познание и оценку. Собственно познание создает субъективную модель мира самого по себе. В акте оценки осознается ценность сущего для человеческой жизнедеятельности [Василенко 1964: 13]. Чувственный уровень оценки осуществляется с помощью эмоций, которые оказываются вовлеченными в процесс познания» [Лукьянова 1986: 3–4]. Т. А. Трипольская также указывает на тесную связь, слитость эмоции и оценки, зависимость аксиологической деятельности говорящего от эмоционального состояния говорящего [Трипольская 1998]. Дело в том, что несмотря на то, что эмоции сопровождают всю вербальную деятельность человека (В. И. Шаховский и др.), их выражение не является обязательным в коммуникации, точнее говоря, в большинстве случаев выражение эмоций даже не приветствуется социумом. И если говорящий все же это делает, значит, речь идет о чем-то для него действительно важном.

Идентичность и самоидентификация, в свою очередь, базируются именно на категории ценностей: «Процесс развития идентичности продолжается всю жизнь и не является линейным. Он проходит через кризисы идентичности – периоды жизни, когда возникает конфликт между сложившейся к данному моменту структурой идентичности и требованиями личностного развития. Для выхода из кризиса человеку необходимо приложить усилия для реализации новых целей, усвоения *новых ценностей* [выделено нами. – М. Л.]» [Короленко, Дмитриева, Загоруйко 2007: 39].

Методология анализа вербальной самоидентификации была представлена в нашей работе [Лаппо 2013], здесь мы будем следовать указанным в ней установкам. В дискурсе А. А. Тарковского *прямые самономинации* – довольно редкое явление. В целом, автор избегает описания идентичности, и самономинации, как правило, включаются в аргументативный процесс и либо обозначают предельно большую группу (фрагмент 1), либо маркируют чужой взгляд на него, то есть он как бы смотрит на себя глазами других (фрагменты 2, 3, 4). Самономинация *русский* появляется на чужбине, в период острой тоски по родине (фрагмент 5):

Мы – люди, и лишены инстинкта сохранения рода, как муравьи и пчелы. Но зато нам дана бессмертная душа, в которую человечество плюнуло со злобной радостью («Мартиролог»).

Очень хочу начать новую картину. «Солярис» надоел, как в свое время «Рублев»: удел советского режиссера – снимать слишком долго («Мартиролог»).

Что касается Юсова, то я убежден, что он специально выбирал момент, когда его отказ работать со мной будет наиболее болезненным для меня. Он меня всегда тихо не любил. Он злой. У него классовая ненависть к интеллигентам («Мартиролог»).

Всего навсего! Я хочу работы, больше ничего. Работы! Разве не дико, не преступление, что режиссер, которого в прессе в Италии называли гениальным, сидит без работы? А мне, честно говоря, кажется, что это просто месья посредственности, которая пробилась к руководству. Ведь посредственность ненавидит художников, а наша власть сплошь состоит из посредственностей («Мартиролог»).

Я хотел рассказать о русской ностальгии — том особом и специфическом для нашей нации состоянии души, которое возникает у нас, русских, вдали от родины («Запечатленное время»).

Слово *советский* у Тарковского всегда используется как маркер защиты или отстранения от несправедливого отношения к нему (фрагменты 6, 7):

Тем не менее я сказал, что я так дела не оставляю и не позволю Ермашу ущемлять мои советские права («Мартиролог»).

Я несовместим с советским кино. Ведь мои фильмы не были выставлены ни на один советский к/фестиваль! («Мартиролог»).

3 Курсив наш. – М. Л.

4 Перечислим некоторые факты, позволяющие отнести его «русским европейцам»: хорошее знание русской и европейской культуры, в том числе кинематографии; интерес к отечественной и мировой истории, критический взгляд на развитие как современной ему России, так и Европы; тяготение к глубокому психологизму, характерной для русской литературы и новаторским приемам, открываемым в европейском кино; тоска по родине; признание его классиком мирового экрана.

В последние годы, в период эмиграции, в дискурсе А. А. Тарковского для обозначения бывших соотечественников появляется субстантиват *советские* – в форме мн. числа, что также демонстрирует дистанцированность от родины, болезненное отношение к существующим порядкам в Советском Союзе (фрагменты 8, 9):

Мне кажется, советские боятся моего будущего фильма (Аксенов – директор «Ленфильма», который был здесь в Стокгольме, интересовался у Анны Лены) («Мартиролог»).

Встречались с американским послом в Италии. Странное впечатление, что-то от советских есть в нем. Дубоват. Но любезен («Мартиролог»).

Ср. с другим явлением – использованием в период жизни и работы на родине слов *мы, наш* о Советском Союзе, чиновниках, порядках – в негативном смысле (фрагменты 10, 11):

(10) *После войны культура как то рухнула, обвалилась. Во всем мире. Вместе с духовным уровнем. У нас – очевидно, это кроме всего прочего, в результате последовательного и варварского уничтожения культуры («Мартиролог»).*

(11) *Хорошо бы было поставить «Иосифа». Только как отнесется к этому Комитет? Вряд ли у них что-нибудь выйдет. Наших не пробить. Только Бондарчуку это удалось («Мартиролог»).*

Тарковский часто подвергает критике *русское* (фрагмент 12), *российское* (фрагменты 13, 14), *советское* (фрагмент 15), в основном вся критика связана с производственными процессами в кинематографе (фрагмент 16). «Советское» критикуется наиболее жестко, точнее говоря, весь негатив, мешающий работе, маркируется *советским*:

(12) *С Солоницыным и Гринько придется поработать – русская школа. Полудилетантская («Мартиролог»).*

(13) *Очень соскучился без Ларочки – поехала в деревню хлопотать насчет материала для восстановления дома. Застряла она там из за нашей российской безалаберности. Все ей обещают помочь, но болтуны страшные. Время – что им! Трепачи («Мартиролог»).*

(14) *На студии новый директор – некто Сизов. Из Моссовета. У него права заместителя председателя Комитета по кино. В хороших руках – это достижение. В дурных – просто беда. Будет когда-нибудь порядок в России, или до тех пор, пока все не развалится, ничего не будет? Еще никогда до сих пор не было такого всеобщего, тотального неприятия порядков. Но все изолгались, исподличались, изворовались. Никакой жизни («Мартиролог»).*

(15) *Кино, конечно, находится сейчас у нас в исключительно ничтожном виде. Пользуясь тем, что деньги на него дает государство, оно же само топчет его замыслы, упивается бездарной и спекулятивной мутной жидкостью. Орденосцы и облеченные званиями, не умеющие связать двух слов, превратили наше кино в руины, на которых догорают обломки каких то конструкций. Просматривал недавно историю довоенного итальянского кино. Боже мой, как это похоже на историю советского кино! Никогда еще мы не впадали в такое ничтожество («Мартиролог»).*

(16) *На студии все ужасно. В состоянии дел на ней отражается положение вообще. Чем все это кончится? Одному Богу известно. Делами руководят идиоты («Мартиролог»).*

В. К. Кантор пишет, что «подлинный европеизм произрастает из своей культуры – но в процессе преодоления и переосмысления, одухотворения и пресуществления ее почвенных основ» [Кантор 2001: 6]. Безусловно, для А. А. Тарковского русская история, культура является незыблемым ориентиром (фрагменты 17, 18); однако проблему России он видит в том, что ее культурные традиции не развиваются (фрагмент 17):

(17) *Для меня чрезвычайно значение имеют русские культурные традиции, идущие от Достоевского, по сути, не имеющие развития во всей своей полноте в современной России. Более того, этими традициями, как правило, пренебрегают или опускают их вовсе. Тому несколько причин, и прежде всего – это принципиальная враждебность этой традиции материализму («Запечатленное время»).*

(18) *«Достоевский» [фильм о нем. – М. П.] может стать смыслом всего, что мне хотелось бы сделать в кино («Мартиролог»).*

В следующем фрагменте негативная оценка творчества коллег по цеху демонстрирует сверхценность *русского* для Тарковского:

(19) *За эти дни многое произошло. Видел фильм Алова и Наумова «Бег». Это ужасно! Издевательство над всем русским – характером, человеком, офицером. Черт те что! («Мартиролог»).*

Некоторые контексты проявляют *амбивалентное* отношение к русским ценностям, что соотносимо с таким сложным концептом, как «русский европеец». Такое амбивалентное отношение может продемонстрировать, например, использование оксюморона «бесполезная великая глубина»:

(20) *Прочел Воннегута «Крестовый поход детей». Да. Он и пацифист, и молодец. Лихо пишет. Но где, где наша русская бессмысленная и бесполезная великая глубина?! Грустно («Мартиролог»).*

Позитивную оценку получают очень редкие современные русские авторы, например, А. И. Солженицын:

(21) *Сейчас очень шумят по поводу Солженицына. Присуждение ему Нобелевской премии всех сбило с толку. Он хороший писатель. И прежде всего, – гражданин. Несколько озлоблен, что вполне понятно, если судить о нем как о человеке, и что труднее понять, считая его, в первую очередь, писателем. Лучшая его вещь – «Матрёнин двор». Но личность его – героическая. Благородная и стоическая. Существование его придает смысл и моей жизни тоже («Мартиролог»).*

А. А. Тарковский восхищается классической западной литературой (фрагменты 22, 23), городским пространством Европы (фрагмент 24):

(22) *Дочитал «Игру в бисер». Потрясающее впечатление («Мартиролог»).*

(23) *Читаю потрясающего Томаса Манна – «Иосиф и его братья» («Мартиролог»).*

(24) *Париж прекрасен. В нем чувствуешь себя свободно: ни ты никому не нужен, ни тебе никто. Италия не понравилась на этот раз. То ли из за компании, то ли потому, что на этот раз она показалась сладкой, открыточной (мы были в Сорренто и Неаполе). Рим же меня потряс. Это поразительный город. Если на срезе других городов заметны годовые кольца, то в нем – лишь кольца десятилетий, а может быть, даже эпох («Мартиролог»).*

Европейские стандарты в искусстве для А. Тарковского являются мерой оценки:

(25) *Был на премьере Захарова в театре «Ленкома». Бодро, весело; в общем, не на уровне европейских театров, конечно. Все это провинциально и шумно («Мартиролог»).*

В то же время в нравственном отношении у него много претензий именно к Западу:

(26) *Здесь, на Западе, люди особенно обеспокоены собственной персоной. Попробуйте им сказать, что смысл человеческого существования в жертвенности во имя другого, то они, наверное, засмеются и не поверят – также они не поверят, если сказать им, что человек рожден совсем не для счастья и что есть вещи гораздо более важные, чем личный успех и личное меркантильное преуспевание. Никто, видно, не верит, что душа бессмертна! («Запечатленное время»).*

Отмечаются контексты, выражающие его желание расширить искусственные границы (национальные, территориальные):

(27) *Странно, что когда люди собираются вместе по единственному признаку общности в производстве или по географическому принципу, – они начинают ненавидеть и притеснять друг друга. Потому что каждый любит только себя. Общность – видимость, в результате которой рано или поздно над материками встанут злоеющие смертоносные облака в виде грибов («Мартиролог»).*

Восток, в частности Япония, для А. Тарковского – символ чего-то необычайного, нового, чудесного, символ будущего:

(28) *Япония, конечно, страна удивительная, ничего общего нет в ней ни с Европой, ни с Америкой. Великая страна – никто не берет на чай. Безработных нет. Токио – город замечательный. Ни одной фабричной трубы, ни одного дома, который был бы похож на другой. В смысле архитектуры Япония, конечно, страна передовая. Вежливый, воспитанный народ. В Токио вместе с Икогамой – 22 миллиона человек. Но такой бессмысленной толчеи, как в Москве, там нет («Мартиролог»).*

Америка же для него совершенно не ориентир, она исключается из поля ценностей. Тарковский даже сочувствует американцам:

(29) *Бедные американцы – бездуховные, без корней, живущие на земле духовного богатства, которой не знают и не чувствуют цены («Мартиролог»).*

Квинтэссенцией для образа «русского европейца» Андрея Тарковского является следующий фрагмент книги «Запечатленное время»:

(30) *Пожалуй, я могу согласиться с тем, что финальный кадр «Ностальгии» отчасти метафоричен, когда я помещаю русский дом в стены итальянского собора. Этот сконструированный образ грешит налетом литературности. Это как бы смоделированное внутреннее состояние героя, его раздвоенность, не позволяющая ему жить, как прежде. Или, если угодно, напротив – его новая целостность, органически включающая в себя в едином и неделимом ощущении родного и кровного и холмы Тосканы, и русскую деревню, которые реальность повелевает разделить, вернувшись в Россию. Горчаков так и умирает в этом новом для себя мире, где естественно и органично сопрягаются вещи, раз и навсегда почему-то и кем-то поделенные в этом странном и условном земном существовании («Запечатленное время»).*

Можно обратить внимание на то, что в данном фрагменте отсутствует оценочная лексика с высоким эмоциональным зарядом (*идиоты, болтуны, потрясающий* и под.), отсутствуют резкие ноты раздражения, снисхождения или восхищения, как в приведенных выше контекстах. Сконструированный Тарковским мир, где «русский дом помещен в стены итальянского собора», органичен, целостен и естественен, поэтому не нуждается в эмоциональной оценке.

Итак, языковую личность Андрея Тарковского можно считать ярким вариантом лингвокультурного типажа «русский европеец». Дискурс Тарковского демонстрирует высокий уровень национального самосознания, которое особенно ярко проявляется в профессиональном, творческом самоопределении. На уровне вербальной самоидентификации духовное пространство автора описано следующим образом: средоточие интересов – Россия, поэтому наиболее острые негативные оценки получают его соотечественники, в развитии которых он предельно заинтересован; ближним ориентиром в развитии является русская и – особенно – европейская культура; дальний ориентир – Восток (Япония), который символизирует будущее, чудесное, почти недоступное; не ориентир – Америка в силу отсутствия у американцев духовности, знания своих корней.

5 Не случайно именно в Японии снимается город будущего для фильма «Солярис».

ЛИТЕРАТУРА

Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005.

Василенко В. А. Ценность и оценка: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Киев, 1964.

Зоркая Н. Андрей Тарковский – «русский европеец» // А. А. Тарковский в контексте мирового кинематографа: материалы междунар. конф. / сост. А. Л. Нехорошев и др. М.: Всерос. гос. ин-т кинематографии им. С. А. Герасимова, 2003. С. 22–31.

Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.

Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В., Загоруйко Е. Н. Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство. Новосибирск., 2007.

Лаппо М. А. Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 28–32.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986.

Раскатова Е. «Мартиролог» А. Тарковского в контексте опубликованных эгоисточников художественной интеллигенции 1970-х годов // Феномен Андрея Тарковского в интеллектуальной и художественной культуре: мат-лы науч.-теоретич. конф. / ред.-сост. Е. Цымбал. Иваново: ПресСто, 2014. С. 223–235.

Стогниенко А. Ю. Художественное пространство в рецепции Андрея Тарковского: теория и практика: автореф. дис. ... кандидата культурологии. Иваново, 2013.

Трипольская Т. А. Оценка и эмоция: параметры взаимодействия // Тенденции развития языкового и литературного образования в школе и вузе: мат-лы междунар. научно-практич. конф. СПб., 1998. С. 193–194.

Е. Е. Меньшикова

Иркутск, Россия

МЕТАФОРЫ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РЕКЛАМНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

АННОТАЦИЯ. Структурируя образное представление о мире туристической дестинации, создавая мифопоэтическую грезу, рекламный туристический нарратив как мифологизированный текст проявляет высокую степень метафоричности. В статье рассматриваются некоторые аспекты метафоризации природных явлений, которые представлены пространственными, темпорально-процессуальными, перцептивными, визуальными, тактильными, коннотативными, колористическими, антропоморфными и другими характеристиками.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рекламный туристический нарратив; локальный интерес; метафора; природные явления.

Сведения об авторе: Меньшикова Екатерина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Евразийского лингвистического института Московского государственного лингвистического университета

Адрес: 664025, г. Иркутск, ул. 5 Армии, 61–4.

E-mail: canoe@list.ru.

E. E. Menshikova

Irkutsk, Russia

METAPHORS OF NATURAL PHENOMENA IN THE TOURIST NARRATIVE OF ADVERTISING

ABSTRACT. Structuring a figurative representation of the world of tourist destination, creating a mythopoetic daydream, tourist narrative of advertising as a mythologized text shows a high degree of metaphoricalness. The article studies some aspects of the metaphorization of natural phenomena, which are represented by spatial, temporal - procedural, perceptual, visual, tactile, connotative, coloristic, anthropomorphic and other characteristics.

KEY WORDS: tourist narrative of advertising; local interest; metaphor; natural phenomena.

About the author: Menshikova Ekaterina Evgenievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign Languages Department of the Eurasian Institute of Linguistics, Moscow State Linguistic University.

Рекламный туристический нарратив представляет собой зафиксированное в виде текста дискурсивное образование, являющееся способом создания мира локального интереса в виде туристических сюжетно-повествовательных событий, происходящих в определённых пространственно-временных рамках [Меньшикова 2012]. Говоря о «мире локального интереса» мы имеем ввиду фрагмент картины мира, включающий географическое, социокультурное, социоментальное содержание и свойственный определённому месту, которым в нашем случае выступает туристская дестинация – физическое пространство, включающее туристские продукты, т.е. услуги, аттракции и туристские ресурсы. Это пространство имеет физические и административные границы, определяющие способ его управления, образы и перцепции, определяющие его рыночную конкурентоспособность [Меньшикова 2014].

Мир локального интереса, актуализируемый рекламным туристическим нарративом, – это символический образ, формирующийся на основе эмоциональных и рациональных представлений, ассоциаций в их географической, этнической, исторической и культурной составляющих. Мир локального интереса – это образы природы, исторические достопримечательности, местный фольклор, традиции, сформировавшиеся стереотипы и многое другое: *Отдых в Новой Зеландии – когда хочется остаться... Около тысячи лет назад острова Новой Зеландии стали заселять люди Тихого океана – «люди земли» Маори. До них это была земля неизведанных лесов, гор и пустынных пляжей. Самым громким звуком была песня птицы, свист ветра, плеск волны и эхо упавшего камня. Новая Зеландия – земля контрастов и изобилия... живописные гейзеры и волшебные фьорды, великолепные ледники и мягкие пляжи золотого песка, бескрайние плодородные равнины и дикое скалистое побережье, пронзительные горы и необъятный океан, грандиозные водопады и берега рек с бахромой из папоротников. Отдых в Новой Зеландии – настоящее приключение... погружаться в морские пучины, парить над облаками, проникать в земные недра в поисках сокровищ... Чистый адреналин, ни с чем не сравнимое волнение. Подняться на вершину горы, чтобы встретить золотой восход солнца. Обогнать на моторной лодке стаю усмехающихся дельфинов, выплывающих в воздухе блистательные пируэты. Прокатиться на кудрявых волнах, бьющихся о песчаный берег. Отдых в Новой Зеландии над областью Вашего прежнего опыта. Отдых в Новой Зеландии – безграничный и волнующий – открывает новый вкус жизни. Отдых в Новой Зеландии - мир, молодость, красота и спокойствие. Отдых в Новой Зеландии – совершенство гостеприимства... отменные вина, бархатная палитра изысканных вкусов новозеландской кухни, искушенные светские развлечения. Вулканические чудеса, снежные вершины гор, чистые озера, бесконечные пляжи Северного острова, театральные фьорды, величественные ледники, бурные горные потоки, непроходимые леса... (gltour.ru/geo/new-zealand/).*

Мир локального интереса мифопоэтичен в своей основе, он представляет собой переплетение реальных черт и воображаемых, достраиваемых сознанием субъектов туристской дестинации [Меньшикова 2014]. «Реальное

переживание, – писал А. Ф. Лосев, – всегда мифично, виной чему – сама живая, непосредственная жизнь со всеми ее надеждами, и страхами, ожиданием и отчаянием, со всей повседневной и чисто личной заинтересованностью» [Лосев 1991: 26]. Как отмечает А. А. Агаркова, по мере приближения символического «объектива» к региональным локусам, пространство национальной культуры обнаруживает разнообразие культурного ландшафта, представленного специфически местной мифопоэтической символикой, образной тематикой [Агаркова 2002].

Рекламный туристический нарратив конструирует реальность потребления с помощью различных мифологических приемов, создает мифологическое видение мира, а именно мира локального интереса. Известно, что туризм – это та отрасль, где чаще всего покупают не поездку в другую страну, а легенды и эмоции с ней связанные, сопутствующие вождения и аффекты. Структурируя образное представление о мире туристической дестинации, создавая мифопоэтическую грезу, рекламный туристический нарратив как мифологизированный текст проявляет высокую степень метафоричности [Меньшикова 2014]: *Представляем Вам королеву Тихого океана, землю двух радуг – Таити. Отдых на Таити – воплощение мечты – стал символом наслаждения, благополучия и избранности. Ангелы света, играя палитрой божественных красок, оживляют полотна Гогена. Горные утесы – изумрудные, голубые, фиолетовые и коричневые – как зубы дракона вырисовываются на синем фоне удивительного неба. Театрально представлено сказочных лагун, переливающихся то светлым нефритом, то великолепной бирюзой, а небеса меняют пурпур восхода на золото заката. Отдых на Таити – словно фильм, снятый по мотивам фантазий о райских садах наслаждений, где декорациями выступают бесконечные пляжи белого песка и стройные пальмы, раскачивающиеся в ритмах ласкового бриза и убаюкивающих песен океана. Воздух пропитан пьянящими ароматами чудесных цветов, волшебства и любви. Отдых на Таити и ее островах – это океан. Океан развлечений. Океан радости. Тихий океан. Мир, где все абсолютно наполнено счастьем – это отдых на Таити и островах. Вы попадаете сюда, и Вас пронзает чувство обретения самого себя и своей мечты. В этом царстве совершенства красоты и грации исполняются заветные желания, а чудеса становятся возможными (selenatravel.ru).*

Нас интересует понимание метафоры в том плане, что она выступает как средство создания образности речи и как средство, обладающее функцией конструирования и передачи новых смыслов: метафора – «универсальный познавательный механизм, способ осознания мира» [Шитикова 2002: 3], поскольку она «обладает свойством «навязывать» говорящим на данном языке специфический взгляд на мир» [Телия 1996: 134]. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, в метафоре – «ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа. Метафора тем самым укрепила связь с логикой, с одной стороны, и мифологией – с другой» [Арутюнова 1999: 371].

Согласно А. П. Чудинову, «метафора может осознаваться и как слово, имеющее образное значение, и как процесс метафорического развития словесной семантики в языке или в конкретной коммуникативной ситуации, метафорой называют и целую группу слов с однотипными метафорическими значениями (военная метафора, зооморфная метафора, метафора в медицинском дискурсе и др.), метафора может пониматься также как форма мышления или как когнитивный механизм коммуникативных процессов, механизм получения выводного знания» [Чудинов 2003: 54].

Метафора трактуется нами, вслед за А. Н. Барановым, максимально широко: при выделении и описании метафорических моделей закономерно учитываются не только собственно метафоры, но и метонимические переносы, синекдоха, сравнительные конструкции, что «связано с общностью их функций в... дискурсе» [Баранов 1994: 6]. Метафора обладает функцией переноса, осуществляемой на материале базисных концептов языкового сознания и выступает в качестве универсального кода для создания иносказаний, таких как аналогия, сравнение, метонимия, синекдоха, аллегория и прочих фигур переноса. Метафора участвует в процессе формирования новых понятий, изменяет повседневный язык людей, одновременно меняя их восприятие мира и способы его постижения [Барышников 2008: 16].

В рамках данной статьи мы говорим о метафорах природных явлений. Природа занимает важное место в системе знаний и представлений человека о мире, будучи тесным образом связанным с культурой и менталитетом народа. Живая и неживая природа издавна служит человеку своего рода моделью, в соответствии с которой он представляет социальную реальность, создавая таким образом языковую картину мира [Чудинов 2003]. Природа – не только объект образного восприятия, позволяющий выразить отношения человека и природы в диапазоне от их противостояния до единения, а также в плане эмоционально-оценочного, экспрессивного восприятия: *Отдых на Сейшельских островах – священное таинство природы. Отдых на Сейшелах – это соло природы. Вы впитываете животворное солнце в пустой бухточке, тронутой лишь поцелуем бирюзового прилива и шелестом пальм, погружаетесь в морские пучины пленительных коралловых садов и их обитателей или исследуете древние девственные леса, наводненные пышными деревьями, сладко пахнущими цветами, сказочными папоротниками, прекрасными орхидеями и деревьями-великанами, плавно раскачивающимися под напевы морского бриза. Колдовская гармония океана в зареве уходящего солнца, птицы поют прекрасные песни вечера, завтрашний день кажется таким далеким... А новый день отдыха на Сейшелах - это новая страница книги о счастливых мечтах (gltour.ruxgeo/seychelles/).*

Понятие «природные явления» определяется как «климатические условия, а также внешнее выражение совокупности естественных условий, относящихся к природе» [Частикова 2009: 8]: небесные светила (солнце, луна, звезда, светило), атмосферные явления (ветер, гром, жара, затмение, закат, капли (дождя), лед, небо, облако, снег, тепло, свет, удар грома, холод, тень, темнота, буря, вихрь, гроза, град, дождь, ливень, мороз, потоп, туман) и т. д.

К природным явлениям, подверженным семантическому процессу метафоризации в рекламном туристическом нарративе, относятся небесные светила и небесная сфера, время суток, времена года, погода, воздух, климат, а также необычные явления природы (например, северное сияние, звездный дождь).

Небесные светила. К небесным светилам относят солнце, луну и звёзды. Они характеризуются такими признаками, как нахождение в небе, появление днем/ночью, геометрическая форма, движение по небу, вариации внешнего вида, источник света и тепла, наличие антропоморфных признаков, колористические характеристики и т. д.

Солнце. Солнце представляет собой наглядно-чувственный образ, который формируется на основе зрительного и осязательного восприятия. Солнце часто наделяется антропоморфными признаками и свойствами и выступает как активно действующий субъект, способный совершать действия, присущие человеку. Кроме того, антропоморфными признаками и свойствами наделяется не только само солнце, но и различные периоды его активности: восход, закат, рассвет, заря. В рекламном туристическом нарративе солнце метафорически представлено пространственными характеристиками, темпорально-процессуальными характеристиками, перцептивными визуальными характеристиками, тактильными характеристиками: *Проявляющиеся горы напоминают черно-белую детскую фотографию. Художник-Солнце плеснул в черно-белую графику краски, и вершины становятся огненными, в кулуарах залегают черные тени и прячутся туманы. На переднем плане, осыпанные бриллиантами разноцветных капель, красуются кудрявые кедрушки* (<http://www.brodyaga.org>); *Иордания... Пурпурное солнце, ласкающее лучами скалистые горы и огнем играющее на лунных песках...* (<http://tychetours.com.ua>); *Вот оно, мягкое солнце встречает тебя извивым щекотанием на этой божественной земле и, кажется, будто оно и ведет тебя к берегу, волшебному берегу, где невольно почувствуешь себя частью колыбели всего мира. Солнце улыбнулось...* (labirint.com.ru); *Канарские острова. Там закаты польхают, как пламя страсти, а рассветы разливают свечение нежности* (<http://www.otel-e.com>); *Живописный закат – солнце садится прямо в океан* (<http://www.surfbali.ru>); *Венето... качаясь на волнах и наблюдая завораживающе-волшебные восходы и закаты солнца...* (<http://www.venecia-travel.ru>); *Таити... Ангелы света, играя палитрой божественных красок, оживляют полотна Гогена... небеса меняют пурпур восхода на золото заката* (<http://www.gltour.ru/geo/polynesia/>); *Отдых на Фиджи – восторг. Легенда рассказывает о древнем боге, который на краю земли из кораллового песка и гибких пальм создал остров, на котором небо и солнце слились в романтическом союзе* (<http://www.gltour.ru/geo/fiji/>); *Эйлат – туристическая столица Израиля, место, где жгучее солнце получило вечную прописку...* ([gltour.ru/geo/polynesia/](http://www.gltour.ru/geo/polynesia/)); *Pura Luhur Uluwatu. Отсюда открывается завораживающая панорама побережья и чудные оранжево-розовые всполохи закатов* (<http://www.turlocman.ru>); *Страна полуночного солнца, царство полярной ночи, русская Лапландия – Кольский полуостров* (<http://www.dego.ru>).

Луна. Луна – один из самых важных природных символов. Как отмечает Н. П. Сидорова, структура концепта «луна» состоит из мотивирующих, оценочных, символических (включая теоморфные), образных (признаков неживой природы – стихий, вещества, пищи, артефактов; признаков живой природы – витальных, соматических, перцептивных, зооморфных, антропоморфных, гендерных, признаков характера, эмоциональных и ментальных, социальных) признаков [Сидорова 2010]. В рекламном туристическом нарративе луна метафорически представлена пространственными характеристиками, темпорально-процессуальными характеристиками, перцептивными характеристиками, коннотативными характеристиками: *Ежедневно с Миконоса организуются экскурсии на Делос... по преданию здесь родились бог солнца и света Аполлон и его сестра богиня луны и охоты Артемида (Диана)* (<http://ostrovabogov.ru>); *В небе зарождающаяся Луна, символом нового, вновь рождённого, живописно сияет на ночном арабском небе; Затуманенная серповидная луна в небе, ее бледный свет отражается в море* (<http://www.egyptclub.ru>); *Если и есть на земле рай, то его нужно искать на тропических островах, оброненных богами в неистовую синеву Карибского моря. Там пальмы склоняются над белоснежным песком, сумасшедшая луна пляшет в небесах под ритмы рэгги* (<http://www.rabin-gh.com>).

Звёзды. В рамках мифологического мышления звезда как небесное тело, сияющее на ночном небосводе, неизменно связывалось с божественной силой, символическое представление о звездах как о предметном и словесном знаке, выражающем сущность данного явления, связывается с фактом уподобления события/человека яркости и красоте звезд, образы звезд неразрывно связаны с судьбами людей, символ звезды представлен в архитектурном убранстве. Звёзды воспринимаются как живые существа: они наделяются волей, способностью испытывать и выражать эмоции, звёзды связаны с движением времени. В рекламном туристическом нарративе звёзды метафорически представлены пространственными характеристиками, темпорально-процессуальными характеристиками, перцептивными и колористическими характеристиками: *Фиджи – романтика тропиков... полные тайны вечера, дурманящие звездные ночи, лунный блеск, ночные купания...* (<http://www.gltour.ru/geo/fiji/>); *Фиджи – восторг. Этот остров, где океан щедр, а земля богата – место отдыха богов – где ленивое созерцание сменяется весельем празднествами, а приглушенный свет закатов сменяется буйным мерцанием звезд* (<http://www.gltour.ru/geo/fiji/>); *Домбай всегда прекрасен! Свобода души, полет мысли... А какие там звёзды! Мириады загадочных огней кажутся такими близкими, как будто мы стали немножко к ним ближе и нам удастся рассмотреть то, что раньше мы никогда не замечали* (<http://elandtravel.ru>); *Ялта... на темном небе мерцают алмазные звёзды, а по морю тянется вымощенная лунным серебром дорожка... недаром называют Ялту красавицей, жемчужиной Южного берега Крыма* (<http://blogs.mail.ru>); *Филиппины... только там бесконечно черное, бархатное небо, усыпанное множеством алмазных звезд...* (<http://travels.ru/blog/ivan-saharchenko/puteshestvie-na-philippiny>).

Небо. Концепт «небо» относится к числу конкретных природных концептов и представляет собой существующий в физическом мире объект, что определяет специфику ее структуры – особую значимость мотивирующих, понятийных, оценочных, образных и символических признаков. Понятие «небо» было одним из первых ориентиров, на основе которых люди воспринимали окружающую действительность, что характерно для мифологического мышления: небо интерпретируется как место пребывания Бога, ангелов, спасшихся душ и обретения высшего блаженства, как средоточие абсолютного счастья, царство мечты и иллюзий и т.п. Небо воспринимается как живое существо: оно наделяется признаками, присущими внешности человека, способностью воспринимать и порождать речь, небо воспринимается как благосклонное к человеку существо.

В рекламном туристическом нарративе небесная сфера метафорически представлена пространственными характеристиками, темпорально-процессуальными характеристиками, объектными характеристиками, перцептивными и колористическими характеристиками: *Ваш отдых в солнечной Испании... Небо как бирюза, море как лазурь, горы как изумруд... и солнце сияет целый день* (<http://www.authorstream.com>); *Олгас, где волшебство восходов и закатов перекликается с поистине нереальной картиной бархатного ночного неба, усыпанного мириадами ярких созвездий. Все это сказочная Австралия, яркой звездой сияющая в Южном полушарии* (imperia71.ru); *Хаджох – тут всё очаровывает: бездонное ультрамариновое небо... изумительно насыщенный экзотикой пейзаж* (<http://www.lagonaki-info.ru>); *Занзибар – это прекрасная, тропическая жемчужина Индийского океана... невероятной красоты бирюзовый океан, фиолетовое ночное небо, усыпанное звездами...* (dxtravel.ru).

Времена года. Осень, зима, весна, лето аккумулируют в своей семантике реальные признаки отображаемых объектов действительности и прагматически связанные с ними чувства, оценки, определённые ассоциации. В рекламном туристическом нарративе времена года представляют собой систему сенсорных образов, носят символический характер и представлены внешними приметами времен года, физическими ощущениями, типичными для данного времени года, чувствами, эмоциями, настроениями, характерными для данного сезона, цветовыми ассоциациями: *Ямайка. Здесь царит вечно спелое лето* (lifeintravel.ru); *Золотая осень в Чехии – это поистине сказка, это великолепие красок, разноцветный водоворот жёлтого, красного, зелёного и оранжевого цветов, город примеряет на себя наряд, сотканный из богатейшей палитры осеннего очарования* (prag-travel.ru); *Белокуриха... ласковое звонкое алтайское лето, тихая, светлая, задумчивая осень, Волшебница-зима, алмазами сверкает на солнце снег* (agr-tour.ru).

Воздух. Воздух – наименование одного из четырех важнейших явлений природы, зафиксированных философами древности, в том числе Аристотелем: огонь, воздух, вода, земля. Воздух является одной из важных жизненных составляющих человека. Природа, человек и космос находятся в постоянном единстве и взаимодействии, воздух способен благотворно или отрицательно воздействовать на человека, является особой ценностью для него, так как с воздухом связана жизнь [Ливенец 2007]. Воздух ассоциируется с живым существом, чувством и состоянием, водой, звуком, цветом, запахом, движением, вселенной. В рекламном туристическом нарративе климат и погода метафорически представлены природными явлениями, предметными и акциональными ассоциациями, цветовой гаммой, физическими ощущениями, эмоциональным переживанием и оценкой: *В Пиерии животворящий воздух, как говорят туристы – божественная аура. Обогащённый озоном и йодом, воздух и вправду творит чудеса – отдых на этом курорте возвращает силы, пребывание здесь заменяет релаксацию* (www.crit.ru); *Воздух в Бельдиби – это ароматная смесь запаха сосен и цитрусовых* (<http://www.kemerparkhotel.com>); *Греция и Кипр – воздух с ароматом вина ...* (<http://www.travelspeak.ru>); *Крым – здесь воздух пропитан волшебным ароматом. Исцеляются тело и душа...* (planetakrim.com); *Афон... солнечные блики и выбеленные солнцем камни среди животворных волн... воздух пропитан благостью и спокойствием...* (tui.ru); *Бали. Удивительные пейзажи здесь срисованы с открыток, а воздух пропитан счастьем... тепло ласковых вод океана и нежность экзотических пляжей...* (deotravel.ru/indonesia/); *Чарующая природа Карпат, хрустально чистый горный воздух...* (elmatur.com.ua); *Причудливые глыбы гор, звонкие переливы извилистых быстрых речушек и прозрачная легкость хмельного горного воздуха...* (www.farma-96.ru).

Климат. Климат и погода во всём объёме и многообразии денотативной сферы являются одними из важнейших факторов жизнедеятельности человека, и это находит воплощение в языковой семантике и коммуникативной деятельности носителей разных языков и культур, закрепляется в моделях вербальной манифестации различных аспектов соответствующих фрагментов когнитивной сферы человека [Перфильева 2008].

В рекламном туристическом нарративе климат и погода представлены природными явлениями, предметными и акциональными ассоциациями, цветовой гаммой, физическими ощущениями, эмоциональным переживанием и оценкой: *Горы Торос и красивейший залив, прекрасные пляжи и кристально чистое море, изумительный климат – вот, что характеризует это место...* (4sezona.gidlipetsk.ru); *Воздух и мягкий благодатный климат делают Маратею прекрасным местом для отдыха...* (archive.travel.ru); *«Янтарный берег» в Юрмале, где благотворный морской климат и местные красоты печат не только тело, но и душу* (www.orli-tour.com.ua); *Отдых в Крыму – это целебный климат, теплое море, солнце...* (nemiller.narod.ru); *Целебные источники и чудодейственный чешский климат позаботятся о вашем здоровье...* (bohemiatur.com); *Это край «периховских» пейзажей, капризного климата, лам и вечных снегов...* (<http://www.deotravel.ru>); *Сейшелы... «живой музей естествознания», невероятное разнообразие флоры и фауны, чудный климат* (capitan-samara.ru).

Погода. Погода во всём объёме и многообразии денотативной сферы является одним из важнейших факторов жизнедеятельности человека, и это находит воплощение в языковой семантике и коммуникативной деятельности носителей разных языков и культур, закрепляется в моделях вербальной манифестации различных аспектов соответствующего фрагмента когнитивной сферы человека. Реализуясь через языковое значение ключевых знаковых лексем дождь, ливень, гром, молния, снег, буря, туман, ветер и т. д., социокультурный концепт «Погода» включает в себя, помимо предметной отнесённости, всю коммуникативно-значимую информацию. Являясь фрагментом языковой картины мира, концепт «Погода» выводит на соответствующие понятия, представления, образы, установки, приоритеты, стереотипы и оценки, отражающие специфику национального менталитета и мировосприятия, системы социокультурных отношений, традиций, обычаев и верований [Перфильева 2008].

Погода в рекламном туристическом нарративе представлена ассоциациями с положительной коннотацией, антропоморфными признаками, физическими ощущениями, эмоциональным переживанием и оценкой: *Карелия... синева далей, серебро вод, звонкая медь полуночных восходов, чудо северных сияний. Зимой перемена погоды происходит фантастически быстро: утром – звонкая голубизна, днем – метельная круговерть. Осень. Ее красными предупредительными знаками загорелись в лесах подосиновики. Двигается тяжелая туча, она опустит над озером занавес первого снегопада. Весна набирает силу. Фарфоровая скорлупа наста - а над нею золотые сережки ольхи* (travelforlife.ru); *Смоленское Поозерье. Прикоснитесь к неповторимой красоте озерного края с прибрежными зарослями ив, молочными туманами* (merid-tour.ru).

Время суток. Временная лексика в целом концептуализирует окружающий мир и взаимодействие с ним человека. Наиболее ярко прослеживается данное положение в содержании и функционировании самых распространенных темпорем – утро, день, вечер, ночь. Представляя собой природно-космическое явление, образы времен суток получают многоплановое воплощение в рекламном туристическом нарративе: образы имеют антропоморфное выражение, осуществляется персонификация и индивидуализация героя, актуализируются чувственное переживание своей телесности и гедонистические наслаждения, осуществляется опора на измененные состояния сознания и т.д.: *Отдых на Маврикии – культ удовольствия. Утро – очищение. День – открытие. Вечер – утонченность. Ночь – драйв* (gltour.ru); *Чудо маврикийской ночи, сотканной из вышитого золотом звезд темно-фиолетового бархата - дивная тайна, когда звезды опускаются столь низко, что достаточно лишь протянуть руку...* (gltour.ru>geo/mauritus/).

Необычные явления природы. Природа таит в себе множество необычных и красивых явлений, некоторые из которых и по сей день остаются для человека загадкой. К таким явлениям, актуализируемым в рекламном туристическом нарративе, относятся северное сияние, падающие звезды или «звездный дождь», миражи и т. п.: *Норвегия – это царство света... На фоне темного неба пляшет волшебное северное сияние, словно покров скользящего шелка, зеленые, белые, красные и розовые космические огни мерцают в импровизированной хореографии* (mosintour.ru); *Норвегия. Полярные сияния – сражения небесных великанов, сметающих огромные копыя... Огромные арки и полосы переливающихся разноцветных огней охватывают небо. Колышущиеся занавеси от фиолетово-белого до оранжево-красного цвета... Круизы вдоль берегов этой страны позволяют с комфортом наблюдать за жизнью полярных областей и очаровывают белым безмолвием островов, усеявших море, и яркими сполохами полярных сияний, разрисовавших небо* (rumb.ru).

Рассмотренные выше лишь некоторые аспекты метафоризации природных явлений в рекламном туристическом нарративе свидетельствуют о том, что метафора в широком смысле этого слова обладает функцией переноса, осуществляемой на материале базисных концептов языкового сознания и выступает в качестве универсального кода для создания иносказаний, таких как аналогия, сравнение, метонимия, синекдоха, аллегория и прочих фигур переноса.

Как показывает анализ, в туристическом нарративе метафоры образуют единое целое, «складываются в единый узор» [Алексеев 2000: 146], реализуя одновременно функцию эмоционального воздействия и функцию моделирования действительности (туристического места, локального интереса). Действительность предстает в свете мифологической грёзы: метафора «стимулирует воображение и, следовательно, эмоции; все это уводит от истины в мир иллюзий» [Лакофф 2004: 214-215]: *Отдых на островах Фиджи – возвращение в детство... Острова Фиджи – сердце идеального отдыха – острова особенной красоты и тайны... экзотические легенды о смелых искателях приключений, несметных сокровищах и коварных пиратах, истории кораблекрушений и настоящей любви. Здесь персонажи Верна, Стивенсона и Моема сходят со страниц, оживляя детские фантазии о сказочных приключениях на далеких островах. Воспоминания пробуждают чувства. Фиджи – босоногий рай – возвращает Вас в далекие времена, когда все было чудесно и просто. Отдых на островах Фиджи – восторг... место отдыха богов, где ленивое созерцание сменяется веселыми празднествами, а приглушенный свет закатов сменяется буйным мерцанием звезд. Совершить побег от цивилизации на острова гармонии, где уединенные пляжи белоснежны, прозрачные лагуны играют сияющими оттенками бирюзового, а в пышных садах благоухают невиданные цветы. Волшебная чистота Фиджи над пониманием. Изумительные острова Фиджи неправдоподобны своей красотой закаты и восходы театральны, словно нарисованные декорации. Горные вершины сливаются с голубыми небесами, зеленые холмы покрыты тропическими лесами, кристальными реками, прохладными ручьями и водопадами с животворными прудами; с воздуха острова Фиджи очаровательны: синева океана, причудливые коралловые рифы, песчаные отмели, прыгающие дельфины и хулиганящие киты, а*

кокосовые пальмы красной корой напоминают грациозных розовых фламинго. Отдых на островах Фиджи восстанавливает силы, возвращает молодость, дарит вдохновение, учит видеть скрытый смысл природы. Фантастические картины подводной жизни, манящие течения, сказочные коралловые сады, мириады разноцветных рыб, кормление акул, плавание с дельфинами и морскими черепахами, обломки кораблекрушений... Лазурный океан, собственный пляж, укромное бунгало у воды, напевы прибоя, золотые закаты, полные тайны вечера, дурманящие звездные ночи, лунный блеск, ночные купания, изысканные трапезы на берегу... Отдых в стиле Фиджи – это укрытие в природной красоте. Славные дни и мягкие романтические ночи на островах Фиджи наполнены чувственными удовольствиями и тихоокеанским шармом... Отдых на Фиджи – жизнь в гармонии с природой. Прозительные пейзажи и экзотическая атмосфера, кристально чистые соленые и пресные водоемы, богатый и таинственный подводный мир – острова Фиджи ждут Вашего открытия (gltour.ru>geo/fiji/).

Образная форма, с помощью которой автор реализует свои интенции, привлекает внимание адресата и создает соответствующее отношение к рассматриваемым реалиям. По меткому замечанию А. П. Чудинова, «роль красивой языковой формы напоминает роль красивой упаковки товара: она не гарантирует качества, но очень значима для успешной реализации продукции» [Чудинов 2003: 129]: *Остров Бали – изумруд Индонезийского архипелага. В короне малых Зондских островов есть драгоценный камень исключительной ценности – остров Бали. Он благоухает экзотическими цветами, искрится в солнечных лучах лазурными водами, ослепляет блеском белоснежных пляжей, завораживает пением голосистых птиц и укрывает в тени буйной тропической растительности. Казалось бы, разве не чудо, что такой маленький клочок земли превратился во всемирно известный курорт, попасть на которой мечтают миллионы людей? Отдых на Бали похож на сладкий сон в томную летнюю ночь: вот Вы проплываете мимо ленивой гигантской черепахи, а как выйдете из воды, попадаете в гущу действия старинного местного обряда, восхищаясь грацией танцоров, исполняющих Кечак. Солнце клонится к западу, и пляжи Бали окрашиваются в пурпурные краски, открывая Вашим глазам неопишуемой красоты закат...* (www.rutur.com/baly/).

Помимо функции эмоционального воздействия и функции моделирования действительности, метафора в рекламном туристическом нарративе несет такие функции, как прагматическую и эстетическую, а также аттрактивную функцию, или функцию «положительного информирования, которая обеспечивает легкость восприятия реципиентом информации и формирует позитивное отношение к ней (информации). Метафоре отводится роль интенсификатора привлекательности туристского концепта «дестинация», или, иными словами, метафора участвует в формировании положительного образа – имиджа дестинации» [Аликина 2010: 45].

ЛИТЕРАТУРА

- Агаркова А. А. Мифопоэтика как способ создания образа региона: На материале Донбасса: автореф. дис.... канд. культурологии. Москва, 2002.
- Алексеев К. И. Метафора как средство обозначения интенций в тексте // Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб: Алетейя, 2000. С. 126–146.
- Аликина Е. Ю., Мишланова С. Л. Аттрактивная функция метафоры в туристском дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. №6. С. 44–50.
- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 370–385.
- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М. : Помовский и партнеры, 1994.
- Барышников П. Н. Миф и метафора: опыт межпарадигмального анализа: автореф. дис.... канд. филос. наук. Москва, 2008.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : УРСС, 2004.
- Ливенец И. С. Концепт «Воздух» в лингвокультурологическом аспекте: на материале текстов К. Паустовского и М. Шолохова: автореф. дис.... канд. филол. наук. Белгород, 2007.
- Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия, мифология, культура. М. : Политиздат, 1991. С. 21–186.
- Меньшикова Е. Е. Мифопоэтика рекламного туристического нарратива: дис.... канд. филол. наук. Кемерово, 2012.
- Меньшикова Е. Е. Мифопоэтическое пространство рекламного туристического нарратива. Мифологемы, идеологемы, метафора: Монография. Saarbrücken, Deutschland, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2014.
- Перфильева Н. Ю. Специфика вербализации концепта «погода» средствами русского и английского языков: автореф. дис.... канд. филол. наук. Курск, 2008.
- Сидорова Н. П. Сопоставительный анализ структур и способов актуализации русского и английского концептов луна и moon: дис.... канд. филол. наук. Кемерово, 2010.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Язык русской культуры, 1996.
- Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003.
- Частикова А. В. Английские и немецкие фразеологические единицы, вербализующие макроконцепт «природные явления», как отражение наивной картины мира: автореф. дис.... канд. филол. наук. Воронеж, 2009.
- Шитикова Е. В. Процесс формирования метафорического значения: когнитивный аспект: автореф. дис.... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.

Т. В. Михайлова, А. В. Михайлов

Красноярск, Россия

РОДОВАЯ СЕМАНТИКА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ («СВЯТОРУССКОЕ ЦАРСТВО» И ЕГО ЯЗЫЧЕСКИЕ КОРНИ)

АННОТАЦИЯ. В работе выявляется специфическая важная роль языческой родовой семантики в полемике о царской власти в текстах Древней Руси XV-XVI веков. Вскрывается влияние языческой монголо-татарской символики на русскую. Рассмотрены идеологемы симфонии светской и духовной власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантика рода; древнерусские тексты; Московская Русь.

Сведения об авторе: Михайлова Татьяна Витальевна, кандидат филологических наук, доцент, Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М. Ф. Решетнева, доцент кафедры общественных связей.

Сведения об авторе: Михайлов Алексей Валерианович, кандидат филологических наук, доцент, Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М. Ф. Решетнева, заведующий кафедрой общественных связей.

Адрес: 660014, Красноярский край, г. Красноярск, просп. им. газеты «Красноярский рабочий», д. 31.

E-mail: ta.rada@mail.ru; avm_2006_64@mail.ru.

T. V. Mikhailova, A. V. Mikhailov

Krasnoyarsk, Russia

SEMANTICS OF TRIBE IN PUBLICISTIC TEXTS OF MUSCOVITE RUSSIA («HOLY RUSSIA» AND ITS PAGAN ROOTS)

ABSTRACT. The article reveals a specific important role of pagan generic semantics in a controversy about the Tsar's power in the texts of ancient Russia XV-XVI centuries. Describes the influence of pagan Mongol-Tatar symbols on the Russian symbolic system. Considered the idea of a symphony between secular and spiritual power.

KEY WORDS: semantics of tribal relations; Old Russian texts; Muscovite Russia.

About the author: Mikhailova Tatiana Vitalievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Sibirean State Aerospace University named after Academician M.F Reshetnev, Associate Professor of Department of Public Relations.

About the author: Mikhailov Aleksey Valerianovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Sibirean State Aerospace University named after Academician M.F Reshetnev, Head of Department of Public Relations.

Русские учения о царской власти, формировавшиеся в XVI в., вступали в противоречие друг с другом вследствие различного отношения к византийским представлениям о сущности православной власти.

Природа древнерусской власти московского периода «многослойна»: христианские представления о царе сплелись с понятиями и порядками чингизидов, образуя «православно-азиатскую» специфику русского царства. При этом не стоит забывать и об исконных народных (языческих) смыслах, лежащих в основе потестарных идеологем Святой Руси.

К примеру, иосифлянская теория государства, распространившаяся в Древней Руси с XVI в., представляет собой далеко не в чистом виде христианский взгляд на царскую власть. В ней, несомненно, присутствует древний языческий элемент, восходящий к дохристианской культуре.

Нил Сорский и другие «заволжские старцы», напротив, развивали идею чёткого соблюдения византийского канонического права.

Спор между Иваном IV и Андреем Курбским также был связан с разным пониманием этого вопроса.

Влияние на древнерусское сознание представлений византийцев о природе имперской власти хорошо известно. В VI в. диакон Агапит сформулировал теорию о «богочеловеческой» природе власти василевса как образа Царя Небесного. Учение Агапита в дальнейшем развивалось в сочинениях преподобного Феодора Студита IX в. Сочинения Агапита и Феодора Студита неоднократно переводились и переписывались русскими книжниками XIV–XVI вв., и потому были хорошо известны русским публицистам XVI в. [Вальденберг 2008: 165-174, 350-359].

В начале XVI в. Иосиф Волоцкий, обращаясь к Василию III как к «Богутверждённому владыке», опирается на византийские традиции, Его сравнения государя с дневным светилом вполне соответствуют греческим текстам потестарной семантики.

В период становления русского царства следует вспомнить и о другом факторе воздействия на его идеологию – речь идёт о влиянии побеждённого татаро-монгольского ханства. Многие черты государства Чингисхана были освоены московской Русью на глубинном уровне.

Н. С. Трубецкой в статье «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» поясняет, что заимствование византийское произошло на уровне символических номинаций. Гораздо более серьёзное влияние оказала империя Чингисхана. Н. С. Трубецким проанализирован ряд отличительных признаков государства Чингисхана. Среди них он отмечает как важнейшую черту религиозность: «Чтобы бесстрашно и беспрекословно исполнять свой долг, человек должен твердо ...верить в то, что его личная судьба, точно так же, как и судьба других людей и всего мира находится в руках высшего...существа...» [Трубецкой 1995: 221].

При этом учёный отмечает веротерпимость в империи Чингисхана: главное – подданный должен быть искренне

религиозен, но вера допускалась любая. С освоением техники империи Чингизидов, по мнению учёного, происходило «усвоение самого духа этой государственности...» [Трубецкой 1995: 223].

Влияние ханской власти на природу русской государственности отмечают в своих работах и современные исследователи [Лурье 2010; Михайлова 2010; Юрганов 1998].

По мнению В. М. Лурье, для Московской Руси, как и для Византии, православие тоже было частью её государственной идеологии, но для Византии это была такая часть, которая была важнее государства. При этом в Московской Руси постепенно побеждает иосифлянство и устанавливается примат государственного права над религиозным. Исследователь связывает такое положение дел с влиянием государственной «метарелигии», которая существовала в империи Чингизхана, предписывающая считать законы государства выше законов отдельных религий этого государства. Надежды митрополита Макария установить в Московской Руси «симфонию властей», как считает В. М. Лурье, остались лишь пустой декларацией в Стоглаве [Лурье 2010: 127–129].

Потестарные представления монголо-татарского ханства основывались на языческом мировоззрении. Как известно, до принятия ислама в 1312 г. в империи Чингизхана поклонялись Вечному Синему Небу, творцу всего сущего. Кочевники верили, что их правителей связывает с божеством «мистическая солнечная энергия» [Михайлова 2010: 151].

И. Б. Михайлова полагает, что «в сознании кочевников ...жизнетворное, благодатное и в то же время смертоносно-испепеляющее начало, превращало чингизидов в сверхлюдей» [Михайлова 2010: 152].

Согласно персидскому историку начала XIV в. Рашид-ад-Дину, «монголы-татары имеют обычай, видя лицо государя, говорить: «Мы видели золотое лицо государя»» [Рашид-ад-Дин 1952 кн. 1: 160-161]. В другом месте тот же историк отмечает, что Бодончар-коан, сын Алан-Гоа, праматери Чингизхана, был рожден ею спустя некоторое время после смерти ее мужа, при следующих обстоятельствах: «через дымовое отверстие шатра, когда она спала дома, проник луч света и погрузился в ее чрево», а через некоторое время «она поняла, что забеременела», а возмущенным братьям она рассказала о сне, в котором к ней приходил «какой-то рыжеволосый и синеокий человек» [Рашид-ад-Дин 1952 кн. 2: 13-14].

Целый ряд аналогичных сюжетов рассмотрен в работе Т. Д. Скрынниковой [Скрынникова 1997].

Всё это является подтверждением, что языческая семантика в представлениях о власти в империи Чингизхана (видимо, мы можем допустить это) оказала влияние на конструирование древнерусских потестарных смыслов конца XV – начала XVII вв.

Хотелось бы обратить внимание на слова одного из наиболее глубоких исследователей русской государственности Л. А. Тихомирова о самой тесной связи русской монархии с родовым языческим строем. Исследователь в своём фундаментальном труде утверждает, что «Русская монархия своими первоначальными корнями связана с наиболее первобытным родовым языческим строем, а косвенными условиями возникновения – с Империей Римской; могущественными и прямыми влияниями она связана с христианством и византийским самодержавием, а окончательно сложилась в эпоху огромного внешнего влияния на нас Монгольского востока, а затем в борьбе с аристократически-польским строем» [Тихомиров 1992: 21].

Таким образом, складывающиеся идеологемы «святोरусского царства» в конце XV в. апеллировали к «полицодовому» восприятию древнерусского властителя. И византийские, и татаро-монгольские традиции переплетались друг с другом и при этом не противоречили языческим элементам, сопутствующим распространению христианства в период Киевской Руси.

Культ рода. Публицистические тексты Русского царства XV–XVII вв. показывают использование во многих авторских аргументациях языческих значений понятия *рода* и авторитетных *предков*.

Если мы обратимся к периоду праиндоевропейского единства, то мы увидим, что одним из главных мировоззренческих понятий является понятие «рода-племени». В христианстве это понятие насыщается смыслами отличными от языческих представлений. Древнерусские тексты потестарного характера показывают, что происходит контаминация языческих и христианских смыслов при выстраивании властных моделей.

Лексема *род* входит в цепочку слов: *семья – колена – род*. По мнению В. В. Колесова, семантика этих слов может различаться в зависимости от типа текстов. В традиционных христианских текстах (в церковных песнопениях, житиях, поучениях) на основе библейского образа развивается набор переносных значений, связанных «с развитием представлений о духовной жизни «новых людей» – христиан, призванных обновить землю» [Колесов 1986: 19]. Учёный отмечает, что уже в старославянских текстах слово *родъ* и производные от него могут означать и 'рождение', и 'происхождение', и 'плоды урожая', и 'родня', и 'поколения', и 'племя', и 'народ', и 'порода', и 'характер'. В переводных текстах появляются и значения 'ад' – *родъ огньнь*, и 'рай' – *порода* (соответствует греческому *paradeisos*, ср. *парадиз*). «Понятия о рае и аде незаметно вплетались в представления о роде, хотя самим славянам такая символика была неизвестна; она осталась чуждой народу, никогда не вышла за пределы книжной культуры: «родство» не могло быть адом, это не укладывалось в сознании, привыкшем к другим представлениям о роде» [Колесов 1986: 24]. Тексты потестарной семантики Древней Руси опираются на исконное значение лексемы *род*.

Приоритет «кровной» связи, существующей между людьми, по мнению Г. М. Прохорова, объясняет многие мировоззренческие категории русской средневековой культуры: «Такая ориентация является следствием вполне справедливой оценки человеческих крови и семени как величайшего на Земле чуда природы и как основы жизненных возможностей человека» [Прохоров 1989: 56].

Обращение к Роду, к предкам давало древнему русичу магическую защиту. Взаимосвязи предков с потомками и понимание этого как проявления связи земного и потустороннего миров уходят корнями в общеиндоевропейский период [Велецкая 2009: 16-44]. Культ предков у древних славян естественным образом проистекал из их представлений о мироздании как о гармоничном единстве мира Богов и благих предков в Священном Космосе и людей — их потомков, «Дажьбожьих внуков» на Земле.

Рудименты культа предков и рода могут проявляться в уважении к старейшему поколению как к носителю мудрости и взвешенного управления, в уважении к старине как к гаранту нормального течения жизни. Как пишет исследователь, «предков считали особенно пристально следящими за действиями их родни и общины, незримо присутствующими среди своих соплеменников в их родовых местах...» [Велецкая 2009: 40]. Обратим внимание и на тот факт, что все восточнославянские племена (древляне, радимичи, вятичи, дреговичи, кривичи, словене, поляне и т. д.) поклонялись Роду.

Уже в первом русском публицистическом тексте, памятнике XI в. — «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, закладывается традиция синтеза языческих и христианских смыслов. Первые обращения к прошлому, к славе рода русских князей, к воинским победам. Вторые — христианские — представлены, по Илариону, в качестве результата движения от «идольского мрака» через «Закон» к Благодати как высшей христианской ценности. Новая религия объединяла «новых» людей и тем самым завершала процесс распада родовых общин и слияния их в единую древнерусскую народность. Род превращается в *на-род*. И лишь одного рода этот процесс не касался — того самого, от которого исходила инициатива христианизации. Рода княжеского, правящего. Подвластность этому роду была тем началом, по отношению к которому христианская вера оказалась дополнительным принципом этнической интеграции. Признать власть рода русских князей и верить в христианского Бога и означало теперь быть «русским» [Горский 1982: 31–51; Макаров 1989: 76–88].

Иларион прославляет род русских князей, рисует образ идеального русского христианского властителя, совмещающего и народные представления о князе и христианский идеал властителя. О прочности родовых отношений и родственных связей свидетельствуют древнерусские летописи с упоминаемой ими разветвленной генеалогией князей. Именно поэтому Иларион в похвале Владимиру воздает должное нравственной прочности семейных уз.

Как считает А. И. Макаров, «в этой обстановке Иларион определенным образом отобразил общественное сознание своей эпохи. ... Вводя новое, он отказался от коренной ломки традиционных социально-нравственных норм и пытался использовать все, что могло способствовать перестройке сознания, исходя из имевшихся в нем социально-психологических и нравственных установок» [Макаров 1989: 78]. В реальной обстановке переходного периода, когда во взаимодействии находилось сразу несколько культур (языческая, христианская, западная, восточная), складывался весьма своеобразный моральный климат. Возможным оказалось совмещение и двух разных ценностных систем.

Историк И. Я. Фроянов, описывая ситуацию Древней Руси киевского периода, проводит ряд аналогий с другими странами, например, с Ирландией III в., когда «престиж старинной традиции был встроен в систему новой, преобразован, а не отвергнут» [Фроянов 1995: 85].

В текстах Киевской и позже Московской Руси родовая семантика занимает значительное место.

Апелляция к наследному владению эксплицирует положительные смыслы у лексем *отьчина*, *отьчьство*, *отьчьствие*, *вотьчина*, *земля дедичь* и *отчичь* и т.д.: «блюдём Русские земли, кождо да държить *отьчину* свою» (Лавр 6605 г.) [Срезневский 1989 II 1: Стлб 831]; «Гюрги же посла ко Изяславу река: мне *отьчина* Киев, а не тебе» (Лавр 6662 г.) [Срезневский 1989 II 1: Стлб 831]; «Князь великий Василии Васильевич по *отечеству* и по *деденьству* искаше стола своего» (Никон 6941 г.) [Срезневский 1989 II 1: Стлб 834]; «А что буди судил когда великом княженье и *вотчине* в свои на Москве или мои бояре или боярские люди, а того вы , братья моя, не восчинаите (Дух. Сим. 1353 г.) [Срезневский 1989 I 1: Стлб 307].

Активно используется приём «авторитетное предшествование», переход имён собственных в нарицательные. На деле они и не совсем «нарицательны», ибо указывают не на *ряд*, *множество* однородных и невыразительных индивидуально явлений, а, напротив, интенсивно индивидуализируют, включая в иерархично более высокий ряд.

Первичной ступенью включения действующего царя/великого князя является включение его в ряд его отца, деда. Следующая, более глубокая – возведение к Рюрику и включение в ряд «Рюриковичей» – оценочная ситуация присоединения к заведомо авторитетной общности. Кроме того, Рюриковичи – это уже европейская история, выход за пределы собственно Руси. Здесь также надо учитывать специфическое значение множественного числа – значение 'совокупность, собирательность' (ср. совр. *предки*, также диалектное *родители*, *отцы* 'родители', *деды* 'то же', *прадеды* 'предки').

Например, включение в ряд с общим именем Мономахъ, Мономаховичь, Мономаховичи, вводит в достаточно древний ряд, достаточно авторитетную общность, обосновывая и вхождение в состав «Рюриковичей».

Включение далее ещё более древней ступени – *цесарь* (Caesar) и в ряд *цесаревичи* – вводит (велико)русского князя в мировую общую историю. Особенно заметно проявилось это у Ивана Грозного в связи с его специальными задачами продолжить традиции «третьего Рима».

Концепция царской власти Московской Руси, как уже говорилось выше, впитала в себя и традиции Киевской Руси, и традиции Золотой Орды с её культом правящей династии. Царём можно стать только по рождению – это было бесспорно для славянских язычников, для империи чингизидов и для «святорусского» царства.

Семантика приоритета царского рода начинает интенсивно проявляться в публицистических текстах во второй половине XV в., когда у книжника появляется необходимость выстраивать систему аргументаций, обосновывающую право на власть московского князя. В этот период актуализируется мысль, что родовая вотчина – Московское княжество – как наследница ряда русских княжеств, в том числе и Киевского, должна защищаться и «блюстись», как это было при «дедах», т. е. апелляция к предкам понимается как сильный аргумент в спорах о власти в правление Ивана III.

Анализ текстов, в которых описываются реальные исторические факты, показывает, каким образом и способом «внедрялись» в древнерусское общественное сознание нужные для поддержания устойчивости Москвы определённые аксиологические представления.

В «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород» родовая семантика является главным доводом в обосновании необходимости присоединения Новгорода к Москве. Этот текст посвящён конкретному событию, исторически очень важному, – фактическому окончательному подчинению Новгорода московской великокняжеской власти в 1471 году (формально уничтожение Новгородской республики произошло семь лет спустя в 1478 году).

Известно, что есть описание того же самого события с позиций Новгорода. Исторически сложилось так, что Новгород был вне возрождённого отношения к Руси как к избранной Богом стране. Новгород оказался за пределами и новой идеологической модели, которая возобладали в русском общественном сознании конца XV в.: Москва как оплот православия, а московский князь – единственный правитель Руси. Этим объясняется простота и реальность описания, отсутствие идеологического «давления». Летописец не моделирует текст согласно идее, а пытается описать события как очевидец: «...В лето 6979 [1471]...верже князь великий Иван Васильевич нелюбие на Великий Новгород, нача рать свою копити и нача сылати новгородцика волости. И взяша преже Русу и святыя церкви (!) пожегоша, и всю Русу выжгоша, и поидоша на Шалону воюючи...» [Новгородская... 1982: 404].

Описание новгородских авторов, посвящённое московскому князю, суть перечисление его действий, и только. Но вот что важно, эти действия *не соответствуют* христианским образцам поведения благого правителя.

Если уж князю «разрешалось» (или «допускалось») впасть во гнев против своих врагов, то враги эти были во всяком случае нехристиане («нехристи»), а не свои, православные, какими были новгородцы. И сжигать святыя церкви тем более допустимо только язычнику как естественному врагу христианства, но не *христолюбивому* князю-христианину. Однако автор Повести не считает нужным подчёркивать абсурдность ситуации. Рассказ его информативен, оценка присутствует лишь в пресуппозиции высказываний.

В московской версии похода Ивана III на Новгород в тексте явно выражено влияние идеологической модели, сложившейся в Москве. Смуту в Новгороде московский автор оценивает с точки зрения нарушения родового наследия и с точки зрения отступления от православия. Автор два раза подробно объясняет в тексте, что Новгород с исторических времён является вотчиной великих князей, ведущих свой род от Рюрика. Подробное описание этой позиции в первый раз даётся самими новгородцами, вернее, «верной» частью людей Новгорода, во второй раз поясняет эту позицию сам Московский царь Иван III Васильевич. Оба раза это делается весьма подробно. Создаётся подробный исторический экскурс, поскольку становится известно о том, что в Новгороде возникают настроения обратиться к королю польскому и великому князю литовскому Казимиру.

В московской версии Повести именно ситуация принятия новгородцами решения о посылке за помощью к католикам обсуждается и осуждается весьма подробно. Вводится длинный ряд аксиологических высказываний, текст повести насыщается эксплицированной оценочностью: «...И тако възмятеся весь град их и восколебашеся яко пьяни: ови же хотяху за великого князя по старине к Москве, а друзи за короля к Литве...» [Московская... 1982: 378].

Уговоры верных Москве новгородцев и самого князя московского основываются на той мысли, что Новгород издавна принадлежит, как вотчина, великим князьям московским: «[мнение новгородцев]... Мнози же от них старии посадници и тысяцкие и лучшие люди, тако же и жили глаголаху к ним: «Не лзе люди тако быти яко же глаголите за короля нам дати ся и архиепископа поставити от его митрополита, латинина суца. А из начала отчина есмы тех великих князиев, от първаго великаго князя нашего Рюрика, его же по своей воле взяла земля наша из Варяг князем себе и с двумя браты его. По томъ же правнук его князь великий Владимир кръсти ся и все земли наша кръсти: Руськую и наш Славеньскую и мерьскую, и кривичьскую..., и прочая. И от того святаго великаго князя Владимира дожи и до сего господина нашего великаго князя Ивана Васильевича за латиною есмь не бывали и архиепископа от них не поставливали себе, яко же вы ныне хотите ставити от Григория, называюща ся митрополитом Руси, а ученик-то Исидоров суций латинин» [Московская... 1982: 378].

Принятая в средневековом праве отсылка на прецедент оказывается главным аргументом для резко негативной оценки действий и субъектов действий, направленных на нарушение «издревле» принятого и освящённого традицией.

Знаменательно, таким образом, что великий князь московский Иван III Васильевич использует подобные же аргументы: «... Отчина моя есте люди новгородьстии из начала: от дед, от прадед наших, от великаго князя Владимира, кръстивъшаго землю Руськую, от правнука Рюрикова, от първаго великаго князя в земли вашей...» [Московская... 1982: 380].

Перечисление родового «ряда» князей и выявление в нём места Ивана III является важным для автора: «...И от того Рюрика, да иже и до [здесь, видимо, в значении 'доже'=вплоть до...]. – Т. М., А. М.] сего дни знали един род тех

великих князеи, преже киевских, до великого князя Дмитрея Юрьевича, Всеволода Владимировского, а от того великого князя до иже и до мене род их, мы *владеем* вами и *жалуем* вас, и *бороним* отвселе, а и *казнити* волны же есмы, коли на нас не по старине смотриши почнете...» [Московская... 1982: 380].

Конечно же, это была попытка выдать желаемое за действительное: как известно, новгородская независимость к XV в. стала для московских князей значительной проблемой. Даже после официального присоединения в 1478 году новгородская проблема не была решена. В Новгороде сохранились Монетный двор и собственная денежная система («новгородки»), лишь искусственно приравняемые к московским. Отличалась от московской и система обложения податями. Наместники под покровительством Москвы обладали правом дипломатических сношений с северными и северо-западными соседями, см. [Соловьёв 1951: 45-63; Зимин 1982: 76-92]. Но тем более интересной является эта повесть. Православный московский автор использует «родовую» семантику и «старину» как самые убедительные с его точки зрения доводы в пользу объединения Новгорода с Москвой.

Так, в «Послании на Угру», написанном Вассианом по «реклу» Рыло, аргументация направлена на выполнение главной задачи текста: уговорить, убедить и заставить великого князя Ивана III выступить против хана Ахмата.

Иван III, помня о своём отце, бывшем в плену у татар, крепко усвоил для себя необходимость осторожного и опасливого отношения к татарам и потому медлил выступать против Ахмата.

Желая, чтобы князь совершил необходимые для спасения страны и подданных действия, Вассиан конструирует положительный образ. При этом одним из аргументов, которые он использует в своём убеждении, является обращение к авторитету и предков-язычников, и предков-православных христиан (Рюрик, Игорь, Святослав, Олег, Владимир Мономах, Дмитрий Донской): «...И поревнуи преже бывшим прародителям твоим, великим князем твоим, не точию обороняю Русскую землю от поганых, но и иныя страны приимаю под себе, еже глаголю Игоря и Святослава, и Владимира, иже на греческих царихъ дань имали, потом же и Владимира Манамаха, како и колико бия съ океанными половци за Русскую землю, и ине мнози, иже паче насъ веси...» [Послание... 1982: 528].

Особенно ярко Вассиан описывает Дмитрия Донского. Это и понятно, ведь именно он первый из князей «храбрство показа за Дономъ над тѣми же океанными сыроядци... и не пощаждѣ живота своего избавленіа ради христьянского...» [Послание... 1982: 528].

Обращаясь к «дедам» за примером, Вассиан Рыло эксплицирует их общее качество – умение постоять за Русскую землю.

Мы видим, что обращение к предкам, к родовым ценностям остается актуальным для русских князей и через пять-шесть веков после принятия христианства Русью. Более того, надо отметить, что языческие элементы «вросли» в православно-христианское мировоззрение русского народа и его правителей.

ЛИТЕРАТУРЫ

Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.

Велецкая Н. Н. Символы славянского язычества. М.: Вече, 2009.

Горский В. С. Философские идеи в культуре Киева XI-XIII вв. // Философская мысль в Киеве. Киев: Наукова думка, 1982. С. 31–51.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982.

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: ЛГУ, 1986.

Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.

Лурье В. М. Русское православие между Киевом и Москвой. Очерк истории русской православной церкви между XV и XX веками. М.: Три квадрата, 2010.

Макаров А. И. Нравственные воззрения Илариона Киевского // Тысячелетие русской письменной культуры (988–1988) / Альманах библиофила. Вып. 26. М.: Книга, 1989. С. 76–88.

Михайлова И. Б. И здесь сошлись все царства...: Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010.

Молдован А. М. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Киев: Наукова думка, 1984.

Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Художественная литература, 1982. С. 376–403.

Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Художественная литература, 1982. С. 404–409.

Послание на Угру Вассиана Рыло // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Художественная литература, 1982. С. 522–537.

Прохоров Г. М. Прошлое и вечность в культуре Киевской Руси // Тысячелетие русской письменной культуры (988 – 1988) / Альманах библиофила. Вып. 26. М.: Книга, 1989. С. 56–64.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей: в 3 т. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 1. 221 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей: в 3 т. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 2. 281 с.

Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М.: Восточная литература, 1997.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времен: в 15 кн. М.: Академия наук СССР, 1951. Кн. 3.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т., 6 кн. М. : Книга, 1989. (Репринтное издание СПб., 1893-1912).

Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб.: Комплект, 1992.

Трубецкой Н. С. Наследие Чингис-Хана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н. С. Избранное. М. : Прогресс, 1995. С. 211–266.

Ужанков А. Н. Будущее в представлении писателей Древней Руси XI-XIII вв. // Русская речь. 1988. № 6. С. 78–84.

Фроянов И. Я. Древняя Русь: опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М. ; СПб.: Златоуст, 1995.

Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М. : МИРОС, 1998.

Т. А. Островская

Майкоп, Россия

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ГИБКОСТЬ МЫШЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ ДИСКУРСЕ ЭЛИТЫ

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются модификации дискурсивных практик современной британской элиты, вызванные изменениями в ее социальных практиках, которые обусловлены процессами глобализации, демократизации общества и кризисом института монархии. Анализируются речевые практики представителей королевской семьи. Исследуются языковые средства осуществления политики доминирования британской элиты на базе концепта ГИБКОСТЬ МЫШЛЕНИЯ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс элиты; концепт; нормативное произношение; стандартный английский язык; южно-английский диалект.

Сведения об авторе: Островская Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Адыгейский Государственный университет.

Адрес: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Университетская, д. 208.

E-mail: ostrovska.t@mail.ru.

T. A. Ostrovskaya

Maykop, Russia

ACTUALIZATION OF THE CONCEPT OF 'FLEXIBILITY OF THINKING' IN CONTEMPORARY BRITISH ELITE DISCOURSE

ABSTRACT. The article deals with the modification of the discursive practices of the contemporary British elite caused by the social processes of globalization, democratization of society and the monarchy crisis. The author analyzes the speech practices of members of the royal family and investigates linguistic means that are used by the British elite to fulfil the policy of domination which becomes possible due to realization of the concept of 'flexible thinking'.

KEY WORDS: elite discourse; concept; Received Pronunciation; Standard English; Estuary English.

About the author: Ostrovskaya Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Adyge State University.

В связи со значительными изменениями социальных практик в Великобритании, причинами которых являются глобализация, демократизация общества, кризис института монархии, изменение классового и этнического состава населения Британии и пр., за последние десятилетия подверглись изменениям и формы языка элиты [См. Островская 2014:173]. Один из базовых концептов элиты – ГИБКОСТЬ МЫШЛЕНИЯ - актуализируется в новой форме языка (Estuary English), носителями которой стали и некоторые члены королевской фамилии, причем при практически сохраненной грамматике, значительным изменениям подверглась орфоэпическая норма, а также, в меньшей степени, лексический состав стандартного английского языка. В связи с этим, британская лингвистика и социолингвистика рассматривают фонетическую вариативность как базовый социальный маркер. [Rosewarne 1984; Trudgill 2000; Wells 1982].

Питер Традгил наглядно отразил зависимость произношения от социального статуса в так называемой «пирамиде»: чем выше социальный и образовательный статус говорящего, тем ближе его речь к нормативному произношению - RP [Trudgill 2000: 32]. Ему вторит Дж. Уэллс: «RP является показателем социального статуса человека в британском обществе. В сознании носителей английского языка данный тип произношения ассоциируется с престижными профессиями, такими как адвокат, биржевой маклер, дипломат, преподаватель университета, священнослужитель. Профессия актера тоже требует овладения RP» [Wells 1982]. Д. Роузварн видит причины распространения Estuary English в том, что демократизация английского общества во второй половине XX века привела к расширению границ допустимого в RP, а именно к проникновению некоторых черт региональных и более низких социальных типов произношения. Так, стало заметным влияние на произносительный стандарт локального типа произношения Estuary English, на BBC работают дикторы с региональными акцентами, что невозможно было представить в середине XX века [Rosewarne 1984].

Выделяя связь нового варианта языка с социальными изменениями в британском обществе, Д. Кристал [Crystal 1995: 327] пишет, что Estuary English может быть результатом двух социальных тенденций - продвижением на более высокие позиции носителей Cockney и снижением социального уровня тех представителей среднего класса, кто ориентирован на Posh English. Его мысль продолжает П. Керсуилл: «Люди, которые говорят на Estuary English отличаются большой мобильностью, как социальной, так и географической; они легко «переключаются» с более «высокого» RP на более «низкий» местный диалект. Из-за своего размытого социолингвистического происхождения Estuary English привлекателен для многих. Для тех, кто поднимается или опускается по социальной лестнице, это неосознанная мотивация влиться в новое для себя окружение, уступив ему, не потеряв своей языковой идентичности» [Kerwill 1994].

Лицемерие высшего класса привело к тому, что стало модным принижать свой социальный статус, одной из форм которого отражается в речи и внешней самоидентификации, что и отмечает одни из участников обсуждения.

Об этом же пишет Тоби Янг, заместитель главного редактора *The Spectator* в статье «Британский высший класс слишком большой сноб, чтобы называть себя высшим классом», сопровождаемой подзаголовком «Чем больше у нас неравенства, тем меньше мы хотим говорить об этом»:

«Britain's upper class is now too snobbish to speak its name. The more unequal we get, the less we want to talk about it.

YouGov conducted a poll in which people were asked to judge how middle class the party leaders are. Only 15 per cent judged him 'middle class', against 77 per cent who thought him 'upper class'.

I've only ever heard one person describe themselves as upper class. To complicate matters, the person in question was, in fact, middle class. It's become so unfashionable among the upper classes to be thought of as posh that anyone who identifies themselves as such is, almost by definition, not. These days, even calling yourself 'upper middle class' is taboo. <...>genuinely posh people are too snobbish to call themselves upper class. I've never asked David Cameron what class he is, but I'm sure he'd say middle class. Or, to use the correct phrase: 'I don't know, middle class I suppose. I've never really thought about it [Young 2014].

Перевод: YouGov провела опрос, в котором людей спрашивали мнение о принадлежности партийных лидеров к среднему классу. Только 15 процентов опрошенных относят партийных лидеров к среднему классу, 77 процентов относятся их к высшему классу.

Мне встретился только один человек, который открыто признавал себя членом высшего класса, но дело в том, что на самом деле он относился к среднему классу. Среди высшего сословия стало столь непопулярно говорить о себе как об элите, что любой, кто открыто признается в своем благородном происхождении, сразу же исключается из него. Нынче неприлично даже относить себя к богатой буржуазии. Те, кто действительно относится к высшему классу, слишком большие снобы, чтобы признать это. Мне никогда не приходилось спрашивать об этом Дэвида Камерона, но я уверен, он скажет, что принадлежит к среднему классу. Или, вернее, он скажет: «Я не знаю, возможно, к среднему классу. Никогда об этом не задумывался» (Пер. наш. – Т. О.).

Интересно отметить, что в английском лингвокультурном сообществе вопрос употребления того или иного варианта языка исследуется не только лингвистами, социологами и антропологами, но также является предметом обсуждения в социальных сетях. Вот что пишут британцы в комментариях к вышеприведенной статье Т. Янга (сохранена орфография оригинала):

1) *Why do you deplore Estuary English. Because you are a dreadful snob, that's why. You can't quite bring yourself to say you deplore Eliz Doolittle's cockney, but you do. What YOU like is the way the Beeb used to speak in the 1950s. Up yours, lady.*

Перевод: Почему вы осуждаете Estuary English – да потому что вы ужасный сноб, вот почему. Вы не осмеливаетесь сказать, что вы осуждаете кокни Элизы Дулитл, но это так. Вам нравится, как говорили дикторы БиБиСи в 1950-х? Шли бы вы подальше, леди.

2) *Perhaps it is the artful adoption of the patois that is deplored. At least that is my personal view. Loving the genuine cockney of those born within the sound of Bow bells then. As for Beeb 1950s speak. Missing it as a lost language. Only the Scots seem to be enraged with prejudice at hearing it uttered.*

Перевод: Возможно, осуждается искусственная форма местного наречия. По крайней мере, я так думаю. Люблю настоящий диалект кокни тех, кто родился в районе, где слышны колокола церкви Сент-Мэри-ле-Боу. Что касается манеры дикторов БиБиСи 1950-х – я тоскую по этому утраченному языку. Только шотландцы, кажется, приходят в ярость, когда слышат его.

3) *I deplore Estuary English because it is fake, without any character and is used by Politicians and others to hide behind. I much prefer regional accents, have nothing against genuine cockney and the beautifully spoken English that as you say is quite lost now. <http://www.spectator.co.uk/life/status-anxiety/9121471/the-class-thats-too-snobbish-to-speak-its-name>.*

Перевод: Я не одобряю Estuary English потому что он фальшивый, у него нет характера. Его используют как ширму политики и прочие. Я предпочитаю региональные акценты и ничего не имею против настоящего кокни и прекрасного разговорного английского, который, как вы утверждаете, уже исчез.

В свою очередь Пол Коггл отмечает: «Акцент языка не бывает хорошим или плохим, но необходимо признать, что наше восприятие акцента очень сильно влияет на отношение к другим людям. У разных людей и отношение разное – значительное число молодых людей расценивают Estuary English как современный, открытый, помогающий легко социализироваться в среде городской молодежи (street cred), идеальный для создания модного имиджа. Другие полагают, что он создает образ доступного, неформального и гибкого человека, в то время как RP, Queen's English, Oxford English и Sloane Ranger English все больше воспринимаются недоступными и формальными формами английского языка» [Coggle 1993].

"Estuary English" – это термин, введенный британским лингвистом Дэвидом Роузварном для определения варианта (акцента), который он характеризовал как *"variety of modified regional speech" it becomes "a mixture of non-regional and local south-eastern English pronunciation and intonation"* [Rosewarne 1994].

Перевод: (...) разновидность модифицированной региональной речи, смесь нерегионального и местного, юго-восточного английского произношения и интонации (Пер. наш – Т. О.).

6 YouGov – британская компания, занимающаяся профессиональными исследованиями рынка. Она основана в мае 2000 года. YouGov одним из первых стал использовать Интернет для проведения полноценных маркетинговых исследований. Участниками опросов, проводимых YouGov, являются активные респонденты разного возраста и социально-экономического статуса.

Первоначальная расплывчатость данной дефиниции за прошедшие десятилетия не исчезла и вопрос четкого определения функций Estuary English (за исключением орфоэпических особенностей) по-прежнему вызывает затруднения.

Касательно «внезапного» появления Estuary English надо отметить, что это новое имя, но не новое явление. Estuary English это проявление тенденции в развитии английского языка - более пятисот лет манера речи, популярная в Лондоне расширяет границы как географически, так и социально. Это происходит в полном соответствии с общими законами развития общества – явление зарождается в центре, а затем распространяется на периферию – еще одно доказательство социальной природы языка.

Разрушение классовой системы и рост социальной мобильности в Великобритании способствовали более яркому, чем ранее проявлению изменений, происходящих в английском языке.

В 1992 году в журнале ON LANGUAGE была опубликована статья Стива Лора, красноречиво озаглавленная THE ACCENT GAP (*Пропасть между Принцем и Принцессой из-за акцента*), посвященная анализу речевых особенностей Принца Чарльза и Принцессы Дианы. Анализ речевых особенностей провел британский лингвист Джон Хани. Он пишет: «There is a huge accent gap between Charles and Diana," says Honey, the author of the 1989 book "Does Accent Matter? The Pygmalion Factor." [Honey 1991]. Он отмечает, что Чарльз и Диана употребляли разные стили языка, присущие речи высшего класса. Чарльз говорит на языке, характерном для элиты, который отражает привилегированное положение его носителей – членов королевской семьи, выпускников Итона, пожилых преподавателей Оксфорда и Кембриджа.

Речь Принцессы Дианы отличали признаки того языка, который находится на другом конце спектра нормативного произношения (RP). Этот вариант английского языка впитал в себя многие черты лондонского диалекта кокни - Estuary English.

Its most prominent feature is "t-glottalling," which means strangling the final "t" in most words. Expert ears, for example, have detected Diana saying there's a lo' of i' abou' for "there's a lot of it about."

Перевод: Его самой характерной чертой является *t-glottalling*, т.е. «проглатывание» конечного звука [t] в большинстве слов. Специалисты, например, выявили, что Диана произносит *there's a lo' of i' abou'* вместо *there's a lot of it about'* таким образом «проглатывает» конечный [t]

[Lore 1992]. Сын Чарльза и Дианы Принц Уильям унаследовал свою манеру речи от матери. В интервью, которое он и его невеста дали накануне свадьбы,⁷ многие отметили, что речь и принца, и Кейт Миддлтон близка к Received Pronunciation/Standard British, при этом наблюдается некоторое количество локальных единиц и «модных» словечек. Однако акцент Уильяма близок к Estuary English – это выражается в его манере произносить дифтонги в более задней позиции, в то время как произношение Кейт ближе к нормативному (RP). Речь Кейт более аристократична.

Любопытны комментарии в форуме на видеointerview королевской пары: *Lol I wanted to watch this to hear what they sound no offense to Kate Middleton everybody knows she's a Yorkshire lass but she's trying too hard to speak posh as you can tell it's coming naturally from prince william Kate should just be herself. Diana was the best.s.*

Перевод: Ухохочешься. Я хотела посмотреть ролик, чтобы послушать как они говорят. Без обиды – все знают, Кейт Миддлтон - девушка из Йоркшира, но она старается изо всех сил говорить как аристократка. А вот у Принца Уильяма все получается естественно. Кейт нужно оставаться собой. Диана была лучше всех (Пер. наш. – Т. О.).

По мнению Дж. Хани, речь Принца ближе к речи простых парней, чем речь его жены-простолюдинки, которая, по иронии судьбы, говорит с «королевским акцентом». Какие же выводы делает ученый из этого лингвистического анализа?

1.) Если (и когда) Уильям станет королем, то он будет первым в истории Британии монархом, который будет говорить на языке, достаточно близком к языку «среднего» англичанина.

2.) Взаимосвязь между классовой принадлежностью и языком продолжит ослабевать. Распространение Estuary English, похоже, будет напоминать распространение General American в США в середине 20 века.

3.) **Звонят ли колокола по Нормативному Произношению?** Если через несколько десятилетий мы увидим короля, который не говорит на Королевском Английском, как долго продержится этот аристократический акцент?

Приверженность Уильяма к Estuary English расценивается как верность самому себе, к своему поколению, к Британии, в которой он вырос.

Ученые – лингвисты также отмечают, что за три десятилетия Рождественских посланий у королевы Елизаветы манера произношения стала демократичнее. В статье, озаглавленной *The Queen's English of today: My 'usband and I... Special report: the future of the monarchy*, Тим Редфорд, научный редактор газеты The Guardian, пишет о том, что Джонатан Харрингтон и его коллеги из Университета Макквэр (г. Сидней) провели сравнительный анализ произношения Ее Величества за годы ее правления и пришли к выводу, что на ее речь оказал влияние южно-

7 <http://www.youtube.com/watch?v=Bn-eglpPKh8>

8 <http://dialectblog.com/2011/05/01/william-and-kates-accent/>

английский диалект, который ассоциируется с более молодыми людьми, стоящими ниже на социальной лестнице, и что королева более не говорит на Королевском Английском, типичном для нее в 1950-е годы [Redford 2000].

Однако, это скорее штрихи, которые, с одной стороны, учитывая жанр телевизионного обращения, носят прагматический характер и свидетельствуют о необходимости демонстрировать «близость к народу», с другой стороны отражают способность к гибкому мышлению, присущему лучшим представителям элиты, т. е. являются примером актуализации концепта ГИБКОСТЬ МЫШЛЕНИЯ элитарной дискурсивной личности.

Выводы: Сложные процессы, протекающие в обществе, неизбежно находят свое отражение в языке. Эпоха «текущей современности» (термин Зигмунта Баумана) с ее размытыми границами и новыми концептами – причина изменений социальных и дискурсивных практик элиты. Анализ британского дискурса представляет в этом отношении особенно интересные примеры эмпирического материала – ни в одной другой стране Европы не наблюдается такого яркого проявления социальной знаковости языка. Английская аристократия (элита) всегда отличалась гибкостью мышления, что находит подтверждение и в современной ситуации – доминирование осуществляется посредством гибких изменений дискурсивных практик элиты. Последние следы сентиментальной эдвардианской Англии и эпохи «твердой современности» с их четкими границами и признаками социальных классов уходят в прошлое.

ЛИТЕРАТУРА

Островская Т. А. Дискурсообразующие концепты современной меритократической элиты Британии и Ирландии // Политическая лингвистика. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, № 2(48), 2014. С. 173-179

Coggle P. Do You Speak Estuary? / P. Coggle. London : Bloomsbury, 1993.

Crystal D. Estuary English / D. Crystal // Cambridge Encyclopaedia of the English Language, 1995. P. 327.

Honey J. Does Accent Matter? The Pygmalion factor / J. Honey. London: Faber & Faber, 1991.

Kerswill P. Estuary English: Posting on the Linguist List / P. Kerswill, May 6, 1994. URL: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/kerswill.htm>.

Lohr S. On language.; The Accent Gap/ S. Lore //The New York Times, August 23, 1992. URL: <http://www.nytimes.com/1992/08/23/magazine/on-language-the-accent-gap.html>.

Redford T. The Windsor estuary. The Queen's English is modulating/ T. Redford// The Guardian, December 21, 2000. URL: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/queen.htm>.

Rosewarne D. Estuary English [// Times educational supplement. 1984. URL: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/rosen.htm>.

Rosewarne D. Estuary English : tomorrow's RP? / D. Rosewarne // English Today 37, 1994. Vol. 10, No. 1, January. P. 3–8.

Trudgill P. Sociolinguistics : an Introduction to language and society. 4-th ed. / P. Trudgill. London : Penguin Books, 2000.

Wells, J. C. Accents of English : an introduction / J. C. Wells. Cambridge: C.U.P., 1982.

Young T. Britain's upper class is now too snobbish to speak its name/ T. Young, The Spectator, January 25, 2014. URL: <http://www.spectator.co.uk/life/status-anxiety/9121471/the-class-thats-too-snobbish-to-speak-its-name>.

О. О. Петрова

Калуга, Россия

КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЗНАЧЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ СЛОВ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ КОНФЛИКТЫ ГОСУДАРСТВА».

АННОТАЦИЯ. Объектом исследования в данной статье являются культурно-идеологические созначения в семантике слов с общим значением «внешние и внутренние конфликты государства». Материалом для исследования послужили данные толковых словарей, а также примеры употребления слов и сочетаний из Национального корпуса русского языка. Автор анализирует и сравнивает подачу толкований лексических значений слов данной группы в разных лексикографических источниках, а также прагматическую сочетаемость этих слов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурно-идеологические созначения; слова с общим значением «внешние и внутренние конфликты государства»; семантика; прагматика.

Сведения об авторе: Петрова Оксана Олеговна, аспирант кафедры русского языка филологического факультета Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, учитель русского языка и литературы МБОУ «Средней общеобразовательной школы № 12» г. Калуги.

Адрес: : 248000, г. Калуга, пер. Воскресенский, д. 4.

E-mail: poks1990@yandex.ru.

O. O. Petrova

Kaluga, Russia

CULTURAL AND IDEOLOGICAL VALUES IN THE SEMANTICS OF WORDS WITH A TOTAL VALUE "EXTERNAL AND INTERNAL CONFLICTS OF THE STATE."

ABSTRACT. The object of the research in this article are the cultural and ideological values in the semantics of words with a common meaning of "external and internal conflicts of the state." Material for the study was based on data dictionaries, as well as examples of use of words and combinations of the National corpus of the Russian language. The author analyzes and compares in giving interpretations of the lexical meanings of the words of this group in different lexicographic sources, as well as pragmatic combinations of these words.

KEY WORDS: cultural and ideological values; words with a total value "external and internal conflicts of the state"; semantics; pragmatics.

About the author: Petrova Oksana Olegovna, Post-graduate Student of Department of Russian of Philological Faculty, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Teacher of Russian and Literature of Kaluga Secondary School # 12.

В данной статье рассматриваются лексемы, типа *война, биться, сражаться, оккупировать, вторжение, аннексия, воин, вояка, разведчик, сержант, шпион, гвардеец, рыцарь, лук, меч, офицер, унтер-офицер, диверсант, дивизия, полк, рота; бунт, бунтовщик, восстание, мятеж, революция, оппозиция, оппозиционер, боевик, радикал, террорист, экстремист* и др.

1. Часть анализируемых лексем лексикографически культурно идеологических созначений не обнаруживает. Это слова типа *лук, меч, рота, полк, атаковать, защищаться* и др.

2. Часть рассматриваемых слов характеризуется аксиологическим компонентом в семантике, который проявляется в прямом значении: в толковании значения или в прагматике использования лексемы. Этот компонент в норме отражает идеологию господствующего класса.

В словаре под ред. Н. Ю. Шведовой к слову *гвардия* дается и комплексное наименование *белая гвардия*, которое истолковано следующим образом: «В годы Гражданской войны: общее название русских военных формирований, боровшихся за восстановление законной власти в России».

С точки зрения составителей словаря белое движение боролось за восстановление законной власти.

Примечание: термин *гражданская война* неверно оформлен орфографически: слово *гражданская* – должно писаться со строчной буквы.

В словаре под ред. Д. Н. Ушакова дана противоположная оценка.

Ср.: *Белая гвардия*. Полит. Контрреволюционные войска.

Слова *вояка, военщина, шпион, агрессия, вторжение...* включают негативные оценочные коннотации (но это словари не всегда отмечают) и используются для характеристики, как правило, иностранных военных и их действий, хотя в толковании этих слов ограничений по денотату нет.

Словарь под ред. Н. Ю. Шведовой. *Шпион*. Тайный агент, занимающийся шпионажем. *Вторгнуться*. Войти силой. || Сущ. *Вторжение*.

Ср. в БАС *Военщина*. Агрессивно настроенные военные круги.

Словарь под ред. Н. Ю. Шведовой. *Военщина*. Собир. Неодобр. Агрессивные военные круги.

В национальном корпусе русского языка иллюстрации к слову *военщина* в подавляющем числе случаев даны в отношении к военным иностранным государствам.

Живу здесь, как луч света в тёмном царстве... Эх, поработила бы нас *американская военщина!* Может, зажали бы, как люди, типа чехов... [Сергей Довлатов. Заповедник (1983)]

Если и появлялись иногда новости из тех мест, то они относились только к одному аспекту: «*Израильская военщина*». [Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)]

Навуходоносор, Антиох Эпифан, Тит, персы, крестоносцы, *израильская военщина*, палестинские патриоты etc – будет ли отражена в аттракционах также и их деятельность? [Максим Соколов. 6.VII -- 12.VII (2002) // «Известия», 2002.07.12]

Если, конечно, *американская военщина* не прислушается к миролюбивым инициативам России. [Новости (2002) // «Автопилот», 2002.12.15].

Отсюда вывод Сталина: необходимо проявлять осторожность, не поддаваться на провокации, которые устраивает *немецкая военщина*, стремясь перетянуть Гитлера на свою сторону. [Валентин Бережков. Рядом со Сталиным (1998)]

А Хрущев, распаясь, как он это умел, гневом, сверлил взглядом американского посла и ледяным тоном бросал в зал тяжелые, как глыбы, обвинения: распоясавшаяся *американская военщина* послала шпионский самолет в глубь Советского Союза в священный для нашего народа и трудящихся всех стран день 1 Мая. [Олег Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича (1997)].

Слово агрессия в толковых словарях XIX – XXI вв. претерпело изменения: оно стало более терминологично и включило семантику, указывающую на международное право.

Ср.: словарь 1847 г.: Агрессия. Слова нет. Агрессор. Слова нет.

Словарь под ред. Д. Н. Ушакова. Агрессия. Полит. Наступление, нападение, агрессивное отношение к чему-н.

Словарь под ред. Н. Ю. Шведовой. Агрессия. 1. Незаконное с точки зрения международного права применение вооруженной силы одним государством против суверитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства. Агрессор. 1. Тот, кто совершает незаконное нападение, агрессию (в 1 знач.).

Слова агрессия, агрессивный, террор, террорист, вторжение, боевик, экстремист обладают негативным культурно-идеологическим созначением. Поэтому в отношении своей страны, в отношении к лицам, осуществляющим государственную власть они, как правило, не используются. Исключение составляет оппозиционный дискурс.

Ср. малоожидаемые словосочетания: агрессия России, вторжение СССР на территорию Польши, экстремисты правящей партии...

Слова типа биться, сражаться в норме обладают позитивной коннотацией. Они не прилагаются, как правило, к врагам.

Мало вероятны фразы: фашисты бились, сражались с советскими воинами.

Термин «Великая Отечественная война» прилагается только к советскому народу. Для фашистской Германии и ее союзников – это неприменимо.

Нельзя сказать: *Участие немецких солдат в Великой Отечественной войне....

В словаре 1847 г. нет слов *боевик*, *радикал* (в политическом смысле), *оппозиция*, *оппозиционер*, *революция*, *революционер*.

И это не случайно: они либо еще не вошли в общее употребление (*боевик*, *радикал*), либо неудобны для господствующего класса: поэтому лучше о них не вспоминать.

В словаре под ред. В. И. Даля они есть (нет слова *оппозиционер*, а *боевик* имеет значение 'тот, кто умеет и любит драться').

В. И. Даль. *Опозиция*. Лат., фр. Сопротивление, противостояние. *Опозиционный*. Супротивный, *стропотный*, *спорный*.

Радикал. Политик, требующий коенных преобразований в управлении, на основании науки, отвергающий опыт.

При толковании слова *радикал* В. И. Даль выступает как консерватор, следующий за историческим опытом, и отрицательно относится к социологическим изысканиям.

В. И. Даль. *Революция*. Смуты государственные, восстание, возмущение, мятеж, крамолы и насильственный переворот гражданского быта. – *Генерал от революции*. Бран. Прозвище людей, бессмысленно стремящихся ко всеместным крамолам и переворотам.

Отрицательная оценка революционных действий выражена и в кличке *генерал от революции*, и в определении этих действий как *бессмысленных*.

Противоположная оценка дана в словаре под ред. Д. Н. Ушакова. *Революция*. Переворот в общественно-политических отношениях, совершаемый насильственным путем и приводящий к переходу государственной власти от господствующего класса к другому, *общественно-передовому*.

В словаре под ред. Д. Н. Ушакова утверждается, что *революция* движет общественный прогресс.

В словаре под ред. Н. Ю. Шведовой указание на то, что переход власти осуществляется к «общественно-передовому» классу, снято. Дается и выражение: *Бархатная революция*. Радикальное изменение в жизни общества, осуществляемое без насильственного кровопролития.

Утверждение ненасильственного переворота сомнительно: практика этого не подтверждает.

Небезынтересна подача слова *оппозиция* в словаре под ред. Д. Н. Ушакова.

В отношении к буржуазному государству это одно, а в отношении к пролетарскому – совершенно другое:

Оппозиция. 2. В буржуазном государстве – деятельность, направленная против данного правительства и его политики (полит.). 3. Деятельность оппортунистических антиленинских группировок, борющихся против генеральной линии ВКП (б) и против руководства партии с целью разрушения диктатуры пролетариата и восстановления капитализма и превратившихся впоследствии в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданию разведывательных органов иностранных государств.

В словаре под ред. Д. Н. Ушакова *восстание* – это «организованное выступление против правительственной власти», в словаре под ред. Н. Ю. Шведовой *восстание* – это «вооруженное выступление против существующей власти»: определение «организованное» снято, зато добавлено, что оно «вооруженное».

3. Некоторые словарные толкования можно охарактеризовать как недостаточно информативные.

В рассматриваемых толковых словарях слово *унтер-офицер* толкуется примерно одинаково.

Словарь под ред. Н. Ю. Шведовой. *Унтер-офицер*. В царской и некоторых других армиях: звание младшего командного состава, а также лицо, имеющее это звание.

Что касается царской армии, то унтер-офицеры в ней в норме были выходцами не из дворянского сословия. Офицеры говори им «ты», что было недопустимо в отношении дворянина. Это звание могли носить небольшое время и дворяне в начале военной карьеры, но тогда их называли юнкерами. И офицеры им говорили «вы».

Более точно определение дано в словаре устаревших слов Р. П. Рогожниковой и Т. С. Карской: *Унтер-офицер*. Разг. *Унтер*. Прост. *Ундер*. В русской армии до 1917 г., а также в некоторых иностранных армиях – звание младшего командира из солдат (нижних чинов); лицо, носившее это звание.

В словаре под ред. Д. Н. Ушакова к рассматриваемому слову дано такое же толкование, как и в словаре под ред. Н. Ю. Шведовой.

Однако пример к прилагательному *унтер-офицерский*, которое расположено за словом *унтер-офицер*, пользователь осмыслить в полной мере, исходя из толкования слова *унтер-офицер*, не сможет.

Ср.: *Унтер-офицерский*. Прилагательное к *унтер-офицер*. – Я разве из каких-нибудь разночинцев, из портных или унтер-офицерских детей? Я дворянин. Гоголь. *Унтер-офицерская жена Иванова*.

Очевидно, толкование слова *унтер-офицер* должно быть следующим: *Унтер-офицер*. В царской и некоторых других армиях: звание младшего командного состава, а также лицо, имеющее это звание. В царской армии унтер-офицеры были выходцами, как правило, из солдат.

4. Многие из рассматриваемых слов используются в речи манипулятивно – со смещенной референцией, в зависимости от отношения автора дискурса к описываемым событиям, а не с учетом содержательных словарных характеристик. Как замечает Клод Ажеж «слова в таком языке становятся своими собственными референтами» [Ажеж 2003: 191].

Так, описывается противостояние власти и оппозиции в Киеве (и не только) в январе 2014 года дикторы разных телевизионных каналов, иногда и одного, по отношению к оппозиционерам используют слова: оппозиционеры, радикалы, бунтовщики, экстремисты, боевики, террористы.

Во время военных событий на Кавказе в конце XX вв. по отношению к одним и тем же людям использовались номинации: участники незаконных военных формирований, сепаратисты, радикальные исламисты, боевики, террористы, бандиты, участники банд-формирований и др.

5. В описании внешних и внутренних конфликтов нередко используются ярлыки и эвфемизмы и близкие к ним иноязычные слова, непонятные слушателям. Такого рода номинации-оценки обычно не включаются в нормативные толковые словари.

Так С. И. Карцевский отмечал, что в постреволюционный период пролетарской революции использовались слова *коллонтаить* ‘развратничать’ (по имени комиссарши Коллонтай), *Хамбург* вместо ‘Петербург’, *редиска* ‘о специалистах, перешедших на сторону большевиков’ (сверху красные, внутри белые), *вошь* ‘белогвардеец’ и под. [Карцевский 2000: 210, 241].

В. П. Москвин отмечает, что «политическая эвфемия» преследует две цели: «а) обмануть общественное мнение, б) ... скрыть неприглядные стороны действительности... Ср.: *культ личности* (вм. диктатура или абсолютная власть), *нецелевое расходование средств* (вм. воровство), *миротворческая акция* (вм. военные действия)... *миротворческая миссия* (вм. Агрессия)... *задержать* (вм. арестовать)» [Москвин 2007: 131–132].

В сегодняшних теле-новостях (2000–2014 гг.) почти никогда не говорят, что боевики *убиты*, они ликвидированы. Однако в словаре под ред. Н. Ю. Шведовой такого значения у слова *ликвидировать* нет.

Подобные наблюдения отмечены в работах и других лингвистов [Крысин 2006: 398 - 400].

С. М. Волконский считал, что «не малая доля успехов пропагандной литературы основана на приеме затемнения рассудка: «Эх, ты, деревня! Нечто это грабеж – *экспроприация!*» [Грановская 2001: 298].

Таким образом, в толковых словарях при подаче слов с общим значением «внешние и внутренние конфликты государства» присутствуют: 1) аксиологические культурно-идеологические созначения, детерминированные точкой зрения господствующего на момент издания словаря общественного класса, 2) часть неудобных для режима слов может не помещаться в толковый словарь, 3) для некоторых лексем в их семантике отмечен некий «патриотический взгляд» на события, который является общим для различных общественно-политических воззрений, 4) представлены в словарях недостаточно информативные толкования, обусловленные культурно-идеологическим

взглядом на явление, 5) в речи референция рассматриваемых имен может смещаться в зависимости от отношения автора дискурса к описываемым событиям, а не с учетом содержательных словарных характеристик: слово приравнивается к референту, 6) в речи отмечаются разного рода ярлыки и эвфемизмы по отношению к референтам рассматриваемых слов, обусловленные культурно-идеологическими установками говорящего (чаще властных структур). Такие номинации не всегда отражаются нормативными толковыми словарями.

ЛИТЕРАТУРА

Ажеж Клод. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: Пер. с фр. М.: Эдиториал УРСС. 2003.

БАС. Словарь современного русского литературного языка. – 1-е изд. АН СССР, Москва – Ленинград, 1950–1965. Т. 1–17.

Грановская С. М. Сергей Михайлович Волконский // Русский язык зарубежья / Под ред. Е. В. Красильниковой. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 288–311.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1880–1882. Т. 1–4.

Карцевский С. И. Из лингвистического наследия / Сост., вступ. ст. и комментарии И. И. Фужерон. М.: Языки русской культуры, 2000.

Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: «Языки русской культуры», 1996. С. 384–408.

Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка, изд-е 2–2. М.: ЛЕНАНД, 2007.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgo.ru>.

Словарь церковнославянского и русского языка / Составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Санктпетербург, 1847. Т. 1–4.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011.

З. П. Пименова

Иркутск, Россия

ПУТЕШЕСТВИЕ/VOYAGE В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

АННОТАЦИЯ. В статье осуществлен анализ пословиц и поговорок русского и французского языков на тему Путешествие/Voyage. В результате анализа были обозначены ценностные составляющие концепта «Путешествие» в русской лингвокультуре и «Voyage» – во французской и выделены его доминантные признаки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: путешествие; voyage; концепт; пословицы; поговорки.

Сведения об авторе: Пименова Зоя Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Евразийского лингвистического института Московского государственного лингвистического университета.

Адрес: 664047, г. Иркутск, ул. Карла Либкнехта, д. 151, кв. 31.

E-mail: baoding2009@mail.ru.

Z. P. Pimenova

Irkutsk, Russia

TRAVEL/VOYAGE IN PROVERBS AND SAYINGS

ABSTRACT. The article is devoted to the analysis of French and Russian proverbs and sayings on the topic Travel/Voyage. As a result of the analysis some valuable components of the concept «Travel» in the Russian linguaculture and «Voyage» in the French linguaculture were revealed and its dominant characteristics were distinguished.

KEY WORDS: travel; voyage; concept; proverbs; sayings.

About the author: Pimenova Zoya Pavlovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign Languages Department of the Eurasian Institute of Linguistics, Moscow State Linguistic University.

Путешествие – это «перемещение (реальное или виртуальное) в чужое культурное пространство с целью выхода за пределы наличного бытия для познания себя и мира повседневности Другого» [Черепанова, 2006, с. 12]. В виртуальных путешествиях человек представляет способы своего существования, он приобретает понимание себя. Виртуальные путешествия – это способы самопонимания. В реальных путешествиях осуществляется способ понимания своего мира, через сравнение двух пространств – «своего» и «чужого». Реальные путешествия – это способы понимания своего мира [Черепанова, 2006, с. 13]. А. А. Григорьев, выявляя философскую структуру концепта «Путешествие», предлагает считать его определённой «практикой себя»: чувственной, интеллектуальной, духовной, где конечный результат связан с акцентированным воздействием на один из трех выделенных компонентов конституции человека. В путешествии присутствует завуалированный смысловой контекст узнавания и понимания самого себя, контекст возвращения к собственным культурным истокам, идентификация и разворачивание собственного культурного логоса, понимаемого не только в формально-логическом плане, а как тот исходный культурно-логический синтез, который во многом предопределяет бытие человека в мире [Григорьев, 2009].

Как отмечает А. В. Мозговой, поиск себя в пространстве связан, прежде всего, с поиском тех социальных ролей и образов, с которыми идентифицирует или хотел бы себя человек. Путешествие есть сфера самореализации личности, сфера пространственных перемещений, которые могут осуществляться не только в физическом, но и в образном пространствах и имеют социокультурные и психологические основания, побуждающие человека к переездам: во-первых, необходимость удовлетворения валеологических, когнитивных и эстетических потребностей; во-вторых, постоянное стремление человека к улучшению жизненных условий; в-третьих, потребность в рекреации [Мозговой 2004]. В глубоком смысле путешествие – это открытие и развитие жизни, т.е. переход пределов времени и пространства. Иными словами, путешествие – развитие пространства существования, поиск внешнего мира, переход самого себя и своей жизни [Лю Цзюань 2004].

Путешествие есть культурный феномен и его лингвокультурный анализ требует привлечения термина «концепт». Мы исходим из широкого понимания термина «концепт», данное В. И. Карасиком: концепт есть многомерное культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме, в его архитектонике выделяется понятийная, образная и ценностная составляющие [Карасик 2002: 129]. «Концепт как ментальное образование в сознании индивида является выходом на концептосферу социума, то есть на культуру, а концепт как единица культуры является фиксацией коллективного опыта, который становится достоянием индивида» [Карасик 2002: 139].

Путешествие как социальный феномен моделируется в виде культурного концепта. Лингвокультурный концепт «Путешествие» представляет собой сложное ментальное образование сценарного типа, в состав которого входят следующие компоненты: образный – человек, покидающий дом; расставание с близкими при отъезде и встреча с ними по возвращении; понятийный – поездка или передвижение пешком куда-либо, обычно далеко за пределы постоянного местожительства с научной, образовательной, деловой, религиозной, спортивной и другими целями; ценностный – положительная оценка увиденного и пережитого в путешествии, отрицательная оценка трудностей и опасностей в пути [Кошенкова 2012: 8].

Концепт «Путешествие» представляет собой когнитивное образование, имеющее полевою структуру, с ядром и

периферией. Ядро определяется когнитивными признаками движения / перемещения в пространстве, оставления пределов знакомого пространства / пребывания вне дома, а периферия – расстоянием, скоростью перемещения, направлением, целью, атрибутами путешественника, номинациями земной поверхности, материальными затратами и т. д. Ядро конденсирует наиболее существенные элементы, выражающие основную идею концепта, а периферию составляют прагматические и культурные смыслы [Шевченко 2009: 6].

Данный концепт весьма важен для изучения взаимодействия языка и культуры, языка и общества, так как это многоуровневая сложная структура, коррелирующая с социальной деятельностью человека. «Путешествие» является одним из наиболее значительных концептов культуры, так как он непосредственно связан с такими основополагающими, составляющими основу картины мира понятиями, как движение, время и расстояние, что способствует его метафоризации [Белякова 2005: 12–13]. «Путешествие» является социализованным концептом, объединяет в себе как материальное, так и идеальное [Белякова 2005: 24–25], отражает две области освоенного человеком опыта – физического (область взаимоотношений человека и пространства) и культурного, обусловленного пребыванием человека в культуре [Боброва 2006: 14].

Концепт «Путешествие» как домен-источник является неиссякаемым источником метафоризации различных сфер жизни, представляя пеструю палитру метафорических образов, лежащих в основе ФЕ. Метафоры демонстрируют связь между значениями ФЕ, репрезентирующих концепт «Путешествие», и лежащими в их основе когнитивными структурами. В результате концептуальных преобразований ФЕ наследует новое совокупное значение [Шевченко 2009: 6]. Концепт «Путешествие» является основой для метафоризации смежных семантических центров, что выявляется при анализе пословиц и поговорок [Белкова 2011: 8]. Метафора является семантическим центром пословицы; присутствие этнокультурных метафор в пословицах делает пословицы образными, они являются отражением системы ценностей этого языкового сообщества [Свицова 2005: 5].

В рамках данной статьи исследуются ценностные характеристики концепта «Путешествие» в русской лингвокультуре и «Voyage» – во французской. Ценностные характеристики можно установить, обратившись к анализу выраженных в языке оценочных суждений, которые содержатся во фразеологическом фонде языка, в частности, в пословицах и поговорках. Пословицы имеют высокую степень обобщенности, они выражают обычно повторяющиеся жизненные ситуации и закономерности, а поговорки содержат обобщение на уровне конкретной ситуации, которая, как правило, включается в семантизацию (объяснение) самой поговорки.

Пословицы и поговорки характеризуются эмоциональной окрашенностью. Пословица в обобщенном виде констатирует свойства людей и явлений, дает им оценку или предписывает образ действий. Поговорка являет собой образ, определяющий либо лицо, либо действие, либо обстоятельства действия [Свицова 2005: 7]. Характер этого образа определяет механизм метафорического переноса, обуславливающего в конечном итоге вид и степень экспрессивности и оценочности.

К предметной области «Путешествие/Voyage» относятся паремии, содержащие лексемы «Путешествие» (voyage), «Путь» (chemin), «Дорога» (route) и т. д. Однако, наличие в паремии данных лексем не является обязательным условием того, что сама паремия относится именно к путешествию. Так, например «Путь» представлен в русских паремиях такими признаками и смыслами, как: жизнь – дорога, изобилующая опасностями и соблазнами; судьба человека – выбранная дорога; дорога – тяжелое испытание, требующее напряжения внутренних сил, ума и предусмотрительности; дорога – испытание дружбы, верности, товарищества; пройденная дорога – это пример для идущих следом; дорога – простор для деятельности; дорога – путь к смерти и т. д.

Ценностные характеристики концепта «Путешествие» в русских паремиях выражаются следующими доминантными признаками:

– необходимость в путешествиях, побуждение к путешествию: *Хвали заморье, на печи сидючи; Стоячая вода гниет (киснет); Вольному воля, ходячему – путь; Глаза не видят, так и душа не ведает; Мир, что огород: в нем все растет; Где дорога, там и путь. На людей посмотреть и себя показать; И камень, лежа, мхом обрастет.*

– путешествия приносят обогащение, знания: *Печка нежит, а дорожка учит; Кто путешествует, тот познает; В игре да в попутье людей узнают; Чужая сторона прибавит ума.*

– необходимо иметь хорошего спутника, товарища, попутчика в поездке: *Не бери труса в спутники, а безголосого – в хор; Выбери себе спутника до того, как выйдешь в путь; В дороге и ворога назовешь родным отцом; В дороге и родной отец товарищ (должен помогать); В дороге и отец сыну товарищ; Одному ехать – дорога долга; Умный товарищ – половина дороги; Хороший посох лучше плохого попутчика; Лучше плохая дорога, чем плохой спутник.*

– любовь к родному дому: *Родная сторона – мать, чужая – мачеха; За морем теплее, а у нас светлее; Зачем далеко, и здесь хорошо; В родном краю сокол, в чужом – ворона; В своем болоте и лягушка поет, а на чужбине и соловей молчит; Всюду хорошо, а дома лучше; Всякому мила своя сторона; За горами хорошо песни петь, а жить дома лучше; И кулик свою сторону знает; Много стран прошел, а добро лишь на родине нашел; На родной стороне даже дым сладок; На чужбине, словно в домовине, и одиноко, и нemo; На чужой стороне и весна не красна; На чужой стороне и орел – ворона; На чужой стороне и сладкое – горчица, на родине и хрен – леденец; На чужой стороне поклонисься и бороне; На чужой стороне родина милей вдвойне; Не ищи обетованные края – они там, где родина твоя.*

– необходимость уважения к чужой культуре: *В какой народ придешь, такую и шапку наденешь; В каком народе живешь, того обычая и держись.*

– смелость: *Распутья бояться, так и в путь не ходить; Не бойся дороги, были бы кони здоровы; Дорожному путь не угроза.*

– необходимо узнавать дорогу во время путешествия: *Спрос все укажет. Не ищут дороги, а спрашивают; На дороге стоит, а дороги спрашивают; Язык до Киева доведет.*

– путешествовать надо не спеша: *Не переведа дух, дальше ворот не добежишь; Кто едет скоро, тому в дороге не споро; Тише едешь – дальше будешь; Шибко ехать – не скоро доехать; Насколько убьешь (лошадь), настолько и уедешь; Далеко идти – не беги, а близко – торопись; Не торопись ехать, торопись кормить! Не кнутом погоняй, мешком!*

– необходимо быть осторожным: *Домашняя дума в дорогу не годится; Дома рука и нога спит, в дороге и головушка не дремлет; Пешки – без промешки, пешечком верней будешь; видя волну, не ездят.*

– необходимо молиться перед путешествием, обращаться к Богу: *Не помолившись богу, не ездят в дорогу; Попостись, помолись, да и в путь соберись; Без бога – ни до порога, а с богом – хоть за море; Бог не убог, а Никола милостив, особенно в море и в дороге; С богом хоть за море.*

– необходимо быть предусмотрительным: *В дорогу идти – пятеры лапти сплести; Хлеб в пути не тягость; Едешь на день, а хлеба бери на неделю; Иди в море на неделю, а хлеба бери на год; Нож в пути товарищ, топор дорогой товарищ.*

– необходимо избегать трудности и опасности: *Говорила мне своячинка, что на дороге бывает всячинка; Дорожному бог простит, путнику посты разрешены.*

– нельзя понять жизнь, не испытывая трудностей в дороге: *Кто в море не бывал, тот горя не видел; Кто в море бывал (не бывал), тот лужи не боится; Кто на море бывал, тот и страху видел; Кто в море не бывал, тот досыта богу не маливался; Не видавши моря, не видал и горя; Край земли, конец моря – везде много горя; Кто моря боится, тому в луже сидеть; Кто моря не боится, тому и черт не страшен.*

Как видно из анализа русских паремий, доминантами паремиологического представления концепта «Путешествие» в русской лингвокультуре можно считать следующие характеристики: важность спутника; в дорогу надо брать с собой хлеб, коня, лапти; необходимо путешествовать без спешки, предусмотрительно и осторожно; перед отъездом необходимо молиться. В русских пословицах и поговорках широко представлена смысловая доминанта «Родина – чужбина», любовь к родному дому, тоска по родине, необходимость вернуться домой после странствий на чужбине. Море в русских пословицах и поговорках является своеобразным мерилем испытаний в путешествиях, а также мотиватором далеких заморских поездок.

Во французской лингвокультуре путешествие как понятие имеет несколько трактовок: путешествие как поездка и как жизненный путь. Путешествие часто рассматривается иносказательно, метафорически. Поэтому концепт «Voyage», как отмечает Ю. В. Ралдугина, можно трактовать в более широком плане: выражает отношение французов не только к путешествию как к передвижению в пространстве, но и как к другим сторонам жизни – профессии, выбору занятия, выполнения какого-либо дела, жизненным трудностям, планам и т. д. [Ралдугина 2010: 117].

Ценностные характеристики концепта «Voyage» во французских паремиях выражаются следующими доминантными признаками:

– неприятностями, неизвестностью: *Partir, c'est mourir un peu – Quand on part; on laisse toujours quelque chose derrière soi* (Уехать – всегда немного умереть – Когда уезжаешь, всегда оставляешь что-то позади себя); *On sait bien quand on part, mais jamais quand on revient* (Знаешь, когда уйдешь, но не знаешь, когда вернешься); *C'est bien allé quand on revient* (Поездка удачна, если возвращаешься).

– необходимость путешествия: *Les grands voyages rendent les hommes sages* (Большие путешествия делают мудрее); *Quand on n'avance pas, on recule* (Если нет движения вперед, это движение назад); *En voyageant on apprend* (Путешествуя, учишься); *«Les voyages forment la jeunesse»* (Путешествия делают моложе).

– необходимо подготовиться к путешествию: *«Qui veut voyager loin ménage sa monture»* (Кто хочет отправиться в далекий путь, запрягает лошадь заранее).

– необходимо организовать путешествие: *Il ne faut pas s'embarquer sans biscuits* (Не нужно высаживаться на берег без хлеба); *Bon pain et bon vin aident à manger le chemin* (Хлеб и вино помогают скоротать путь); *Bon feu et bon vin eschauffent le chemin* (Хороший костер и вино согревают в пути).

– необходимо быть осторожным, осмотрительным в дороге: *Mieux vaut la vieille voie que le nouveau sentier* (Лучше одна старая дорога, чем две новых); *A longue voie paille pèse* (Даже соломинка имеет вес при длинной дороге); *Le bois a des oreilles, et le chemin des yeux* (У деревьев есть уши, а у дороги глаза); *Il ne faut pas aller par quatre chemins* (Не нужно следовать сразу четырьмя дорогами); *C'est folie d'aller de nuit, quand on peut aller de jour* (Безумие отправляться в путь ночью, если можно ехать днем).

– необходимо путешествовать неторопясь, рассчитывая силы: *Qui va doucement va sûrement* (Кто идет медленно, идет верно); *Pas à pas on va bien loin* (Шаг за шагом можно уйти далеко); *Il vaud mieux arriver en retard qu'arriver en corbillard* (Лучше прийти позднее, чем приехать в катафалке); *«Voyager loin, c'est bien, mais voyager avec passion et intelligence c'est mieux»* (Путешествовать далеко – хорошо, но путешествовать с терпением и умом – лучше).

– надо быть смелым в путешествии. *Celui qui ne s'aventure n'a ni cheval ni voiture* (Тот, кто не рискует, не имеет ни лошади, ни повозки); *Il ne doit pas aller au bois qui craint les feuilles* (Кто боится листьев, не должен ходить в лес); *Qui craint le danger, ne doit pas aller sur la mer* (Кто боится опасностей, не должен выходить в море).

– необходимо иметь хорошего попутчика. *Mieux vaut être seul que mal accompagné* (Лучше идти одному, чем с плохим попутчиком); *Les compagnons de voyage s'entrecommuniquent leurs pensées* (Попутчики обмениваются мыслями); *Compagnon bien parlant vaut le chariot branlant* (Болтливый попутчик стоит в пути хорошей повозки).

Как видно из анализа французских пословиц и поговорок, концепт «voyage» наделен противоречивыми качествами. Как отмечает Ю. В. Ралдугина, с одной стороны, путешествие как феномен характеризуется негативно: оно связано с не приятностями, трудностями и неизвестностью, не приносит материальной выгоды или интеллектуального обогащения. С другой стороны, путешествия необходимы, так как делают человека моложе и являются способом познания мира. При этом важен выбор правильного пути – как пространственного, так и как жизненного. Наиболее многочисленная группа пословиц говорит о необходимости быть осторожным в пути, поэтому доминантами паремиологического представления концепта во французской лингвокультуре можно считать следующие характеристики феномена путешествия: необходимость передвигаться осторожно и без спешки [Ралдугина 2010: 224].

Концепт «Путешествие» в русской лингвокультуре и «Voyage» – во французской обладает обширным номинативным полем, репрезентированным широким кругом паремиологических единиц, имеет как существенные типологические сходства, так и отличия. Наличие противоречивых признаков свидетельствуют о проявлении национальной специфики, определяемой историческими, географическими, социокультурными особенностями двух народов.

Русские и французские пословицы на тему Путешествие/Voyage передают в своей внутренней форме (образной составляющей) связь между объективными условиями жизни и конкретными материальными, социальными и нормативными сторонами этой жизни, где основу национально-культурной специфики внутренней формы составляют: «1) историческая память народа – носителя лингвокультуры; 2) культурологические реалии; 3) ономастические реалии; 4) менталитет основной массы представителей культуры; 5) ценности, принятые внутри данной культуры; 6) традиции; 7) прецедентные тексты» [Свицова 2005: 15].

ЛИТЕРАТУРА

Белкова Ю. В. Системные и ассоциативные характеристики семантического поля «путешествие» (на материале французского языка): автореф. дис.... канд. филол. наук. Ярославль, 2011.

Белякова А. А. Восприятие концепта «путешествие» в динамике его становления в англоязычной культуре: автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 2005. 26 с.

Боброва Е. А. Опыт лингвистического исследования эволюции концепта «путешествие» в англоязычной культуре: дис.... канд. филол. наук. Иркутск, 2006.

Григорьев А. А. Философская тематизация концепта «путешествие» (охота за истиной) // Вопросы философии. 2009. №10. С. 40–48.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Кошенкова А. А. Сопоставительный анализ языковых средств репрезентации концепта «путешествие» в немецком и татарском языках: автореф. дис.... канд. филол. наук. Чебоксары, 2010.

Лю Цзюань. Концепт «путешествие» в китайской и русской лингвокультурах: дис.... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.

Мозговой А. В. Социокультурная мотивация путешествий людей в современном обществе: дис.... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2004.

Ралдугина Ю. В. Паремиологическое исследование французского концепта «Voyage»–«Путешествие» // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 29 (210). Филология. Искусствоведение. Вып. 47. С. 116–122.

Ралдугина Ю. В. Понятийная, оценочная и образная составляющие французского концепта voyage // Ярославский педагогический вестник. Серия Гуманитарные науки : научный журнал. № 1. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. С. 222–227.

Свицова А. А. Лингвокультурная доминанта «дом – родина – чужбина» в русских и английских пословицах: автореф. дис. канд. филол. наук. Ижевск: 2005.

Черепанова Н. В. Путешествие как феномен культуры: автореф. дис.... канд. филос. наук. Томск, 2006.

Шевченко Е. М. Вербализация концепта путешествие фразеологическими единицами современного английского языка: автореф. дис.... канд. филол. наук. Белгород, 2009.

Н. В. Струнина

Пенза, Россия

ЦЕННОСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье дается определение понятия «межкультурное образование». Рассматривается вопрос обучения культуре в контексте преподавания иностранных языков. Подробно описываются компоненты содержания обучения культуре. Особое внимание уделяется проблеме тестирования культурных знаний учащихся.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: межкультурное образование; ценность межкультурного образования; иностранный язык и культура; содержание обучения культуре; тестирование знаний культуры.

Сведения об авторе: Струнина Наталья Вячеславовна, аспирант ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»; старший преподаватель кафедры «Английский язык».

Адрес: 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40, каб. 810.

E-mail: natstrunina@mail.ru.

N. V. Strunina

Penza, Russia

THE VALUE OF INTERCULTURAL EDUCATION

ABSTRACT. The definition of the term “intercultural education” is given in the article. The question of learning culture in the context of foreign language teaching is being under examination. The components of learning culture are described in detail. Special attention is paid to the problem of testing the cultural knowledge of students.

KEY WORDS: intercultural education; the value of intercultural education; foreign language and culture; learning culture; testing knowledge of the culture.

About the author: Strunina Natalia Vyacheslavovna, Postgraduate Student of Penza State University; Senior Lecturer of the English Language Department of Penza State University.

Особенностью культуры, ассоциируемой с преподаванием английского языка в современном мире, является ее поликультурный характер. Ушла в прошлое эпоха, когда культура, преподаваемая учащимся вместе с английским языком, ограничивалась традициями жизни на Британских островах. Культурное разнообразие стало содержанием обучения, в связи с интересом к американскому варианту английского языка и диверсификацией жизненного уклада американского общества. В эпоху глобального английского языка обучение культуре требует обращения ко множественным проявлениям культуры больших и малых народов, говорящих на английском языке и толерантного отношения к различиям [Мильруд, Максимова 2012: 12].

Теория обучения иностранным языкам призвана выстроить методологическую базу современного межкультурного образования. Объект лингводидактики составляют закономерности образовательного процесса по иностранным языкам как процесса личностного и коммуникативного развития обучающегося средствами диалога культур, предполагающего взаимодействие систем принятых в иной и родной культурах ценностно-смысловых отношений, актуальных для определенного исторического периода развития лингвосоциумов. Таким образом, теория обучения иностранным языкам ориентирована, во-первых, на решение социально-практических задач, связанных с выполнением заказа общества в изучении его гражданами неродных языков, повышением качества межкультурного образования в целом. Во-вторых, она нацелена на удовлетворение потребностей конкретной личности, на формирование у нее ценностного отношения к межкультурному образованию, к себе и окружающему миру.

Язык выступает в качестве важного инструмента успешной жизнедеятельности современного человека в поликультурном и мультилингвальном сообществе людей, объединенных глобализируемыми проблемами. Следовательно, сегодня у межкультурного образования особая миссия — поддержка языкового и культурного многообразия в обществе, а также развитие многоязычия отдельной личности с целью ее успешного участия в межкультурном взаимодействии с представителями иных лингвоэтнокультур и к преодолению имеющихся культурно-лингвистических ограничений.

Языковое многообразие и многообразие культур рассматриваются в настоящее время как один из наиболее ценных элементов мирового, европейского и общероссийского культурного наследия. Поэтому можно сказать, что образование в области иностранных языков приобретает в новом социально-культурном контексте ярко выраженную культурно-интегрирующую ценность, означающую, что поликультурное и мультилингвальное общественное пространство требует от действующих в нем субъектов, обладания терпимостью, способностью к эмпатии, к пониманию в общении с представителями иных национально-культурных социумов. Иными словами, можно говорить о смене концептуального взгляда на мир, о новой системе ценностно-смысловых отношений, когда многообразие не должно выступать синонимом враждебности, а глобализация — не противоречить понятию «самобытность».

Исходным при определении сущности межкультурного образования как ценности является тезис о том, что изучение любого неродного языка должно сопровождаться изучением культуры народа – его носителя и

одновременно с этим постижением на новом уровне фактов, явлений, ценностей родной культуры, причем этот процесс должен протекать одновременно, а не в отдельных плоскостях. В связи с этим термин «межкультурное образование» более чем оправдан: он полностью отражает ценностный смысл современных образовательных и лингвообразовательных ориентиров, декларирующих приоритет равноправия и диалога культур. Результатом такого образования должно стать многоязычие граждан общества, осознающих свою принадлежность к определенному этносу, к региону постоянного проживания и к государству в целом, а также к глобальному мировому пространству и способных в этом пространстве самоидентифицироваться. Только в процессе межкультурного образования у обучающегося появляется возможность более глубоко осознать ценности родной картины мира. Именно в процессе сопоставления родной и иной культур ранее неосознанное априорно усвоенное с детства знание начинает осмысливаться, на привычный, знакомый факт человек начинает «смотреть глазами» представителя иной культуры [Гальскова, Тарева 2012: 7].

Межкультурное образование в новом социокультурном контексте становится определенным фактором человеческого капитала, т.к. превращает современного человека не только в развитую личность, но личность, социально и экономически свободную. Знание иностранного языка дает современному человеку реальную возможность занять в обществе более престижное положение. В данном случае можно говорить о личностной ценности или субъективной потребности в изучении того или иного иностранного языка. Последнее особенно важно, поскольку ценности, в том числе и в области межкультурного образования, всегда выполняют «функцию перспективных стратегических жизненных целей и главных мотивов жизнедеятельности» [Гусинский, Турчанинова 2000: 139].

Обучение культуре в контексте преподавания иностранных языков, включает прежде всего информирование учащихся о своей и иной культуре, как примерах разнообразия форм коллективного бытия. Другой составляющей содержания обучения культуре является информация для учащихся о выдающихся образцах материальной и духовной деятельности представителей своей и иных культур как фонда мирового культурного наследия. Оценочная составляющая понятия «культура» также реализуется в учебном процессе в форме воспитания чувства гордости за свою культуру, интереса и уважения к иным культурным традициям, а также толерантного отношения к культурной диверсификации (разнообразию) в мире. Обучение оценочной составляющей культуры иных народов и стран позволяет полнее понять представителей других культур, предупредить и преодолеть состояние «культурного шока», лучше организовать межкультурный диалог в духе взаимной толерантности.

Несмотря на кажущуюся ясность и простоту подходов к определению понятия «культура» в преподавании иностранных языков, содержание обучения культуре до сих пор четко не определено. Обучение своей и иной культуре нередко ограничивается ознакомлением учащихся с некоторыми национальными традициями, отдельными произведениями искусства, выдающимися деятелями науки, туристическими достопримечательностями, образцами фольклорного творчества. При этом остаются нераскрытыми и неусвоенными другие составляющие, необходимые для более полного ориентирования в неродном культурном контексте, более адекватной коммуникации своих культурных особенностей, а также для осуществления медиаторных (посреднических) функций в межкультурном общении.

Содержание обучения культуре можно условно поделить на следующие компоненты:

- элементы культуры (артефакты, памятники, этнография);
- проявления культуры (эпизоды, случаи, события);
- индикаторы культуры (привычки, вкусы, предпочтения);
- факты культуры (ценности, нормы, стереотипы);
- измерения культуры (коллективизм — индивидуализм, спонтанность — пунктуальность, фемининность — маскулинность).

Элементы культуры – это то, из чего учащиеся смогут составить целостное представление о внешних атрибутах жизни иного в культурном отношении общества. Это — наиболее традиционная составляющая в содержании обучения культуре другого народа. К элементам культуры, например, относятся подлинные народные костюмы или продукты творчества, предметы быта, гончарные и кулинарные изделия, национальные блюда, популярные праздники и проч. Элементом британской культуры, например, является традиционный пудинг.

Проявления культуры особенно важны для межкультурного познания, поскольку это содержание обучения включает в себя «замечаемые особенности культуры», содержащиеся в отчетах участников зарубежных поездок. Пожалуй, главной задачей при визуальном ознакомлении учащихся с проявлениями культуры, является научить их подтверждать или опровергать известные им стереотипы. Интересными для учащихся вопросами могут быть следующие: «Действительно ли все англичане едят по утрам овсянку?»; «Действительно ли англичане — чопорная нация?»; « Действительно ли англичане пьют чай в пять часов вечера?» и др.

Индикаторы культуры действуют как неявные сигналы, означающие, что мы встретились с представителями иной, не родной для нас, культуры. Индикаторы культуры нередко проявляются в укладе жизни народа и его представителей. Знание индикаторов культуры необходимо для того, чтобы отличить «свое» и «чужое», распознать особенности непривычного поведения и адаптироваться в новой культурной среде. Индикатором британской культуры является, например, избегание разговоров на некоторые темы, включая доход семьи, религиозную принадлежность, имеющиеся заболевания, подробности личной жизни и др. Индикатором западной культуры в

целом, является стремление детей уже в старшем подростковом возрасте жить отдельно от родителей, хотя эта сторона уклада жизни сегодня претерпевает изменения.

Факты культуры представляют собой еще менее явную составляющую в содержании обучения культуре иных народов, поскольку факты есть не всегда внешне заметные, но упрямо повторяющиеся и обязательно присутствующие в коллективной ментальности культурные характеристики. К фактам культуры можно отнести стоическое поведение как ценность британской культуры, нетерпимое отношение к двусмысленности и лжи как ценность американской культуры, покаяние как ценность русской православной культуры и др. К фактам культуры относятся религия и верования, распространенные суеверия и почитаемые традиции, коллективные убеждения о пользе или вреде той или иной еды.

Измерения культуры составляют ее наиболее глубинную составляющую, характеризую наиболее общие культурные особенности, проявляющиеся в жизни народа при всех возможных исключениях. Например, российская культура обычно характеризуется ее «феминным» измерением, с типичной для нее поэтичностью, мечтательностью и устремленностью в будущее, песенностью, открытостью, искренностью и образностью. Западная культура наделяется маскулинным измерением, которому свойственна решительность, активность, наступательность, применение силы и воли, прагматизм. Фемининная ментальность типична для коллективной культуры, в то время многие западные страны относятся к культурам индивидуальным, подчеркивая независимость личности от общества с правом на неприкосновенность его личной жизни.

Обучение культуре предполагает контроль результатов учебной работы. Для этого необходимы соответствующие контрольно-измерительные материалы, пригодные для оценки всех компонентов декларативных и поведенческих знаний учащихся о культуре другого народа.

Прежде чем разрабатывать КИМы для оценки компонентов культурных знаний, необходимо предложить «архитектуру» тестирования. Она может иметь следующий вид:

- 1) Структура знаний – культурное достояние, коллективное бытие, межкультурные отношения;
- 2) Компоненты знаний – информация, компетенции, суждения;
- 3) Тестовый конструкт – знания, поведение, отношения;
- 4) Формат тестирования – выбор ответа, выстраивание ответа, конструирование ответа;
- 5) Спецификация заданий – множественный выбор и установление соответствий, восстановление логической последовательности действий, письменное высказывание типа: «за» и «против», выражение собственного мнения, аргументация своего решения.

Структура культурных знаний в архитектуре теста включает знания о нормах коллективного поведения в коллективе, о культурном достоянии своего и иных народов, об отношениях народов, принадлежащих к разным культурам.

Компоненты тестируемых культурных знаний представляют собой информацию о родной и «целевой», то есть изучаемой культуре (*target culture*). Помимо информации, компоненты знаний включают культурные компетенции, то есть усвоенные стратегии поведения в условиях родной и иной культуры. К компонентам тестируемых знаний относятся суждения учащихся о родной и иной культуре, а также об отношениях между разными культурами.

Тестовый конструкт (основные объекты тестирования) содержит культурные знания учащихся, поведение учащихся в родной и иной среде, отношение к «своей» и «чужой» культуре.

Формат тестирования культурных знаний учащихся представлен в виде выбора, выстраивания и конструирования ответа.

Подобная архитектура позволяет тестировать как социокультурный, так и межкультурный аспекты культурных знаний учащихся (социокультурный аспект предполагает знание изучаемой культуры, межкультурный аспект представляет собой владение медиаторной, то есть, посреднической ролью в диалоге культур).

Спецификация заданий предполагает множественный выбор и установление соответствий (тестирование знаний), восстановление логической последовательности действий (тестирование усвоенных стратегий поведения), письменное высказывание типа «за» и «против», выражение собственного мнения, аргументация своего решения (тестирование отношения к родной и иным культурам).

Для тестирования отношений учащихся к родной и иной культуре, а также к межкультурным отношениям, можно использовать письменное высказывание с элементами рассуждения на основе исходного тезиса или ситуации с обоснованным умозаключением. Возможны следующие темы подобных письменных высказываний: «In Rome do as the Romans do», «Can the leopard change his spots?».

Письменные высказывания как формат тестирования позволяют оценить отношение учащихся к представителям иных культур, восприятие родной культуры, а также готовность к межкультурному диалогу. Для оценки письменных высказываний используются заранее разработанные критерии [Мильруд, Максимова 2012: 15].

В заключение хотелось бы отметить, что в современной социально-экономической ситуации, культура составляет важную часть содержания обучения английскому языку. Это вызывает необходимость разработки не только методики обучения, но и тестирования компонентов культурных знаний учащихся. Сегодня связь между содержанием обучения и применением знаний с одной стороны, и культурным контекстом обучения и жизни с другой, признается всеми.

ЛИТЕРАТУРА

Гальскова Н. Д., Тарева Е. Г. Ценности современного мира глобализации и межкультурное образование как ценность. // Иностр. языки в школе. 2012. № 1. С. 3–11.

Гусинский Э. Н., Турчанинова Ю. И. Введение в философию образования. М. : Логос, 2000.

Мильруд Р. П., Максимова И. Р. Обучение культуре и культура обучения языку. // Иностр. языки в школе. 2012. № 5. С. 12–19.

Hinkel E. Culture in Second Language Teaching and Learning. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Nieto S. Language, Culture and Teaching. NJ: Laurence Erlbaum Associates, 2002.

Г. С. Суюнова

Павлодар, Казахстан

ЯЗЫКОВОЙ ОБЛИК ПАВЛОДАРА (НА МАТЕРИАЛЕ СПОРТИВНЫХ ЭРГОНИМОВ)

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена некоторым вопросам лингвистической урбанистики. Автор отмечает высокую научную и социальную значимость исследований по языковому облику города, ссылаясь на опыт российских ученых. Собственно исследовательская часть статьи представлена анализом спортивных эргонимов Павлодара. Автор подчеркивает мысль о том, что в лингвистической урбанистике неразрывно связаны как научный, так и культурный компоненты. При этом необходимо привлечение широкого круга знаний по истории, культурологии, ономастике, философии и т. д., что позволяет говорить об энциклопедической привлекательности исследований по лингвистической урбанистике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: урбанистика; лингвокультурный ландшафт; эргоним; языковой облик; энциклопедика.

Сведения об авторе: Суюнова Гульнара Сейльбековна, доктор филологических наук, доцент ВАК, профессор кафедры русского языка и литературы Павлодарского государственного педагогического института.

Адрес: 140002, г. Павлодар, ул. Мира, 60.

E-mail: suynova_gulya@mail.ru.

G. S. Suyunova

Pavlodar, Kazakhstan

LINGUISTIC IMAGE OF PAVLODAR (ON THE MATERIAL OF SPORTS ERGONYMS)

ABSTRACT. The article deals with some aspects of linguistic Urbanistics. Referring to the experience of Russian scholars, the author specifies the scientific and social importance of the study of linguistic image of a city. The research section of the article presents the analysis of Pavlodar sports ergonyms. The author points out that the scientific and cultural components of linguistic Urbanistics are inseparably connected. And it is necessary to involve in the study a large amount of knowledge on the history, Culturology, Onomastics, Philosophy, etc., which makes it possible to speak of encyclopedic attraction of linguistic Urbanistics studies.

KEY WORDS: Urbanistics; linguo-cultural landscape; ergonym; linguistic image; encyclopedic nature.

About the author: Suyunova Gulnara Seilbekovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian and Literature, Pavlodar State Pedagogical Institute.

Современная лингвистика демонстрирует поистине неисчерпаемые возможности в научном изучении нашей действительности, подтверждением чему служит появление «урбанологии (от лат. urbs и logos _наука о городе) – базовой дисциплины, изучающей город от его зарождения и процесса функционирования до рассмотрения отдельных сторон городского организма в его взаимосвязи с экономическими, политическими и социокультурными процессами [Яковлева: 2011].

Современный этап развития казахстанского общества характеризуется значительными переменами во всех сферах общественной жизни: политической, экономической, государственной, идеологической и культурной. Несомненно, современные общественные трансформации оказывают безусловное влияние на языковую ситуацию, отличительной чертой которой в условиях некоторой стабилизации остается очевидный динамизм изменений, наблюдающихся во всех подсистемах русской лексики, в том числе в лексической подсистеме важнейшей тематической сферы «досуг», связанной с представлениями о характере заполнения современным человеком своего свободного времени.

Одной из возможных сфер подобного здорового времяпровождения является и сфера «спорт», включающая в себя многочисленные спортивные заведения различного целевого предназначения. Для большого современного города характерна тенденция расширения такого списка. Так, нами выявлены 9 функциональных типов спортивных заведений в г. Павлодаре: стадионы, Дворцы спорта, спортивные клубы, спортивные общества, фитнес-центры и клубы, шейпинг-клубы, бильярдные клубы (как в отдельных зданиях, так и в составе более крупных спортивных центров и клубов), спортивно-танцевальные центры, спортивные детские секции, спортивно-оздоровительные объединения для взрослых. Данные заведения отличаются не только целевым предназначением, но и масштабами своего функционирования. Состав их посетителей колеблется в большом диапазоне, от 10 человек (секции) до нескольких тысяч (Дворцы спорта, стадионы, ФОКи).

Для этого рода заведений здорового времяпровождения актуальной является проблема их успешной номинации, а созданные в ее процессе спортивные эргонимы становятся неотъемлемой частью языковой карты города. Выявление подобных номинаций и их последующий лингвокультурный анализ являются целью нашего исследования. Для сбора фактического материала мы обратились местному материалу, вследствие чего в сферу анализа были вовлечены более 50-ти номинаций спортивных эргонимов нашего города.

В анализе любого фактического материала одним из важнейших является вопрос о критериях такого анализа. Мы выделили следующие возможные критерии классификации спортивных эргонимов:

– с точки зрения семантики;

- с точки зрения структуры;
- с точки зрения мотивации;
- с точки зрения языкового и графического оформления.

Говоря семантической классификации спортивных эргонимов, сразу же особо подчеркнем, что она теснейшим образом связана с критерием «мотивация названия», в силу чего выявление семантического своеобразия той или иной группы спортивных эргонимов может сочетаться и с установлением мотивации в выборе того или иного названия.

Итак, в рамках данной статьи мы представляем семантическую классификацию спортивных эргонимов г. Павлодара. Анализ собранного нами фактического материала с точки зрения семантики позволил выделить следующие тематические группы спортивных эргонимов.

1. Среди спортивных эргонимов города Павлодара самой многочисленной является группа эргонимов, представляющих названия нарицательных неодушевленных предметов. Внутри этой группы спортивных эргонимов мы выделили следующие подгруппы.

А) Значительное количество среди эргонимов города Павлодара представляют наименования, в основе которых лежат топонимы. Данный факт говорит об актуализации географической тематики: спортивное общество «Иртыш», фитнес-клуб «Джасыбай» и Ледовый дворец «Астана», спортивный клуб «Спарта» и т. д. Перечень эргонимов, имеющих в своей основе топонимы, представлен в таблице 1.

Таблица 1. Наименования спортивных заведений г. Павлодара, образованные от топонимов.

Наименование	Адрес
Ледовый дворец «Астана»	Каирбаева 87
Спортивное общество «Иртыш»	Ак. Сатпаева, 75
Фитнес-клуб «Джасыбай»	Кутузова, 60
Бильярд в КДЦ «Баянаул»	Кутузова, 36
Бильярд в комплексе «Astoria»	Ак. Сатпаева, 285
ФОК «Зеленая Роща»	Зеленая роща, 4
Спортивная секция «Шанхай»	Естая, 81

Б) Павлодарские спортивные эргонимы могут представлять собой образования от зоо- и фитонимов (растений). Это названия спортивного клуба «Кактус» (Омская трасса), детских спортивных секций «Орхидея», «Колокольчик», бильярдный клуб «Сункар» (Сокол). Подобное использование фитонимов в качестве лексической мотивационной основы спортивных эргонимов мы можем объяснить ориентацией на возрастные категории посетителей вышеназванных спортивных заведений. Скажем, спортивный клуб «Кактус» предназначен преимущественно для занятий силовыми видами спорта, что характерно для мужчин, стремящихся иметь внушительные физические данные. Этот тип мужчин ассоциируется с брутальностью, жизненной стойкостью, а кактус, как известно, это растение, которому присущи высокая приспособляемость и за счет этого – выживаемость в самых непростых условиях пустыни. Также, по нашему мнению, номинация «кактус» вызывает представление о некой «колючести», внешне проявляющейся и в наличии модной сейчас легкой небритости мужчин определенного социального статуса.

Что касается фитонима «Колокольчик», то он является названием детской секции, для которой уместно использование номинаций с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Название «Орхидея» для спортивного заведения нам представляется несколько неуместным для данной возрастной категории посетителей.

Определение тематической группы, к которой относится название бильярдного клуба «Сункар», несколько затруднено из-за возможности двоякого прочтения этого названия. Во-первых, наиболее вероятным мы считаем отнесение этого названия именно к группе зоонимов. Сункаром в казахском языке называют сокола - хищную птицу, обладающую большой зоркостью, так необходимой для точной игры в бильярд. Во-вторых, это название может быть и антропонимическим, так казахи называют мальчиков. В любом случае, для носителя казахской культуры эта номинация является достаточно прозрачной.

В) В нашей классификации имеются спортивные эргонимы, являющиеся названиями предметов спортивного инвентаря: спортивные детские клубы «Перчатка», «Парус», бильярдный клуб «7-ая Луза», стрелковый клуб «Золотая пуля». Подобные номинации мы считаем оправданными.

Г) Для номинации бассейнов в нашем городе используются лексемы, прямо связанные с темой воды, это название «Толкын» (в переводе с казахского – волна). Иначе говоря, для номинирования бассейнов выбрана лексема, полностью мотивированная с точки зрения функционального типа спортивного заведения.

Д) Среди спортивных эргонимов Павлодара в единичном экземпляре представлена номинация, называющая новую казахстанскую реалию, – детский спортивный мини-центр «Байтерек». Как видим, данная номинация не является мотивированной и, вероятно, выбрана лишь для указания на знаковый объект, известный всем гражданами республики. Непосредственной связи данной номинации с функциональным типом заведения нет.

2. Вторая по численности – группа эргонимов, образованных от наименований живых существ и существ, воспринимаемых как живые. В этой группе нами также выделены несколько подгрупп.

А) Более всего представлены спортивные эргонимы, образованные от антропонимов: спортивное общество «Рамазан», фитнес-клуб «Марат», спортивное объединение «Арман», спортивный клуб «Рашид», фитнес-клуб «Синдбад», спортивный детский клуб «Спартак» и др. Полный перечень подобных эргонимов представлен в таблице 2.

Таблица 2. Эргонимы, образованные от антропонимов

Наименование	Адрес
Спортивное объединение «Арман»	Урицкого, 72
Бильярдный клуб «Фукс»	Ген. Дюсенова, 4
Спортивное общество «Султан»	1 Мая, 35
Танцевально-спортивный клуб «Анастасия»	1 Мая, 27
Танцевально-спортивный клуб «Tumarlan»	Сатпаева, 61
Фитнес-клуб «Ева»	Дерибаса 19
Фитнес-клуб «Марат»	Пахомова 72
Спортивный клуб «Рашид»	Павлова, 85
Спортивный клуб для юных боксеров «Нуртас»	Лермонтова, 21
Теннисный центр «Аскар»	Пл. Конституции, 1

Преобладание спортивных эргонимов антропонимического характера лингвисты объясняют тем, что номинаторам нравится «увековечивать» память о себе, близких, исторических личностях и т. п. Такая тенденции присуща в номинировании самых различных социальных объектов, а подобные названия, как и топонимы, выполняют мемориальную функцию.

Б) Об актуализации литературно-мифологической тематики, стремлении номинатора обратиться к прецедентному имени или тексту, чтобы вызвать у реципиента положительную ассоциацию, говорят эргонимы, образованные от мифонимов – имен любой сферы ономастического пространства в мифах, эпосах, сказках, былинах. Например, фитнес-клуб «Велес», спортивная секция «Гудвин», спортивный клуб «Айвенго», спортивный детский клуб «Олимп» и др.

Эргонимы г. Павлодара, образованные от мифонимов, представлены в таблице 3.

Таблица 3. Эргонимы г. Павлодара, образованные от мифонимов.

Наименование	адрес
Фитнес-клуб «Скиф»	ул. ак. Маргулана, 118
Спортивный клуб «Айвенго»	Ул. Торайгырова, 54
Спортивный клуб «Ауугоа»	Маргулана, 118
Фитнес-клуб «Спарта»	Ул. Лермонтова, 12
Спортивная секция «Гудвин»	Ул. Ломова, 36
Детский клуб «Олимп»	Ул. Ломова, 31
Спортивный клуб «Аполлон»	Ул. Мира, 89
ФОК «Нептун»	Ул. Бектурова, 22
Фитнес-клуб «Велес»	Ул. Лермонтова, 122
Фитнес-клуб «Клеопатра»	Ул. Лермонтова, 1

Внутри этой группы спортивных эргонимов можно выделить более узкие группы: номинации, связанные с мифическими (историческими) личностями (Айвенго, Аполлон, Гудвин, Нептун, Велес, Клеопатра), и названия, отсылающие нас к географическим реалиям (Спарта, Олимп). Два последних названия, по нашему мнению, прямо связаны со стремлением номинаторов вызвать представления о физической силе и превосходстве, как это было присуще лучшим представителям древней Спарты, чтившей культ силы и физического совершенства.

Что касается эргонимов первой группы, что в нее вошли названия двойкие: с одной стороны, они могут быть отнесены к антропонимам, но с другой стороны перед нами имена мифологического характера, так как в их основе лежат имя исторического персонажа, широко известного в мировой культуре. Причем все эти персонажи обладали физической мощью, привлекательностью, и это обстоятельство, думается, учитывалось номинаторами, выбиравшими названия именно для спортивных заведений, которые должны ставить цель формировать привлекательный внешний имидж их посетителей.

В) Среди спортивных эргонимов Павлодара особое место занимает группа наименований, образованных от понятий, связанных с разными видами искусства, – литературой, ТВ, музыкой, театром: детский спортивный клуб «Алые паруса», детский спортивный клуб «Бригантина» и др. Они обладают образностью, ассоциативностью, привлекают внимание, а потому часто выбираются номинаторами. Группа подобных наименований представлена в таблице 4.

Таблица 4. Группа наименований, образованных от понятий, связанных с разными видами искусства – литературой, ТВ, музыкой, театром.

Наименование	Адрес
Танцевальная студия «3D Dance studio»	Пахомова, 72
Танцевальная студия «Tumarlan»	Дом быта Экспресс, 4 этаж
Танцевальный клуб «Держи ритм»	Лермонтова, 19
Студия спортивно-балльных танцев «Ария»	Каирбаева, 87
Школа танцев «Tekila dance»	Кутузова, 58
Танцевальная студия «Mega dance»	ул. Кутузова, 157
Танцевальная студия «Terra dance»	Лермонтова, 96/1
Клуб спортивного танца «Classic»	Заслонова, 69

Как видно из таблицы, особо отчетливо выделяются названия танцевальных клубов, подавляющее большинство которых содержит в своем названии прямое указание на род занятий их посетителей. Например, танцевальные клубы «Держи ритм», «Terra dance». Следует отметить, что наиболее мотивированными являются именно названия танцевальных клубов (5 из 8-ми названий содержат в своем составе слово «dance» - танец).

Очень интересным является название танцевальной студии «3D Dance studio». Известно, что приставки 3(4, 5 и т. д.) – D подчеркивают более высокое качество изображения, его выпуклость и объемность, иными словами, являются скрытой рекламой того или иного товара, каковым для владельцев танцевальных студий товаром являются услуги по обучению танцам.

Д) Интересный для анализа случай представляет название бассейна «Шымыр», что в переводе с казахского означает буквально «крепкий, крепкий» – о человеке). Другими словами, казахская номинация имеет в основе семантику «крепкий физически» и называет положительную физическую характеристику человека. С этой точки зрения такая номинация для названия бассейна вполне оправдана, но для людей, не знающих казахский язык, подобное значение и мотивация остаются нераскрытыми, то есть потенциал названия реализуется не полностью.

Е) В перечне спортивных эргонимов есть небольшое количество названий с затемненной семантикой. Это аббревиатуры, состоящие из начальных элементов собственных имен учредителей и их родных и близких, либо простой подбор слов: фитнес-клуб «S-club», шейпинг-клуб «EVA» и др. Для названий подобного рода выявление мотивации крайне затруднено, и владельцам следует задуматься об удачности таких номинаций.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эргонимы города Павлодара в сфере «спортивные заведения» представлены следующими семантическими группами:

- названиями, образованными от именованых живых существ и существ, воспринимаемых как живые;
- названиями, образованными от наименований неодушевленных предметов;
- номинации с затемнённой семантикой.

Итак, мы рассмотрели спортивные эргонимы г. Павлодара с точки зрения их семантики и выделили их основные тематические группы. При этом мы подчеркиваем неразрывную связь семантики с мотивационными особенностями эргонимов. В целом процесс номинирования любых объектов, в том числе и спортивных заведений, должен осуществляться по определенным правилам, соблюдение которых позволит владельцам таких заведений стать успешными номинаторами. Считаем возможным определить несколько важных, на наш взгляд, условий создания успешного эргонима:

- при создании эргонима необходимо использовать весь спектр возможностей онимотворчества, чтобы наименование не было стереотипным, безликим, ничего не значащим или омонимичным. Следует стремиться к созданию индивидуального названия. Наличие омонимии является серьезным недостатком в процессе номинации эргонимов г. Павлодара;
- эргонимы должны быть естественно произносимыми, благозвучными, красивыми;
- при создании наименования адресант обязан обращать внимание на правила орфографии, существующие в современном русском или казахском языках;
- в наименованиях не должно содержаться ложных ассоциаций, противоречащих виду деятельности предприятия. Следует учитывать фоновые знания номинатора и потенциального клиента (адресат должен суметь расшифровать название, провести параллель, аналогию с понятиями, содержащимися в его «мысленном досье»);
- не следует увлекаться чрезмерным использованием иноязычной лексики;
- по возможности учитывать специфику изучаемого региона;
- необходимо оценивать потенциал имени для дальнейшего развития.

В целом представленный в данной статье материал – лишь малая часть того огромного лингвокультурного материала, возможность изучить который нам дает современная урбанология. В частности, речь идет о необходимости системного изучения ономастической системы Павлодара, которая никогда ранее не выступала в качестве объекта научного исследования. Более того, мы полагаем, что такая система является лишь частью более крупной организации – лингвокультурного ландшафта, который также пока весьма разрозненно изучается в казахстанской русистике. В этом плане более значительные и серьезные исследования мы находим в современном российском языкознании. Наш большой интерес вызывают работы Е. А. Яковлевой по филологической урбанологии, раскрывающие различные аспекты этой современной интегративной дисциплины, которая «постулирует изучение

города как особого рода искусственно созданного макротекста, или урботекста, со своим синкретическим языком, знаковой системой, вариативной семантикой, постоянно пополняемой новыми смысловыми оттенками. С этой точки зрения памятные места и связанные с ними личности, здания, сады и парки, городские топонимы, эпиграфика, граффити и другие свидетельства прошлого и настоящего обладают поистине неиссякаемой информацией...» [Яковлева 2011]. Вот этот огромный исследовательский и культурный потенциал урбанографии делает привлекательными и перспективными исследования в этом направлении. Например, мы предпринимаем попытки комплексного изучения общекультурного ландшафта Павлодара, что отражается в применении базовых теоретических положений ономастики, лингвокультурологии, энциклопедики к региональному фактическому материалу с последующим созданием научного продукта. При этом научно-исследовательский интерес может представлять подход к фактическому материалу, а именно сочетание лингвокультурного и энциклопедического принципов. Обращение к энциклопедике объясняется рядом причин. Профессор Малышев Г. Н. пишет об актуальных проблемах энциклопедической науки следующее: «Энциклопедика...позволяет познать общественную мысль на определенной ступени ее цивилизации ..., а объектами энциклопедических исследований могут быть отраслевые науки по всему кругу знаний» [Малышев 2012: 5].

Что касается казахстанской энциклопедики, то она представлена главным образом энциклопедическими материалами по отдельным отраслям знаний, а в последнее время – региональными энциклопедиями, которые в энциклопедике называют «малыми энциклопедиями». Их цель – «донести до читателя в доступной и лаконичной форме информацию о природе, истории, этнографии, фольклоре, языках региона» и т.п. [Фролов 2002:15]. Российский ученый Н. К. Фролов появление таких энциклопедий объяснял тем, что в регионах «сформировался заметно высокий интеллектуальный потенциал, накопился полезный фактический материал, требующий обнародования» [Фролов 2002: 16].

С учетом вышесказанного очевидно, что исследования по лингвистической урбанографии и лингвокультурному ландшафту органично вписываются в энциклопедическую проблематику.

Научная привлекательность изысканий в области городского лингвокультурного ландшафта связана с самой сущностью жизни города, которая, по словам Е. Яковлевой, «представляет собой непрерывный динамический процесс, связанный не только с расширением локуса (территории) и ростом населения, но и с изменением ценностных ориентиров горожан в «языковой картине города», которая соотносится с личным опытом людей, объективными параметрами среды и, наконец, с социокультурной обстановкой (городским хронотопом, социальной организацией, способами и манерой поведения и пр.) [Яковлева 2011].

Подобные исследования имеют большую социальную значимость. В частности, следует сказать об опыте сибирских исследователей по лингвистическому градоведению, которые разрабатывают проект «Языковая политика в современной городской среде» [Подберезкина, Трапезникова 2012]. Подобная работа совершенно необходима и для любого большого города, в том числе и для нашего, и мы видим в этом направлении очень большой – можно сказать, непочатый – фронт исследовательской работы.

Еще одно очень интересное направление работы в области урбанистики назвала в интервью газете «Сибирский форум» исследователь Подберезкина Л., а именно – создание модели ономастического сознания горожанина, разработанной ее коллегой А. Трапезниковой на материале Красноярска [«Сибирский форум» 2011]. Подобная проблематика и актуальна, и интересна, и недостаточно разработана, и, что весьма важно, для каждого города, в том числе и казахстанского, будет иметь свое оригинальное содержание.

Итак, нами было представлено описание спортивных эргонимов города Павлодара с учетом ряда критериев. Эта работа может стать частью большой системной работы по исследованию языкового пространства нашего города, и опыт российских ученых в области лингвистической урбанистики будет очень полезен для нас.

ЛИТЕРАТУРА

Газета СФУ «Сибирский форум». 2011 (май).

Малышев Г. Н. Актуальные проблемы энциклопедической науки // Вестник Академии энциклопедических наук, 2012 № 3(8). С. 5-9.

Подберезкина Л. З., Трапезникова А. А. «Лингвистическое градоведение как предмет региональных исследований (на материале Красноярска) // Полифония большого города: Сб. научных статей / Под ред Л. М. Терентия, В. В. Красных, А. В. Килиной. М. : МИЛ. 2012. С. 100–115.

Фролов Н. К. Современная энциклопедизация окружающего мира в зеркале научной лексикографии // Вестник Академии российских энциклопедий. 2002, 1–2. С. 15–18.

Яковлева Е. А. П. Филологическая урбанография: новые аспекты изучения города. Башкирский институт социальных технологий (филиал) ОУП «Академия труда и социальных отношений». 2011.

М. В. Терских

Омск, Россия

ИМАЖИТИВНАЯ РЕКЛАМА: ИЗМЕРЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕКЛАМЫ ПАРФЮМЕРНОЙ ПРОДУКЦИИ)

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются типичные дискурсивные практики, используемые в рекламных текстах при позиционировании и продвижении парфюмерной продукции. В дискурсе парфюмерной рекламы информирование о реальных потребительских свойствах продукта предстает как практически невыполнимая задача, что обуславливает обращение адресанта к формату имажитивной рекламы – рекламы, в которой эмоциональная составляющая играет ключевую роль. Автор рассматривает приемы создания эмоционального образа в рекламе парфюмерии, выделяет базовые стратегии коммуникативного воздействия, используемые при продвижении продуктов данной товарной категории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурсивная практика; рекламный дискурс; имажитивная реклама; позиционирование.

Сведения об авторе: Терских Мария Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, факультет филологии и медиакоммуникаций, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики.

Адрес: 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а.

E-mail: terskih@mail.ru.

M. V. Terskikh

Omsk, Russia

IMAGITIVE ADVERTISING: MEASUREMENT OF EMOTIONAL INFLUENCE (ON THE EXAMPLE OF ADVERTISING OF PERFUMERY).

ABSTRACT. In article the typical discourse practices used in advertising texts at positioning and advance of objects of perfumery are considered. In the discourse of perfumery advertising informing about real consumer properties of a product is almost impracticable task that causes the appeal of the sender to a format of imagitive advertising – advertising in which the emotional component plays a key role. The author considers methods of creation of an emotional image in perfumery advertising, researches the basic strategy of communicative influence used in promotion of products of this commodity category.

KEY WORDS: discourse practices; advertising discourse; imagitive advertising; positioning.

About the author: Terskikh Maria Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Omsk F. M. Dostoevsky State University, Faculty of Philology and Media Communications, Associate Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Специфика позиционирования и продвижения продукта, принадлежащего определенной товарной категории, в значительной степени определяется теми особенностями, которые присущи объекту позиционирования. В некоторых случаях настолько сложно сделать основой рекламного сообщения информирование о реальных (объективных) потребительских свойствах продукта, что приходится прибегать к так называемой имажитивной рекламе – рекламе, в которой эмоциональная составляющая играет главную роль.

Если рационалистическая реклама базируется на актуализации утилитарной ценности продукта, на той практической выгоде, которую получает потребитель в процессе применения товара, то имажитивная реклама по своей сути призвана «соблазнять» потребителя посредством апелляции к воображаемым свойствам объекта позиционирования.

Как правило, к имажитивной рекламе копирайтер прибегает в том случае, когда сложно обеспечить дифференцирование продвигаемого товара посредством указания на реальное УТП (уникальное торговое предложение), содержащее конкретные «технические» отличия. При этом нельзя не обратить внимание на то, что в современных условиях все большей унификации товаров мы можем наблюдать укрепление позиций имажитивной рекламы даже в тех сферах, где апелляция к разуму представляется вполне возможной. Все чаще люди совершают покупки, ориентируясь в первую очередь на то, какие эмоции вызывает предлагаемый товар, покупка стала «эмоциональным» действием.

Очевидно, что потребитель, приобретая тот или иной парфюм, ориентируется в первую очередь на свой позитивный эстетический опыт. Другими словами, духи удовлетворяют скорее эстетические потребности, нежели приносят определенную выгоду. Таким образом, человек должен получать удовольствие от использования того или иного аромата и реклама парфюма должна обещать человеку это удовольствие.

При создании рекламы парфюма основная сложность состоит в том, что аромат передать трудно, а через традиционные каналы распространения рекламной информации просто невозможно. Однако если мы видим, например, в журнале рекламу духов, которая кажется нам привлекательной и производит на нас определенное впечатление, то и соответствующий аромат хочется апробировать. Поэтому задача такой рекламы – посредством определенной комбинации визуальной и вербальной составляющих – создать такой образ аромата, который бы

ассоциировался у потребителя с конкретной маркой. При этом в случае продвижения парфюма понятие образа является ключевым, поскольку то представление о продукте, которое было сформировано, в частности, рекламным сообщением, в конечном счете, будет экстраполировано на реальный продукт.

Как правило, образ духов конструируется посредством визуального компонента, который несёт в себе основную идею. Реклама парфюма – создание визуального образа красоты, сексуальности, любви, роскоши. Ключевая задача созданного образа – вызвать у потребителя желание узнать аромат предлагаемых духов.

При этом роль вербального компонента при продвижении духов, как правило, довольно невелика. Как известно, одним из значимых компонентов рекламного сообщения, формирующим базу для дифференцирования продуктов в рамках определенной товарной категории, является слоган. Однако в случае с позиционированием парфюма, мы можем наблюдать следующую тенденцию: значительная часть рекламных обращений не переведена с оригинального языка. С одной стороны, нельзя отрицать эффективность этого приема – данная стратегия соответствует специфике российского менталитета с его верой в то, что «иностранное – значит, лучшее». По крайней мере, в отношении парфюмерии данный стереотип все еще является актуальным. С другой стороны, как мы уже отмечали, в ряде случаев значимость словесной составляющей практически нивелируется, при этом возрастает роль визуального ряда.

В рекламе парфюма, как ни в какой другой, часто используются «лица» известных актрис и моделей. Это связано с тем, что большей частью такая реклама ориентирована на женщин, а для них важна ссылка на авторитетные или популярные личности, которым хочется подражать. Делая акцент в рекламе на том, что данным парфюмом пользуется красивая и успешная женщина, компания призывает своих потребителей приблизиться к ней, к миру моды, кино, к элите общества посредством приобретения этого аромата. Так, знаменитые «лица» Chanel – Катрин Денев, Кароль Буке, Николь Кидман, Кира Найтли.

При этом нужно отметить, что в рекламе мужских ароматов больше текста и обращения к разуму, а не к эмоциям потребителя. Это вовсе не означает нивелирование эмоциональной (имажитивной) составляющей. При продвижении мужского парфюма создаются образы мужественности, авторитетности, сексуальности, привлекательности для женщин. Для этого, как правило, приглашают известных актёров, спортсменов и даже политиков. Примером такого рода позиционирования может служить туалетная вода «Жириновский», которая предлагается как парфюм для «джентльмена наших дней, мужчины, которого современная женщина может назвать идеальным». Потенциальный потребитель разработчиками аромата определяется следующим образом: *«Он истинный аристократ независимо от происхождения. Он знает цену вещам и истинным чувствам. Его поступки продиктованы лишь собственными стремлениями. Его любовь к женщинам чувственна и благодарна»*. Если абстрагироваться от того, насколько стереотипный образ В. В. Жириновского гармонично коррелирует с представленной стратегией позиционирования, можно предположить, что такого рода комплиментарная форма обращения к потенциальному покупателю, по всей видимости, будет в определенной степени успешна.

Заметим также, что анализ сегмента мужского парфюма позволяет говорить о достаточно грамотном таргетировании даже в категории продукции отечественного производства. Разработчиками ароматов для брутальных мужчин предлагается туалетная вода серии «ЛЮБЭ» («Комбат», «Давай», «Атас»), для энергичных и динамичных создана линия, «посвященная» Ю. Лужкову и носящая названия «Мэр», «Мэр вечерний» и «Мэр Energy», для мужчин, «способных пренебречь некоторыми условностями», выпущен одеколон «Сумасшедший дождь» (аромат от Вячеслава Добрынина). Примеров довольно много, важно отметить, что в основе таргетирования во всех случаях лежат психографические критерии. Та же самая тенденция прослеживается и при позиционировании парфюма зарубежного производства – аромат предлагается как продукт, специально созданный для людей определенного психотипа, как товар, который способен вызывать чувства, в той или иной степени значимые для потребителя.

Таким образом, очевидно, что реклама парфюма способна воздействовать в основном на эмоциональном уровне (апелляция к удовольствию, к авторитету и т. д.). Такой эмоциональный посыл в рекламе способен упрочить имидж товара и вызвать благорасположение потребителя. Реклама такого типа обращена не столько к рациональному, логическому началу потребителя, сколько к его психологическим, социальным, а главное, к эмоциональным потребностям.

Эмоциональное воздействие в рекламе парфюма достигается с помощью различного рода эмоциональной аргументации в рекламных текстах.

Как отмечает Е. Песоцкий, «отличительные потребительские свойства духов и туалетной воды – явление индивидуальное. Поэтому в рекламе парфюмерных товаров редко говорится что-либо определённое, чаще делаются только окрашенные эмоциями намёки, позволяющие разыграть воображению, призванному выстроить в подсознании потребителя то, что он желает услышать, почувствовать, получить... Поэтому эффективность рекламы парфюмерных товаров измеряется только силой эмоционального воздействия» [Песоцкий 2003: 20-21]. Так, LANCOME в рекламе своих духов «Magnifique» использует изображение известной и любимой многими актрисы Энн Хэтэуэй, и слоган гласит «You are unique, you are magnifique», что в переводе означает «Ты уникальна, ты прекрасна». Таким образом, конкуренция товаров в категории «парфюм» определяется в значительной степени качеством эмоциональной аргументации, способностью рекламных сообщений создать образ, побуждающий к совершению покупки.

Х. Кафтанджиев рассматривает образ как разновидность аргументов: «Аргументы могут предстать в рекламе как в виде слов, также и в виде образов. В некоторых коммуникативных ситуациях, обусловленных несовершенством технических кодов почти вся информация (в том числе и та, которая связана с аргументами) выражалась в образах. Коммуникативные рекламные требования по отношению к некоторым специфичным продуктам (духи) используют образы как носители аргументов. Это обусловлено несколькими факторами:

- образы (особенно те, которые используются в рекламе духов) несут сильный эмоциональный заряд;
- образы из-за специфичности своей знаковой системы, более размыты, с неуточненным смыслом.

Это главная характеристика вербальных аргументов в рекламе духов. Выходит, что эмоциональность не уживается со строгими определениями» [Кафтанджиев 1995: 42].

Рассмотрим приёмы создания образа, которые используются в рекламе парфюма и выполняют функцию эмоциональных аргументов.

Использование профессионального статуса

Человек склонен доверять знаниям и опыту людей, добившихся успеха. Зачастую мы думаем, что если лицом продукта является известная личность, значит, рекламируемый товар в ее компетенции, а она плохого не посоветует. Например, «лицом» бренда Dior долгое время является знаменитая актриса Шарлиз Терон, а «лицом» аромата Very irresistible от Givenchy – Лив Тайлер.

Демонстрация потребителя продукта

В рекламе показывают привлекательный для зрителя персонаж, который уже пользуется рекламируемым средством. И если человек хочет быть хоть чем-то похожим на него, то ему просто необходимо приобрести данный продукт. Например, хочешь ощутить полную свободу и пользоваться таким же успехом у женщин, как Он, – используй новый аромат от LACOSTE. Стремись произвести впечатление respectable мужчины и быть лидером – тебе не обойтись без парфюма от HugoBoss.

Олицетворение

Этот прием предполагает наделение продукта атрибутами человека, с помощью чего неодушевленный предмет становится одушевленным, имеющим свой характер, а это означает совсем другое к нему отношение. Яркий пример – парфюм от Jean Paul Gaultier, выполненный в форме женского тела, а парфюм Dolly Girls от Anna Sui в форме женского профиля.

Результаты от использования продукта

В рекламе демонстрируются потрясающие результаты, которых можно добиться при использовании продукта. «Парфюм для женщин Absolutely Givenchy наполняет женщину - обитательницу мегаполиса - энергией, задором и оптимизмом» (Givenchy), «Женский аромат Amor Amor от Cacharel идеально подчеркнет молодость и увлеченность его обладательниц» (Cacharel).

Демонстрация ситуации использования продукта

Рекламист «создает» товар для использования его в какой-либо жизненной ситуации. Для применения парфюма GiorgioArmani, например, подходит совершенно конкретная ситуация: мужчина нежно прислоняется к спине любимой женщины.

Визуализация стереотипа

Рекламный текст формирует образ как реакцию на то или иное слово. При слове «супермен» нам, скорее всего, представляется подобный мачо (образ Антонио Бандераса в рекламе парфюма Diavolo).

Анимализация – использование животных.

Например, акула – агрессивное, стремительное существо (реклама мужского парфюма dunhillX-CENTRIC). В рекламе парфюма Jacques Griffe изображена чёрная кошка, которая ассоциируется с грациозностью, утонченностью.

Недосказанность

Зрителю/читателю предлагается только часть изображения. Данный прием рассчитан на естественный интерес человека: чтобы представить себе образ целиком, надо домыслить недостающую часть предмета. В этом и состоит особенность приема – то, что домыслили сами, на что потратили определенные усилия, имеет тенденцию более прочно оседать в нашем сознании. Нередко рекламисты используют тень рекламируемого средства, которое находится за рамками рекламного поля: если есть тень - должен быть и сам предмет. Есть сильные мужские руки или мужской торс – должен быть и сам мужчина, есть ситуация – дорисовываем героев (реклама парфюма Fragile)

Получается, что в рекламе духов нет уникального торгового предложения (УТП) и всё построено только на эмоциональном воздействии. Е. Песоцкий отмечает, что даже в таком сложном с точки зрения выявления рациональных преимуществ сегменте, как парфюм, можно обнаружить примеры актуализации естественного УТП. В качестве примера исследователь приводит рекламу духов «WINGS»: «WINGS» уникальны, ибо в их состав входит 621 компонент. «WINGS» идут к вам с новой идеей, включающей в себя радость, оптимизм, свободу и спортивность женщины, которая любит жизнь и наслаждается ею. «WINGS» - единственная и деликатная комбинация в мире из самых дорогих ароматов [Песоцкий 2003: 21].

Автор концепции уникального торгового предложения Р. Ривс в свое время выделил два базовых вида УТП – естественное и искусственное. Естественное УТП актуально в случае отсутствия конкурентов. Реклама духов «WINGS» – пример естественного УТП (см. выше). Искусственное УТП обслуживает ситуацию, когда сильна

конкуренция. «Это не физическое отличие товара от аналогов, а психологическое. Это ситуация, когда различаются не сами товары, а мнения людей о них (сформированные нами мнения)» [Имшинецкая 2006: 32].

Действительно, современный рынок предлагает ароматы на все случаи жизни для самых разнообразных целевых сегментов. Один из них - «аромат для настоящей горожанки, озорной и сексуальной. Его призвание в том, чтобы в городской суматохе (именно так переводится название аромата) выделить и возвысить свою обладательницу...» (Tumulte Pour Femme от Christian Lacroix), другой – «возвращает нас к истокам своих традиций и воскрешает в памяти образ вечной красоты, которая существует вне времени. Аромат-посвящение динамичной и современной женщине, которая сочетает в себе чувственность и силу, честолюбие и женское обаяние...» (Gucci by Gucci), третий – «неповторим благодаря своему природному составу и загадочен, как история востока» (Hanae Mori For Men).

Таким образом, мы видим, в рекламе духов присутствует УТП. Оно может быть естественным, но, как правило, мы сталкиваемся с искусственно созданными, в своей основе психологическими дифференциальными признаками продукта.

Превалирование эмоциональной составляющей в текстах рекламы парфюмерии подтверждается и анализом коммуникативных стратегий, регулярно используемых при разработке рекламного сообщения, целью которого является позиционирование духов/туалетной воды.

Ю. К. Пирогова под стратегиями коммуникативного воздействия в рекламе понимает «приемы выбора, структурирования и подачи в сообщении (как в его вербальной, так и в невербальной части) информации о рекламируемом объекте, подчиненные целям коммуникативного воздействия, выгодного для продвижения этого объекта на рынке» [Пирогова 2001]. Предложенная исследователем типология позволяет нам выделить следующие актуальные для продвижения парфюмерии коммуникативные стратегии:

1. Позиционирующие стратегии – стратегии, формирующие определенное восприятие предлагаемого объекта.

1) стратегии дифференциации.

На рынке парфюмерной продукции огромная конкуренция. Фирмы – производители того или иного аромата нередко говорят о своей уникальности категорично, используя такие конструкции, как «только наш аромат...», например:

* Сверкающий и изысканный, этот аромат настоящего и будущего - сочетание, возможное только у Gianfranco Ferré с его неповторимым чувством стиля и гармонии (Gianfranco Ferré);

* Этот аромат можно считать настоящим эксклюзивом» (Must de Cartier от Cartier).

При этом об уникальности своего продукта производители того или иного аромата заявляют, как правило, достаточно стандартно - с помощью прилагательных «эксклюзивный» (Эксклюзивный аромат D&G Light Blue... Dolce and Gabbana), «уникальный» (Он благоухает уникальным, насыщенным ароматом, который подойдет любой женщине, независимо от возраста... VELOCITY от Мэри Кей).

2) ценностно-ориентированные стратегии – стратегии, позволяющие связать рекламируемый объект с важными для целевой группы ценностными понятиями.

* Сверкающий, серебристый кристалл флакона символизирует женскую привлекательность и нежность». VV Platinum от Roberto Verino - актуализируются ценностные концепты «привлекательность» и «нежность»;

* Вы снова почувствуете себя молодой, ведь главное – быть юной сердцем и женственной от природы. Dianthus от Etro; *... идеально подчеркнет молодость... Fidji от Guy Laroche - актуализация ценностного концепта «молодость».

Можно сказать, что набор тех концептов, которые в наибольшей степени востребованы в рекламе парфюмерии, не очень широк. В основном в данных рекламных сообщениях осуществляется апелляция к абстрактным, эмоционально окрашенным понятиям. Среди наиболее частотных можно назвать следующие концепты:

– «любовь»: * Аромат Givenchy Amarige - это воспевание вечной любви». Givenchy. * Amarige D'amour - новая интерпретация жизни, переполненной чувством. Аромат-доказательство материальности любви, аромат-символ любви разделенной. Эмоциональный трепет в квадрате». Givenchy;

– энергия: * Парфюм для женщин Absolutely Givenchy наполняет женщину, обительницу мегаполиса, энергией, задором и оптимизмом». Givenchy. * Blu Wake Up дарит хорошее настроение, придает силы и заряжает энергией на весь день». Vyblos;

– счастье: * Парфюм счастья и благополучия составляют ноты фиалки, цветов апельсина... Givenchy Amarige от Givenchy;

– женственность (сексуальность): * Agent Provocateur Maitresse - современный, цветочно-альдегидный парфюм. Его хозяйка - воплощенная чувственность и сексуальность, она носит аромат как вторую кожу, наслаждаясь игрой парфюмерных нот». Agent Provocateur. * Он предназначен той, которая гордится своей женственностью и сексуальностью, смело идет по жизни, исследуя и открывая новые ее грани...» Axis Forever от Axis;

– гармония (покой, умиротворенность): * Элегантный, чувственный и игривый аромат для погружения в гармонию и наслаждение любовью, радостью или покоем». Axis Mon Amour Apricot от Axis. * А аромат Noa от Cacharel принесет в жизнь его почитательницы умиротворенность и спокойствие. Cacharel;

– сила (мужественность): * Samourai KATANA - это парфюмерное произведение, предназначенное для сильного и самодостаточного мужчины». Alain Delon. * Изысканный аромат, воплощение мужественности и элегантности - придает своему обладателю уверенность и сексуальность... Proof cologne от Abercrombie & Fitch.;

– изысканность (утонченность, элегантность): * Элегантность и загадочность, шикарность и чувственность отличают парфюм, созданный под маркой Carolina Herrera. * Ароматы Carolina Herrera snискали популярность среди тех, кто ценит изысканность и шик. Carolina Herrera.

3) стратегии присвоения оценочных значений, помогающие усилить восприятие положительных свойств рекламируемого объекта.

* ...парфюм радуется своим великолепием и неподдельностью. Amor Amor от Cacharel; * Этот изысканный и роскошный аромат... Rose The One от D&G; «...Непредсказуемый и даже немножко озорной аромат Chanel Chance. Chanel;

*...это великолепный парфюм ароматных цветов, окружающих вас дурманящим шлейфом... Borsalino.

Отметим, что в рекламе парфюмерии в качестве основных вербальных стратегий наиболее частотны ценностно-ориентированные стратегии и стратегии присвоения оценочных значений. Это объясняется доминированием эмоциональной составляющей в рекламных текстах парфюмерной продукции.

2. Оптимизирующие стратегии – стратегии, направленные на оптимизацию воздействия рекламного сообщения, на преодоление неблагоприятных условий коммуникации.

1) стратегии согласования языка и картин мира коммуникантов.

В анализируемых текстах, в частности, представлена детская парфюмерия, и в данных сообщениях, как правило, используется язык, «учитывающий картину мира» детской аудитории. * Yves Rocher – душистая вода с ароматами зеленых и красных яблок: «Pomme de Reinette» или «Pomme d'Аri». Яркие круглые флаконы с красными пробками, похожими на нос клоуна, запах сочных, хрустящих яблок, делает духи свежими и легкими. Именно такие отлично подойдут маленьким озорникам и шалуньям, которые очень любят своих мам! Yves Rocher.

2) аргументативные стратегии.

Тексты, посвященные парфюмерной продукции, базируются по большей части на эмоциональной аргументации, что подтверждает преобладание имажитивной рекламы при позиционировании парфюма. В ходе исследования были выявлены две основные схемы, на которых (естественно, с разными вариациями) чаще всего выстраивается аргументация:

– парфюм делает его обладателя/обладательницу привлекательными и не похожими на других: * Absolutely Givenchy лёгкий и ненавязчивый он будет окутывать вас лёгким шлейфом на протяжении всего дня. Благодаря аромату вы не останетесь незамеченной. Мужчины будут долго смотреть вам в след. Givenchy. * Она всегда в центре внимания, страстные мужские взгляды окутывают ее со всех сторон, Она - само очарование. Adidas. * Magic Map – женщинам не устоять перед твоим обаянием и харизмой! Аромат создан специально для тех, кому нравится быть настоящим мужчиной. Bruno Banani.

– парфюм дарит чувственное наслаждение: * Аромат доставляет его обладательнице истинное наслаждение и дарит волнующее ощущение счастья. Brit от Burberry. * Ощутить удивительное чувство полета вам поможет нежный и гармоничный аромат Bvlgari Voile de Jasmin. Окутанный нежно-манящим ароматом жасмина и розы, этот парфюм возносит вас к цветочным облакам, купает в ароматном море, наполненном цветками апельсина и мимозы, и убаюкивает на мягких волнах сладкого запаха ванили и иланг-иланга. Voile de Jasmin – это аромат, который дарит вам крылья! Bvlgari.

3) мнемонические стратегии – стратегии, позволяющие повысить запоминаемость рекламного сообщения.

* Твой аромат, твои правила. Hugo Boss. * Очень элегантный, очень весёлый, очень Ваш. Givenchy. * Это больше чем аромат. Это обещание. Cacharel.

Резюмируем: использование в текстах, в которых рекламируется парфюмерная продукция, преимущественно эмоциональной аргументации обусловлено в первую интенсицей адресата. Основная цель этих текстов заключается в том, чтобы создать в сознании потребителя яркий образ, который в дальнейшем будет ассоциироваться с тем или иным ароматом.

ЛИТЕРАТУРА

Имшинецкая И. Креатив в рекламе. М., 2006.

Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. М., 1995.

Песоцкий Е. Современная реклама: теория и практика. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003.

Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации // Труды международного семинара «Диалог-2001». URL: http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_31.htm.

М. В. Терских, М. Г. Павчун

Омск, Россия

СПЕЦИФИКА МЕТАФОРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: ВИЗУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ

АННОТАЦИЯ. В исследовании анализируется визуальный компонент метафоризации в современной рекламе. На примере современных рекламных роликов рассматривается процесс создания визуальной метафоры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафоризация; современный рекламный дискурс; визуальный компонент.

Сведения об авторе: Терских Мария Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, факультет филологии и медиакоммуникаций, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики.

Сведения об авторе: Павчун Мария Геннадьевна, студентка факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Адрес: 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а.

E-mail: terskih@mail.ru, lilo_u222@mail.ru.

M. V. Terskikh, M. G. Pavchun

Omsk, Russia

SPECIFIC FEATURES OF METAPHORIZATION IN MODERN ADVERTISING DISCOURSE: VISUAL COMPONENT

ABSTRACT. The article analyzes the visual component of metaphorization in modern advertising. The authors study the process of creation of visual metaphor on the example of modern commercials.

KEY WORDS: metaphorization; modern advertising discourse; visual component.

About the author: Terskikh Maria Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Omsk F. M. Dostoevsky State University, Faculty of Philology and Media Communications, Associate Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics.

About the author: Pavchun Maria Genadievna, Student of Faculty of Philology and Media Communications, Omsk F. M. Dostoevsky State University.

Не секрет, что большая часть работ по теории метафоры написана на материале печатных текстов, по большей части художественных. В то же время современная дискурсивная практика диктует новые правила. Актуальным становится изучение метафорических переносов, осуществленных посредством иконической знаковой системы, взаимодействия визуальных метафор с вербальной семиотической системой, корреляции языковой (вербальной) метафоры и метафоры визуальной (изобразительной). При этом перевод вербального кода в код образов представляется средством, обладающим высоким воздействующим потенциалом. По сути, все преимущества механизма метафорической «упаковки» информации, реализуемого посредством вербального кода, усиливаются многократно благодаря тем достоинствам, которыми обладают визуальные знаки.

Невербальные средства коммуникации в рекламном дискурсе становятся если и не ведущим средством воздействия, то ни в коем случае не подчиненным, вторичным источником информации и инструментом манипулирования по отношению к вербальным элементам. С точки зрения рекламистов-практиков зачастую именно визуальный компонент имеет больший прагматический и смысловой потенциал, нежели собственно языковые единицы. Поэтому рекламное сообщение все чаще базируется на *визуальной метафоре*, которая строится как соотнесение (сопоставление) двух зрительных образов, в результате чего генерируется новый смысл.

В данной статье мы остановимся на специфике смыслового поля, в рамках которого может быть использована визуальная метафора. Иначе говоря, рассмотрим, что является объектом визуальной метафоризации в рекламе.

Проблема современного рекламного рынка заключается в первую очередь в том, что большая часть товаров в рамках той или иной товарной категории практически идентичны по своим характеристикам, в том числе и абстрактным, так называемым неосознаваемым. И в этой ситуации обращение к метафоризации как механизму, позволяющему эти абстрактные характеристики «опредметить», представить в более наглядной и, что немаловажно, нетривиальной форме, является вполне объяснимым. Одни и те же, общие для ряда продуктов товарной группы, характеристики становятся возможным передать в конкретной, опредмеченной форме, создать тем самым основу для дифференцирования. Именно метафоризация, которая позволяет передавать смысловые нюансы, вносить в семантическую структуру слова фигуральное значение, является в данном случае источником синонимии. Другими словами, например, информация о мощности автомобиля может передаваться посредством апелляции к таким источникам метафорического переноса, как «реактивный самолет» (реклама Subaru Tribeca), «слон» (Kia), «лошадь» (Volkswagen и Kia) и т. п. При этом каждая из предложенных метафор будет вносить определенный смысловой нюанс в понятие мощности.

Метафоризация параметров товара чаще всего происходит за счет сравнения форм. До недавнего времени этот прием особенно активно использовался в рекламе теле-, видео- и аудиоаппаратуры. Так, телевизоры с их строгой прямоугольной формой олицетворяли нашу повседневную жизнь «в четырех стенах» и одновременно возможность вырваться из нее в новые неизведанные миры, а размеры телеэкранов стали поводом для

«расширения горизонтов». При этом воздействующая сила рекламного изображения возможностей широкоформатного экрана усиливалась, например, фигурой мужчины с распахнутыми руками, одетого в белую рубашку. Для неизбалованного российского покупателя, привыкшего к громоздким телевизорам и радиоприемникам, «уникальными» казались миниатюрные формы аппаратуры. Поэтому нередко различные плееры, вернее, их размеры как неповторимое достоинство товара сравнивались, в частности, со стройными женскими ножками.

Широко известно метафорическое визуальное позиционирование ключевых свойств автомобилей. Чаще всего в качестве уникальных характеристик через парадоксальное уподобление демонстрируются скорость, мощность двигателя, маневренность, высокая проходимость, безопасность автомобиля и т. д. В качестве базового приема используется сходство по функциональному признаку: быстрый, как ягуар; уверенный на дорогах, царственный, как лев; легко преодолевающий бездорожье, водные преграды, как бегемот; мощный и одновременно защищенный, как броненосец.

С помощью визуальной метафоры рекламируют специфические свойства товаров, входящих в одну функциональную группу, фирмы Rowenta, Siemens, LD. Если маркетинговая стратегия Rowenta и LG заключается в продвижении такого свойства пылесоса, как его необыкновенная мощность, то Siemens апеллирует к такому важному качеству пылесоса, как тишина во время работы: незаметная уборщица, работающая с пылесосом, нисколько не мешает ни брачной церемонии в церкви, ни концерту классической музыки.

При рекламировании красок обращают внимание на такие их свойства, как натуральность, яркость и экологичность. Естественно, что при продвижении такого продукта используется сравнение по цвету. Фирма «Berger», производящая финишную краску, избрала оригинальный способ ознакомления потребителей со своей продукцией: рабочий, закрашивающий щит голубой краской, делает его неотделимым от неба. Однако может быть и иное толкование, не умаляющее достоинств рекламируемого товара: белое полотно закрашивается краской, «взятой» у небесной лазури. Иначе говоря, краски «Berger» такие же натуральные, как в природе.

Д. Быльева отмечает, что «метафорически могут быть представлены не только свойства демонстрируемого товара, но и *действие*, производимое с его помощью, или *проблемная ситуация*, для решения которой необходимо воспользоваться предлагаемым продуктом». При этом «подобные метафоры оказываются слишком многозначными и требуют вербального комментария» [Быльева 2005: 62].

Так, продемонстрировать действие, производимое эпилятором, позволяет изображение девушки, собирающейся сдуть пух с одуванчика. Для уточнения параметра сравнения в рекламе используется слоган «Так же легко!» В рекламе шин автотрасса «превращается» в стрелу, пущенную в яблоко на голове человека. В качестве параметра сравнения в данном случае выступает точность: «Абсолютная точность управления».

Метафорически может быть представлена и проблемная ситуация, решение которой требует применения продукта. Например, мужчина в одежде, стоящий по шею в воде, должен наглядно передать неудобство оплаты входящих звонков на мобильный телефон: «Плывать в воде так же неестественно, как и платить за чужие звонки».

Проблемная ситуация может быть представлена и одним визуальным элементом. Так, метафорическим воплощением аллергии в рекламе лекарства от данного недуга стало изображение букета, помещенного в вазу цветами вниз.

Реклама, как известно, продвигает не только товары, но и социальные ценности. Ярким примером совмещения визуальных средств и метафоризации, когда видимые образы наполняются иным смыслом, может служить плакатная продукция международной организации по охране окружающей среды WWF. В первом случае линии труб заводов выглядят как пушки, расстреливающие птиц, крохотные фигурки которых едва различимы на небосводе (прием сравнения по форме). Во втором случае парадоксальность ситуации подчеркивается с помощью красок, которые в дикой природе без пагубного вторжения человека встретиться не могут: северная белоснежность животных испещрена граффити, выполненными красной, голубой и черной краской. Зрительное воздействие дополняет надпись-вопрос: «What will it take before we respect the planet?»

Для систематизации и инвентаризации переносов, специфичных для визуальной метафоризации в рекламе, без сомнения, важен вопрос сфер-источников такого рода метафорического сопряжения.

Максимально развернутую, сложно структурированную классификацию «источников метафорической экспансии» в рамках когнитивной лингвистики предложил А. П. Чудинов в монографии, посвященной когнитивному исследованию политической метафоры [Чудинов 2001]. Анализируя современную политическую речь в целях выявления и описания метафорических моделей, исследователь выделяет четыре понятийные сферы (исходные понятийные области), откуда черпается материал для сравнения: человек, социум, природа и вещи.

Говоря о приемах создания метафоры с помощью визуального языка, следует остановиться на традиционных образах-символах. Наиболее востребованы для этих целей образы природы: фауны, флоры, воды, земли, воздуха, неба и т. д.

Что касается образов *животных*, то эти символы активно использовались еще в средневековой геральдике и по-прежнему остаются наиболее популярными визуальными атрибутами не только знаменитых брендов, но и рядовых торговых марок. Образы сильных, мощных, «брутальных» животных являются излюбленным символом автомобильных брендов: лев с устрашающе разинутой пастью, стоящий на задних лапах, – Peugeot; летящий в прыжке ягуар – Jaguar; конь с развивающейся гривой – КамАЗ и т.п.

Для демонстрации нежности, шелковистости и других «приятных, милых и чувственных» свойств товара часто используют образы детенышей животных – котят, медвежат, оленят. В 2000-х гг. на одной из центральных улиц г. Омска была размещена щитовая реклама одного из банков. Продвигалась услуга по предоставлению банковских ячеек: в металлическом выдвижном ящике сидел оранжевый плюшевый медвежонок «из детства». Рисунок поддерживался репликой «Я жду тебя всегда...». Эмоциональное воздействие этого рекламного сообщения трудно переоценить.

Однако визуальные метафорические образы с использованием животных, как и в языке, можно отнести к разряду стирающихся. «Лев, гепард и другие представители семейства кошачьих уже воспринимаются как избитые символы силы и мощи автомобильной техники» [Быльева 2005: 61].

Нестандартно подошли к вопросу рекламирования известного автомобильного бренда сотрудники Publicis, США. Они разработали серию принтов для «ночного видения» от BMW, сравнив предлагаемый продукт с представителем хищной фауны. В результате автомобиль напоминает реального хищника, особенно когда стоит в темноте с включенными фарами ближнего света. Неудивительно, что функция ночного видения делает автомобиль еще более стильным и «хищным», напоминает взгляд гепарда, совы, крокодила.

Еще одним активно задействованным источником визуальной метафоры в рекламе является флора: дуб олицетворяет силу, лилия – чистоту, роза является символом красоты, а фиалка – скромности. Наиболее часто к символам из мира растений обращаются фирмы, связанные с косметикой и парфюмерией. Однако потенциал подобных метафор этим не исчерпывается. Так, яркой визуальной метафорой безопасности автомобиля является расколотый орех, внутри которого находится еще одна скорлупа.

Весьма нестандартно использован символ цветка в антикоммунистической рекламе 1996 г.: изображено четное число гвоздик (традиционно четное число цветов приносит в связи с известными обстоятельствами). При этом стебли гвоздик плавно переходят в куски колючей проволоки. Визуальный компонент сопровождается текстом, первая часть которого – «Компартия не сменила названия» – размещена над изображением четырех гвоздик, а вторая часть – «она не сменит и методы» – нанесена на черную траурную ленту опоясывающую стебли цветов, переходящие в колючую проволоку. На наш взгляд, несмотря на то, что с точки зрения техники исполнения плакат далек от совершенства, зрительный образ весьма оригинален и эмоционально насыщен.

Отметим также, что при визуальной метафоризации достаточно высок потенциал понятийной сферы «общеизвестность», откуда черпаются образы для сравнения, понятные и доступные без перевода. Именно это обеспечивает сохранение высокой частотности соответствующих образов и продуктивность образов – появление все новых и новых нетривиальных метафорических смыслов.

Изучение способов и приемов создания метафорических зрительных образов на носителях, относящихся к категории наружной рекламы, а также особенностей продвижения товаров и услуг с помощью нетрадиционных носителей (ambient); попытка систематизировать имеющийся эмпирический материал (в ходе исследования рассмотрено около 200 образцов наружной рекламы с элементами креатива, из которых к рекламе с использованием визуальной метафоры отнесено около 70 изображений) на базе теоретических положений, сформулированных в работах по когнитивной лингвистике, рекламному делу, маркетингу, привели к следующим результатам и выводам.

Для того, чтобы определить эффективность воздействия креативной рекламы, прежде всего использующей в качестве механизма трансляции значимых сведений о продукте визуальную метафору, целесообразно определить группы товаров и услуг, для продвижения которых используется данный вид рекламы; параметры товаров и услуг, служащие объектом метафоризации; источники создания метафоры; носители, используемые для трансляции рекламы.

Результаты проведенного исследования систематизированы в таблице, что позволяет достаточно четко представить специфику использования визуальной метафоры в рекламном сообщении в зависимости от категории товара.

Группы товаров и услуг	Параметры товаров и услуг, подвергаемые метафоризации	Источники создания метафоры	Носители рекламы
Автомобили, детали и механизмы к ним	Мощность двигателя, маневренность, вместительность, безопасность, точность, престижность	Фауна – мир животных (стирающаяся метафора), флора	Традиционные носители наружной рекламы (щиты, растяжки, брендмауэры и др.) – преимущественно; ambient – единичные случаи
Парфюмерия, косметика, товары по уходу за кожей, волосами, телом и т. д.	Производимое действие, результат использования	Человек как биологическое существо (волосы, кожа, тело, зубы и т. д.); фауна, флора	Как традиционные, так и нетрадиционные носители
Бытовая техника	«Сущностные» качества, отличающие товары одной и той же линейки, производимое действие, результат работы, метрические параметры	Человек, флора, артефакты, сферы природные сферы (небо, ветер и др.)	Традиционные носители – для характеристик статики (метрические параметры); нетрадиционные – для динамических характеристик
Строительные материалы, бытовая химия	Качество, результат использования, характеристики по составу продукта	Природа – земля, воздух, небо, вода,	Как традиционные, так и нетрадиционные носители

Группы товаров и услуг	Параметры товаров и услуг, подвергаемые метафоризации	Источники создания метафоры	Носители рекламы
Банковские услуги	Качество оказываемых услуг, скорость исполнения, метрические показатели (размеры процентов по вкладам, время погашения кредита и т. д.)	Человек (отдельные выдающиеся личности), артефакты («Получить кредит так же приятно, как выпить чашечку кофе с пирожным»), мир животных	Преимущественно традиционные рекламные носители
Общественное питание	Особенности кухни и меню, нацеленность на определенную аудиторию, престижность	Артефакты, мир живой природы	Нетрадиционные носители, активное использование элементов уличного интерьера, деревьев и растений
Социальные ценности (экология, физическое и нравственное здоровье, спорт, забота о ближнем нем и др.)	Польза от соблюдения социальных норм, сохранение окружающей среды, результаты здорового образа жизни и др.	Человек, природа, социум	Как традиционные, так и нетрадиционные носители

Исходя из данных показателей можно сделать следующий вывод: в определенной степени использование метафоры зависит от конкретных параметров рекламируемого товара. При этом в качестве источника метафоризации крайне редко используются объекты, относящиеся к понятийной сфере «социум». Полагаем, это объясняется тем, что визуальная метафора адресована широчайшему кругу лиц, где не имеет значения социальная составляющая как элемент ментальности (известно, что, например, японцы оценивают знаки и символы иначе, чем европейцы или американцы).

ЛИТЕРАТУРА

Быльева Д. Семиотика визуальных образов в рекламном плакате // Реклама. Теория и практика. 2005. № 2. С. 55–64.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.

Л. Г. Чапаева

Москва, Россия

КОМПОНЕНТЫ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ 30–40-Х ГГ. XIX В.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются малоизвестные филологические сочинения XIX в. с точки зрения отражения в них структуры языковой ситуации и взаимосвязи ее компонентов; выявляются их номинации, объем и иерархия в представлении исследователей русского языка периода 1830–1840-х гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая ситуация; литературный язык; простонародный язык; просторечие.

Сведения об авторе: Чапаева Любовь Георгиевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, кафедра русского языка.

Адрес: 109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д.16-18.

E-mail: lg4@mail.ru.

L. G. Chapayeva

Moscow, Russia

COMPONENTS OF RUSSIAN LANGUAGE SITUATION Philological SOURCES 30-40th. XIX CENTURY

ABSTRACT: The article examines the little-known philological works of the XIX century. in terms of the structure to incorporate the language situation and the relationship of its components; identifies their nomination, the volume and the hierarchy in the representation of Russian Language Researchers period 1830-1840's.

KEY WORDS: language situation; literary language; vulgar language; vernacular.

About the author: Chapayeva Lubov Georgievna, Doctor of Philology, Professor, Moscow State University for Humanities named after M.A. Sholokhov, Department of Russian.

Понятие «языковая ситуация» сформировалось в отечественной социолингвистике в 60–е г. XX в. Составляющими языковой ситуации могут быть как разные языки, так и разновидности одного национального языка. В моноязычной ситуации речь идет о взаимодействии и «равновесии» разных форм одного и того же языка с учетом их стратовой дистрибутивности и соотносительности с формами культуры, и прежде всего положение литературного языка, находящегося в различных отношениях с другими формами общенационального языка, что и создает динамизм культурно-языкового развития определенной эпохи. Для характеристики языковой ситуации оказываются важными еще два момента: идеология как комплекс идей, формировавших культурную ситуацию исторического периода, и языковая рефлексия, т.е. оценка носителями языка современного языкового состояния [подробнее см.: Чапаева 2014а].

Русская лингвистическая наука 30–х гг. XIX в. не располагает значительным количеством серьезных и фундаментальных работ, где бы оценивалась (пусть и в другой терминологии) языковая ситуация (исследования Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского и др. появляются позднее), современное состояние русского языка бегло характеризуется преимущественно в учебных грамматиках и практических руководствах. Тем не менее, в русском языкознании этого времени растет стремление определить и философски осмыслить национальное своеобразие русской грамматической системы, осознается задача определения основных исторических закономерностей развития русского языка, связей современного состояния языка с его историей, установления соотношения различных форм русской речи, говоря современным языком, описания языковой ситуации.

Наиболее авторитетным автором грамматик был в это время Н. И. Греч, опубликовавший в 1827 г. «Пространную русскую грамматику», а также два ее сокращенных варианта: «Практическая русская грамматика» и «Начальные правила русской грамматики». Грамматика Н. И. Греча пользовалась признанием и популярностью, выдержав несколько переизданий и послужив основой для других учебных грамматик и практикумов. Лингвистические взгляды Н. И. Греча отражены также в его книге 1840 года «Чтения о русском языке» и практически без изменений повторно изложены в объемной статье «Заметки о преподавании русского языка и словесности», опубликованной в «Морском сборнике» в 1856 году.

В 1831 году вышла «Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях» А. Х. Востокова и следом его же «Русская грамматика по начертанию сокращенной грамматики полнее изложенная», которые были написаны для училищ. Несмотря на то, что В. Г. Белинский считал грамматику Востокова «лучшей из всех русских грамматик» (Белинский т.VIII, 255), в ней также нет развернутых теоретических положений. Можно лишь отметить, что А. Х. Востоков различает в составе русского языка «важную или благородную речь», т.е. «книжный» язык; «простонародную», «иначе называемую просторечием» и выделяет «обыкновенную речь или язык разговорный», но соотношение этих форм существования языка не разъясняется [см.: Востоков 1831: 4]. Недостатком грамматик Н. И. Греча и А. Х. Востокова считалось то, что они «составлены по методе грамматик для чужих языков» [Буслаев 1992: 51]. Объектом грамматического описания в нормативных грамматиках Н. И. Греча и А. Х. Востокова был «правильный» язык «образцовых» авторов. [Анализ грамматик Греча, Востокова, Давыдова, Аксакова с точки зрения их объема, предмета и принципов описания см.: Соловьева 2005].

Среди учебных пособий 30-х гг. можно назвать «Русскую грамматику для русских» В. Половцева, вышедшую в Санкт-Петербурге (1839 г.). По сравнению с «Начальными правилами» Н. И. Греча в ней новым является лишь

форма подачи материала: от конкретных примеров к правилам, т.е. она является комментарием к употреблению тех или иных форм. Ф. И. Буслаев отметил, что «Половцев частью применил преподавание русского языка к требованиям русского учеников (в обоих случаях выделено автором. – Л. Ч.), но и он не достиг своей цели, предпослав этимологию синтаксису и не связав синтаксическим разбором всех частей речи в одно целое» [Буслаев 1992: 52]. Уже в начале 40-х гг. «русские грамматики переизданы Греча, Востокова и Половцева», как говорится в обзоре книг за 1838-1840 гг. «Журнала Министерства народного просвещения» (ЖМНП: 222), кроме того «вновь появились грамматики Гуслистого, Лихонина и неизвестного» [там же].

Практические руководства по различным разделам языка в это время составляются преимущественно учителями гимназий и, не претендуя на высокий теоретический уровень, часто оказываются неудовлетворительными и в рекомендуемых правилах. Ф. И. Буслаев в рецензии на «Практическую орфографию» П. Перевлесского (1842 г.), старшего учителя ярославской гимназии и его же «Практический синтаксис сложного предложения и стихосложение» (1842 г.) замечает, что орфографические правила автора резко противоречат общему употреблению, особенно в рекомендациях писать *ещо, счот, возпитание* [см.: Буслаев 1842: 186–187].

В определенной степени языковая ситуация 30–40-х гг. характеризуется в работах Н. И. Греча. В концепции Н. И. Греча выстраивается корреляция *письменный ~ неписьменный, устный* как синонимичную оппозиции *книжный ~ общенародный*. В область общенародного языка не включается собственно язык народный, «площадной» или «подлый» [подробнее см.: Чапаева 2014б].

Русская языковая ситуация 30–40-х гг. XIX в., представленная в лингвистической концепции Н. И. Греча, несмотря на размытость некоторых понятий, отражает социальный характер взаимодействия разных языковых существования. Литературный язык реализуется как «искусственный книжный» и представляет собой «высшую степень прозы» [Греч 1840, I: 39]. Книжный язык противопоставлен «естественному народному» и «изустному», т.е. разговорному языку образованного социума. Разговорный образованный язык соотносится с народным (простонародным) только устной формой проявления, их функции различны, так как они обслуживают различные социумы. Разговорный язык элиты, не резко противопоставленный книжному, оценивается как устная форма общенародного, общенационального языка. Книжный, являющийся письменной формой общенационального языка, подразделяется на несколько стилей: научный, поэтический, богослужебный, деловой, дипломатический и проч.

В 40-х гг. XIX в. русская лингвистическая наука начинает стремительно развиваться. Широкий резонанс получила работа Г. П. Павского «Филологические наблюдения над составом русского языка» (1841г.), в которой описаны некоторые нормы употребления с рекомендациями, исходящими из общей пуристической установки автора. В «Москвитянине» эта работа названа «первым ученым, глубоким исследованием русского языка» [Давыдов 1843: 522]. В. В. Виноградов отметил, что «система форм русского словопроизводства» до этого «не воспроизводилась с такой полнотой»; в исследовании «блестящие образцы историко-морфологического» анализа языка; «особенно оригинально и глубоко» разработана система глагола [см.: Виноградов 1978, 298]. Теоретического описания языка в книге не предложено, но из изложения практического материала становится очевидным, что автор рассматривает русский язык во всем его объеме, предлагая примеры слов и форм как из церковнославянского языка, так и из «простого русского». В частности, объясняя соотношение написания и произношения флексий прилагательных в И. п. ед.ч. муж. рода, Г. П. Павский замечает, что написание –ый (добрый, честный) из «церковнославянского наречия», а произношение –ой («читаем доброй, честной») – из «простого русского» [Павский 1841, I: 130]. «Общежительный язык» противопоставлен «важной речи» [Павский 1841, II: 44], под которыми явно подразумеваются разговорный язык и книжный высокий стиль.

Из грамматических руководств этого времени можно назвать также публикацию А. Е. Студитского «Лексикология русского языка: Критические исследования» (1845 г), где содержатся общие и частные замечания о языке, логических основаниях грамматики, правописании отдельных приставок, а история образования некоторых форм не выдерживает критики; «Начертание русского синтаксиса» П. М. Перевлесского, предлагающее толкование состава простого предложения, основных членов предложения, а также разбор некоторых фигур «синтаксиса украшенного» [Перевлесский, 1847: XIX], присутствующих в языке писателей и отступающих от правил образования русской речи, т.е. художественного стиля. В качестве иллюстративных примеров используются тексты Пушкина, Гоголя и некоторых других современных авторов. В 1848-1850 гг. в Киеве выходит лекционный курс Н. Костыря «Предмет, метод и цель филологического изучения языка», в котором определены основные разновидности русского языка и их соотношение. Противопоставляя «литературный древний и новый» русский язык «народному», Н. Костырь под вторым подразумевает «живой неписьменный язык народа» [Костырь 1848: 13], а в составе литературного языка выделяет «*письменный и разговорный язык образованного общества*» [там же: 5], т.е. две формы «правильного», образованного языка. В свою очередь письменный язык подразделяется на *старый и новый*, «церковнославянский и гражданский» или литературный язык со времени Ломоносова [там же], в литературном – два периода его развития – «язык карамзинский и язык современный».

Итоги грамматического изучения русского языка от М. В. Ломоносова до середины XIX в. отчасти были подведены в вышедшем в 1852 г. «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» И. И. Давыдова. Поскольку исследование представляет собой теоретическое, а не нормативное описание грамматики, объем русского языка представлен шире, чем в грамматиках Н. Греча и А. Востокова. Эта книга считалась лучшим

достижением русской грамматической науки своего времени: в ней нашли отражение наблюдения и выводы А. Х. Востокова, Г. П. Павского, Ф. И. Буслаева и др.

На 40-е гг. приходится начало научной деятельности Ф. И. Буслаева и И. И. Срезневского. В 1844 г. (переизд. 1992 г.) выходит большая методическая работа Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», состоящая из двух частей: «Педагогические начала», в которых предложена научно обоснованная методическая система, и «Материалы по русской грамматике и стилистике», посвященные исторической грамматике, стилистике и лексикологии. Это первая попытка научно-исторического описания некоторых фактов и явлений русского языка. В разделе стилистики и лексикологии Ф. И. Буслаев рассматривает понятия *литературный язык*, *народный язык*, *архаизмы*, *провинциализмы*, *варваризмы* (заимствования). Несомненным достоинством «Материалов по русской грамматике и стилистике» признается провозглашенная автором важность и необходимость изучения народного языка в его говорах. Кроме того, Ф. И. Буслаева можно считать одним из первых этнолингвистов, начавших новую лингвистическую парадигму, главным принципом которой стал антропоцентризм: ученый пытается связать языковые факты с культурными и мифологическими представлениями русского народа, выявить картину мира как мировидения русского человека.

В истории лингвистических учений Ф. И. Буслаева относят к числу западников, хотя сам он не причислял себя ни к тем, ни к другим, по-человечески больше симпатизируя славянофилам. На наш взгляд, его лингвистическая концепция во многом совпадает с установками славянофилов. Он сотрудничает с журналом «Москвитянин» не только в 1845 г., когда его редактором становится И. В. Киреевский, но и ранее. В отношении к историческому прошлому в русской культуре и языке Буслаев вполне согласен со славянофилами: «Все прошедшее в языке и литературе никогда не умирает для настоящего, а как необходимый элемент входит живительную силу, чудотворно претворяется в современное и остается залогом усовершенствованию для будущего» [Буслаев 1992: 94]. Общность позиций славянофилов и Ф. И. Буслаева (а позднее и И. И. Срезневского) определяется, вероятно, тем, что сравнительно-исторический метод, утверждавшийся в это время, предполагал как раз реконструкцию прошлого состояния русского языка и ретроспекцию этого *идеального* прошлого состояния в настоящее. Идея о неразрывной связи прошлого и настоящего легла в основу историко-лингвистических исследований эпохи 30-50-х гг. Историко-лингвистические идеи Буслаева, заявленные в 1844 г., были реализованы в «Опыте исторической грамматики русского языка» (1858 г.; переизд. 1959 г.).

Ф. И. Буслаев отводит особую роль народному языку в составе общенационального русского языка: «Н а р д н ы й я з ы к (выделено автором. – Л. Ч.) принимаю я в противоположность теперешней речи письменной и употребляющейся в кругу людей более или менее образованных», «он относится к языку образованному точно так же, как самородная литература к образованной науками и влиянием чужеземным» [Буслаев 1992: 282]. В этом противопоставлении отражается не столько оппозиция *письменный* ~ *устный*, или *письменный* ~ *разговорный*, сколько оппозиция *искусственный* ~ *естественный*, подвергшийся чуждому влиянию и *исконный*, *родной*: «лингвист <...> видит во всяком языке, как в живом организме, не искусственное изобретение, а естественное выражение дара слова» [Буслаев 1959: 571]. Подчеркивая несводимость народного языка к письменному и тесную связь народного языка с историей народа, Ф. И. Буслаев обосновывает необходимость его изучения для обогащения русского литературного языка и прослеживает связь и преемственность некоторых оборотов народной речи, засвидетельствованных им в древних памятниках, устном народном творчестве и современной литературе. «Точность и простота» народной речи определяет ее более высокий статус по сравнению с искусственной речью современной литературы, а «Крылов, Грибоедов, Пушкин окончательно узаконили необходимость ввести народный язык в письменный» [там же: 300]. В «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаев книжный язык противопоставляет разговорному, живому, «не возделанному искусством» [Буслаев 1959: 564], т.е. остающемуся за рамками языка художественной литературы, народному в «его видоизменениях исторических и местных» [там же: 566].

Противопоставляя письменный литературный язык и народный на всем его историческом пути, Ф. И. Буслаев, в отличие от Н. И. Греча, считает обращение к живой народной речи залогом будущего развития и усовершенствования литературного языка, что обеспечит его общенациональный характер. Современный «обиходный письменный язык, которым пишут и встречный и поперечный, исполнен такими ошибками и варваризмами, так бесцветен и вял, что невольно берет грусть, как подумаешь, что и дети наши, учась грамматике по чтению, испорченному таким слогом, будут также искажать русскую речь», – писал Ф. И. Буслаев еще в 1842 году [Буслаев 1842: 185]. Расценивая современное состояние литературного языка как «неустроенное», ученый объясняет это неудовлетворительным состоянием современной филологической науки и литературы, методики преподавания родного языка: «Наша грамматика и в половину не дошла до той степени совершенства, на какой стоят немецкая и французская; истории русского языка вовсе еще нет; попытки сравнительного изучения русского языка с родственными и соплеменными еще не доросли до науки; литература наша, столь богатая для языка и слога, весьма однообразна и скудна родами и видами поэтических и прозаических сочинений; стилистики нет; риторика и пиитика ожидают делателей» [Буслаев 1992: 41].

Ставя перед собой методические задачи, Ф. И. Буслаев в работе «О преподавании отечественного языка» предлагает образцы практического анализа древних и современных текстов, прослеживая их языковое родство в грамматике и стилистике. Исследователь расширяет границы народного языка как высшей формы его национального существования, включая в его состав архаизмы и относя к ним «все старинные выражения, соответствующие древней

русской жизни», а также «церковнославянские формы» [там же: 271]; варваризмы – заимствования из других языков, усвоенные за всю долгую историю существования русского языка; «разветвлениями» народного языка являются провинциализмы, т.е. лексические и грамматические явления областных наречий, которые частично используются в «теперешнем слоге» [там же: 354]. И если к варваризмам различного происхождения (особенно «переводным и неологизмам») следует относиться с осторожностью и бережностью к собственному языку, то «отвращение от провинциализмов есть старинный риторический предрассудок», поскольку «изучение провинциализмов сближает и дружит нас с нашими соотечественниками всех концов России» [там же: 356].

Современный литературный язык в грамматике Буслаева занимает центральное место в языковом дискурсе, а на периферии оказываются областные говоры, областная речь, которая «именуется просторечием или языком народным (а также простонародным) в отличие от языка книжного, литературного, искусственного или образованного» [Буслаев 1959: 25].

Столь же замечательным научным фактом по своему влиянию на развитие русской филологической науки стали исследования профессора Петербургского университета И. И. Срезневского, особенно его лекция «Мысли об истории русского языка», прочитанная 8 февраля 1849 г. на годовичном торжественном собрании университета и затем опубликованная отдельной брошюрой трижды в течение двух лет (с дополнениями и комментариями опубликована в 1959 г.), в которой история русского языка предстает как параллельная история двух языковых стихий – языка простонародного и языка книжного, литературного. Срезневский историю русской языковой ситуации строит на противопоставленности законов развития того и другого языка и описывает ее как их динамическое взаимодействие на разных исторических этапах.

Еще в заметке о составе Словаря церковнославянского и русского языка, впервые опубликованной в 1848 г., И. И. Срезневский выделил следующие языковые разновидности: «старый русский язык» (древнерусский); «язык церковных книг» (церковнославянский); «слова областные и вообще простонародные» (здесь явно не противопоставлены диалекты и общенародное просторечие); «язык литературный» [Срезневский 1986: 57]. Язык народа, названный простонародным, по объективным внутренним причинам своего существования противопоставлен книжному как динамичная и статичная системы, так как живой народный язык находится в постоянном изменении, а книжный стремится закрепить собственные нормы и правила употребления «в неподвижности». И. И. Срезневский в иерархии разновидностей родного языка на первое место также ставит народный язык, который определяет формирование книжного языка и его изменения, «этого одного уже довольно, чтобы заставить нас обратить главное внимание наше на язык народный» [Срезневский 1959: 119]. Единство национального языка обеспечивается соотносительностью его устной и письменной форм: при все увеличивающемся отрыве книжного и народного языков «должен наконец родиться в народе вопрос: как же могу я говорить одним языком, писать другим? говорить языком все переменяющимся, писать языком не переменяющимся?» [там же: 118].

Их современное соотношение характеризуется как «период возвратного сближения» [Срезневский 1959: 67]. Это сближение должно осуществляться на основе того общего, что характеризует общенародный язык вне социальных и территориальных границ его существования. Общенародный, «общий русский язык», преодолевая дробление на местные наречия и говоры как реализацию общей тенденции «обобщить язык», «все более упрочивает свое единовластие повсюду» [там же: 64], он и должен стать источником обогащения книжного языка. Именно в народном языке сильно стремление к изменениям, отвечающим современным нуждам языка: «разрушай старое, строй новое» [Срезневский 1959: 129] – таков закон жизни и языка, поэтому необходимая новизна в книжном языке оказывается напрямую связанной с влиянием народного языка. В частности, рассуждая о возможности использования народных явлений в книжном языке, особенно там, где книжный язык недостаточно развит и богат, И. И. Срезневский предлагает ввести в литературный язык формы *ихный* и *нешнь* [там же: 69].

Таким образом, языковая ситуация, ее компоненты и их характеристика в русских филологических исследованиях начинает получать более или менее адекватное отражение лишь к концу 40-х годов XIX в. В работах Ф. И. Буслаева и И. И. Срезневского актуализируется тот социолингвистический аспект, который важен для определения особенностей языковой ситуации: соотношение, иерархия различных подсистем общенационального языка и языковая рефлексия по этому поводу как носителей языка, так и лингвистов.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский В. Г. (Рец.) Русская грамматика Александра Востокова // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. / Под ред. Н. Ф. Бельчикова и др. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953–1959. Т. 8. С. 255.
- Буслаев Ф. И. (Рец.) Практическая орфография П. Перевлесского // Москвитянин, 1842. Ч. V. №9.
- Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Наука, 1959.
- Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. М.: Просвещение, 1992.
- Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
- Востоков А. Х. Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831.
- Греч Н. И. Чтения о русском языке. Ч. 1–2. СПб., 1840.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. 1841. Ч. 32. №10–12. Отд. V.
- Костыр Н. Предмет, метод и цель филологического изучения языка: В 2 т. Киев, 1848–1850.
- Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка: рассуждения 1–3. СПб., 1841–1842.

- Перевлеский П. М. Начертание русского синтаксиса. М., 1847.
- Соловьева И. В. Русский язык как предмет описания в отечественных грамматиках 20–50-х гг. XIX в.: дис... канд. филол. наук. М., МГУ, 2005.
- Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. М., 1959.
- Срезневский И. И. Русское слово. Избр. труды. М., 1986.
- Давыдов И. И. (рец. в соавторстве с Ф. И. Буслаевым). Филологические наблюдения протоирея Г. Павского над составом русского языка // Москвитянин. 1843. Ч. I. №2.
- Чапаева Л. Г. Культурно-языковая ситуация в России 1830–1840-х гг. в контексте споров славянофилов и западников. Saarbrücken, 2014. (а)
- Чапаева Л. Г. Языковая ситуация 30–40-х гг. XIX в. в работах Н. И. Греча // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Межд. конгресс иссл-лей рус.яз.: Труды и материалы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. (б)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

8 (2014)

Выпускающий редактор М. Б. Ворошилова

Компьютерная верстка А. Д. Петуховой

Макет подготовлен в редакционно-издательском отделе Уральского государственного педагогического университета. Адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26. Гарнитура Arial Narrow.